

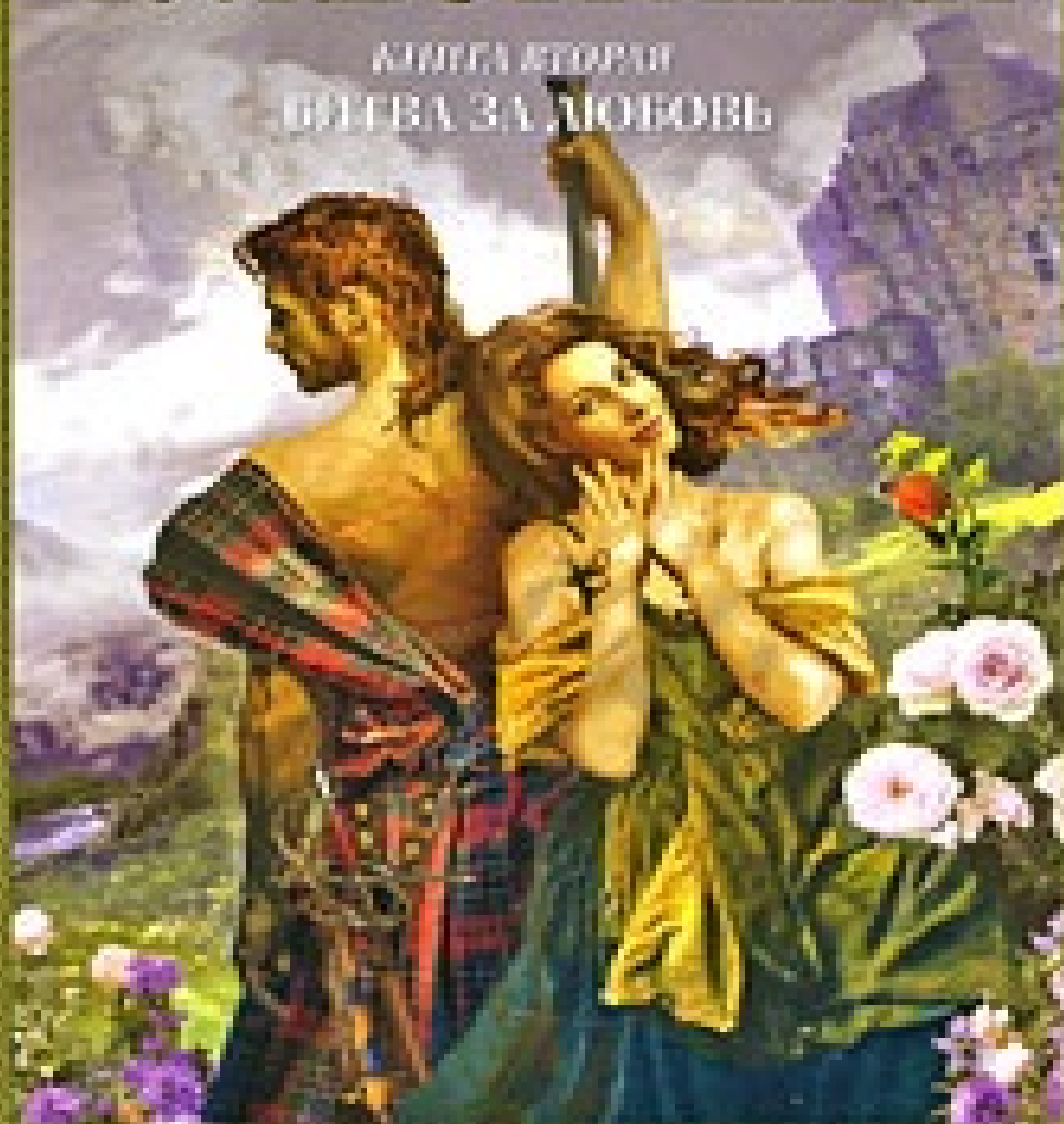
КНИГА НА ВСЕ ВРЕМЕНА

ДИАНА ГЭБЛДОН

ЧУЖЕСТРАНКА

АМЕРИКАНСКА

БИЧКА ЗА МОЛЮВЪ

Annotation

Это сага, которая завоевала сердца миллионов читателей во всем мире. Это сага о великой любви Клэр Рэндолл и Джейми Фрэзера — любви, которой не страшны пространство и время. Это сага о женщине, которая, оказавшись в совершенно непостижимой ситуации, нашла в себе силы и мужество противостоять обстоятельствам. Люди исчезают. Исчезают значительно чаще, чем вы думаете. Многих потом находят живыми или мертвыми. И обычно всему имеется объяснение. Обычно — но не всегда. 1945 год. Клэр Рэндолл, четыре года прослужившая медсестрой на фронте, возвращается к мирной жизни и воссоединяется со своим мужем Фрэнком. Они уезжают в Шотландию, чтобы отпраздновать свой второй медовый месяц и отыскать сведения о предках Фрэнка. Но одно мимолетное прикосновение к камню из древнего святилища — и Клэр необъяснимым образом переносится из XX века в 1743 год, в то время, когда Шотландию раздирала кровавая междоусобная война. То, что произойдет потом в этой варварской для человека из XX века стране, не только поставит под угрозу жизнь Клэр, но и разобьет ее сердце, ведь здесь, в Шотландии, она встретит мужчину своей мечты.

- [Диана Гэблдон](#)
 - [Часть четвертая ЗАПАХ СЕРЫ](#)
 - [Глава 24 ОБРЕТЕНИЯ И ПОТЕРИ](#)
 - [Глава 25 НЕ ОСТАВЛЯЙ ВЕДЬМУ В ЖИВЫХ](#)
 - [Часть пятая ЛАЛЛИБРОХ](#)
 - [Глава 26 ВОЗВРАЩЕНИЕ ЛЭРДА](#)
 - [Глава 27 ПОСЛЕДНИЙ ДОВОД](#)
 - [Глава 28 ПОЦЕЛУИ И ПОДШТАННИКИ](#)
 - [Глава 29 БОЛЬШЕ ЧЕСТНОСТИ](#)
 - [Глава 30 КВАРТАЛЬНЫЙ ДЕНЬ](#)
 - [Глава 31 ТЯЖЕЛАЯ РАБОТА](#)
 - [Глава 32 СТРАЖА](#)
 - [Часть шестая ПОИСКИ](#)
 - [Глава 33 РАССКАЗ ДУГАЛА](#)
 - [Часть седьмая УБЕЖИЩЕ](#)
 - [Глава 34 УЭНТУОРТСКАЯ ТЮРЬМА](#)
 - [Глава 35 МАКРАННОХ](#)

- [Глава 36 БЕГСТВО](#)
 - [Глава 37 АББАТСТВО](#)
 - [Глава 38 ИСКУПЛЕНИЕ ДУШИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ](#)
 - [Глава 39 ОТПУЩЕНИЕ](#)
 - [Глава 40 ИЗ НЕДР ЗЕМНЫХ](#)
 - [От автора](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
-

Диана Гэблдон

**Чужестранка. В 2 книгах. Книга 2. Битва
за любовь**

Часть четвертая ЗАПАХ СЕРЫ

Глава 24 ОБРЕТЕНИЯ И ПОТЕРИ

Суматоха по случаю нашего внезапного возвращения и объявления о нашей женитьбе улеглась почти мгновенно из-за события гораздо большей важности.

На следующий день после приезда мы сидели в Большом Холле за ужином и принимали тосты в нашу честь и поздравления.

Джейми с поклоном поблагодарил того, кто произнес последний тост, и сел на место под возникшие случайно, но все более шумные рукоплескания. Деревянная скамейка пошатнулась от тяжести; на секунду Джейми прикрыл глаза.

— Многовато для тебя? — шепнула ему я.

Он принял на себя весь ураган тостов, прикладываясь к каждой чаре, осушаемой за наше благополучие, я же ограничивалась тем, что слегка пригубливала вино и отвечала сияющей улыбкой на непонятные для меня тосты по-гэльски.

Джейми открыл глаза и взглянул на меня, улыбаясь.

— Ты думаешь, я пьян? Нет, ничего подобного, я могу пить хоть целый вечер.

— Ты так и делаешь, — ответила я, поглядев на множество пустых винных бутылок и каменных кувшинов из-под эля, выстроившихся перед нами в ряд на столе. — Уже очень поздно.

Свечи на столе у Колама догорели почти до самых подсвечников, оплывший воск отливал золотом, на лицах братьев Макензи тени мешались с пятнами света, когда они наклонялись друг к другу, о чем-то негромко переговариваясь. Их лица удачно вписывались в цепочку вырезанных на камне вокруг огромного камина гномических физиономий, и мне подумалось, что многие из этих карикатурных изображений копировали высокомерные черты прежних лэрдов Макензи — быть может, резчик наделен был чувством юмора... или прочными семейными связями.

Джейми выпрямился на скамейке и поморщился:

— С другой стороны, у меня мочевого пузыря вот-вот лопнет. Я скоро вернусь.

Опершись обеими руками на скамейку, он ловко перескочил через нее и вышел из зала через арку в нижнем конце.

Я повернулась к своей соседке с другой стороны, Джейлис Дункан,

которая потихоньку потягивала эль из серебряной кружки. Ее муж Артур сидел за соседним столом вместе с Коламом, как и положено столь значительному лицу, как помощник прокурора, но Джейлис настояла на том, что она сядет рядом со мной — нет, мол, у нее желания скучать целый вечер, слушая разговоры мужчин.

Под глубоко посаженными, да еще полузакрытыми глазами Артура набрякли от усталости и выпитого вина синие мешки. Он тяжело опирался на кисти рук, лицо дряблое; на разговор сидящих рядом Макензи он не обращал внимания. Свет четко обрисовывал твердые черты лэрда и его брата, но в этом же свете Артур Дункан выглядел особенно обрюзгшим и больным.

— Твой муж неважно выглядит, — заметила я. — Его желудочная болезнь усилилась?

Симптомы болезни бросались в глаза; на язву не похоже, на рак тоже — для этого слишком много плоти сохранялось на костях. Может, и в самом деле хронический гастрит, как утверждала Джейлис.

Она бросила мимолетный взгляд на своего супруга и тотчас повернулась ко мне, передернув плечами.

— Он чувствует себя терпимо, — сказала она. — Во всяком случае, не хуже. А как твой муж?

— В каком смысле? — предусмотрительно поинтересовалась я.

Джейлис фамильярно ткнула меня острым локтем под ребро, и тут я заметила, что перед ней на столе выстроилась тоже порядочная батарея бутылок.

— Ну, как он тебе? Такой же красавчик без одежды, как и в ней?

Я не сразу сообразила, что ответить, но Джейлис тем временем повернула голову по направлению к дверям.

— Делаешь вид, что тебе до него нет дела? — продолжала она, — До такого молодца? Половина девушек в замке готова выдрать тебе все волосы с корнем, я бы на твоём месте с осторожностью принималась за еду.

— За еду? — Я была сбита с толку и посмотрела на деревянное блюдо перед собой — на нем оставалось только пятно жира да лежала несчастная вареная луковица.

— Яд! — драматически прошипела она мне в ухо, обдав меня при этом парами бренди.

— Чепуха, — ответила я холодно и отодвинулась от нее. — Никто не захочет отравить меня только потому, что я... потому что... — Я несколько путалась в словах, и мне пришло в голову, что пригубливала я вино в больших количествах, чем мне самой представлялось.

— Нет, право, Джейли. Этот брак... Я его не намечала, ты же знаешь. Я его не хотела! Это просто... нечто вроде... необходимого делового соглашения, — сказала я, надеясь, что при свете свечей не видно, как я покраснела.

— Ха! — отозвалась она с циничной усмешкой. — Я знаю, как выглядит женщина, с которой спят по-настоящему. — Она взглянула в сторону арки, за которой исчез Джейми. — И черт меня побери, если у парня на шее укусы комара. — Она подняла серебристую бровь. — Но если это было деловое соглашение, я бы сказала, что ты хорошо вложила свои денежки. — Она снова наклонилась ко мне. — А это правда? — прошептала она. — Насчет больших пальцев?

— Больших пальцев? Джейли, во имя Господа, о чем ты болтаешь?

Она вскинула свой небольшой пряменький носик и посмотрела на меня, сдвинув брови и стараясь сосредоточиться. Красивые серые глаза слегка косили, и я опасалась, как бы Джейли не упала.

— Но ты же знаешь! Все это знают! Большие пальцы у мужчины такой же длины, как его член. Большие пальцы на ногах, конечно, тоже, но по ним судить труднее, они обычно в обуви и все такое. Ах ты хитрая лисичка. — Она кивнула в сторону арки, в которой как раз появился Джейми. — В таких ручищах он может удержать самую большую грудь. Или зад, верно? — добавила она, наградив меня еще одним тычком.

— Джейлис Дункан... сию минуту... заткнись! — прошипела я. — Кто-нибудь услышит, что ты несешь!

— Да ну, никто... — начала она, но тут же замолчала, широко открыв глаза.

Джейми прошел мимо нашего стола, словно и не заметив нас. Лицо у него было бледное, губы сжаты, словно ему предстояло выполнить какую-то неприятную обязанность.

— Что его беспокоит? — спросила Джейлис. — Выглядит, как Артур, когда поест сырой брюквы.

— Не знаю. — Я отодвинула от стола скамейку, но медлила вставать.

Джейми направился прямо к столу Колама. Надо ли мне следовать за ним? Явно что-то случилось.

Джейли, окинув взглядом Холл, неожиданно дернула меня за рукав, и показала на что-то там, откуда пришел Джейми.

Прямо под аркой стоял человек — в нерешительности, как и я. Одежда в грязи и пыли — значит, он был в пути. Посланец. Он, очевидно, передал Джейми свое сообщение, и теперь Джейми, наклонившись, начал что-то шептать Коламу.

Нет, не Коламу. Дугалу. Рыжеволосая голова склонилась между двумя темноволосыми, крупные красивые черты трех лиц поражали сверхъестественным сходством в свете догорающих свечей. Я глядела на них и все больше осознавала, что сходство это — не столько в наследственном подобии строения, сколько в общем сейчас для всех троих выражении глубокого горя.

Рука Джейли крепко вцепилась в мою.

— Плохие вести, — произнесла она — уже без необходимости.

— Двадцать четыре года, — негромко выговорила я. — Для брака долгое время.

— Да, долгое, — согласился Джейми. — Дольше, чем я прожил на свете.

Теплый ветер шелестел листвой деревьев над нашими головами, сдувал волосы у меня с плеч, и они щекотали лицо.

Джейми стоял, прислонившись к забору паддока, длинноногий; по-своему грациозный, с крепкими костями. Я как-то склонна была забывать, насколько он еще молод, — так он был уверен в себе и умел.

— Однако, — заговорил Джейми, бросив соломинку на истоптанную грязь паддока, — я сомневаюсь, что Дугал провел вместе с ней больше трех лет из всего этого срока. Ты же знаешь, что он в основном находился здесь, в замке, или разъезжал по землям клана, занимаясь делами Колама.

Жена Дугала Мора скончалась в их имении Беаннахе. Скоротечная лихорадка. Дугал на рассвете уехал туда вместе с Недом Гоуэном и посланным, который накануне вечером привез известие, — надо было уладить дела с похоронами и распорядиться собственностью Мора.

— Не слишком тесное супружество? — спросила я.

— Я полагаю, близкое, насколько это было возможно. — Джейми пожал плечами. — У них были дети, и она вела дом и все хозяйство. Не думаю, что ей его очень не хватало, но она всегда радовалась, когда он приезжал домой.

— Да, ведь ты некоторое время жил у них, так что знаешь.

Я замолчала и задумалась. Возможно, у Джейми именно такое представление о браке: жить отдельно, соединяясь лишь для того, чтобы зачинать детей. Но из того, что он рассказывал, ясно: брак его родителей был браком близких и любящих людей.

В очередной раз продемонстрировав свое сверхъестественное умение читать мои мысли, Джейми сказал:

— У моих родителей это было по-другому, как ты знаешь. Дугал вступил в брак по расчету, как и Колам, в основе лежали соображения

земельные и деловые, а не влечение друг к другу. А мои родители, они женились по любви, вопреки желаниям обеих семей, и мы оказались... не то чтобы изгоями в полном смысле слова, но сами по себе в Лаллиброхе. Мои родители навещали родственников нечасто, да и по делам выезжали из имения редко, и я думаю, их взаимная привязанность была сильнее, чем обычно в браке.

Он положил руку мне на спину и привлек меня поближе к себе. Наклонил голову и прижался губами к Моему уху.

— Между нами тоже было соглашение, — сказал он тихо. — Но все-таки я хотел бы надеяться... может, в один прекрасный день...

Он вдруг неловко отшатнулся от меня с кривой улыбкой и жестом отстранения.

Не желая поощрять его, я тоже улыбнулась по возможности равнодушно и повернулась лицом к паддоку. Джейми был близко от меня, он стоял, ухватившись руками за перекладину забора. Я тоже взялась за эту перекладину, чтобы удержаться и не взять за руку Джейми. Больше всего мне хотелось повернуться к нему, успокоить его, заверить прикосновением и словами, что между нами не просто деловое соглашение, а нечто гораздо большее. Но эта правда и остановила меня.

«То, что есть между нами», — говорил он. И еще: «Когда я лежу с тобой, когда ты прикасаешься ко мне...» Нет, это не так уж обычно. И это не только увлечение, как я думала вначале. То есть самое обычное дело.

Дело в том, что я была связана обетом и преданностью и законными узами с другим человеком. И любовью тоже.

Я не могла, не могла сказать Джейми, что я испытываю к нему. Поступить так, а потом исчезнуть, как я и должна, было бы верхом жестокости. И солгать ему я тоже не вправе.

— Клэр.

Я чувствовала, я знала, что он повернулся ко мне и смотрит на меня с высоты своего роста. Я ничего не сказала, просто подняла к нему лицо, когда он нагнулся поцеловать меня. В этом я тоже не могла ему лгать — и не солгала. В конце концов, туманно пронеслось у меня в голове, я же обещала ему честность.

Поцелуй наш был прерван громким «хмм!», раздавшимся из-за забора. Удивленный Джейми обернулся на звук, инстинктивно загородив меня собой. Но тут же заулыбался, увидев старика Алека Макмагона, который стоял в паддоке в своих клетчатых штанах и сардонически усмехался, глядя на нас своим единственным голубым глазом. В руке он держал устрашающего вида ножницы для кастрации и поднял их торчком, отдавая

издевательское приветствие.

— Я собирался с ними к Магомету, — объявил он, — но, может, они и здесьгодились бы. — Он щелкнул ножницами. — Тогда бы ты, паренек, думал о работе, а не о своем петушке.

— Ты даже и не шути на этот счет, — сказал Джейми. — Ты что, ждал меня? Я тебе нужен?

Алек поднял одну бровь, похожую на мохнатую гусеницу.

— Никоим образом, с чего это ты взял? Я предпочитаю кастрировать проклятого двухлетку сам, ради удовольствия. — Он засмеялся собственной шутке и махнул ножницами в сторону замка. — Удалитесь, милочка. Вы его получите назад к ужину — в целости и сохранности.

Сделав вид, что не доверяет последним словам старика, Джейми протянул длинную руку и аккуратно отобрал у Алека ножницы.

— Я буду чувствовать себя спокойнее, если они останутся у меня, — сказал он и подмигнул Алеку. — Иди, Саксоночка. Как только я переделаю за Алека всю его работу, я приду и найду тебя. — Он нагнулся поцеловать меня в щеку и шепнул: — В конюшне. В полдень.

Конюшни в замке Леох были выстроены куда лучше, чем многие из коттеджей, которые я повидала во время нашей поездки с Дугалом. Каменные полы и стены каменные, единственными отверстиями в них были узкие окна в одном конце конюшни и дверь в другом, а также узкие щели между стенами и толстой соломенной крышей, устроенные для удобства сов, прилетающих ловить мышей в сене. Воздуха было много, да и света достаточно для того, чтобы конюшня казалась приятно сумрачной, но не мрачной.

Вверху на сеновале, под самой крышей, было еще светлее, солнечные лучи желтыми полосами лежали на гудах сена, и в каждом столбе света золотым роем плясали пылинки. Воздух проникал сюда сквозь щели, нагретый солнцем, благоухающий левкоем, турецкой гвоздикой, чесноком с расположенного неподалеку огорода, а снизу доносился приятный запах лошадей.

Джейми задвигался под моей рукой и сел; голова его горячей свечкой засияла в солнечном столбе.

— Что там такое? — спросила я сонно, поворачивая голову в ту сторону, куда он смотрел.

— Маленький Хэмиш, — негромко ответил он, заглянув с сеновала вниз в конюшню. — Наверное, пришел за своим пони.

Я неуклюже подползла на животе поближе к нему, опустив подол юбки

во имя скромности, что было неразумно, поскольку снизу тому, кто смотрит вверх на сеновал, видна будет только моя голова.

Сын Колама Хэмиш медленно шел по проходу конюшни от стойла к стойлу. Он задерживался около некоторых стойл, но не обращал внимания на любопытствующие карие и гнедые головы, которые тянулись на него поглядеть. Он определенно что-то искал, но явно не своего откормленного шоколадного пони, мирно жующего солому в своем стойле у самых дверей конюшни.

— Боже милостивый, да ведь он направляется к Донасу! — воскликнул Джейми, поспешно нашаривая свой килт и оборачивая его вокруг бедер, прежде чем соскочить с сеновала. Он не воспользовался лестницей, а просто повис на руках с краю и потом спрыгнул на пол конюшни. Он удачно приземлился на посланную на камень солому, но глухой удар оказался достаточным для того, чтобы Хэмиш обернулся, ловя ртом воздух.

Маленькое веснушчатое лицо утратило испуганное выражение, когда мальчик увидел, кто перед ним, но голубые глаза оставались настороженными.

— Тебе нужна помощь, братишка? — доброжелательно спросил Джейми.

Он двинулся к стойлам и, опершись об одну из подпорок, остановился так, чтобы преградить Хэмишу путь к тому стойлу, к которому тот направлялся.

Хэмиш было запнулся, но тут же приободрился и выставил подбородок вперед.

— Я собираюсь ездить на Донасе, — заявил он как мог решительно, хотя голос у него прерывался.

Донас — это имя означало «дьявол» и дано было отнюдь не из лести — находился в особом стойле в конце конюшни и был ради безопасности соседних лошадей отделен от них пустым стойлом. На огромном и злом гнедом жеребце никто не ездил, и только Алек и Джейми осмеливались к нему подходить. Из затененного стойла донесся бешеный визг, над дверцей показалась большущая медно-рыжая голова, крупные желтые зубы клацнули в тщетной попытке укусить обнаженное плечо, заманчиво выставленное напоказ.

Джейми не сдвинулся с места, зная, что жеребцу до него не дотянуться. Хэмиш отскочил с тоненьким вскриком, он явно лишился дара речи при виде неожиданно возникшей перед ним чудовищной лоснящейся головы с выкаченными, налитыми кровью глазищами и раздутыми

ноздрями.

— Я так не думаю, — сказал Джейми мягко.

Он наклонился, взял своего маленького двоюродного брата за руку и отвел подальше от коня, который в знак протеста лягал стенки стойла. Хэмиш вздрагивал так же, как стенки стойла, когда в них с грохотом впечатывались смертельно опасные копыта.

Джейми повернул мальчика лицом к себе и смотрел на него сверху, уперев руки в бедра, обернутые килтом.

— Ну а теперь, — начал он твердо, — расскажи мне, в чем дело. Зачем тебе непременно понадобился Донас?

Челюсти Хэмиша были упрямо сжаты, но Джейми смотрел на него одновременно ободряюще и строго. Он легонько толкнул мальчугана и получил в ответ едва заметную улыбку.

— Ну, рыжик, начинай же, — ласково предложил Джейми. — Ты ведь знаешь, что я никому не расскажу. Ты сделал какую-нибудь глупость?

Светлая кожа мальчика слегка порозовела.

— Нет. Но только... нет. Ладно, может, и сделал небольшую.

После дополнительного ободрения история была рассказана, вначале неохотно, потом хлынула потоком, как на исповеди.

Накануне Хэмиш выехал на своем пони и катался вместе с другими ребятами. Несколько мальчиков постарше затеяли соревнование — чья лошадь перепрыгнет через более высокое препятствие. Хэмиш ревниво восхищался ими, в результате бравада в нем одержала верх над рассудительностью, и он попытался на своем маленьком толстеньком пони преодолеть каменную ограду. Не обладая соответствующими возможностями и не имея к этому ровно никакого интереса, пони как вкопанный остановился перед забором и предательски сбросил с себя Хэмиша через голову за ограду, прямо в заросли крапивы. Рассердившись и на крапиву, и на пренебрежительные выкрики приятелей, Хэмиш решил, что сегодня он выедет на «настоящей лошади», как он выразился.

— Они не будут смеяться, если я приеду верхом на Донасе, — заявил мальчик, рисовавший в своем воображении эту приятную картину.

— Нет, смеяться они не станут, — согласился Джейми. — Будут слишком для этого заняты, подбирая то, что от тебя останется. — Он посмотрел на двоюродного брата и медленно покачал головой. — Вот что я тебе скажу, парень. Чтобы стать хорошим наездником, нужны смелость и разум. Смелости у тебя достаточно, а вот разума пока что явно не хватает.

В виде утешения он обнял Хэмиша за плечи и повел его на другой конец конюшни.

— Идем, дружище. Поможешь мне сгрести вилами сено, а я тебя познакомлю с Кобхаром. Ты прав, тебе нужна лошадь получше, но нет никакой нужды убивать себя, чтобы доказать это.

Проходя мимо сеновала, Джейми поднял брови и беспомощно пожал плечами. Я улыбнулась ему и махнула рукой: идите, все в порядке. Я видела, как Джейми взял одно яблоко из корзины с паданцами, что стояла возле двери. Прихватив также вилы из угла, он повел Хэмиша назад, к одному из центральных стойл.

— Вот здесь, братишка, — сказал он.

Тихонько свистнул сквозь зубы, и широколобая гнедая лошадь высунула голову, мягко выдохнув воздух через ноздри. Темные глаза были большие и добрые, а слегка торчащие вперед уши придавали конской морде выражение дружественной настороженности.

— Ну что, Кобхар, как ты тут? — Джейми крепко потрепал лоснящуюся шею и почесал настороженные уши коня. — Подойди, — позвал Джейми племянника. — Сюда, ко мне. Поближе, чтобы он мог обнюхать тебя. Лошади это любят.

— Я знаю, — заносчиво сказал Хэмиш.

Он с трудом мог дотянуться до носа коня, но дотянулся и похлопал его по щеке. И остался на месте, когда большая голова опустилась и конь обнюхал с любопытством ухо мальчика, раздув ему волосы.

— Дай мне яблоко, — сказал Хэмиш Джейми, и тот дал ему паданец.

Мягкие бархатистые губы осторожно взяли плод с ладони Хэмиша и передвинули его на крупные коренные зубы; сочный хруст — и яблоко исчезло. Джейми наблюдал за этим одобрительно.

— Ты хорошо начал, — сказал он. — Продолжай в том же духе, подружись с ним, я пока что задам корм другим, а потом ты выведешь его и проедешься.

— Сам? — нетерпеливо спросил Хэмиш. Кобхар — его имя означало «пена» — был добронравный, но сильный и горячий мерин четырнадцати вершков в холке, шоколадному пони до него далеко.

— Два круга по паддоку под моим наблюдением, и если ты не свалишься и не будешь дергать удила, можешь ездить сам. Но никаких прыжков, пока я не разрешу.

Длинная спина согнулась, белея в теплом сумраке конюшни, когда Джейми подхватил на вилы сено из груды, сваленной в углу, и понес его к одному из стойл.

Потом он выпрямился и улыбнулся двоюродному брату:

— Принеси-ка и мне яблоко, ладно?

Он прислонил вилы к стойлу и впился зубами в протянутое Хэмишем яблоко. Вдвоем с Хэмишем они стояли и жевали, опершись спинами о стену конюшни. Доев, Джейми отдал сердцевину яблока высунувшему нос гнедому и снова взялся за вилы. Хэмиш двинулся за ним по проходу, медленно жуя.

— Я слышал, что мой отец хорошо ездил верхом, — заговорил Хэмиш после недолгого молчания. — До того... ну, до того, как больше не смог этого делать.

Джейми ласково взглянул на брата, но ответил ему уже после того, как задал сена гнедому. И отозвался скорее на мысль, чем на слова:

— Я не видел его верхом, паренек, но скажу тебе так; я надеюсь, что мне никогда не понадобится столько смелости, сколько есть у твоего отца.

Я видела, как глаза Хэмиша с любопытством остановились на покрытой рубцами спине Джейми, но не сказал он ни слова. Съев второе яблоко, он переключился на другую тему.

— Руперт говорил, что ты должен был жениться, — заявил он.

— Я хотел жениться, — твердо сказал Джейми, отставляя вилы к стене.

— О, ну... хорошо. — Хэмиш произнес это не совсем уверенно, вроде бы смущенный таким ответом. — Я просто подумал, может, тебе неприятно...

— Что именно мне неприятно? — Джейми, как видно, сообразив, что разговор затянется, уселся на кипу сена.

На кипе взобрался и Хэмиш. Ноги его не доставали до пола, он мог бы их подобрать. Вместо этого он принялся постукивать каблуками о плотно увязанное сено.

— Неприятно быть женатым, — объяснил он. — Каждую ночь ложиться в одну постель с леди.

— Нет, — сказал Джейми. — На самом деле это очень приятно.

Но Хэмиш явно в этом сомневался.

— Не думаю, чтобы мне это понравилось. Все девочки, которых я знаю, тощие, как палки, и пахнут ячменной водой. Леди Клэр — твоя леди, я имею в виду, — поспешно добавил он, чтобы избежать недоразумения, — ну, она выглядит так, что вроде с ней спать приятнее. Я имею в виду, что она мягкая.

Джейми кивнул.

— Да, это правда. И пахнет она хорошо.

Даже при слабом свете мне было видно, как в уголке рта у него подрагивает мускул, и была уверена, что у него не хватит смелости

посмотреть в сторону сеновала.

Наступило продолжительное молчание.

— А как ты узнал? — спросил Хэмиш.

— Узнал что?

— Что это та самая леди, на которой тебе нужно жениться, — нетерпеливо пояснил мальчик.

— Ах это! — Джейми откинулся назад и оперся спиной о стену, закинув руки за голову. — Видишь ли, я когда-то спросил об этом моего отца. Он мне ответил: ты ее сразу узнаешь. А если не узнаешь, значит, это не та девушка.

— Мм-ф-м...

Судя по выражению маленького веснушчатого личика, такое объяснение показалось Хэмишу менее чем удовлетворительным. Хэмиш, откровенно подражая Джейми, тоже откинулся к стене. Йоги в чулках торчали над краем кипы. Он был еще мал, но его крепкое сложение обещало, что со временем он станет похожим на своего старшего двоюродного брата. Посадка квадратных плеч и лепка крупного, но изящного черепа были почти одинаковы у обоих.

— А где же твои башмаки? — спросил Джейми. — Опять оставил на лугу? Мать надерет тебе уши, если ты их потеряешь.

Хэмиш только передернул плечами в ответ на эту угрозу. Ясно было, что его сейчас занимает нечто куда более важное.

— Джон... — начал он, в задумчивости сдвинув светлые брови, — Джон говорит...

— Джон-конюх, Джон-поваренок или Джон Камерон? — перебил его Джейми.

— Конюх. — Хэмиш махнул рукой, отстраняя от себя досадную помеху. — Он говорил насчет того, как женятся...

— Ну? — подбодрил его Джейми, тактично отвернувшись. Он поднял глаза вверх, и наши взгляды встретились, так как я в это время выглянула. Я улыбнулась ему, и он был вынужден прикусить губу, чтобы не ответить мне улыбкой.

Хэмиш набрал в грудь побольше воздуха и затараторил, скорее даже застрекотал, как сорока:

— Он-сказал-вы-должны-обращаться-с-девуш-кой-как-жеребец-обращается-с-кобылой-а-я-ему-не-поверил-но-это-правда-или-нет?

Я крепко прикусила палец, чтобы не расхохотаться. Не столь удачно расположенный в пространстве Джейми вцепился пальцами себе в ляжку и побагровел не хуже Хэмиша. Они были похожи на два помидора,

уложенных рядышком на кипу сена на деревенской выставке овощей.

— Э-э, да... в каком-то смысле... — заговорил Джейми задушенным голосом, но тут же взял себя в руки и произнес уже твердо: — Да, это так.

Хэмиш почти с ужасом заглянул в ближайшее стойло: у отдохавшего там жеребчика на добрый фут вылез наружу его производительный орган. Потом он обратил полный недоверия взор на свои колени, а я поспешно засунула в рот платок как можно глубже.

— Но есть и некоторая разница, понимаешь ли, — продолжал Джейми, с лица которого уже сбежала краска, хотя губы еще подозрительно подергивались. — Во-первых, это...более нежно.

— И не надо кусать их за шею? — У Хэмиша было серьезное и напряженное выражение лица, как у человека, который делает важные заметки. — Чтобы они вели себя смирно?

— Э-э... нет. Во всяком случае, это не в обычае. Есть и еще одно важное различие, — продолжал Джейми, из осторожности избегая смотреть вверх. — Можно делать это лицом к лицу, а не сзади. Как предпочитает леди.

— Леди? — Сомнения не покидали Хэмиша. — Я предпочел бы делать сзади. Не думаю, что мне бы понравилось, чтобы кто-то смотрел мне в лицо, когда я этим занимаюсь. А что, — поинтересовался он, — очень трудно удержаться от смеха?

Собираясь в тот вечер лечь в постель, я все еще думала о Джейми и Хэмише. Улыбаясь про себя, я откинула толстое одеяло. Из окна тянуло холодом, и мне хотелось поскорее влезть под одеяло и устроиться поближе к теплему Джейми. Нечувствительный к холоду, он словно бы заключал внутри себя маленькую печку, и кожа у него всегда была теплая, иногда почти горячая, и казалось, он загорается сильнее от моих холодных прикосновений.

Я по-прежнему оставалась незнакомкой и чужестранкой, но уже не была гостьей в замке. Замужние женщины держались по отношению ко мне дружелюбнее, потому что я стала одной из них, зато девушки ко мне не благоволили, поскольку я изъела из обращения вполне подходящего молодого холостяка. Обратив внимание на количество холодных взглядов и замечаний за спиной, я просто диву далась, сколь многие из девушек в замке нашли дорожку в уединенный альков с Джейми Мактевишем за время его краткого проживания здесь.

Правда, больше не Мактевишем. Большинство обитателей замка всегда знали, кто он на самом деле, а я, независимо от того, являюсь ли

английской шпионкой, теперь уже тоже знала это в силу необходимости. Он официально стал Фрэзером — и я тоже приняла это имя. Ко мне обращались как к мистрисс Фрэзер в комнате над кухнями, где замужние женщины занимались шитьем и баюкали своих ребятишек, обмениваясь материнским опытом и поглядывая на мою талию с откровенным интересом.

Поскольку у меня раньше были трудности с зачатием, я, давая согласие на брак с Джейми, как-то не подумала о возможной беременности, но теперь испытывала некоторые опасения, пока месячные не пришли в свой срок. В прежнее время я очень огорчалась по этому поводу, но на этот раз почувствовала немалое облегчение. Моя теперешняя жизнь и без того была весьма сложной, не хватало еще и ребенка! Мне казалось, что Джейми воспринял это с некоторым сожалением, хоть и заявил об обратном. Отцовство было роскошью, которую человек в его положении вряд ли мог себе позволить.

Дверь отворилась и он вошел, вытирая голову льняным полотенцем, капли воды оставили темные следы на его рубашке.

— Где ты был? — удивилась я.

По сравнению с деревенскими домами и фермами замок Леох казался роскошным обиталищем, однако удобствами для мытья похвалиться не мог, если не считать медной лохани, которую Колам использовал в качестве ванны для больных ног, да еще одной, побольше, предназначенной для нескольких избранных дам. Все прочие мылись, так сказать, по частям, пользуясь тазиком и кувшином, либо купались в озере. Можно было воспользоваться и особым помещением за огородами. Пол там был каменный, и молодые женщины, раздевшись донага, поливали друг дружку из ведра.

— На озере, — ответил Джейми, аккуратно повесив влажное полотенце над подоконником. — Кто-то, — с мрачным ударением на этом слове произнес он, — оставил открытой дверь стойла и дверь конюшни тоже, а Кобхар решил немножечко поплавать в сумерках.

— Так вот почему ты не пришел ужинать! Но ведь лошади, кажется, не любят плавать? — спросила я.

Он помотал головой и запустил пальцы в волосы, расправляя их, чтобы поскорее высохли.

— Не любят. Но они, понимаешь ли, как и люди, все разные. Кобхар, например, большой любитель молодых водорослей. Он спустился к самой воде и пощипывал себе их, но тут из деревни набежала целая свора собак и загнала его в озеро. Пришлось прогонять псов, а потом лезть за конем в

воду. Ну, попадись теперь Хэмиш мне в руки, — пригрозил он, — я ему покажу, как оставлять ворота нараспашку.

— Ты собираешься рассказать об этом Коламу? — спросила я, испытывая сочувствие к преступнику.

Джейми отрицательно покачал головой и начал рыться в спорране. Вытащил булочку и кусок сыра — явно стянул их на кухне по дороге сюда.

— Нет, — сказал он, — Колам очень строг с пареньком. Если бы он узнал о том, что Хэмиш проявил такую беспечность, он бы на целый месяц запретил ему ездить верхом, да Хэмиш и не смог бы ездить после той трепки, которую получил бы. Господи, я просто умираю с голоду!

Он яростно впился зубами в булочку, рассыпая крошки.

— Только не лезь в постель с хлебом, — сказала я, сама забираясь под одеяло. — А что ты думаешь сделать с Хэмишем?

Он проглотил остаток булки и улыбнулся.

— Не волнуйся. Я собираюсь покататься с ним на лодке по озеру как раз перед ужином и кину его в воду. К тому времени, как он доберется до берега, а потом высохнет, ужин уже кончится. — Он в три укуса покончил с сыром и, не стесняясь, облизал пальцы, — Пусть-ка он отправится в постель промокший и голодный, будет знать, как это приятно!

Он с надеждой заглянул в ящик стола, где я иной раз оставляла яблоко или что-нибудь еще съедобное. Но сегодня вечером там ничего не нашлось, и Джейми со вздохом задвинул ящик.

— Ладно, как-нибудь доживу до завтрака, — философически заключил он.

Быстро разделся и заполз в постель поближе ко мне, весь дрожа. Хотя руки и ноги у него настыли после плавания в холодном озере, тело было блаженно теплое.

— М-м, как славно с тобой пообжиматься, — пробормотал он, занимаясь тем, что следовало понимать как «обжимание». — Ты как-то по-другому пахнешь сегодня, наверное, выкапывала растения?

— Да нет, — удивилась я, — мне показалось, что это ты — я имею в виду запах.

Пахло чем-то острым, явно от растения и не то чтобы неприятно, но незнакомо.

— От меня пахнет как от рыбы, — заметил Джейми, понюхав тыльную сторону ладони. — И как от мокрой лошади. Нет, — принялся ко мне, — это и не от тебя. Но откуда-то поблизости.

Он выскользнул из постели, перевернул Одеяло в поисках источника запаха. Мы обнаружили его у меня под подушкой.

— С какой стати?.. — Я подняла это и тут же бросила. — Ой, на нем шипы!

Это был небольшой пучок растений, вырванных с корнем и связанных черной ниткой. Растения завяли, но острый запах исходил от опустившихся листьев. В букете был и один цветок — измятый цветок шиповника, о колючий стебель которого я наколола большой палец.

Я пососала пораненный палец, осторожно поворачивая пучок другой рукой. Джейми некоторое время, не двигаясь, смотрел на него. Потом он вдруг схватил его и, подойдя к открытому окну, вышвырнул наружу. Вернулся к кровати, быстрыми, энергичными движениями собрал в ладонь осыпавшуюся с корней землю и тоже выкинул в окно следом за пучком. Со стуком закрыл окно и отошел от него, отряхивая ладони.

— Выбросил, — без нужды пояснил он, забираясь на кровать. — Ложись в постель, Саксоночка.

— Что это было? — спросила я, укладываясь рядом с ним.

— Я думаю, шутка, — ответил он. — Скверная, но всего лишь шутка. — Приподнялся на локте и задул свечу. — Иди ко мне, *mo duinne*. Я замерз.

Несмотря на неприятный подарок, я спала крепко под двойной защитой запертой двери и рук Джейми. Перед рассветом я увидела во сне зеленый луг и множество бабочек над ним. Желтые, коричневые, белые, они кружились вокруг меня, словно осенние листья, садились мне на голову и плечи, дождем сыпались вниз по телу, крохотные лапки щекотали кожу, бархатные крылышки трепетали в такт ударам моего сердца.

Я медленно выплывала из сна к реальности и обнаружила, что лапки бабочек, щекотавшие мне живот, на самом деле — кончики мягких рыжих волос Джейми, а бабочка, забравшаяся мне между ног, — его язык.

— Ммм, — промычала я чуть позже, — все это очень хорошо для меня, ну а ты как же?

— Всего три четверти минуты побудь так, — отвечал он, отводя в сторону мою руку. — Но я предпочел отложить для себя еще время про запас. По натуре я человек медлительный и предусмотрительный. Могу ли я просить вас, мистрисс, составить мне компанию нынче вечером?

— Можете, — сказала я и, заложив руки за голову, вызывающе поглядела на него из-под полуприкрытых век, — если вы хотите этим сказать, что с вашей дряхлостью вас хватает всего на один раз в сутки.

Он пристально посмотрел на меня со своего места на краю постели. Внезапно вспыхнувшим белым вихрем бросился на меня и крепко втиснул

в перину.

— Ну вот, — пробормотал он куда-то в мои спутанные волосы, — не говори потом, что я тебя не предупреждал.

Через три минуты он застонал и открыл глаза. Обеими руками крепко растер себе лицо и голову, так что волосы встали дыбом. С невнятным гэльским проклятием неохотно вылез из-под простыни и начал одеваться, вздрагивая от холодного утреннего воздуха.

— Ты не мог бы сказать Алеку, что нездоров, и вернуться в постель? — с надеждой спросила я.

Он засмеялся и нагнулся поцеловать меня, прежде чем полез под кровать за своими чулками.

— Мне бы очень этого хотелось, Саксоночка. Но я сомневаюсь, чтобы даже оспа, чума или тяжкое телесное повреждение были приняты как отговорка. Если бы я лежал при смерти, но не истекал кровью, Алек в одну минуту явился бы сюда и поднял меня со смертного ложа.

Я глядела на его красивые длинные икры, пока он натягивал чулок и подворачивал его верхний край.

— Тяжкое телесное повреждение, говоришь? Я могла бы причинить тебе нечто подобное, — с мрачным видом сообщила я.

Джейми, крикнув, потянулся за вторым чулком.

— Ладно, только хорошенько смотри, куда пускаешь свои волшебные стрелы, Саксоночка. — Он пытался лихо подмигнуть, но, занятый своим чулком, только покосился на меня. — Мишень чересчур высокая, как бы не угодить так, что я стану тебе бесполезен.

— Не волнуйся. Обещаю не выше колена, — сказала я и нырнула под одеяло.

Он шлепнул меня по одной из выпуклостей и ушел в конюшню, очень громко распевая песню «Наверху среди вереска». Припев донесся до меня уже с лестницы. Джейми был прав: в смысле музыкального слуха ему медведь на ухо наступил.

Я полежала еще немного в состоянии приятной сонливости и отправилась завтракать. Большинство обитателей замка уже успели поесть и ушли работать. Те, кто еще оставался в зале, поздоровались со мной приветливо. Ни косых взглядов; ни выражения скрытой враждебности или интереса к тому, насколько удалась злая шутка. Но я тем не менее внимательно присматривалась к лицам.

Утро я провела в одиночестве на огороде и в поле со своей корзинкой и лопаткой. Искала самые употребимые травы. Как правило, люди из деревни обращались за помощью к Джейлис Дункан, но в последнее время

часть пациентов стала приходить ко мне в аптеку, и торговля целебными средствами шла бойко. Возможно, болезнь мужа отнимала у Джейлис много времени и ей некогда было заботиться о своих постоянных больных.

Большую часть второй половины дня я провела в своей амбулатории. Пациентов пришло немного: человек с хронической экземой, потом явился еще один, с вывихнутым большим пальцем, потом поваренок, опрокинувший себе на ногу горшок с кипящим супом. Наложив на обожженное место мазь из тысячелистника и синего ириса и вправив вывихнутый палец, я уселась толочь весьма удачно названный каменный корень в одной из маленьких ступок покойного Битона.

Занятие было нудное, но вполне подходящее для лениво текущего послеполуденного времени. Погода ясная, под вязами протянулись синеватые тени — я смотрела на них, встав на стол, чтобы выглянуть из окна.

А в аптеке мерцали расставленные по порядку бутылки, лежали на полках аккуратные свитки бинтов и компрессов. Помещение тщательно вымыто и продезинфицировано, запасы сухих листьев, корней, грибов заботливо уложены в матерчатые мешочки. Я с чувством удовлетворения вдохнула острые, пряные запахи своего святилища.

Но вдруг я перестала толочь корень и положила пестик. Меня поразило, что я и в самом деле была довольна. Вопреки мириадам сложностей моей здешней жизни и несмотря на неприятное чувство, вызванное «скверной шуткой», вопреки постоянной боли из-за разлуки с Фрэнком, я не была несчастной. Совсем наоборот.

Мне стало стыдно, я ощутила себя предательницей. Как я смею быть счастливой в то время, как Фрэнк сходит с ума от тревоги? Ведь там, без меня, время продолжало идти своим чередом — иначе и быть не могло, — и я, таким образом, пропадала уже около четырех месяцев. Я представила себе, как он ведет поиски по всей Шотландии, звонит в полицию, ждет хоть какого-то знака, хоть одного слова обо мне. Теперь он, должно быть, почти совсем утратил надежду. И ждет уже известия о том, что обнаружен мой труп.

Я поставила ступку на место и принялась мерить шагами узкую комнату, то и дело вытирая о передник руки в приступе виноватой горести и раскаяния. Я должна была поспешить. Я должна была приложить большее старание, чтобы вернуться. Но ведь я и старалась, напомнила я себе. Я сделала не одну попытку. И что из этого вышло?

Вот именно, что вышло? Меня выдали замуж за шотландца вне закона, за нами обоими охотится злобный садист, капитан драгунов, мы живем в

окружении варваров, которые готовы убить Джейми, если им покажется, что он представляет угрозу их бесценным правам преемственности в клане. А самое худшее из всего этого — что я счастлива.

Я села, беспомощно глядя на ряды кувшинов и бутылок. После нашего возвращения в Леох я жила день за днем, сознательно подавляя воспоминания о моей прежней жизни. В глубине души я понимала, что в скором времени мне необходимо принять какое-то решение, но я откладывала эту необходимость со дня на день и с часу на час, я хоронила свои сомнения, радуясь общению с Джейми — и его объятиям.

Неожиданно из коридора донесся какой-то грохот и громкие проклятия, я вскочила и поспешила к дверям — как раз вовремя, чтобы наткнуться на ввалившегося в комнату Джейми, опиравшегося с одной стороны на пригнувшегося под его тяжестью Алека Макмагона, а с другой — на делавшего серьезные, но безуспешные усилия длинного и тощего молодого конюха. Джейми опустился на мой стул, вытянул левую ногу и поглядел на нее с недовольной гримасой, которая скорее выражала обиду, нежели боль. Я опустилась на колени, чтобы осмотреть пострадавшую конечность, но особой тревоги не испытывала.

— Растяжение связок, — поставила я диагноз после беглого осмотра. — Как это произошло?

— Я упал, — прозвучал лаконичный ответ.

— Свалился с ограды? — поддразнила я. Джейми рассердился.

— Нет. С Донаса.

— Ты ездил на нем верхом? — недоверчиво спросила я. — В таком случае ты счастливо отделался поврежденной лодыжкой.

Я взяла бинт и начала накладывать тугую повязку.

— В общем, это выглядело не так уж скверно, — беспристрастно заявил Алек. — Ты, парень, неплохо держался на нем некоторое время.

— Я знаю, — буркнул Джейми, скрипя зубами, когда я натягивала бинт посильнее. — Его ужалила пчела.

Мохнатые брови взлетели вверх.

— Так вот в чем дело. Зверюга вел себя так, словно в него попала заколдованная стрела, — доверительно обратился он ко мне. — Взялся вверх всеми четырьмя, потом опустился на землю и начал как бешеный носиться по всему загону, ни дать ни взять шмель в кувшине. Но наш парень все-таки держался на нем. — Алек кивнул на Джейми, а тот скорчил в ответ еще одну малоприятную гримасу. — Держался до тех пор, пока этот здоровенный рыжий дьявол не перескочил через ограду.

— Через ограду? А где он сейчас? — спросила я, вставая и отряхивая

руки.

— Надеюсь, на полдороге в ад, — ответил Джейми, опустив ногу и попытавшись на нее опереться. — Пусть бы там и остался, — добавил он и, поморщившись, снова сел.

— Не думаю, чтобы дьяволу было много проку от этого жеребца, — заметил Алек. — Тем более что он сам может обернуться конем, когда ему надо.

— Возможно, он и обернулся Донасом, — пошутила я.

— Я бы в этом не сомневался, — сказал Джейми, который все еще страдал от боли, но уже начинал обретать обычное для него хорошее настроение. — Но, кажется, дьявол оборачивается черным жеребцом, верно?

— Да, — подтвердил Алек, — огромным вороным жеребцом, который мчится так же быстро, как мысль от мужчины к девице.

Он добросердечно улыбнулся Джейми и собрался уходить.

— Короче говоря, — добавил он, подмигнув мне, — я тебя не жду завтра в конюшне, парень. Лежи себе в постели и... э-э... отдыхай.

— Почему это, — поинтересовалась я, глядя вслед старому ворчуну, — почему всем кажется, что мы с тобой только и мечтаем забраться вместе в постель?

Джейми еще раз попробовал наступить на ногу, опираясь о стойку.

— Во-первых, потому, что мы женаты меньше месяца, — ответил он, — а во-вторых... — тут он поднял голову и ухмыльнулся, качая головой, — во-вторых, я тебе уже говорил, Саксоночка: у тебя что на уме, то и на мордочке.

— Пошел к черту! — сказала я.

Если не считать короткого промежутка времени, который я провела в амбулатории с пациентами, все следующее утро я выполняла требования моего единственного больного.

— Тебе ведь положено отдыхать, — упрекнула я его в конце концов.

— Я так и делаю. Во всяком случае, лодыжка моя отдыхает.

Длинная голая нога поднялась вверх, Джейми помахал было ступней, но тут же приглушенно охнул. Опустил ногу и принялся осторожно массировать все еще опухшую лодыжку.

— Это тебе урок, — сказала я, выпрастывая из-под простыни собственные ноги. — Давай-ка собирайся. Достаточно ты бездельничал в постели. Ты нуждаешься в свежем воздухе.

Он уселся, и волосы упали ему на глаза.

— Ты же сама говорила, что мне нужен отдых.

— Можешь отдыхать на воздухе. Вставай. Я уберу постель.

Он оделся, осыпая меня упреками в бесчувственности и отсутствии сострадания к тяжело раненному человеку; потом долго сидел, пока я перебинтовывала ногу, но наконец врожденное здоровье одержало верх.

— На дворе малость сыровато, — сказал он, выглянув в окно, за которым мелкая изморось как раз в это время решила превратиться в сильный дождь. — Давай подыдемся на крышу.

— На крышу? В самом деле! Самое верное предписание для подвернутой лодыжки — карабкаться шесть пролетов по лестнице. Право, лучше не придумаешь!

— Пять. Кроме того, у меня есть палка.

С торжествующим видом он достал эту палку — толстый сук боярышника, потемневший от времени, — из угла за дверью.

— Где ты ее взял? — спросила я, разглядывая палку.

Она, как видно, долго была в употреблении. Кусок обструганного крепкого дерева длиной фута в три, от времени затвердевший, как алмаз.

— Алек одолжил ее мне. Он ею пользуется, когда имеет дело с мулами: бьет их этой палкой между глаз, чтобы они обратили на него внимание.

— Весьма действенный прием, — заметила я, созерцая обшарпанное дерево. — Испытаю его когда-нибудь. На тебе.

Мы оказались в конце концов в небольшом укромном местечке как раз под скатом шиферной крыши. Низкий парапет огораживал по наружному краю этот наблюдательный пункт.

— Как красиво!

Несмотря на дождь с ветром, вид с крыши открывался восхитительный; перед нами раскинулась широкая серебряная гладь озера, а за нею громоздились башни скал, устремленных к темно-серому небу, словно черные кулаки.

Джейми оперся на парапет, чтобы снять тяжесть с больной ноги.

— Да, ты права. Я иногда приходил сюда, когда раньше жил в замке. — Он указал мне на какое-то место по ту сторону озера, покрытого рябью от дождя: — Ты видишь вон там, между двумя холмами, проход?

— В горах? Да.

— Это дорога в Лаллиброх. Когда меня одолевала тоска по дому, я приходил сюда и смотрел на эту дорогу. Я представлял себе, что лечу, как ворон, над этим проходом и вижу холмы и поля, раскинувшиеся по ту сторону гор, и помещичий дом в конце долины.

Я дотронулась до его руки.

— Ты хочешь вернуться туда, Джейми? Он повернул голову и улыбнулся мне.

— Я уже думал об этом. Не знаю, хочу ли я этого на самом деле, но думаю, что мы должны вернуться. Не могу сказать, что мы там найдем, Саксоночка. Но... да. Я теперь женат. Ты хозяйка Брох ТуаРаха. Вне закона я или нет, но мне надо туда вернуться, чтобы все поставить на свое место.

Я испытала странное чувство, смесь облегчения и страха, при мысли о том, что покину Леох с его разнообразными интригами.

— Когда мы поедем?

Он нахмурился, постукивая пальцами по парапету. Камень был темный и гладкий от дождя.

— Мне кажется, мы должны подождать до приезда герцога. Быть может, из любезности по отношению к Коламу он согласится заняться моим делом. Если он не сумеет добиться оправдания, то хотя бы попросит о помиловании. Тогда значительно безопаснее станет вернуться в Лаллиброх, ты согласна?

— Да, но...

Я запнулась, и он бросил на меня быстрый и пристальный взгляд.

— Что, Саксоночка?

Я сделала глубокий вдох.

— Джейми... если я скажу тебе одну вещь, обещаешь ли ты не спрашивать меня, откуда я знаю?

Он взял меня за обе руки, глядя сверху вниз на мое лицо. Дождь намочил ему волосы, и маленькие капли стекали у него по щекам. Он улыбнулся.

— Я ведь говорил тебе, что не стану спрашивать о том, чего ты не захочешь мне сказать. Да, я обещаю.

— Давай присядем. Не надо так долго стоять на больной ноге.

Мы отошли к стене, где под нависающим скатом крыши сохранилось сухое местечко, и уселись вполне удобно, опершись спинами о стену.

— Ну хорошо, Саксоночка. Так что же это?

— Герцог Сандрингэм, — сказала я и прикусила губу. — Джейми, не доверяй ему. Я не все знаю о нем сама, но знаю одно: что-то с ним не так. Что-то скверное.

— Ты знаешь об этом? — Он очень удивился. Настал мой черед удивляться.

— Ты хочешь сказать, что ты уже знаешь о нем? Ты встречался с ним?

Мне стало легче на душе. Может быть, загадочная связь между

Сандрингэмом и делом якобитов была гораздо лучше известна, чем считали Фрэнк и викарий?

— Да. Он приезжал сюда с визитом, когда мне было шестнадцать. Когда я... уехал.

— А почему ты уехал?

Я задала этот вопрос, потому что внезапно вспомнила о том, что говорила Джейлис Дункан, когда мы в первый раз встретились с ней в лесу. Нелепый слух о том, что будто бы Джейми и есть настоящий отец Хэмиша. Я точно знала, что это не так, что он не мог им быть, но, возможно, я была единственным человеком в замке, который знал точно. Подозрение подобного рода легко могло привести к покушению Дугала на жизнь Джейми — если так оно и произошло во время сражения в Кэрриарике.

— Это не из-за... леди Летиции?

— Из-за Летиции?

Его изумление было совершенно искренним, и внутри у меня словно развязался какой-то узелок.

Я действительно не думала, что в предположении Джейлис есть нечто реальное, но тем не менее....

— Чего это ради ты приплела сюда Летицию? — с любопытством спросил Джейми. — Я прожил в замке целый год и за это время, насколько помню, разговаривал с ней всего один раз, когда она вызвала меня к себе в комнату и отчитала за то, что я затеял шумную игру в ее розовом саду.

Я сказала ему о том, что говорила Джейлис, и он от души расхохотался.

— Господи, — выговорил он сквозь смех, — да если бы я смелости набрался!

— А ты не думаешь, что у Колама были на этот счет подозрения?

Он решительно замотал головой.

— Нет, Саксоночка, не думаю. Если бы у него появились даже намеки на подозрение, я бы не дожил до семнадцати, не говоря уже о зрелом возрасте в двадцать три года.

Он, таким образом, более или менее подтвердил мое собственное впечатление о Коламе, и тем не менее я почувствовала себя спокойней. У Джейми сделалось задумчивое лицо, и глаза словно обратились к чему-то далекому.

— Если хорошенько подумать, то мне ведь неизвестно, знал ли тогда Колам, почему я покинул замок так внезапно. А если Джейлис Дункан разносит подобные слухи — она ведь любит мутить воду, Саксоночка. Сплетница, любит ссориться, к тому же в деревне поговаривают, что она

колдунья...

Он посмотрел вверх на потоки воды, низвергавшиеся со свеса крыши.

— Может, нам пора спускаться, Саксоночка? Становится сыровато.

Вниз мы спустились другим путем: прошли по крыше к наружной лестнице, которая вела в огород возле кухни. Я хотела набрать немного огуречника, если бы ливень мне позволил. Устроились у стены замка, где выступающий наружу подоконник защищал от потоков дождя.

— Что ты делаешь с огуречником, Саксоночка? — с интересом спросил Джейми, поглядывая из укрытия на разметавшиеся в беспорядке виноградные лозы и прибитые дождем к земле растения.

— Когда он зеленый, то ничего. Сначала надо его высушить, а потом...

Ужасающий гвалт не дал мне закончить фразу: послышался яростный лай и чьи-то крики за забором. Я бросилась под дождем к забору, Джейми — за мной, но медленно, так как сильно хромал.

Деревенский священник отец Бэйн бежал по дорожке, лужи так и взрывались у него под ногами, за ним неслась ревущая свора собак. Запутавшись в своей обширной сутане, священник споткнулся и упал, подняв фонтаны жидкой грязи. В следующее мгновение свора сомкнулась над ним, рыча и клая зубы.

Рядом со мной над забором взметнулось полотнище пледа, и Джейми приземлился по ту сторону, размахивая палкой и вопя что-то по-гэльски; его голос присоединился к общему хору. Крики и проклятия особого действия не возымели, зато палка имела успех. Каждый раз, как она опускалась на мохнатую плоть, раздавался оглушительный визг, и мало-помалу свора отступала, а вскоре, круто развернувшись, умчалась к деревне.

Джейми, задыхаясь, откинул упавшие на глаза волосы.

— Настоящие волки, — сказал он. — Я уже говорил Коламу об этой своре, это они два дня назад загнали Кобхара в озеро. Велел бы он их перестрелять, пока они никого не загрызли.

Он стоял и наблюдал, как я, стоя на коленях, осматриваю лежащего на земле священника. Вода стекала с концов моих волос, а шаль моя начинала промокать.

— Пока им это не удалось, — сказала я. — Оставили несколько отметин зубами, а так он более или менее в порядке.

Сутана отца Бэйна с одного бока порвалась, на безволосой белой ляжке виден был безобразный разрыв и несколько ямок от зубов, из которых начинала сочиться кровь. Священник, совершенно белый от пережитого потрясения, попытался встать на ноги; очевидно, он пострадал

не слишком сильно.

— Если вы пойдете со мной ко мне в лечебный кабинет, отец, я промою вам раны, — предложила я, стараясь удержаться от улыбки при виде толстого маленького священника в обвисшей сутане и спущенных чулках, открывшихся для обозрения.

Даже в лучшие времена лицо отца Бэйна напоминало сжатый кулак. Теперь это подобие усиливалось благодаря красным пятнам, испещрившим его толстые щеки и двойной подбородок, и углубившимся вертикальным морщинам по обеим сторонам рта. Он уставился на меня с таким выражением, словно я предложила ему совершить публичную непристойность.

Видимо, так оно и было, потому что из его уст раздалось в ответ следующие слова:

— Как, вы предлагаете служителю Бога обнажить перед женщиной интимные части тела! Я скажу вам, мадам, что не имею понятия, какие безнравственные деяния приняты в кругу, где вы привыкли вращаться, но хочу довести до вашего сведения, что здесь их терпеть и поощрять не станут — по крайней мере пока я несу ответственность за души в этом приходе!

С этим он повернулся и заковылял прочь, сильно хромая и безуспешно стараясь приладить на место порванную полу своего облачения.

— Делайте как вам нравится, — крикнула я ему вдогонку, — но имейте в виду, что если я не промою раны, они могут загноиться!

Священник не ответил; сгорбив свои круглые плечи, он начал подниматься по лестнице, застревая на каждой ступеньке и напоминая пингвина, который хочет вскарабкаться на плавучую льдину.

— Этот человек не слишком жалуется женщин, правда? — обратилась я к Джейми.

— Полагаю, что в полном соответствии с его занятием дело обстоит именно так, — согласился он. — Пойдем поедим.

После ленча я отправила своего пациента снова в постель — на сей раз одного, невзирая на его протесты, — и спустилась в свою амбулаторию. Из-за сильного дождя работы возле замка шли вяло, люди предпочитали сидеть дома, никому не хотелось поранить ногу лемехом или свалиться с крыши.

Я провела время вполне приятно, внося записи в регистрационную книгу, унаследованную от Битона. Едва я закончила, как дверь кабинета загородил посетитель.

Он загородил ее в буквальном смысле, заняв проем от косяка до косяка. Щурясь в полутьме, я распознала-таки в этой фигуре Алека Макмагона, закутанного во множество одежек, платки и даже в обрывки попоны.

Он передвигался с медлительностью, которая напоминала мне о первом посещении Коламом этого кабинета, и, вместе с тем дала ключ к задаче.

— Ревматизм? — сочувственно спросила я, а он тем временем с приглушенным стоном почти свалился в мое единственное кресло.

— Да. Сырость пробрала меня, до костей, — ответил он. — Можно чем-нибудь помочь?

Он положил на стол большие узловатые руки и распрямил пальцы. Они расправлялись медленно, словно ночной цветок, открыв мозолистые ладони. Я взяла в руки одну из пораженных ревматизмом конечностей и начала осторожно поворачивать ее из стороны в сторону, выпрямляя пальцы и массируя ороговевшую ладонь. Морщинистая физиономия старика скривилась было, но почти тотчас расправилась, едва первые вспышки боли улеглись.

— Как дерево, — сказала я. — Самое лучшее, что я могу, посоветовать, это добрый глоток виски и глубокий массаж. Помогает и чай из пижмы.

Он засмеялся, платки сползли у него с плеч.

— Виски, да? У меня были на ваш счет сомнения, барышня, но теперь я вижу, что вы лекарь из самых лучших.

Я потянулась в дальний угол моего медицинского шкафа и достала темную бутылку без этикетки, в которой хранился мой запас из винокурни Леоха. Поставила бутылку на стол перед Алеком, достала роговой стаканчик.

— Выпейте, — предложила я. — А потом разденьтесь, насколько считаете приличным, и укладывайтесь на стол. Я разожгу огонь, и здесь будет достаточно тепло.

Голубые глаза поглядели на бутылку с явным одобрением, и скрюченные пальцы ухватились за горлышко.

— Вы бы тоже сделали глоточек, барышня, — посоветовал он, — работенка предстоит тяжелая.

Он постанывал со смешанным выражением боли и удовлетворения, пока я помогала ему раздеться и обнажить всю верхнюю половину тела.

— Моя жена гладила мне спину утюгом, — заговорил он, когда я начала массаж. — От прострела. Но это даже лучше. У вас пара крепких

рук, барышня. Могли бы стать хорошим конюхом.

— Принимаю это как комплимент, — сухо откликнулась я и, налив себе на ладонь маслянистой смеси, размазала ее по широкой белой спине. В том месте, до которого обычно были закатаны рукава его рубахи, резкая граница отделяла обветренную, покрытую царапинами и загорелую кожу рук от молочно-белой кожи плеч и спины.

— В свое время вы, наверное, были недурным пареньком. Кожа на спине такая же белая, как у меня.

Плоть под моими руками затряслась от смеха.

— Теперь этого не скажешь, верно? Да, Элен Макензи один раз увидела меня полуголого, когда я принимал жеребенка, и говорит, мол, добрый Господь Бог приделал не ту голову на мое туловище, на плечи пошел мешок молочного пудинга, а рожа как у черта из алтаря.

Я сообразила, что он имеет в виду перегородку, отделяющую алтарь в церкви от остального помещения: на этой перегородке изображено было множество невероятно безобразных чертей, которые мучили грешников.

— Судя по всему, Элен Макензи весьма свободно выражала свои мнения, — заметила я.

Мать Джейми очень интересовала меня. По его рассказам и коротким упоминаниям я составила себе представление о его отце Брайане, но о матери он никогда не говорил, и я почти ничего о ней не знала, кроме того, что она умерла молодой во время родов.

— Да, язычок у нее был дай Боже, и ума достаточно, чтобы высказаться.

Я распустила завязки его клетчатых штанов и закатала брючины вверх — пора было помассировать мускулистые икры.

— Но говорила-то она так мило, что никто особо не возражал, кроме ее братьев. А на Колама и Дугала она внимания не обращала.

— Ммм, я что-то об этом слышала. Кажется, она убежала с возлюбленным, да? — спросила я, надавив большими пальцами на подколенное сухожилие, отчего Алек издал звук, который у человека с меньшим чувством собственного достоинства можно было бы назвать писком.

— Да, — ответил он. — Элен была самая старшая из шести детей Макензи, на год или на два старше Колама, зеница ока старого Джейкоба. Поэтому она и замуж так долго не выходила. Не желала идти ни за Джона Камерона, ни за Малкольма Гранта, ни за других, кто к ней сватался, а отец не выдавал ее против воли.

Как рассказал дальше Алек, после смерти отца Колам не захотел

считаться с причудами сестры. Он отчаянно боролся за укрепление непрочной власти над кланом, искал союза с Мунро на севере и с Грантами на юге. В обоих кланах были молодые вожди, полезно было занять таких зятьев. Юная Джокаста покорно приняла предложение Джона Камерона и уехала на север, ей было всего пятнадцать. Но Элен, в двадцать два года считавшаяся уже старой девой, подчиняться не желала.

— Как видно, предложение Малкольма Гранта было отклонено достаточно резко, судя по его поведению две недели назад, — вставила я свое слово.

Старый Алек рассмеялся, и смех перешел в удовлетворенное побряхтыванье, когда я нажала посильней.

— Да. Я не слышал, что она ему точно сказала, но думаю, что ужалила больно. Это, знаете ли, было во время Большого Собрания, когда они встретились. Пошли вечером в розовый сад, и все в замке ждали, даст она согласие или нет. Стемнело, а они все ждали. Стемнело еще сильнее, зажгли фонари, начали петь песни, а об Элен и Малкольме Гранте ни слуху ни духу.

— Бог ты мой, как же затянулся их разговор! — Я налила еще одну порцию смеси Алеку между острых лопаток, и он снова закричал от приятного тепла.

— Всем так и казалось. Но время шло, и Колам начал опасаться, что Грант увез ее силой, против воли. Было похоже на то, поскольку в розовом саду никого не обнаружили. Тогда Колам послал в конюшню за мной, ну а я сказал ему, что люди Гранта приходили за своими лошадьми и вся компания ускакала, даже не попрощавшись.

Восемнадцатилетний в ту пору Дугал сел на своего коня и помчался следом за Грантом, никого не дожидаясь и не посоветовавшись с Коламом.

— Когда Колам услышал, что Дугал погнался за Грантом, — продолжал старик, — он послал меня и других сорвиголов следом за ним. Норов Дугала Колам знал отлично и вовсе не хотел, чтобы будущий зять был убит на дороге до церковного оглашения. Он так и считал, что Малкольм Грант не уговорил Элен выйти за него по доброму согласию и увез ее, чтобы жениться насильно.

Алек помолчал, раздумывая.

— Дугал, ясное дело, видел в этом только оскорбление, — продолжал он. — Но я думаю, что Колам, если говорить по правде, не слишком беспокоился, оскорбили его или нет. Он решал свою задачу, а Грант получал Элен в жены без выделения вдовьей части, да еще и выплатил бы Коламу выкуп. — Алек цинично хмыкнул и продолжал: — Колам не такой

человек, чтобы упустить выгоду. Хитрый он и жестокий, Колам-то. — Единственный голубой глаз глянул на меня поверх сгорбленного плеча. — Вы, барышня, поступили бы мудро, если бы помнили об этом.

— Яи не собираюсь забывать об этом, — заверила его я.

Я вспомнила рассказ Джейми о наказании по приказу Колама и подумала, сколько там шло от желания отомстить за бунт матери Джейми.

Тем не менее Коламу не удалось выдать сестру за лэрда клана Грантов. Ближе к рассвету Дугал обнаружил, что Грант и его люди расположились лагерем при дороге и что Малкольм спит, завернувшись в свой плед, под кустом утесника.

Когда Алек и другие примчались сюда позже, они так и замерли, увидев, как Дугал Макензи и Малкольм Грант, голые до пояса и со следами ударов на теле, мечутся и вертятся взад-вперед по дороге, нанося друг другу удары наугад. Спутники Гранта расположились вдоль дороги рядом, точно совы, поворачивая головы то в одну, то в другую сторону соответственно перипетиям идущего на убыль поединка на рассвете дождливого дня.

— Они оба дышали как запаленные лошади, на холоде от их тел подымался пар. У Гранта нос распух вдвое против обычного размера, а Дугал едва видел одним глазом, у обоих кровь капала и высыхала на груди.

При появлении людей Колама арендаторы Гранта повскакали на ноги и ухватились за рукоятки сабель, и встреча могла бы окончиться кровавым побоищем, если бы один из востроглазых парнишек клана Макензи не обратил внимание на тот немаловажный факт, что Элен Макензи нет среди Грантов.

— Ну, после того, как Малкольма Гранта облили водой и привели в чувство, он сумел объяснить им то, чего Дугал не нашел времени выслушать: что Элен провела с ним в розовом саду всего четверть часа. Он не пожелал рассказать, что именно между ними произошло, но, что бы это ни было, он настолько разобиделся, что захотел уехать немедленно, даже не заглянув на прощанье в Холл. Он оставил ее в саду и больше ее не видел, он не желал больше слышать ее имени. Высказав все это, он сел верхом на своего коня, малость неуверенно, и уехал прочь. И с тех пор не имел дела и не водил дружбу ни с кем из клана Макензи.

Я слушала в полном восторге.

— Но где же находилась Элен все это время?

Старый Алек снова рассмеялся — ни дать ни взять повернулась на скрипучих петлях дверь конюшни.

— Далеко-далеко за холмами. Но наши этого еще некоторое время не

знали. Мы повернулись и поскакали домой, но Элен так и не было, и Колам весь бледный стоял во дворе, опираясь на Энгуса Мора.

Тут началась полная неразбериха, потому что в замке полно было гостей, заняты не только все жилые комнаты, но все мало-мальски подходящие углы, все сеновалы, кухни и чуланы. Казалось, нет никакой надежды выяснить, кто из всего этого множества гостей отсутствует, но Колам созвал всех слуг, кропотливо просмотрел все списки приглашенных, спрашивая о каждом, кого из них видели вечером, где и когда. И в конце концов одна кухонная девушка припомнила, что видела какого-то мужчину в заднем коридоре как раз перед ужином.

Она обратила на него внимание, потому что он был очень красивый: высокий и сильный, сказала она, с волосами блестящими, как у черного тюленя, и с глазами как у кошки. Она любовалась им, когда он шел по коридору, и видела, что он встретил кое-кого у входной двери — женщину, одетую в черное с головы до ног и закутанную в плащ с капюшоном.

— А что это за черный тюлень? — спросила я.

Алек снова покосился на меня чуть прищуренным единственным глазом.

— Англичане их как-то по-другому называют. Немного погодя после всего этого и даже после того, как правда выплыла наружу, в деревне начали рассказывать сказки насчет того, что Элен Макензи завлекли в море, чтобы она жила среди тюленей. Вы не слыхали байку, что черные тюлени сбрасывают с себя шкуру, выходя на берег? И ходят при этом как люди. Если вы найдете шкуру черного тюленя и спрячете, то он — или она, — добавил он для ясности, — уже не может вернуться в море и должен остаться с вами на земле. Говорят, очень неплохо обзавестись таким способом тюленихой-женой, потому как они отлично готовят и очень заботливые матери. Однако, — продолжал он рассудительно, — Колам не собирался верить тому, что его сестра убежала с черным тюленем, прямо так и заявил. Он вызывал к себе гостей одного за другим и расспрашивал каждого, не может ли он узнать человека по описанию. Выяснилось, что звали этого человека Брайаном, только никто не знал, из какого он клана и какая у него фамилия. Он участвовал в играх, но там все его называли просто Черным Брайаном.

Так оно и оставалось некоторое время, потому что никто не знал, в каком направлении вести поиски. Но даже самые лучшие охотники должны время от времени останавливаться возле какого-нибудь коттеджа, чтобы попросить горсточку соли или кружку молока. В конце концов известие о парочке достигло Леоха — ведь Элен Макензи была девушкой далеко не

заурядной внешности.

— Волосы как огонь, — мечтательно произнес Алек, развежившийся от теплого растирания. — А глаза — как у Колама, серые и ресницы черные. Очень хороша, такая поразит тебя что молния. Высокая, даже выше вас. И такая белолицая — глазам больно на нее смотреть. Я слышал потом, что они с Брайаном встретились на Собрании, глянули разок и сразу решили, что жить друг без друга не могут. Придумали план и улизнули из-под носа у Колама Макензи и трех сотен гостей. — Алек снова засмеялся, о чем-то вспомнив. — Дугал наконец, отыскал их, они жили в коттедже у одного фермера на границе земель Фрэзеров. Они решили, что единственный способ уладить дело — это скрываться, пока Элен не забеременеет и пока это не станет хорошо заметно, чтобы никто не сомневался, от кого ребенок. Тогда Колам волей-неволей благословит их брак, нравится ему это или нет, — а ему, конечно, не нравилось... Скажите, пока вы с Дугалом ездили, не довелось вам увидеть шрам у него на груди?

Мне довелось его увидеть — тонкую белую линию, которая шла от плеча, до ребер, пересекая область сердца.

— Это сделал Брайан? — спросила я.

— Нет, Элен, — ответил Алек. — Чтобы не дать Дугалу перерезать глотку Брайану, как он собирался. На вашем месте я бы не упоминал об этом в разговоре с Дугалом.

— Я не собираюсь.

К счастью, план удался, и Элен к тому времени, как их нашел Дугал, была уже пять месяцев беременна.

— Суеты со всеми этими делами было много, — говорил Алек, — одних только ругательных писем отправлено в обе стороны невесть сколько, но наконец они договорились, и Элен с Брайаном получили во владение дом в Лаллиброхе за неделю до того, как родился ребенок. Они обвенчались накануне, — прибавил он, — и после этого он перенес ее через порог уже как жену. Говорил потом, что чуть не надорвался, когда поднял ее.

— Вы рассказываете так, словно хорошо знали их, — заметила я, закончив процедуру и вытирая полотенцем липкие от мази руки.

— А я и знал, — совсем уже сонно откликнулся Алек, разомлевший от тепла.

Веко опустилось на его единственный глаз, и с лица исчезло выражение недовольства, из-за которого Алек казался таким сердитым.

— Элен я знал хорошо, ясное дело. Брайана узнал много лет спустя, когда он привез сына в Леох. Мы с ним сошлись. С лошадьми управлялся

отлично. — Голос смолк, глаз закрылся плотно.

Я прикрыла простыней распростертое тело старика и на цыпочках удалилась, оставив его дремать у огня.

Покинув Алека спящим, я поднялась к себе в комнату, где нашла Джейми в том же состоянии, что и Алек. В пасмурный, дождливый день количество способных занять тебя домашних дел не так уж велико; мне не хотелось ни будить Джейми, ни разделять с ним сонное забвение, значит, оставались либо чтение, либо вязание. Что касается последнего, то тут мои способности можно оценить при помощи выражения «ниже среднего уровня», поэтому я решила позаимствовать книжку из библиотеки Колама.

В соответствии со специфическими архитектурными принципами, положенными в основу конструкции замка Леох, — то есть полным отвращением к прямым линиям — лестница, ведущая в апартаменты Колама, делала два правых поворота, каждый из них начинался после небольшой площадки. На второй площадке обычно стоял слуга, готовый сбегать по какому-нибудь поручению или же оказать помощь лэрду, но сегодня слуги там не оказалось. Сверху до меня доносились голоса: возможно, слуга находился у Колама. Я помедлила у двери, не зная, удобно ли войти.

— Я всегда знал, что ты глуп, Дугал, но я не думал, что ты полный идиот.

С юных лет привыкший к обществу домашних наставников и не употреблявший тех выражений, какими пользовался его младший брат во время вооруженных стычек и в разговорах с простыми людьми.

Колам обычно говорил без того резкого шотландского акцента, который был свойствен речи Дугала. Но сейчас его тон утратил свой культурный оттенок, и оба голоса казались почти неразличимыми, оба звучали на низких, гневных нотах.

— Можно было ожидать от тебя подобного поведения в двадцать лет, но ведь тебе, слава Богу, уже сорок пять!

— Ну, тебе-то вряд ли приходится судить о подобных вещах со знанием дела, верно? — ответил Дугал с наглой издевкой.

— Вот именно, — резко отозвался Колам. — Мне не так уж часто случалось благодарить Бога, но, возможно, он поступил со мной лучше, нежели я считал. Я достаточно много раз слышал, что мозги у мужчины перестают работать, когда у него член торчит торчком, и теперь я готов этому поверить.

Раздался громкий шум от ножек кресла, передвигаемого по каменному

полу.

— Если братьям Макензи, — продолжал Колам, — достался на двоих один член, но и одни мозги, то я своей долей имущества доволен!

Я поняла, что третий участник в этом сугубо личном разговоре решительно нежелателен, и потихоньку отошла от двери, чтобы спуститься вниз.

Шелест чьих-то юбок на первой лестничной площадке вынудил меня остановиться. Я не хотела, чтобы кто-то обнаружил, что я подслушиваю у дверей кабинета лэрда. Верхняя площадка была широкой, а одну из стен почти от пола до потолка закрывал гобелен. Ноги мои будут видны, но тут уж ничего не поделаешь.

Притаившись, словно крыса, за гобеленом, я слушала шаги, медленно поднимающиеся по ступенькам, потом невидимый посетитель подошел к двери и остановился на дальнем конце площадки, поняв, как и я, что разговор братьев носит сугубо частный характер.

— Нет, — говорил теперь уже гораздо спокойнее Колам. — Конечно же, нет. Эта женщина — ведьма, колдунья или что-то вроде.

— Да, но... — Ответ Дугала был нетерпеливо прерван братом:

— Я ведь сказал, что займусь этим. Не беспокойся, младший брат, я прослежу, чтобы с ней все было как надо. — В голосе Колама проскользнула нота раздраженного недовольства. — Я тебе вот что скажу. Я написал герцогу, что он может приехать и поохотиться в угодьях над Эрликом, пострелять там оленей. Я собираюсь отправить с ним Джейми. Может, если герцог сохранил к нему доброе отношение...

Дугал перебил его каким-то замечанием на гэльском, очевидно, грубоватым, потому что Колам рассмеялся и ответил:

— Нет, я полагаю, Джейми достаточно взрослый и сумеет постоять за себя. Но если герцог захочет вступить за него перед его величеством, это даст парню наилучший шанс на помилование. Если хочешь, я сообщу его светлости, что ты тоже поедешь. Можешь помочь Джейми, если у тебя есть такое желание, и тебя не будет здесь, пока я улажу дело.

Глухой звук падения чего-то послышался с дальнего конца площадки, и я рискнула выглянуть. Я увидела Лаогеру, бледную, как стена позади нее. Она держала поднос с графином; оловянная кружка упала с подноса на покрытый ковром пол — этот звук я и услышала.

— Что там такое? — раздался из кабинета неожиданно громкий голос Колама.

Лаогера опустила поднос на столик возле двери, в спешке едва не уронив графин, повернулась и стремительно убежала.

Я услышала за дверью приближающиеся шаги Дугала и поняла, что незаметно спуститься по лестнице мне не удастся. Я еле успела выбраться из своего укрытия, поднять с ковра кружку и поставить ее на поднос.

— А, это вы? — Дугал несколько удивился. — Мистрисс Фиц прислала с вами лекарство для Колама? У него болит горло.

— Да, — ответила я. — Она надеется, что ему от этого скоро станет лучше.

— Я не сомневаюсь. — Колам медленно подошел к двери и улыбнулся мне. — Поблагодарите мистрисс Фиц от моего имени. И спасибо вам, моя дорогая, что вы это принесли. Не присядете ли вы на минутку, пока я его выпью?

Разговор, который я подслушала, заставил меня забыть о первоначальной причине моего прихода, но теперь я вспомнила о своем намерении попросить книгу. Дугал извинился и ушел, а я последовала за Коламом в его библиотеку, где он любезно указал мне на книжные полки.

Цвет лица у Колама был еще яркий, ссора с братом свежа в памяти, но он отвечал на мои вопросы о книгах с достаточной степенью его обычной уравновешенности. Только блеск глаз да некоторая напряженность осанки выдавали его мысли.

Я нашла парочку травников, показавшихся мне интересными, и отложила их в сторону, пока перелистывала роман.

Колам отошел к клетке с птицами — без сомнения, чтобы успокоить себя по своей привычке, наблюдая за прекрасными маленькими и так влекущими к себе созданиями, прыгающими среди ветвей; каждая из них — целый мир в себе.

Мое внимание привлекли крики, донесшиеся снаружи. Отсюда, с высоты, поля позади замка были видны до самого озера. Небольшая группа всадников мчалась вокруг озера, испуская радостные крики, в то время как дождь поливал их всюду.

Когда они приблизились, я увидела, что это не взрослые мужчины, а ребяташки, большей частью подростки, но среди них там и сям видны были мальчики поменьше, верхом на пони. Они изо всех сил старались не отставать от старших. Я пригляделась, нет ли с ними Хэмиша, и скоро заметила пятно рыжих волос, полыхающих над спиной Кобхара, в самом центре группы.

Буйная компания скакала напрямик к замку, точнее — к одной из бесчисленных каменных оград, отделяющих одно поле от другого. Раз, два, три, четыре — старшие мальчики на своих конях один за другим перескочили через стену с легкостью, которая дается долгим опытом.

Мне, конечно, только показалось, что гнедой на мгновение замешкался, потому что Кобхар последовал за другими лошадьми с явным рвением: доскакал до ограды, подобрался — прыгнул.

Казалось, он проделал это точно так же, как другие, и все-таки что-то случилось. Может быть, всадник слишком крепко натянул поводья или посадка у него была недостаточно крепкой. Передние копыта ударились на несколько дюймов ниже, чем нужно, лошадь вместе с всадником перелетела через препятствие по весьма необычной и смертельно опасной дуге.

— Ох! — не удержалась я от восклицания.

Колам обернулся к окну как раз в то мгновение, когда Кобхар тяжело завалился набок, придавив собой маленького Хэмиша. Хромая как всегда, Колам тем не менее очень быстро подошел к окну. Он уже стоял рядом со мной, высунувшись наружу, когда Кобхар попытался встать.

Ветер и дождь ворвались в комнату, бархатный кафтан Колама намок. Осторожно выглянув из-за его плеча, я увидела, что ребята сбились в тесный круг, отталкивали и пихали друг друга, стремясь помочь.

Кажется, очень много времени прошло, прежде чем толпа расступилась и мы разглядели маленькую, но крепкую фигурку, которая ковыляет в сторону, держась за живот. Хэмиш отрицательно мотал головой — видимо, на многочисленные предложения помочь; он направился напрямик к ограде, наклонился, и его сильно вырвало. Потом он сполз по стене, сел на траву, раскинув ноги и задрав голову вверх, так что дождь падал ему на лицо. Когда я увидела, как он ловит языком дождевые капли, то положила руку Коламу на плечо и сказала:

— С ним все в порядке. Он только испугался. Колам прикрыл глаза и выдохнул воздух, тело его обмякло, освободившись от напряжения. Я смотрела на него с сочувствием.

— Вы беспокоитесь о нем как о своем собственном ребенке, не так ли? — спросила я.

Серые глаза внезапно глянули в мои с выражением тревоги. Несколько мгновений в кабинете не было слышно ни звука, только тикали часы на полке. Потом по носу Колама скатилась капля и повисла на кончике. Я невольно протянула руку с носовым платком и стерла эту каплю — а вместе с ней и тревогу с лица Колама.

— Да, — ответил он просто.

В конце концов я рассказала Джейми лишь о плане Колама послать его охотиться вместе с герцогом. Я была теперь уверена, что его отношение к

Лаогере не более чем рыцарственная дружба, но я не знала, что он может выкинуть, узнав о поступке Дугала, соблазнившего девушку да еще сделавшего ей ребенка. Колам явно не собирался прибегнуть к услугам Джейли Дункан, чтобы избавить Лаогеру от беременности. Выйдет ли девушка за Дугала? Или Колам найдет ей другого мужа еще до тех пор, как беременность станет явной? Во всяком случае, если Джейми и Дугал оба отправятся на какое-то время на охоту, будет лучше, чтобы тень Лаогеры не присутствовала там, так сказать, в качестве третьего лица.

— Хмм, — в задумчивости протянул Джейми, выслушав меня. — Попытаться стоит. Волей-неволей становишься близким приятелем тому, с кем охотишься весь день, а потом садишься пить виски у костра.

Он кончил застегивать мне платье сзади и быстро поцеловал меня в плечо.

— Мне грустно покидать тебя, Саксоночка, но так, наверное, будет лучше.

— Не думай обо мне, — сказала я.

До сих пор я не признавала, что с его отъездом я останусь в замке в одиночестве, а теперь эта мысль больно резанула меня. Но надо справиться с собой, если я хочу ему помочь.

— Ты готов идти на ужин? — спросила я.

Он обнял меня за талию, и я повернулась к нему.

— Ммм, — произнес он минутой позже. — Я готов остаться голодным.

— Ну а я нет, — ответила я. — Тебе нужно просто подождать.

Я поглядела вдоль обеденного стола, потом окинула глазами всю комнату. Теперь я знала большинство из этих людей, некоторых даже близко знала. Какая же это пестрая компания, подумалось мне. Фрэнк был бы в восторге, от такого сборища — множества разных типов лиц.

Думать о Фрэнке было все равно что трогать больной зуб; мое намерение бежать все отодвигалось. Но ведь настанет время, когда откладывать еще и еще будет уже невозможно.

Я мысленно обратилась назад, пытаюсь восстановить его облик, как бы провела пальцами по длинным, ровным аркам его бровей — так я однажды сделала в действительности. Не имеет значения, что пальцы мои при этом начало покалывать при воспоминании о более шероховатых и густых бровях и о темно-голубых глазах под ними.

Я поспешно повернулась к своему соседу — как к противоядию от беспокойных размышлений. Соседом оказался Мурта. Вот уж кто ни в

малой мере не напоминал мне мужчин, тревожащих мое воображение!

Невысокий, щуплого сложения, но мускулистый, как гиббон, с несоразмерно длинными руками, которые усиливали сходство с обезьяной; у него был низкий лоб и узкие челюсти, они мне почему-то напомнили о пещерных жителях и об изображениях первобытных людей в какой-то из книг Фрэнка. Нет, отнюдь не неандерталец. Пикт, вот он кто. В маленьком клансмене было нечто особенно стойкое, что-то роднящее его с потемневшими от непогоды, покрытыми надписями камнями, древними даже в этом времени, которые стоят неколебимыми стражами на перекрестках и на кладбищах.

Увлеченная такими мыслями, я начала присматриваться к другим своим сотрапезникам, чтобы определить их этническое происхождение. Вот, например, сидит человек возле камина, его зовут Джон Камерон, он типичный норманн, если я верно их себе представляю: высокие скулы, высокий и широкий лоб, длинная нижняя губа и смуглая кожа галла.

На удивление светловолосые саксы... совершенный образец — Лаогера. Светлокожая, голубоглазая, хоть и очень миниатюрная, но уже пухленькая... но тут я прекратила свое немилосердное наблюдение. Лаогера тщательно избегала смотреть на меня и на Джейми; теперь она дружески болтала со своими подружками за одним из нижних столов.

Я стала смотреть в противоположную сторону, на соседний стол, где сидел Дугал, на этот раз отдельно от Колама. Кровожадный викинг, точно! Внушительный рост, широкие, плоские скулы... легко представить его себе на палубе корабля-дракона, глубоко запавшие глаза горят алчностью и вождельением, когда он завидит сквозь туман деревню на скалистом берегу.

Крупная рука, слегка поросшая на запястье рыжими волосками, протянулась мимо меня, чтобы взять небольшой ломтик овсяного хлеба с подноса. Еще один древний скандинав, Джейми. Он напомнил мне легенды миссис Бэйрд о племени великанов, которые некогда пришли в Шотландию, а после сложили свои длинные кости в северном краю.

Разговор был общий, как обычно, маленькие группки переговаривались в промежутках между заглатыванием еды. Неожиданно до меня донеслось знакомое имя, его произнесли за соседним столом. Сандрингэм. Я думала сначала, что голос принадлежал Мурте, и повернулась к нему. Он сидел рядом с Недом Гоуэном и жевал, как машина.

— Сандрингэм? А, старый Уилли-жопочник, — раздумчиво проговорил Нед.

— Как?! — вскинулся один из молодых воинов, поперхнувшись элем.

— Наш почтенный герцог имеет вкус к мальчикам, вот как, — пояснил

Нед. — Во всяком случае, я так понимаю.

— М-да, — согласился Руперт с набитым ртом. Прожевав, он добавил: — Ему тогда очень пришелся по вкусу молодой Джейми. В последний раз, когда он сюда приезжал, если я правильно запомнил. Когда это было, Дугал? В тридцать восьмом? Или в тридцать девятом?

— В тридцать седьмом, — отозвался Дугал из-за своего стола и прищурился на своего племянника. — Ты был хорошеньким пареньком в шестнадцать лет, Джейми.

Джейми кивнул, жуя.

— Да. И бегал быстро, — сказал он.

Когда улегся смех, Дугал принялся дразнить Джейми:

— Я и не знал, что ты был фаворитом, Джейми. Кое-кто из них продал несчастную задницу за земли и должности.

— Как видишь, я не получил ни того, ни другого, — с усмешкой ответил Джейми под новый взрыв хохота.

— Ты что, ни разу не подпустил его близко к себе? — громко чавкая, задал вопрос Руперт.

— Сказать по правде, случилось подпустить ближе, чем мне самому хотелось бы.

— А насколько близко тебе пришлось бы по душе, парень? — выкрикнул сидевший за Рупертом высокий мужчина с каштановой бородой — я его не знала.

Его реплика была встречена смехом и весьма вольными замечаниями. Джейми все это ничуть не беспокоило, он с улыбкой потянулся за следующим куском хлеба.

— Ты из-за этого сбежал из замка и вернулся к отцу? — задал Руперт новый вопрос.

— Да.

— Джейми, дружище, тебе только стоило рассказать мне об этих неприятностях, — с притворным участием произнес Дугал, на что Джейми вначале отозвался типично шотландским гортанным звуком, а потом сказал:

— Если бы я рассказал тебе об этом, старый ты плут, ты бы в один прекрасный вечер подлил мне в эль макового настоя и уложил в постель к его светлости в качестве маленького подарка.

Стол взревел, а Джейми увернулся от луковицы, которой запустил в него Дугал.

Руперт полуобернулся к Джейми через стол:

— Сдается мне, парень, что я видел, как ты входил в комнату к герцогу

как раз перед сном, и было это незадолго перед твоим отъездом. Ты уверен, что ничего не скрыл от нас?

Джейми схватил другую луковицу и швырнул в Руперта. Не попал, и луковица куда-то закатилась.

— Нет, — смеясь, отвечал Джейми. — В этом самом смысле я и до сих пор девственник. Но если ты хочешь узнать об этих делах в подробностях, Руперт, прежде чем уйдешь спать, я могу рассказать и тебе и всем остальным.

Под общие крики: «Рассказывай! Рассказывай!» — Джейми налил себе кружку эля и откинулся назад в классической позе повествователя. Я увидела, что Колам за главным столом подался вперед, приготовившись слушать с не меньшим вниманием, чем конюхи и воины за нашим столом.

— Ну, — начал Джейми, — Руперт говорит правду, его светлость положил на меня глаз, а я в свои шестнадцать был совсем невинный...

Тут посыпались замечания одно другого непристойней, но Джейми только возвысил голос и продолжал:

— Был, говорю, совсем невинный в таких делах и не понимал, что оно значит. Но мне казалось странным, чего это он все норовит погладить меня, как маленькую собачку, и почему интересуется, что лежит у меня в спорране.

— Или под ним! — выкрикнул чей-то пьяный голос.

— Удивлялся я до тех пор, — рассказывал дальше Джейми, — пока он однажды не увидел, как я моюсь в реке, и не предложил мне потереть спину. Помыл он спину, но не отпускал меня, и я начал беспокоиться, а как он сунул руку мне под килт, тут я уловил общую мысль. Был я невинный, но, понимаете ли, не совсем дурак. Выпутался я из этого неприятного положения таким способом, что прямо в килте и во всем остальном бросился в реку и переплыл на ту сторону. Его светлость не рискнул полезть в грязь и в воду в своем дорогом платье. После этого я старался не оставаться с ним наедине. Он подловил меня разок-другой в саду и во дворе, но там было где увернуться, и я отделался тем, что он поцеловал меня в ухо. Хуже было, когда он застал меня одного в конюшне.

— В моей конюшне? — Старый Алек был беспредельно возмущен. Привстал и крикнул через комнату в сторону главного стола: — Колам, смотри, чтобы этот человек и близко не подходил к моим сараям! Герцог он или нет, я не позволю ему пугать моих лошадей! И приставать к моим ребятам, — спохватившись, добавил он.

Джейми продолжал свой рассказ, нисколько не смущаясь тем, что его перебивают. Две дочери-подростка Дугала слушали увлеченно, чуть

приоткрыв рты.

— Я находился в стойле, а там, как вы знаете, не очень-то много места для маневра. Я наклонился над яслями (новый взрыв непристойных замечаний в зале), да, так, значит, наклонился над яслями, вычищая сор со дна, как вдруг услышал позади себя шорох, и не успел выпрямиться, а уж мой килт задрали мне на талию, а к задку прижалось что-то твердое.

Он помахал рукой, чтобы унять поднявшийся общий гвалт, прежде чем продолжать:

— Не очень-то мне хотелось, чтобы меня изнасиловали в стойле, но и выхода я не видел. Заскрежетал зубами и только надеялся, что не будет очень уж больно, но тут конь — это был тот самый вороной мерин, Нед, которого ты получил в Броклбери, Колам потом продал его Бредалбину, — ну так вот, конь обратил внимание на шум, поднятый его светлостью. Лошади вообще любят, когда с ними разговаривают, и этот тоже любил, но питал отвращение к очень высоким голосам, из-за этого я не выводил его во двор, когда там играли маленькие ребятишки — он сразу начинал беспокоиться, бил копытами и лягался почем зря. У его светлости, если вы помните, голос очень высокий, а по случаю такой оказии сделался еще выше от возбуждения. Ну, значит, коню это не понравилось, да и мне тоже, и конь затоптал, завертелся и прижал его светлость, можно сказать, распластал его по стенке стойла. Как только герцог от меня отцепился, я вскочил на ясли, обошел коня с другого бока и удрал, предоставив его светлости выпутываться, как он сумеет.

Джейми перевел дух и отхлебнул эля. К этому времени к нему было приковано внимание всех присутствующих в зале, все лица, на которых лежали отсветы горящих торшеров, обращены были к нему. Кое-кто хмурился, недовольный обличениями в адрес наиболее влиятельного и весьма знатного представителя английской короны, но большинству скандальная история доставила нескрываемое удовольствие. Я пришла к заключению, что герцог не был особенно популярной фигурой в замке Леох.

— Подобравшись, как вы могли бы сказать, настолько близко, его светлость придумал еще кое-что с целью заполучить меня. На следующий день он обращается к Макензи с просьбой, чтобы я пришел и помог ему умыться и переодеться, так как его личный слуга заболел.

Колам, к вящему удовольствию собравшихся, закрыл лицо рукой в комическом ужасе. Джейми кивнул Руперту:

— Вот почему ты видел, как я входил вечером в комнату его светлости. По приказу, так сказать.

— Ты мог обратиться ко мне, Джейми, и я бы не позволил тебе идти, — с упреком сказал Колам.

Джейми пожал плечами и усмехнулся.

— Меня удерживала естественная скромность, дядя. Кроме того, я знал, что у вас дела с этим человеком. Я считал, что вашим переговорам будет нанесен ущерб, если вы будете вынуждены попросить его светлость убрать руки от задницы вашего племянника.

— Весьма предусмотрительно с твоей стороны, Джейми, — сухо заметил Колам. — Таким образом, ты принес себя в жертву моим интересам?

Джейми приподнял свою кружку с шутливой торжественностью.

— Ваши интересы, дядя, у меня всегда на первом месте, — произнес он, и мне подумалось, что, несмотря на легкомысленный тон, подтекст в его словах вполне искренний и Колам понимает это так же хорошо, как и я.

Джейми осушил кружку и поставил ее на стол.

— Однако, — продолжал он, вытерев рот, — в данном случае я не считал, что семейный долг требует от меня столь многого. Я пошел в апартаменты герцога, как вы мне велели, но это было все.

— И ты вышел оттуда с нетронутым задним проходом? — скептически спросил Руперт.

— Вот именно. Видишь ли, как только я об этом услышал, я прямиком направился к мистрисс Фиц и сказал ей, что мне просто необходимо принять порцию сиропа из винных ягод. Она мне налила; а я подсмотрел, куда она ставит бутылку, потихоньку пробрался туда попозже и выпил сколько мог.

Все разразились хохотом, включая и мистрисс Фиц, которая так при этом побагровела, что я подумала, не хватил бы ее удар. Но она церемонно встала с места, прошествовала вокруг стола и добродушно потрепала Джейми за ухо.

— Так вот куда девалось мое замечательное лекарство, негодник ты этакый! — Уперев руки в бока, она укоризненно покачала головой. — Самое лучшее слабительное из всех, какие я делала.

— Оно оказалось очень действенным, — заверил ее Джейми.

— Еще бы! Страшно подумать, что произошло с твоими внутренностями после такого приема! Тебе, наверное, было плохо еще не один день после этого.

— Ничего со мной не случилось, но в тот день я никак не соответствовал намерениям его светлости. Он и не думал возражать, когда я попросил позволения покинуть его. Но я знал, что повторить такое мне не

удастся, и, как только спазмы уменьшились, взял в конюшне лошадь и был таков. Дорога домой отняла много времени, потому что я вынужден был останавливаться примерно через каждые десять минут, но к ужину на следующий день я туда добрался.

Дугал знаком велел слуге принести еще кувшин эля и переправил его по столу поближе к Джейми.

— Да, твой отец сообщил, что, по его мнению, ты уже многому научился в замке и с тебя достаточно, — произнес он, сочувственно улыбаясь. — Был, однако, в его письме оттенок, в котором я тогда не разобрался.

— Я надеюсь, вы заготовили новую бутылку вашего лекарства, мистрисс Фиц, — перебил Дугала Руперт и фамильярно ткнул величественную даму под ребро. — Похоже, что его светлость прибудет сюда через день или два. Или же на этот раз тебя выручит молодая жена, а, Джейми? — Руперт кинул на меня масляный взгляд. — Впрочем, по всей видимости, тебе придется ее оберегать. Я слышал, что слуга герцога не разделяет пристрастий его светлости, хотя почти такой же предприимчивый.

Джейми отодвинул скамью и встал из-за стола, подняв и меня за руку. Обнял меня за плечи и улыбнулся Руперту:

— Я думаю, мы сумеем за себя постоять, сражаясь спина к спине.

Руперт с ужасом вытаращил глаза.

— Спина к спине?! — воскликнул он. — Выходит, мы забыли объяснить тебе кое-что перед свадьбой. Неудивительно, что ты до сих пор не сделал ей ребенка!

Джейми крепче сжал руку и повернул меня к выходу. Мы удалились, сопровождаемые взрывами смеха и нескромными советами.

В темном коридоре Джейми прислонился к стене, согнувшись от смеха чуть не пополам. Не в силах держаться на ногах, я опустилась прямо на пол у его ног и беспомощно захихикала.

— Ты ему ничего не говорила? — выдохнул наконец Джейми.

Я замотала головой:

— Нет, конечно же, нет.

Все еще посмеиваясь, я ухватила его за руку, он потянул меня вверх. Я припала к его груди.

— Дай-ка мне проверить, правильно ли я понял.

Он взял мое лицо в свои ладони и прижал свой лоб к моему, так что вместо двух глаз я видела перед собой большой голубой круг, а его теплое дыхание согревало мне подбородок.

— Лицом к лицу. Вот так?

Легкие пузырьки смеха растворились у меня в крови, их сменило нечто совсем иное. Я дотронулась языком до губ Джейми, между тем как руки занимались кое-чем пониже.

— Лицо не столь существенно. Но ты понял правильно.

На следующий день я находилась у себя в амбулатории и терпеливо выслушивала пожилую леди из деревни, родственницу нашей кухарки; она многословно описывала мне приступы болей в горле у своей невестки, которые теоретически имели отношение к ее собственным жалобам, на хронический тонзиллит, но я пока что этой связи не улавливала. Тень загородила вход, оборвав излагаемый старой леди перечень симптомов.

В помещение ввалился Джейми, а следом за ним Алек, оба крайне обеспокоенные и возбужденные. Джейми бесцеремонно отшвырнул самодельную пластинку, которую я использовала, чтобы прижимать во время осмотра язык пациента, и теперь как раз держала в руке, ухватил кисти моих рук в свои и поднял меня на ноги.

— Какого... — начала было я, но меня перебил Алек, уставившийся через плечо Джейми на мои руки, которые тот ему продемонстрировал.

— Да, все хорошо, парень, но как насчет длины? Достаточно ли они длинные, а?

— Гляди. — Джейми вытянул мою руку во всю длину и сравнил со своей.

— Ладно, — произнес Алек с некоторым сомнением. — Может, и подойдет. Да, подойдет.

— Вы мне скажете, черт побери, что вы собираетесь делать? — спросила я, но не успела договорить, как двое мужчин, подхватив меня с обеих сторон, потащили вниз по лестнице, оставив мою пожилую пациентку с недоуменно разинутым ртом.

Несколькими минутами позже я с опаской разглядывала большой, блестящий темно-рыжий круп лошади на расстоянии примерно шести дюймов от моей физиономии. Проблема прояснилась по дороге в конюшню: Джейми объяснял, Алек сопровождал его слова отдельными замечаниями, проклятиями и междометиями.

Лосганный, гордость конюшни Колама, кобыла, обычно легко производившая на свет жеребят, не могла разродиться. В этом я убедилась и сама: кобыла лежала на боку, время от времени блестящий от пота живот тяжело раздувался, огромное тело сотрясала дрожь. Стоя на четвереньках возле крупы лошади, я видела края влагалища, слегка расходящиеся при

каждом сокращении матки, но ничего более существенного не происходило: в отверстии не показывалось ни крошечное копытце, ни влажный нос. Поздний жеребенок, видимо, имел боковое или заднее предлежание. Алек считал, что боковое, Джейми — что заднее, и они на минуту прекратили свой спор, когда я нетерпеливо призвала митингующих к порядку, чтобы спросить, чего же, собственно, они хотят от меня.

Джейми посмотрел на меня как на дурочку.

— Хотим, чтобы ты повернула жеребенка, разумеется, — сказал он терпеливо. — Поверни передние ножки, и он сможет выйти.

— Ах, только-то и всего? — Я взглянула на лошадь.

Лосганны — это элегантное имя в переводе означало «лягушка» — обладала достаточно деликатным сложением для лошади, но тем не менее была весьма крупна.

— Значит, я должна засунуть в нее руку? — Я украдкой глянула на свою руку. Пройти-то она пройдет, отверстие достаточное, но что дальше?

Конечности обоих мужчин были явно слишком велики для такого дела. Конюх Родерик, которому обычно поручались подобные сложные операции, на этот раз участвовать в ней не мог из-за лубка и перевязи моего собственного изобретения на правой руке, которую он сломал два дня назад. Тем не менее Уилли, другой конюх, был отправлен за Родериком — для консультации и моральной поддержки. Он вскоре явился, одетый в одни лишь драные штаны; узкая голая грудь белела в сумраке конюшни.

— Работа трудная, — сказал он применительно и к ситуации, и к тому, что именно я должна его заменить. — Мудреная, понимаете ли. Тут нужна привычка, но и сила требуется немалая.

— Не беспокойся, — доверительно сообщил Джейми. — Клэр гораздо сильнее тебя, малыш. Ты только объясни ей, что искать и как действовать, и она мигом справится.

Я оценила сей глас доверия, но сама была настроена отнюдь не радужно. Твердя себе, что это не сложнее, чем ассистировать при полостной операции, я удалилась, в стойло, чтобы сменить платье на брюки и грубую блузу из мешковины, потом намылила жирным дегтярным мылом всю руку — от кисти до плеча.

— Ну что ж, приступим, — буркнула я себе под нос и погрузила руку внутрь.

Места для маневрирования было мало, и я вначале не могла разобрать, что у меня под рукой. Закрыв глаза, чтобы получше сосредоточиться, я начала искать более тщательно и осторожно. Там были мягкие участки и более твердые выступы. Мягкое — это, должно быть, тельце, а твердое —

головка или ножки. Мне нужны были ножки, причем именно передние. Постепенно я начала различать, что где, и поняла необходимость не двигать ни одним пальцем во время очередной схватки; необыкновенно сильные мышцы матки сжимали всю мою руку, словно тисками, причиняя сильную боль костям, пока напряжение не ослабевало — тогда я могла продолжать поиски.

Наконец мои пальцы нащупали нечто вполне определенное.

— У меня под пальцами нос! — торжествующе выкрикнула я. — Нашла голову.

— Умница, барышня, умница! Не упусти ее! — похвалил меня Алек, который, скрючившись, суетился возле лошади, поглаживая ее при каждой схватке.

Я скрипнула зубами и уткнулась лбом в лошадиный круп — так сильно мне стиснуло запястье. Отпустило, и я продолжала обследование. Осторожно продвигаясь вверх, нащупала обвод глазницы, лоб, крохотное свернутое ухо. Переждав еще одну схватку, продвинулась по изгибу шеи к плечу.

— Головка прижата к плечу, — сообщила я. — Положение головки правильное.

— Хорошо, — отозвался Джейми, который стоял возле головы лошади и, успокаивая, гладил ее по мокрой от пота шее. — Похоже, что ножки подогнуты под грудь. Попробуй нащупать колено.

Так они и продолжались, эти поиски, это нащупывание в теплой и темной глубине лошадиного тела, рука в этой глубине по самое плечо, она то испытывает чудовищное давление родовых спазмов, то милосердное расслабление и ведет борьбу за достижение цели. Мне казалось, что рожая я сама — и чертовски тяжелое это было дело.

В конце концов я нащупала копыто, почувствовала его округлую поверхность и очень острый край, еще не касавшийся земли. Из всех сил стараясь следовать взволнованным, а порою и противоречивым инструкциям моих наставников, я попеременно тянула и толкала, облегчая поворот инертной массе тела жеребенка, подвигая одну ножку вперед, толкая другую назад, обливаясь потом и стоная вместе с лошастью.

А потом вдруг все и получилось. Во время расслабления тельце мягко скользнуло в нужное положение. Не двигаясь, я ждала следующей схватки. Она наступила, и маленький мокрый носик высунулся наружу и вытолкнул мою руку. Крошечные ноздри дернулись, как бы интересуясь новым ощущением, а потом нос исчез.

— В следующий раз он выскочит! — Алек почти танцевал в экстазе,

его изуродованная ревматизмом фигура выделявала на сене фантастические антраша. — Давай, Лосганн! Давай, моя милая маленькая лягушечка!

И как бы в ответ на его слова кобыла издала судорожный храп, круп ее резко выгнулся, и жеребенок с мокрыми шишковатыми ножками и огромными ушами мягко соскользнул на чистую солому.

Я откинулась на солому тоже, ухмыляясь совершенно по-идиотски. Покрытая мылом, слизью и кровью, измученная и крепко пахнущая отнюдь не самыми благоуханными частями лошадиного тела. Я была в состоянии эйфории.

Сидела и смотрела, как Уилли и владеющий только одной рукой Родерик ухаживают за новорожденным, обтирая его пучками соломы. И радовалась вместе со всеми остальными, когда Лосганн повернулась и лизнула жеребенка, потом осторожно подтолкнула его носом, побуждая подняться на длинные, разъезжающиеся ноги.

— Чертовски хорошая работа, милочка! Просто чертовски! — Алек так и сыпал словами, тряс мою испачканную слизью руку, поздравляя.

Внезапно разглядев, что меня качает из стороны в сторону, что вид у меня весьма непрезентабельный, он приказал одному из конюхов принести воды. Потом обошел меня сзади и положил мне на плечи свои старые мозолистые ладони. Удивительно ловкими и нежными движениями он нажимал на плечи, гладил их, ослабляя напряжение, расправляя зажатые мышцы шеи.

— Ну что, милая? — сказал он под конец. — Тяжелая работа, верно? — Улыбнулся мне, потом с явным обожанием обратил взгляд на новорожденного. — Красивый паренек, — промурлыкал он. — Кто у нас такой славный парень?

Джейми помог мне умыться и переодеться. Пальцы мои чересчур наболели, чтобы я могла застегнуть пуговицы на лифе, и я знала, что к завтра одна моя рука вся покроется синяками, но чувствовала я себя умиротворенной и довольной.

Дождь, казалось, шел целую вечность, так что, когда настало наконец ясное солнечное утро, я щурилась от дневного света, словно только что выбравшийся из-под земли крот.

— У тебя кожа такая тонкая, что мне видно, как под ней движется кровь, — говорил Джейми, следя за движениями солнечного луча по моему обнаженному животу. — Я могу показать, как проходит вена по твоей руке к сердцу. — Он провел пальцем по моей руке от запястья по локтевому

сгибу, потом по внутренней стороне к плечу и спустился к ключице.

— Это подключичная вена, — заметила я, глядя поверх носа на его путешествующий палец.

— Правда? А и верно, ведь она проходит у тебя под ключицей. Ну скажи еще что-нибудь. — Палец медленно двинулся вниз. — Мне нравится узнавать названия разных вещей по-латыни. В жизни не думал, что так приятно заниматься любовью с врачом.

— Это ареола,^[1] — пояснила я подчеркнуто докторальным голосом, — ты это знаешь, я тебе говорила на прошлой неделе.

— Правильно, говорила, — пробормотал он. — А вот еще кое-что очень интересное.

Светловолосая голова опустилась, и язык заменил палец.

— Умбиликус,^[2] — слегка задохнувшись, выговорила я.

— Умм, — произнес он, прижав улыбающийся рот к моей отсвечивающей солнцем коже. — Ну а это что?

— Скажи сам, — ответила я, обхватив его за голову, но он уже не мог говорить.

Немного позднее я расположилась в своем амбулаторном кресле, мечтательно разнежившись при воспоминании о пробуждении в постели, залитой солнечным светом, когда слепящие белые блики перемещаются по простыням, словно по песку на пляже. Одну руку я положила себе на грудь и лениво потрагивала сосок, с приятностью ощущая, как он твердеет от моих прикосновений под тонким коленкором лифа.

— Наслаждаешься?

Полный иронии возглас у дверей заставил меня выпрямиться так стремительно, что я стукнулась головой о полку.

— О, — заговорила я несколько сварливо, — Джейли. Кому же еще быть! Что ты здесь делаешь?

Она проскользнула в комнату, передвигаясь будто на колесах. Я знала, что у нее есть ноги, я их видела. Чего я не могла себе представить, так это каким образом она их переставляет во время ходьбы.

— Принесла мистрисс Фиц немного испанского шафрана, он ей понадобился к приезду герцога.

— Еще пряности? — удивилась я, начиная вновь обретать хорошее настроение. — Если он съест хотя бы половину того, что она для него припасла, придется домой его катить, как шар.

— Его и сейчас можно было бы катить. Я слышала, он и в самом деле

шарообразный.

Покончив на этом с герцогом и его наружностью, Джейли спросила, не хочу ли я прогуляться с ней до ближайшего предгорья.

— Мне понадобилось немножко мха, — пояснила она и грациозно помахала своими очень гибкими длинными руками. — Из него получается дивный лосьон для рук, если прокипятить его с молоком и небольшим количеством овечьей шерсти.

Я бросила взгляд на свое узкое окно, возле которого неистово плясали пылинки в золотом солнечном луче. Ветерок доносил запах спелых плодов и свежескошенного сена.

— А почему бы и нет?

Дождаясь, пока я соберу свои корзинки и бутылочки, Джейли крутилась по амбулатории, то и дело хватая что-нибудь и оставляя где попало. Остановилась возле маленького, столика и, нахмутив брови, взяла то, что на нем лежало.

— Что это такое?

Я оставила свое занятие и подошла к ней. Она держала маленький пучок высохших растений, перевязанный тремя нитками, свитыми вместе, — красной, белой и черной.

— Джейми уверяет, что это некий фетиш. Чья-то, как он сказал, скверная шутка.

— Он прав. Где ты это нашла?

Я рассказала ей, как обнаружила пучок у себя в постели.

— Джейми вышвырнул его за окно, а я на другой день пошла и подобрала. Хотела отнести его к тебе домой и спросить, не знаешь ли ты что-нибудь об этом, но позабыла.

Джейли стояла, задумчиво покачивая головой и постукивая ногтем по передним зубам.

— Нет, не могу сказать, что знаю. Но есть способ угадать, кто тебе его подложил.

— Правда?

— Правда. Приходи завтра утром ко мне, и я тебе скажу.

Отказавшись дальше говорить на эту тему, она крутанулась в вихре зеленых юбок и предоставила мне следовать за ней.

Она повела меня напрямик в предгорье — бегом, когда дорога позволяла, или шагом, когда бежать становилось затруднительно. Примерно через час пути от деревни она остановилась возле ручейка, над которым склонялись ивы.

Мы перешли ручеек вброд и стали подниматься вверх по предгорью,

собирая еще не отцветшие растения позднего лета вместе со спелыми ягодами ранней осени, а также плотные желтые трутовики на пнях в затененных маленьких лощинах.

Джейли скрылась в зарослях папоротников выше по склону, а я остановилась содрать немного осиновой коры. Шарики высохшего сока на бледной коре напоминали застывшие капельки крови, отливая темно-малиновым цветом в проникающем сюда солнечном свете.

Какой-то звук отвлек меня от созерцания, я подняла голову и посмотрела в ту сторону, откуда он донесся.

Я снова услышала тот же звук — тонкий мяукающий крик. Он доносился откуда-то сверху, как мне показалось — из каменистой теснины почти у самой вершины холма. Я поставила корзину на землю и начала подниматься...

— Джейли! — окликнула я. — Иди сюда! Кто-то оставил ребенка.

Треск веток под ногами и приглушенные ругательства предшествовали ее появлению на холме, пока она прокладывала себе путь сквозь колючий кустарник на склоне. Лицо у нее было красное и злое, в волосах запутались мелкие веточки.

— Чего ради, во имя Господа... — начала она, но тут же бросилась ко мне. — Кровь Христова! Положи его!

Она выхватила ребенка у меня из рук и положила его туда, где я его обнаружила, — в небольшое углубление в камнях. Оно было гладкое, чашеобразное, меньше ярда в поперечнике. Сбоку от углубления стояла небольшая деревянная чашка, наполовину наполненная свежим молоком, а в ногах у ребенка лежал букет полевых цветов, перевязанных красным шнурком.

— Но ведь он болен! — запротестовала я, вновь наклоняясь к ребенку. — Кто мог бросить здесь больного дитя?

Ребенок и в самом деле был очень болен: маленькое сморщенное личико позеленело, под глазами легли темные тени, маленькие кулачки слабо двигались под пеленкой. Дитя вяло обвисло у меня на руках, когда я его подняла. Удивительно, что у него хватало сил кричать.

— Его родители, — коротко ответила Джейли на мой вопрос, отстраняя меня движением руки. — Оставь его. Идем отсюда.

— Родители? — возмутилась я. — Но...

— Это оборотень, — объяснила Джейли нетерпеливо. — Оставь его, и пойдем. Быстрее!

Увлекая меня за собой, она снова нырнула в подлесок. Громко

протестуя, я спускалась вместе с ней до конца склона; обе мы раскраснелись и тяжело дышали, но только в самом низу я смогла ее остановить.

— В чем дело? — спросила я. — Мы же не можем бросить больного ребенка вот так, прямо под открытым небом. И что ты имеешь в виду, называя его оборотнем?

— Оборотень, — все с тем же нетерпением повторила она. — Ты же знаешь, что такое оборотень? Когда эльфы украдут человеческое дитя, они оставляют свое взамен. Такого подмененного ребенка можно узнать по тому, что он все время беспокоится и кричит, не становится румяным и не растет.

— Я, конечно, знаю об этом, — сказала я. — Но ты же не веришь в подобную чепуху, Джейли?

Она вдруг бросила на меня странный взгляд, полный настороженной подозрительности, но почти в ту же секунду черты ее лица расслабились и приняли обычное выражение слегка циничной насмешки.

— Нет, не верю, — согласилась она. — Но здешний народ верит. — Она с беспокойством посмотрела вверх, но со стороны каменной расселины больше не доносилось ни звука. — Родители должны быть где-то поблизости. Давай уйдем.

Я неохотно позволила ей увести себя по направлению к деревне.

— Почему они положили его туда? — спросила я, сидя на камне и снимая чулки, прежде чем переходить ручеек. — Они надеются, что придут эльфы и вылечат его?

Я по-прежнему беспокоилась о ребенке: он был отчаянно болен. Я не знала чем, но, возможно, могла бы помочь.

Что, если распрощаться с Джейли в деревне, а после вернуться? Только надо поторопиться. Я поглядела на восточный край неба, где светло-серые дождевые облака мягко темнели на фоне окрашенных пурпуром сумерек. Розовый свет еще сиял на западе, но сиять ему оставалось не более получаса.

Джейли перекинула витую из ивовых прутьев ручку своей корзины через голову на шею, приподняла юбку и, вздрагивая от холодной воды, вступила в ручей.

— Нет, — ответила она. — Или, вернее, да. Это один из заколдованных холмов, там опасно спать. Если ты оставишь оборотня в том месте на всю ночь, эльфы придут и заберут его назад, а настоящего ребенка вернут.

— Они так не сделают, потому что никакой он не оборотень, —

сказала я, задохнувшись от прикосновения к талой ледяной воде. — Просто больной ребенок. Вряд ли он переживет ночь под открытым небом.

— Он не переживет, — коротко ответила Джейли. — К утру он будет мертв. И я молю Бога, чтобы никто не видел нас там.

Я перестала обуваться.

— Мертв! Джейли, я возвращаюсь. Я не могу оставить его там. — И я пошла назад через ручей.

Она схватила меня сзади и опрокинула лицом вниз на мелководье. Барахтаясь и задыхаясь, я пыталась встать на колени, разбрызгивая воду во все стороны. Джейли — вода доходила ей до половины икр — стояла и смотрела на меня, вся промокшая.

— Слушай, ты, чертова безголовая английская ослица! Ты ничем не можешь помочь! Ты меня слышишь? Я не могу остаться здесь и допустить, чтобы ты рисковала своей жизнью и моей из-за твоих идиотских бредней!

Сопя и что-то ворча себе под нос, она наклонилась, взяла меня за руки и помогла встать.

— Клэр, — заговорила она настойчиво, встряхивая мои руки, — выслушай меня. Если ты подойдешь к этому ребенку и он умрет — а он непременно умрет, поверь мне, я на таких, как он, уже насмотрелась, — так вот, родители тогда обвинят тебя. Неужели ты не понимаешь, насколько это опасно? Знаешь ли ты, что говорят о тебе в деревне?

Я стояла, дрожа на холодном вечернем ветру, раздираемая между ее очевидным страхом за мою безопасность и мыслью о беспомощном ребенке, медленно умирающем в темноте, с полевыми цветами у ног.

— Нет, — ответила я, убирая мокрые волосы с лица. — Нет, Джейли, я не могу. Обещаю, что буду осторожна, но я должна пойти.

Я вырвалась от нее и, спотыкаясь и оступаясь в воде, на которую уже легли обманчивые вечерние тени, двинулась на другой берег.

Вслед мне донесся приглушенный вопль отчаяния, а затем — бешеный плеск в противоположном направлении. Ну что ж, она по крайней мере не будет мне мешать.

Быстро темнело, и я продиралась сквозь кусты и траву как только могла скорее. Я не была уверена, что найду нужный холм, если не успею добраться туда до наступления полной темноты: поблизости одна от другой было несколько почти одинаковых возвышенностей. Заколдованы они или нет, но блуждать одной в темноте мне совсем не хотелось. К тому же я с немалым беспокойством думала о том, как доплечусь до замка с больным ребенком на руках.

В конце концов я холм нашла — у его подножия росло несколько

молодых лиственниц, которые мне помнились. К этому времени сделалось совсем темно, ночь была безлунная, так что я спотыкалась на каждом шагу и часто падала. Лиственницы росли тесно; они негромко переговаривались на вечернем ветру, поскрипывая и шелестя ветвями.

Это проклятое место и в самом деле заколдовано, думала я, вслушиваясь в этот таинственный разговор, пока прокладывала себе дорогу среди тонких стволов. Ничуть не удивлюсь, если за следующим деревом встречу привидение.

Но тем не менее мне пришлось удивиться. Я чуть рассудка не лишилась, когда появилась темная фигура и обхватила меня руками. Я испустила пронзительный крик и замерла на месте.

— Господи Иисусе, — проговорила я, — что ты здесь делаешь?

И я прижалась к груди Джейми, обрадовавшись ему, хоть он меня и напугал.

Он взял меня за руку и повел прочь из леса.

— Я пошел за тобой, — тихо сказал он. — Я должен был отыскать тебя, ведь уже ночь наступила. Я встретил Джейлис Дункан возле ручья Святого Джона, она сказала мне, где ты.

— Но ребенок... — начала я, обернувшись лицом к холму.

— Ребенок умер, — сказал он, поворачивая меня обратно. — Я сначала побывал там и видел.

Я последовала за ним без возражений, подавленная смертью ребенка, но испытывая облегчение оттого, что мне не придется карабкаться на заколдованный холм, а после тащиться долгой дорогой в одиночестве. Темнота и шепчущие деревья угнетали меня, поэтому я шла молча, пока мы не перешли ручей. Все еще мокрая после недавнего погружения в воду, я не стала снимать чулки и зашлепала по воде прямо так.

Джейми, пока что сухой, перепрыгнул с берега на лежащий в воде валун, а оттуда перелетел широким прыжком на другой берег.

— Ты не подумала, насколько опасно бродить одной в такую ночь, Саксоночка? — поинтересовался он — без гнева, просто с любопытством.

— Нет... то есть да. Мне жаль, что я причинила тебе беспокойство, но я не могла оставить там ребенка, я просто не могла!

— Да, я понимаю. — Он на секунду крепко прижал меня к себе. — У тебя доброе сердце, Саксоночка, но ты не имеешь представления, с кем бы тебе пришлось иметь дело.

— С эльфами, да? — Я устала и была взбуждена происшедшим, но попыталась скрыть свое состояние и говорила легкомысленным тоном. — Я не боюсь суеверий. — Внезапная мысль поразила меня. — А ты...

неужели ты веришь в эльфов, оборотней и тому подобное?

Джейми помолчал, прежде чем ответить мне:

— Нет. Нет, я не верю в такие вещи, но будь я проклят, если бы решился лечь спать на всю ночь на таком вот заколдованном холме. Но я ведь образованный человек, Саксоночка. В доме у Дугала у меня был немецкий учитель, очень хороший, который учил меня латыни и греческому, а позже, когда я в восемнадцать лет уехал во Францию, я изучал историю и философию, понял, что мир неизмеримо обширнее наших теснин и болот и наших озер с их водяными конями. Но здешние люди... — Он махнул рукой в сторону темноты, оставшейся позади нас. — Они никогда не отходили дальше чем на день пути от того места, где родились, разве что ради столь великого события, как Собрание клана, да и это не более двух раз в жизни. Они живут среди ущелий и озер, и они слышали об окружающем мире не больше того, что рассказывает отец Бэйн в церкви по воскресеньям. Только это да еще старые сказки.

Он отвел в сторону ольховую ветку, и я пригнулась под ней. Мы находились на оленьей тропе, по которой раньше прошли мы с Джейли, и я была обрадована этим новым свидетельством того, что он может найти дорогу даже в темноте. Удалившись от заколдованного холма, он говорил нормальным голосом, порою умолкая для того, чтобы отклонить с дороги какую-нибудь колючую ветку.

— Эти сказки звучат страшно, но и увлекательно в устах Гуиллина, когда ты сидишь в Холле, потягивая ренское вино...

Джейми шел по тропе впереди меня, и его голос возвращался ко мне, мягкий и выразительный в прохладном ночном воздухе.

— Но за стенами замка, и особенно в деревне, все это совсем по-другому. Люди живут такими сказками. Думаю, в некоторых из них таится правда.

Я вспомнила о янтарных глазах водяного коня. И подумала, в скольких же еще сказках есть эта правда.

— А в других... ну... — Джейми заговорил тише, и мне пришлось напрягать слух. — Родителям этого ребенка легче поверить, что умер именно оборотень, а их собственное дитя, здоровое и счастливое, живет вечной жизнью у эльфов.

Мы дошли до того места, где были оставлены лошади, и через полчаса огни замка Леох приветливо засияли перед нами в темноте. Я никогда не думала, что буду воспринимать это мрачное здание как аванпост истинной цивилизации, но сейчас огни показались мне символом просвещения.

Только когда мы подъехали поближе, я поняла, что своей яркостью

свет обязан цепочке фонарей, зажженных вдоль парапета моста.

— Что-то случилось, — сказала я, поворачиваясь к Джейми.

Взглянув на него впервые за этот вечер при свете, я заметила, что он одет не в обычную свою драную рубашку и поношенный килт. Белоснежная полотняная сорочка прямо-таки сияла в свете фонарей, а его лучший — и единственный — бархатный кафтан был перекинут поперек седла.

— Да, — сказал он. — Поэтому-то я и начал разыскивать тебя. Герцог наконец приехал.

Герцог представлял собой нечто достойное удивления. Я не знаю, кого, собственно, я ожидала встретить, но, во всяком случае, не грубовато-добродушного, крепкого, краснолицего спортсмена, которого я увидела в зале Леоха. Лицо у него было веселое, грубое, обветренное, светло-голубые глаза постоянно смотрели немного вбок, словно он пытался уследить за полетом фазана, глядя против солнца.

На минуту я подумала, что недавнее несколько театрализованное описание герцога отчасти преувеличено. Однако присмотревшись к собравшимся, я заметила, что все юноши моложе восемнадцати лет со слегка настороженными лицами наблюдают за тем, как герцог смеется и дружески болтает с Коламом и Дугалом. Значит, дело не в театральном искусстве: молодых людей предостерегли.

Я с трудом сохраняла серьезное выражение лица, когда меня представляли герцогу. Он был рослый мужчина, полный достоинства и солидный, очень похожий на тех громогласных ораторов в пабах, которые подавляют оппозицию громкостью и повторениями. Я, конечно, тоже была предупреждена рассказом Джейми, но физическое впечатление было столь подавляющим, что, когда герцог, склонившись над моей рукой, произнес: «Очаровательно встретить соотечественницу в столь отдаленном месте» — голосом, похожим на писк взволнованной мыши, я была вынуждена прикусить щеку изнутри, чтобы не осрамиться публично.

Утомленные путешествием, герцог и сопровождающие лица рано улеглись спать. Но на следующий вечер после ужина была музыка и велись салонные разговоры, в которых приняли участие и мы с Джейми в компании с Коламом, Дугалом и герцогом. Сандрингэм воздавал хвалу ренскому вину Колама и был весьма многоречив, повествуя об ужасах путешествия, с одной стороны, и о природных красотах Шотландии — с другой. Мы слушали вежливо, но я старалась не встречаться с Джейми глазами, когда герцог на самых высоких тонах излагал историю своих дорожных мучений.

— Только мы выехали из Стирлинга, как сломалась ось, и мы застряли на три дня, да еще под проливным дождем, пока мой лакей отыскал и привел кузнеца, который исправил поломку. И не далее как через полдня мы наткнулись на какой-то ужасающий ухаб, и проклятая штуковина сломалась снова! Потом одна из лошадей потеряла подкову, и мы вынуждены были оставить карету и шагать по грязи рядом с ней, ведя в поводу охромевшую животину. А потом...

Повествование продолжалось, несчастье следовало за несчастьем, а мне все сильнее хотелось расхохотаться, и я попыталась залить жар вином — явная ошибка суждения.

— Но дичь, Макензи, что за дичь! — воскликнул герцог, выкатив глаза в полном восторге. — Я просто не мог поверить! Неудивительно, что у вас такой стол. — Он ласково погладил солидное брюшко. — Клянусь, я отдал бы глазной зуб, чтобы иметь возможность поохотиться на оленя, которого мы видели два дня назад. Великолепное животное, просто великолепное! Выскочил из кустов на дорогу прямо перед каретой, моя дорогая, — доверительно сообщил он мне. — Так напугал лошадей, что они едва не опрокинули карету — еще раз!

Колам поднял графин и вопросительно изогнул темную бровь. Наполнил подставленные стаканы и сказал:

— Возможно, мы сумеем устроить охоту для вашей светлости. Мой племянник очень хороший охотник.

Он бросил из-под опущенных бровей быстрый взгляд на Джейми, тот ответил едва заметным кивком. Колам откинулся на спинку кресла и продолжал непринужденно:

— Да, это будет отлично. Может быть, в начале следующей недели. Для фазанов еще рано, однако охота на оленя удастся прекрасно. — Он повернулся к Дугалу, наклонившись в его сторону. — Мой брат также может принять участие. Если вы намерены отправиться на север, он, кстати, покажет вам земли, о которых у нас уже шла речь.

— Превосходно, превосходно! — Герцог был восхищен.

Он потрепал Джейми по ноге; я видела, как напряглись мускулы, но Джейми не пошевелился. Он улыбнулся спокойно, и герцог задержал руку несколько дольше, чем следовало бы. Но тут его светлость перехватил мой взгляд и улыбнулся мне весьма игриво с выражением: «А не стоит ли попытаться?» Я невольно улыбнулась в ответ. К моему немалому удивлению, этот человек мне понравился.

В суете по случаю приезда герцога я совсем позабыла предложение Джейми помочь мне узнать, кто подложил злобный подарок. А после

неприятной сцены с ребенком-оборотнем на заколдованном холме мне как-то не слишком хотелось еще раз обратиться к ней.

Однако любопытство одержало верх над подозрительностью, и когда Колам попросил Джейми съездить в деревню и привезти Дунканов на банкет в честь герцога, который состоялся через два дня, я отправилась вместе с Джейми.

Таким образом мы в четверг оказались в гостиной Дунканов, где нас с неуклюжей любезностью принимал хозяин, пока его супруга переодевалась у себя наверху. В основном поправившись от последствий недавнего обострения гастрита, выглядел Артур не слишком здоровым. Как у многих толстых людей, сильная и внезапная потеря веса заметна была главным образом по лицу. Живот по-прежнему выпирал под зеленым шелком его жилета, в то время как кожа на лице обвисла дряблыми складками.

— Может, мне подняться наверх и помочь Джейли с прической или еще с чем-нибудь? — предложила я. — Я принесла ей новую ленту.

Я предвидела возможную необходимость найти предлог для того, чтобы поговорить с Джейли наедине, и принесла с собой маленький сверток. Предъявив его в качестве оправдания, я вышла из гостиной и начала подниматься по лестнице, прежде чем Артур мог возразить.

Джейли была готова к встрече со мной.

— Проходи, — пригласила она. — Мы сейчас поднимемся в мою особую комнату наверху. Придется спешить, времени у нас мало.

Я последовала за ней по узкой винтовой лестнице. Ступеньки были разной высоты, перед некоторыми, особенно высокими, мне приходилось приподнимать юбку, чтобы не оступиться. Я пришла к заключению, что плотники восемнадцатого столетия либо пользовались неточными способами измерения, либо обладали богатым чувством юмора.

Святылище Джейли располагалось под самой крышей, в уединенной мансарде над комнатами слуг. Оно оберегалось запертой дверью, которую можно было открыть при помощи чудовищного ключа, вынутого Джейли из кармана передника. Ключ имел в длину не меньше шести дюймов, широкая резная головка украшена цветочным орнаментом. Весил он по меньшей мере около фунта и при случае, наверное, мог бы служить недурным оружием. Замочная скважина и петли были отлично смазаны, и тяжелая дверь открылась бесшумно.

Мансарда оказалась маленькой, с островерхими окошками, прорезанными по фронтому дома. Каждый дюйм стен занимали полки, уставленные кувшинами, бутылками, фляжками, пузырьками и мензурками. Пучки сухих трав, тщательно перевязанные нитками разного

цвета, тесными рядами свисали со стропил; на голову мне, когда мы проходили по комнате, тихо осыпался душистый порошок.

Ничего общего с опрятностью и деловым порядком комнаты для трав, расположенной внизу. Здесь было тесно, порядка почти никакого и темно, несмотря на окна.

На одной из полок стояли книги, в большинстве своем старые и потрепанные, без надписей на корешках. Я повела любопытствующим пальцем по ряду кожаных корешков. Большинство книг было переплетено в телячью кожу, но два или три тома — в какой-то другой материал, очень мягкий, но неприятно маслянистый на ощупь. Одна книга, судя по всему, одета в рыбью кожу. Я сняла с полки этот том и осторожно его раскрыла. Это оказался манускрипт, написанный на смеси старофранцузского языка и еще более старой латыни, но название я разобрала: «*L'GrimoirdieComteSt. Germain*».

Я закрыла книгу и поставила ее обратно на полку, чувствуя некоторое потрясение. Grimoir. Книга о магии. Я просто физически ощущала, что Джейли сверлит глазами мою спину, и, обернувшись, увидела на ее лице выражение злобы и настороженного размышления. Как мне вести себя теперь, когда я узнала?

— Так это не просто слухи? — с улыбкой произнесла я. — Ты и в самом деле колдунья.

Мне было любопытно, насколько далеко это зашло: говорила ли она сама или просто утверждала себя таким образом, чтобы восполнить пустоту душевную от брака с Артуром. Мне было также интересно, какой магией она пользовалась — или думала, что пользуется.

— О, конечно, белой, — сказала она. — Исключительно белая магия.

Я с огорчением подумала, что Джейми был прав, говоря о моем лице: кажется, и в самом деле любой может прочесть мои мысли.

— Это очень хорошо, — сказала я. — Мне бы, например, было не по силам плясать вокруг костров в полночь, летать на метле и целовать дьявола в зад.

Джейли отбросила назад волосы и весело рассмеялась.

— Как я понимаю, ты вообще ничей не целуешь, — сказала она. — И я тоже. Хотя, если бы со мной в постели лежал такой красивый и горячий дьяволенок, как с тобой, я, может, и подумала бы об этом.

— Мне это напоминает... — начала я, но Джейли уже отвернулась от меня и, что-то бормоча себе под нос, занялась приготовлениями.

Прежде всего она проверила, заперта ли дверь, потом подошла к окну и начала рыться в пристроенном на подоконнике ящике. Вытащила

большой, но неглубокий сосуд и белую свечу в глиняном подсвечнике. Вслед за ними был извлечен изношенный плед, который она расстелила на полу, чтобы уберечься от пыли и сора.

— Что же ты собираешься делать, Джейли? — спросила я, не без опаски наблюдая за ее приготовлениями. Собственно говоря, я не замечала ничего особенно зловещего в плоском сосуде, свече и пледе, но ведь в искусстве колдовать я была полным профаном.

— Вызывать, — ответила она, растягивая плед таким образом, чтобы он лежал вровень с краями досок пола.

— Вызывать кого? — спросила я. — Или что?

Она встала и начала зачесывать назад свои волосы. Что-то приговаривая, освободила их от заколок и распустила сияющей завесой темно-кремового цвета.

— О, призраков, духов, видения. Все, что потребуется тебе, — сказала она. — Начинается всегда одинаково, но травы и заговоры для каждого случая свои. Нам сейчас нужно видение, чтобы узнать, кто тебе желает зла. Тогда мы сможем обратить это зло против них же.

— Ну, знаешь ли... — Я вовсе не хотела мстить, но было очень любопытно, что значит «вызывать» и кто же, в конце концов, желает мне зла.

Поместив сосуд на середине пледа, Джейли начала наливать в него воду из кувшина, попутно объясняя:

— Ты можешь использовать любой сосуд, достаточно большой, чтобы получить хорошее отражение, но магическая книга предписывает употреблять серебряный таз. Можно делать это даже на пруду или просто в луже, но они должны находиться в уединенном месте. Для таких действий нужны покой и тишина.

Она быстро сновала от окна к окну, задерживая тяжелые черные занавески, до тех пор пока в комнате не стало совсем темно. Я с трудом различала в темноте стройный силуэт Джейли, но вскоре она зажгла свечу. Колеблющееся пламя освещало ее лицо, острая клинообразная тень лежала под носом и на точеном подбородке.

Она поставила свечу возле сосуда, дальше от меня. Воду в сосуд наливала очень осторожно и так полно, что жидкость, казалось, выступает над краем, не выливаясь только благодаря поверхностному натяжению. Наклонившись, я увидела, что вода дает отличное отображение, гораздо более четкое, чем зеркала в замке. И опять, словно читая мои мысли, Джейлис объяснила, что отражающий сосуд годится не только для того, чтобы вызывать духов, но и как зеркало, когда причесываешься.

— Не толкни его, не то промокнешь, — предупредила она, сосредоточенно нахмурившись.

Нечто сугубо практическое в тоне этого замечания, такого прозаического в самый разгар сверхъестественных приготовлений, напомнило мне еще кого-то. Глядя на изящную мертвенно-белую фигуру, наклонившуюся над трутницей, я вначале не сообразила, кого именно она мне напоминает... Ах, ну конечно же! Внешне ничуть не похожая на старомодно одетую женщину возле чайника в кабинете у почтенного Уэйкфилда, Джейли точно повторяла интонации миссис Грэхем.

Возможно, это шло от свойственного обеим отношения, от прагматизма, с которым обе рассматривали оккультное как некий набор явлений вроде погоды. К нему следовало относиться с осторожностью — как, например, к употреблению очень острого ножа, — но избегать или бояться ни к чему.

А возможно, их сближал запах лавандовой воды. Свободно ниспадающие платья Джейли обычно пахли эссенциями, которые она перегоняла из растений: календулой, ромашкой, лавровым листом, нардом, мятой, майораном. А сегодня складки ее белого платья были насыщены запахом лаванды, тем самым, который пропитывал повседневное голубое хлопчатобумажное платье миссис Грэхем и шел от ее морщинистой костлявой груди.

Если грудь Джейли и держалась на таком же костяке, внешне это никак не проявлялось, хотя платье у нее было очень открытое. Впервые я видела Джейли Дункан в дезабилье; обычно она носила строгие и массивные платья с высокой застежкой на шее, как и подобало супруге такого лица. И вот теперь открылось на удивление пышное богатство, кремовое изобилие почти того же оттенка, как и ее платье; мне стало понятно, почему такой человек, как Артур Дункан, женился на бесприданнице неизвестного происхождения.

Джейли сняла с полки один за другим три кувшина, отливая из каждого понемногу в резервуар маленькой металлической жаровни. Зажгла слой древесного угля под резервуаром от пламени свечи и подула на слабенький огонек, чтобы он разгорелся. Из жаровни начал куриться ароматный дымок.

Воздух в мансарде был так неподвижен, что этот сероватый дымок поднимался прямо вверх, не рассеиваясь, образуя столбик, похожий по форме на стоящую возле сосуда с водой свечу. Джейли уселась между двумя этими маленькими колоннами, словно жрица в храме, красиво сложив ноги.

— Ну вот, я думаю, что все у нас получится славно. — Она быстрым движением стряхнула с пальцев частички розмарина и окинула всю сцену довольным взглядом.

Черные занавески с мистическими символами преграждали путь солнечным лучам, и единственным источником прямого света в комнате оставалась свеча. Ее пламя отражалось и рассеивалось от поверхности воды, совершенно неподвижной и мерцающей, словно и она излучала свет, а не просто отражала его.

— Что же дальше? — спросила я.

Огромные серые глаза мерцали, как вода, и были полны предвкушения. Джейли провела руками над поверхностью воды и спрятала их между колен.

— Ты просто посиди немного спокойно, — сказала она. — Прислушайся к биению собственного сердца. Ты его слышишь? Дыши свободно, медленно и глубоко.

Несмотря на оживленное лицо, голос ее звучал спокойно и размеренно, в полном контрасте с ее обычной быстрой речью.

Я послушно следовала ее указаниям, чувствуя, как замедляется биение сердца по мере того, как выравнивается дыхание. Я распознала в дыме запах розмарина, но в том, что угадала две другие травы, не была уверена. Наперстянка или лапчатка? Сначала я думала, что пурпурные цветки — это паслен, но нет, это не так. Однако чем бы они ни были, замедленность моего дыхания вызвана не только силой внушения Джейли. Я чувствовала себя так, словно какая-то тяжесть надавила мне на грудь и замедляет дыхание против моей воли.

Сама Джейли сидела совершенно спокойно и смотрела на меня немигающими глазами. Но вот она кивнула, и я послушно опустила глаза на неподвижную поверхность воды.

Она заговорила ровным, обыкновенным голосом, снова напомнив мне миссис Грэхем, взывающую к солнцу в кругу каменных столбов.

Слова были не английские и в то же время не совсем не английские. То был чужой язык, но такой, который я должна была бы знать, а слова выговаривались как-то помимо уровня моего слуха.

Руки мои начали неметь; я хотела расправить их и поднять с колен, на которых они лежали, но они не двигались: А голос Джейли все звучал, ровный, мягкий, убедительный. Теперь я знала, что понимаю слова, но до моего сознания они не доходили.

Смутно я соображала, что либо меня гипнотизируют, либо я нахожусь под воздействием какого-то лекарства, мой разум, ощущал некую

последнюю опору на границе сознания, противился обаянию сладкого дыма. Я видела свое отражение в воде, зрачки сужены до точечных размеров, глаза широко раскрыты, как у ослепленной солнечным светом совы. Слово «опиум» промелькнуло в угасающем сознании.

— Кто ты?

Я не могла бы сказать, кто из нас задал этот вопрос, но почувствовала, как шевельнулось мое горло, когда я произнесла:

— Клэр.

— Кто послал тебя сюда?

— Я пришла сама.

— Почему ты пришла?

— Я не могу сказать.

— Почему ты не можешь сказать?

— Потому что никто мне не поверит.

Голос у меня в голове сделался еще более теплым, дружеским, влекущим.

— Я тебе поверю. Верь мне. Кто ты?

— Клэр.

Внезапный громкий шум прервал разговор. Джейли вздрогнула и толкнула сосуд коленом.

— Джейли? Дорогая моя? — зывал голос из-за двери, вопрошающий, но повелительный. — Мы должны ехать, моя милая. Лошади уже готовы, а ты еще не одета.

Бормоча себе под нос нечто весьма нелюбезное, Джейли встала и рывком отворила окно; свежий воздух ударил мне в лицо, заставив меня заморгать и немного разогнав туман у меня в голове.

Джейли стояла и выжидательно смотрела на меня сверху вниз, потом протянула руку и помогла мне встать.

— Пойдем, — предложила она. — Ты чувствуешь, что немного не в себе? Это бывает. Полежишь у меня на кровати, пока я буду одеваться.

Я лежала на покрывале у нее в спальне с закрытыми глазами и, прислушиваясь к мелким шумам, которые производила Джейли у себя в гардеробной, думала, какогочерта все это значит. Оно совершенно не имеет отношения ни к фетишу, ни к тому, кто его прислал. Явная попытка установить мою личность. Острота восприятия постепенно возвращалась ко мне, и я подумала, не шпионит ли Джейли для Колама. Положение ее таково, что она в курсе всех дел и секретов округа. А кто, кроме Колама, заинтересован здесь в том, чтобы установить мое происхождение?

Что произошло бы, если бы Артур не нарушил нашего уединения? Не

прервал наше «общение с духами»? Услышала бы я где-то в душистом тумане стандартное заклинание гипнотизеров: «Когда вы проснетесь, то ничего не будете помнить»? Но я-то помнила, и я думала.

Расспросить Джейли мне, однако, не представилось возможности. Дверь спальни отворилась, и вошел Артур Дункан. Он направился к двери в гардеробную, постучался и вошел.

Послышался негромкий испуганный вскрик, затем наступило мертвое молчание.

Артур Дункан снова появился в дверях, глаза выпученные и застывшие, лицо такое бледное, что я подумала, не приступ ли с ним какой. Я вскочила на ноги и поспешила к нему, а он тяжело привалился к дверному косяку. Но, прежде чем я подошла к нему, он оттолкнулся от двери и, спотыкаясь, выскочил из комнаты, даже не заметив меня.

Я в свою очередь постучала в дверь. — Джейли! С тобой все в порядке?

Секундное молчание, потом совершенно уравновешенный голос произнес:

— Да, конечно. Через минуту выхожу.

Когда мы немного погодя спустились по лестнице, мы нашли Артура полностью оправившимся, он сидел и потягивал бренди вместе с Джейми. Казался немного рассеянным, словно думал о чем-то своем, но встретил жену милым комплиментом ее наружности и отправил грума за лошадьми.

Когда мы приехали в замок, банкет только еще начался; заместителю прокурора и его супруге указали их почетные места за главным столом. Мы с Джейми, не обладая столь высоким статусом, сели за один стол с Рупертом и Недом Гоуэном.

Мистрисс Фиц превзошла самое себя и сияла от удовольствия, слушая комплименты по поводу блюд, напитков и всего прочего.

Все было и в самом деле великолепно. Я никогда не пробовала жареных фазанов, нафаршированных сладкими каштанами, и уже потянулась было за третьим куском, когда Нед Гоуэн, не без веселого удовольствия взиравший на мой аппетит, спросил, пробовала ли я молочного поросенка.

Мой ответ был заглушен шумом в дальнем конце Холла. Колам встал с места и направлялся ко мне в сопровождении Алека Макмагона.

— Я вижу, что вашим талантам, мистрисс Фрэзер, просто нет конца, — заявил Колам с легким поклоном и широко улыбнулся. — От перевязывания ран и лечения болящих до спасения жеребят. Надеюсь, мы можем теперь рассчитывать и на воскресение мертвых.

Последние слова вызвали общий смех, однако я заметила, как кое-кто из мужчин с опаской поглядел на Отца Бэйна, который методично набивал себе живот жареной бараниной, сидя в уголке.

— Во всяком случае, — продолжал Колам, опустив руку в карман своего кафтана, — вы должны позволить мне преподнести вам маленький подарок в знак моей благодарности.

Он вручил мне маленькую деревянную шкатулку с гербом Макензи на крышке. Я не представляла, насколько ценной лошастью была Лосганн, и мысленно поблагодарила покровительствующих подобным событиям милосердных духов — кем бы они ни были — за то, что ничего дурного не произошло.

— Чепуха, — сказала я, пытаясь вернуть подарок, — я не сделала ничего особенного. Просто, к счастью, у меня маленькие руки.

— И все же. — Колам был тверд. — Если вам так больше нравится, примите это как маленький свадебный дар, но я хочу, чтобы он остался у вас.

Увидев, как Джейми мне кивнул, я неохотно взяла шкатулочку и открыла ее. В ней лежали красивейшие четки из черного янтаря, каждая бусина покрыта сложной резьбой, а распятие инкрустировано серебром.

— Это очень красиво, — совершенно искренне сказала я.

В самом деле прелестно, однако я не имела ни малейшего представления, зачем эти четки мне. Номинально я принадлежала к католической вере, но, воспитываясь у дяди Лэма, полного агностика, я весьма смутно понимала, для чего они служат, в чем их значение. Тем не менее я тепло поблагодарила Колама и отдала четки Джейми, чтобы он спрятал их в спорран.

Я сделала Коламу реверанс, радуясь тому, что освоила это искусство и теперь не боюсь упасть на пол лицом вниз. Он уже открыл рот для прощальной любезности, но внезапный шум позади меня помешал ему говорить. Обернувшись, я не увидела ничего, кроме спин и голов, так как все повскакали с мест и сгруппировались вокруг источника шума. Колам не без труда обошел вокруг стола и нетерпеливым мановением руки потребовал, чтобы люди посторонились. Они отступили из почтения перед ним, и тут я разглядела лежащее на полу округлое тело Артура Дункана; конечности его конвульсивно подергивались, отталкивая добровольных помощников. Его жена проложила себе дорогу сквозь гудящую толпу, опустилась на пол рядом с ним и делала тщетные попытки положить его голову себе на колени. Пораженный припадком человек упирался каблуками в пол, спина его выгнулась дугой, он издавал булькающие, сдавленные звуки.

Поднятые вверх зеленые глаза Джейли, казалось, кого-то искали в толпе. Придя к заключению, что искать она могла только меня, я избрала путь наименьшего сопротивления: нырнула под стол и перебралась на четвереньках на другую сторону.

Добравшись до Джейли, я взяла лицо Артура в свои ладони и попыталась разжать челюсти. Я подумала, судя по звукам, какие он издавал, что он, быть может, подавился куском мяса и кусок этот все еще находится у него в дыхательном горле.

Однако его челюсти были судорожно сжаты, губы посинели и были в пене слюны, что не согласовалось с удушьем. Но тем не менее он задыхался: грудь подымалась с трудом, мучительно содрогаясь в борьбе за глоток воздуха.

— Скорее переверните его на бок, — попросила я. Сразу несколько рук протянулось на помощь, и тяжелое тело было проворно повернуто ко мне спиной, туго обтянутой черной тканью костюма. Ребром ладони я начала постукивать между лопаток, еще и еще раз, с тупым и глухим звуком. Массивная спина вздрагивала от ударов, но никаких признаков того, что гортань освобождается от застрявшего куска, не было.

Я ухватила за мясистое плечо и снова повернула тело набок. Джейли низко склонилась над застывшим лицом, называя мужа по имени, растирая ему горло. Глаза у Артура закатились, и каблуки перестали выбивать дробь на полу. Руки, скрюченные агонией, внезапно широко раскинулись в стороны, одна из них ткнула в лицо кого-то из низко пригнувшихся зрителей.

Булькающие звуки прекратились, полное тело безвольно распростерлось на каменных плитах пола, напоминая мешок с ячменем. Я лихорадочно искала пульс на запястье, краем глаза заметив, что Джейли делает то же самое, приподняв округлый выбритый подбородок и крепко прижимая пальцы к тому месту под челюстью, где можно нащупать сонную артерию.

Но эти поиски были бесполезны. Сердце Артура Дункана, долгие годы с большой нагрузкой перегонявшее необходимое количество крови в его тучном теле, прекратило борьбу.

Я применила все доступные мне приемы реанимационной техники: поднимала и опускала ему руки, делала массаж грудной клетки, даже дышала изо рта в рот, что было крайне неприятно из-за дурного привкуса, но все было безрезультатно. Артур Дункан был мертв.

Я с усилием выпрямилась и встала, в то время как отец Бэйн, бросив на меня негодующий взгляд, опустил рядом с телом на колени и принялся

поспешно совершать последний обряд. У меня болели спина и руки, а лицо как-то странно онемело. Шум вокруг как будто отдалился за некий невидимый занавес, отделивший меня от переполненного зала. Я прикрыла глаза и крепко вытерла липкие губы, стараясь удалить с них вкус смерти.

Несмотря на смерть Дункана и последовавшие за нею необходимые погребальные формальности, охота герцога на оленя была отложена всего на неделю.

Сознание близкого отъезда Джейми угнетало меня. Я вдруг подумала о том, как дожидаюсь встречи с ним за обеденным столом после рабочего дня, как вздрагивает сердце, если я неожиданно натолкнусь на него где-нибудь в течение дня, как я привыкла рассчитывать на его общество и на его уверенную поддержку среди сложностей жизни в замке. И если быть уж совершенно честной, как была мне мила его ласковая, теплая сила каждую ночь в постели, мило просыпаться от его будоражащих поцелуев по утрам. При одной мысли о его отсутствии делалось холодно.

Он притянул меня к себе, голова моя умогилась у него под подбородком.

— Я буду скучать по тебе, Джейми, — тихонько проговорила я.

Он прижал меня крепче и засмеялся немного грустно.

— Я тоже, Саксоночка. Сказать по правде, я даже не ожидал, что мне так трудно будет покинуть тебя.

Он ласково погладил меня по спине; перебирая пальцами позвонки.

— Джейми... ты будешь осторожен?

Я почувствовала, как его грудь подрагивает от тихого смеха, когда он отвечал мне:

— С герцогом или с конем?

Он собирался, невзирая на мои опасения, ехать на оленью охоту верхом на Донасе. Мне то и дело представлялось, как этот огромный гнедой зверь прыгает через скалу из чистого упрямства или топчет Джейми своими смертельно опасными копытами.

— С тем и с другим, — сухо ответила я. — Если конь сбросит тебя и ты сломаешь ногу, ты окажешься во власти герцога.

— Верно. Но там будет еще и Дугал. Я фыркнула:

— Он ломает другую ногу.

Он засмеялся и нагнулся меня поцеловать.

— Я буду осторожен, mo duinne. Обещаешь ли ты мне то же самое?

— Да, — с готовностью обещала я. — Как ты думаешь, кто оставил под подушкой злоеущий букет? Ты этого опасешься?

Веселья как не бывало.

— Возможно. Я не считаю, что ты в опасности, иначе я не оставил бы тебя одну. Но все-таки... и держись, пожалуйста, подальше от Джейлис Дункан.

— Что такое? Почему?

Я откинулась назад, чтобы посмотреть на него. Ночь была темная, лица не видно, однако тон голоса был серьезный.

— Эту женщину считают колдуньей, и рассказы о ней... после смерти ее мужа дело пошло еще хуже. Я не хочу, чтобы ты встречалась с ней, Саксоночка.

— Ты и в самом деле думаешь, что она колдунья? Он обхватил меня сильными руками за ягодицы и притянул близко к себе. Я обняла его, радуясь прикосновению к гладкому, крепкому торсу.

— Нет, — ответил он наконец. — И это не то, что я считаю опасным для тебя. Обещаешь?

— Хорошо.

По правде говоря, я была не слишком-то против такого обещания. После случая с оборотнем и сцены в мансарде мне не хотелось бывать у Джейли. Я взяла в губы сосок Джейми и лизнула его. Он склонился к моему уху и шепнул:

— Раздвинь ноги. Я хочу быть уверенным, что ты будешь помнить обо мне, пока меня тут нет.

Немного позже я проснулась от холода. Сонно потянувшись за одеялом, я его не нащупала. И вдруг оно само собой накрыло меня. Я удивилась и приподнялась на локте посмотреть, в чем дело.

— Прости, — сказал Джейми. — Я не хотел будить тебя, милая.

— А что ты делаешь? Почему не спишь?

Я покосилась на него через плечо. Было еще темно, но глаза у меня привыкли к темноте, и я, разглядела немного смущенное выражение на лице у Джейми. Он сидел на стуле возле кровати, сна ни в одном глазу, на плечи для тепла наброшен плед.

— Просто... я видел во сне, что ты исчезла, что я не могу тебя найти. Это меня разбудило... Я захотел взглянуть на тебя. Запечатлеть тебя в уме, чтобы помнить, пока меня здесь не будет. Я отвернул одеяло. Мне жаль, что ты замерзла, прости.

— Все в порядке.

Ночь была холодная и такая тихая, словно мы остались только вдвоем во всем мире.

— Иди в постель. Ты, должно быть, тоже замерз. Он быстро нырнул

под одеяло и прижался к моей спине. Провел ладонью по моей шее и плечам, потом по талии и бедрам — по всем линиям и изгибам моего тела.

— Mo duinne, — тихо проговорил он. — Нет, сегодня я хочу назвать тебя mo airgeadach. Моя серебряная. Твои волосы золотисто-серебряные, а твоя кожа как белый бархат. Caiman geal. Белая голубка.

Я подалась назад и прижалась к нему бедрами, приглашая. С глубоким вздохом приняла в себя его твердую плоть. Он притянул меня к груди и двигался вместе со мной, медленно, глубоко. Я немного задохнулась, и он ослабил объятия.

— Прости, — пробормотал он. — Я не хотел причинить тебе боль. Я хочу быть в тебе, оставаться в тебе вот так глубоко. Я хочу оставить память обо мне в тебе вместе с моим семенем. Я хочу удержать тебя так до рассвета и покинуть тебя спящей, уйти с твоим теплом в руках.

После отъезда Джейми мне было тоскливо в замке. Я принимала пациентов в амбулатории, сколько могла работала в саду и огороде, брала книги в библиотеке Колама, чтобы отвлечь себя, но время все равно тянулось очень медленно.

Прошло уже две недели, как я осталась одна, когда я встретила Лаогеру в коридоре за кухней. Вообще-то я исподтишка присматривалась к ней после того, как увидела ее на лестничной площадке возле кабинета Колама. Вид у нее был вполне цветущий, но вместе с тем во всем ее существе легко можно было заметить некоторую напряженность. Рассеянность, уныние и даже удивленность... бедная девочка, сочувственно думалось мне.

Сегодня она, однако, выглядела более оживленной.

— Мистрисс Фрэзер! — обратилась она ко мне. — Меня просили кое-что передать вам. Вдова Дункан заболела и просит вас прийти и полечить ее.

Я было засомневалась, вспомнив наставления Джейми, но двойного влияния сочувствия и скуки оказалось достаточно, чтобы я уже через час ехала по дороге в деревню с медицинским ящичком, притороченным к седлу лошади.

Дом Дунканов, когда я к нему подъехала, являл собою вид полной заброшенности и запустения. На мой стук никто не отозвался, я толкнула незапертую дверь и, войдя, обнаружила, что в передней повсюду разбросаны книги, стоят грязные стаканы, половики сдвинуты, а на мебели лежит густой слой пыли. На мои оклики не появилась ни одна из служанок, и кухня оказалась столь же пустынной и неприбранной, как и весь дом.

С возрастающим удивлением я поднялась наверх. Спальня окнами на улицу была пуста, но из расположенной через площадку буфетной до меня донесся какой-то шорох.

Отворив дверь, я увидела Джейли; она сидела в удобном кресле, положив ноги на стойку. Она выпивала: на стойке помещались стакан и графин, а комната крепко пропахла бренди.

Она удивилась моему появлению, но встала на ноги и улыбнулась. Глаза у нее немного косили, но выглядела она вполне здоровой.

— Что случилось? — спросила я. — Ты не больна?

Она уставилась на меня в изумлении.

— Больна? Я? Нет. Слуги сбежали, и в доме нет никакой еды, зато много бренди. Хочешь капельку?

Она потянулась за графином. Я схватила ее за рукав.

— Ты не посылала за мной?

— Нет. — Она смотрела на меня широко раскрытыми глазами.

— Тогда почему...

Мой вопрос был прерван шумом, донесшимся снаружи. Отдаленным, рокочущим, невнятным шумом. Я уже слышала такой шум прежде — и как раз из этой самой комнаты; у меня вспотели ладони при одной мысли о толпе, которая производит этот шум.

Я вытерла руки о платье. Рокот приближался, и уже не было нужды и не оставалось времени задавать вопросы.

Глава 25 НЕ ОСТАВЛЯЙ ВЕДЬМУ В ЖИВЫХ

Обтянутые коричневой тканью плечи отодвинулись в сторону, и передо мной возникла тьма. Грубым толчком меня вынудили переступить нечто вроде порога, я больно ударилась локтем о дерево, отчего у меня сразу онемела рука, и во весь рост упала в черное зловоние, в котором кишели, извиваясь, невидимые существа. Я вскрикнула и заметалась, пытаюсь избавиться от царапающих прикосновений крошечных лапок и от какой-то более крупной твари, которая, визжа, сильно стукнулась о мое бедро.

Мне это удалось, когда я откатилась в сторону, но через фут или два я уткнулась в земляную стену, с которой мне на голову каскадом посыпались комья грязи. Я прижалась к стене как можно теснее и постаралась успокоить бурное дыхание, почувствовав, что кроме меня в вонючей яме находится кто-то еще — большой, дышащий хрипло, но безмолвный. Может, свинья?

— Кто здесь? — раздался в адской тьме испуганный, но вызывающе громкий голос. — Клэр, это ты?

— Джейли? — выдохнула я и устремилась на голос, почти сразу нащупав ее руки, протянутые ко мне.

Мы крепко ухватились друг за друга и некоторое время раскачивались из стороны в сторону в темноте.

— Есть тут кто-нибудь кроме нас? — спросила я, оглядываясь.

Но, даже привыкнув к тьме, почти ничего нельзя было разглядеть. Слабые полоски света пробивались откуда-то сверху, но внизу царил мрак; я почти не различала лица Джейли, хотя оно находилось на одном уровне с моим и на расстоянии всего в несколько дюймов. Она неуверенно засмеялась.

— Мыши, по-моему, и еще какие-то гады. И вонь, от которой даже хорек задохнется.

— Вонь я заметила. Где, во имя Господа, мы находимся?

— В яме для воров. Посторонись!

Сверху донесся скрежет, в яму ворвался поток света. Я прижалась к стене как раз вовремя, чтобы уклониться от посыпавшейся из небольшого отверстия в крыше нашей тюрьмы мокрой грязи. Вслед за этим дождем

послышался какой-то шлепок. Джейли наклонилась и подняла с земли то, что упало. Верхнее отверстие оставалось открытым, и я увидела, что она держит небольшой ломоть хлеба, черствый и перепачканный. Джейли обтерла его подолом платья.

— Обед, — сказала она. — Ты голодна?

Отверстие не закрывалось; бывало, что кто-то из проходящих мимо швырял в него чем-нибудь. В него проникали дождь и пронизывающий ветер. В яме было сыро, холодно, мерзко. Вполне подходящее обиталище для преступников. Воров, богоотступников, бродяг; прелюбодеев... и подозреваемых в колдовстве.

Джейли и я жались друг к другу у стены, не слишком много разговаривая. Мало о чем было говорить, и ничем нельзя себе помочь, разве только набраться терпения.

Верхнее отверстие постепенно темнело; наконец наступила ночь, и все погрузилось во мрак.

— Как ты полагаешь, долго они намерены держать нас здесь?

Джейли подвинулась, вытянула ноги, и продолговатое пятно утреннего света упало на подол ее полосатого платья. Первоначально ярко-розовое с белым, теперь оно стало явно непригодным для носки.

— Не слишком долго, — ответила она. — Они ждут членов церковного суда. Артур в прошлом месяце получил письмо, извещавшее об их приезде. Там говорилось о второй неделе октября. Значит, вот-вот явятся.

Она потерла руки, чтобы согреть их, потом положила на колени, на маленький квадратик солнечного света.

— Расскажи мне об этих судьях, — попросила я. — Расскажи в точности, как все будет происходить.

— В точности я не знаю. Никогда не видела суда над ведьмами, хотя, конечно, слышала о таких судах. — Она немного подумала. — Ждали-то их не для суда над ведьмами, они должны были уладить один земельный спор. Поэтому с ними не будет палача, который колет ведьм.

— Кого?

— Палача. Ведьмы не чувствуют боли, — объяснила Джейли. — И у них не течет кровь, когда им наносят уколы.

Ах вот что! Укалыватель, вооруженный разными булавами, ланцетами и другими острыми инструментами, должен был производить подобные испытания. Мне смутно помнилось, что я читала об этом в книгах Фрэнка, но, кажется, такое практиковалось не позже семнадцатого

столетия. С другой стороны, с горечью подумала я, Крэйнсмуир уж точно не был рассадником цивилизации.

— В таком случае очень жаль, что его с ними не будет, — сказала я, вздрогнув от ужаса при мысли о том, что кто-то будет наносить мне укол за уколом. — Мы без труда прошли бы через это испытание. По крайней мере я, — добавила я едко. — Мне кажется, они увидят ледяную воду вместо крови, если уколют тебя.

— Я не была бы столь уверена, — раздумчиво ответила Джейли, пропустив шпильку мимо ушей. — Я слыхала, что у этих палачей иглы особые, они складываются, когда их прижимают к коже.

— Но для чего это? Зачем возводить на кого-то ложное обвинение в колдовстве такими способами?

Солнце уже клонилось к закату, но послеполуденного света было еще достаточно, чтобы заполнить нашу нору его тусклым отблеском. Изящный овал лица Джейли ясно выражал только сожаление о моей наивности.

— Ты до сих пор не поняла? — спросила она. — Они хотят убить нас. Неважно, в чем нас обвиняют, не имеют значения и доказательства. Нас сожгут, так или так сожгут.

Прошедшей ночью я была слишком потрясена нападением толпы и ужасающими условиями, в которые я попала; единственное, на что я была способна, это прижаться к Джейли и ждать рассвета. Но вместе со светом дня во мне начали пробуждаться остатки присутствия духа.

— Но почему, Джейли? — с трудом переводя дыхание, спросила я. — Ты знаешь?

Атмосфера в норе была густая от вони, гниения, от грязи и сырости, и мне казалось, что непроницаемые земляные стены готовы обрушиться на меня, словно стены плохо вырытой могилы.

Я скорее почувствовала, чем увидела, как Джейли пожала плечами. Луч света передвигался вместе с солнцем, и теперь он перешел на верхнюю часть стены, оставив нас в темноте.

— Если тебе от этого легче, — сухо заговорила Джейли, — то я сомневаюсь, что предполагалось схватить тебя. Это стычка между мной и Коламом. Тебе просто не повезло, что ты оказалась со мной, когда ворвалась толпа. Останься ты при Коламе, тебе, пожалуйничего бы не угрожало. Неважно, саксонка ты или нет.

Слово «саксонка», употребленное в его обычном уничижительном смысле, внезапно отозвалось во мне приступом отчаянной тоски по человеку, который называл меня так ласкательно. Я обхватила себя руками, чтобы сдержаться, чтобы не дать ужасу одиночества завладеть мною.

— Почему ты пришла ко мне домой? — спросила Джейли.

— Я думала, что ты посылала за мной. Одна из наших девушек передала мне просьбу от тебя, так она сказала.

— А-а, — протянула Джейли. — Лаогера, да?

Я села и прислонилась спиной к стене, несмотря на отвращение к грязной и вонючей поверхности. Почувствовав мое движение, Джейли переместилась ближе ко мне. Друзья или враги, но мы были друг для друга единственным источником тепла в этой норе, мы жались друг к другу поневоле.

— Откуда тебе известно, что это была Лаогера? — дрожа от холода, спросила я.

— Ведь она-то и подложила тот букетик тебе под подушку, — сообщила Джейли. — Я тебе говорила с самого начала, как отнеслись многие девушки к тому, что ты захватила рыжего парня. Как видно, Лаогера думала, что, если тебя убрать с дороги, она сумеет им завладеть.

Я на некоторое время онемела, голос вернулся ко мне не сразу.

— Но она не смогла бы!

Смех Джейли прозвучал хрипло от холода и от жажды, но в нем еще оставались серебряные нотки.

— Любой, кто приглядится, к тому, как парень смотрит на тебя, это поймет. Но Лаогера слишком мало знает жизнь, чтобы разбираться в таких вещах. Вот переспит с мужчиной разок-другой, тогда научится, а пока нет.

— Я совсем не это имею в виду! — вспылила я. — Она вовсе не Джейми добивается, она беременна от Дугала Макензи.

— Что?! — Джейли была просто потрясена и стиснула мою руку изо всех сил. — Почему ты так думаешь?

Я рассказала ей, как увидела Лаогеру на лестнице возле кабинета Колама и к каким заключениям пришла в результате.

Джейли фыркнула.

— Фу! Она подслушала, что Колам и Дугал говорят обо мне. Потому она и побледнела — думала, Колам узнал, что она обращалась ко мне за магическим букетом. Он бы приказал выпороть ее за это до крови. Таких штук он не позволяет ни под каким видом.

— Это ты дала ей букет? — Я была поражена. Джейли ответила резко:

— Не дала, а продала.

Я попыталась взглянуть ей в глаза в сгущающейся тьме.

— Разве есть разница?

— Конечно, есть, — пояснила она нетерпеливым тоном. — Это была всего лишь сделка, не более. И я не выдаю секретов своих клиенток. Кроме

того, она мне не сказала, для кого букет предназначен. И если ты помнишь, я пыталась тебя предостеречь.

— Спасибо, — насмешливо поблагодарила я. — Но...

В голове у меня все перемешалось от старания привести мысли в новую систему в свете только что полученных сведений.

— Но, — продолжала я, — если это она подложила мне в постель магический букет, значит, ей нужен именно Джейми. Тогда понятно, почему она отправила меня к тебе домой. Но как же Дугал?

Джейли немного подумала, потом, кажется, пришла к некоему выводу.

— Она не больше беременна от Дугала, чем, к примеру, ты.

— Почему ты так в этом уверена?

Она поискала мою руку в темноте. Нашла и приложила к своему животу, сильно выступающему под платьем.

— Потому что я от него беременна, — просто сказала она.

— Значит, не Лаогера, — проговорила я, — а ты.

— Я. — Она говорила спокойно, без обычной для нее эмоциональности. — Стало быть, Колам сказал, что сам все уладит? Выходит, именно он придумал способ решить проблему.

Я долго молчала, размышляя о происшедшем.

— Джейли, — заговорила я наконец, — эта желудочная болезнь твоего мужа...

— Белый мышьяк, — со вздохом ответила она. — Я думала, он умрет до того, как беременность станет заметной, но он протянул куда дольше, чем я считала возможным.

Я вспомнила смесь ужаса и прозрения на лице Артура Дункана, когда он выскочил из гардеробной жены в последний день своей жизни.

— Понимаю, — сказала я. — Он не знал, что ты беременна, пока не увидел тебя полуодетой в день банкета в честь герцога. И когда он это обнаружил... полагаю, у него были все основания не считать себя отцом ребенка?

Слабый смешок донесся до меня из угла. Я вздрогнула и плотнее вжалась в стену.

— Именно поэтому ты рискнула убить его на людях, во время банкета. Он изобличил бы тебя как прелюбодейку... и отравительницу. Он догадывался о мышьяке?

— О, Артур знал. Он бы не мог утверждать это с уверенностью, по крайней мере по отношению к самому себе, но он знал. Когда мы усаживались ужинать за стол друг против друга и я спрашивала: «Тебе положить кусочек, мой милый?» или: «Глоточек эля, мой родной?», — Он

смотрел на меня выпучив глаза и отказывался — у него, мол, нет аппетита. Отодвигал от себя тарелку, а потом я слышала, как он на кухне, стоя возле ларя, заглатывает свою еду и воображает, что он в безопасности, потому что не принимает ничего из моих рук.

Голос у нее был легкий и веселый, как будто она рассказывала вкусную сплетню. Я снова вздрогнула и отодвинулась от существа, делившего со мною тьму.

— Он и не догадывался, что это было в укрепляющем лекарстве, которое он принимал. Он не пользовался лекарствами, приготовленными мной, выписывал укрепляющее из Лондона — и за большие деньги. — В голосе у нее прозвучало нечто вроде обиды по поводу подобной расточительности. — Лекарство содержало мышьяк в малом количестве, как и полагалось, но он не заметил разницы во вкусе, когда я добавила еще.

Я часто слышала, что тщеславие — распространенная слабость убийц; как видно, это было справедливое утверждение, потому что она, забыв о нашем положении, продолжала рассказ, явно гордясь своими достижениями, своей ловкостью.

— Конечно, было рискованно убивать его вот так, при всей честной компании, но мне приходилось действовать быстро...

Чтобы убить мгновенно, нужен был уже не мышьяк. Я вспомнила синие губы Артура, вспомнила, как онемели мои губы, прикоснувшиеся к его рту. Быстродействующий и смертельный яд.

Я тогда подумала о Дугале, что он сознался в грехе с Лаогерой. Но в таком случае, если бы Колам и был недоволен, ничто не препятствовало бы Дугалу жениться на девушке. Он овдовел и был свободен.

Но грех прелюбодеяния, да еще с женой важного чиновника? Как говорится, совсем другой коленкор. Мне помнилось, что наказания в таких случаях были очень суровы. Колам никак не смог бы замять дело такой важности, но и представить себе, что он приговорит брата к публичному бичеванию плетью или к изгнанию, я тоже не могла. А Джейли сочла убийство резонной альтернативой клеймению лица раскаленным железом и пребыванию в течение нескольких лет в тюрьме, где ей пришлось бы по двенадцать часов в сутки трепать коноплю.

Итак, она приняла свои предупредительные меры, а Колам — свои. И я угодила между ними, попросту вляпалась.

— Ну а ребенок? — спросила я. — Наверное...

Меня перебил новый смешок из темноты.

— Бывают же несчастные случайности, друг мой. Даже с лучшими из нас. И поскольку так вышло...

Я почувствовала, что она снова передернула плечами.

— Я хотела избавиться от него, но потом подумала, что таким путем смогу заставить его жениться на мне, поскольку Артур мертв.

У меня возникло ужасное подозрение.

— Но жена Дугала была еще жива, когда... Джейлис, ты?..

Ее платье зашелестело, когда она замотала головой, слабо блеснули волосы.

— Я собиралась, — сказала она, — но Господь уберет меня от этой заботы. Я приняла это как некий знак. И все могло устроиться прекрасно, если бы не Колам Макензи.

Я обхватила себя за локти, чтобы меньше мерзнуть. Теперь я уже продолжала разговор лишь ради отвлечения.

— Тебе нужен был Дугал или только его положение и деньги?

— Ну, денег у меня было много, — удовлетворенно сказала она. — Я знала, где Артур держал ключ ко всем своим бумагам и записям. И надо отдать ему должное, почерк у него был прекрасный, подделать его подпись ничего не стоило. Я сумела заполучить около десяти тысяч фунтов за последние два года.

— Но для чего? — спросила я, полностью сраженная.

— Для Шотландии.

— Что? — На мгновение мне показалось, что я ослышалась, потом подумала, что одна из нас малость спятила — и, скорее всего, не я. — Как это для Шотландии? — осторожно спросила я и немного отодвинулась — кто ее знает, насколько она неуравновешенна, может, беременность повлияла на рассудок.

— Тебе нечего бояться, я не сумасшедшая.

Циничное удовольствие в ее голосе заставило меня покраснеть, слава Богу, хоть было темно.

— В самом деле? — сказала я. — По твоему собственному признанию, ты совершила мошенничество, кражу и убийство. Было бы милосерднее считать, что ты сошла с ума, потому что, если это не так...

— Не сумасшедшая и не преступница, — решительно заявила она. — Я патриотка.

Наконец-то забрезжил свет! Я перевела дыхание, которое задерживала в ожидании внезапного нападения.

— Якобитка, — сказала я. — Иисусе Христе, ты проклятая якобитка!

Она ею была. И это кое-что проясняло. Например, почему Дугал, в общем зеркало суждений своего брата, проявлял такое усердие, собирая деньги для дома Стюартов. И почему Джейлис Дункан, способная повести

к алтарю любого мужчину, который бы ей пришелся по вкусу, выбрала двоих столь несхожих между собой, как Артур Дункан и Дугал Макензи. Одного — за его деньги и положение, другого — за его возможность влиять на общественное мнение.

— Колам был бы лучше, — продолжала она — Жаль. Я воспринимаю его несчастье как свое собственное. Им, и только им я хотела бы завладеть, это единственный мужчина, которого я считаю себе под пару. Объединившись, мы могли бы... Но тут ничем не поможешь. Единственный мужчина, которого я хотела, и единственный, которого я не могла бы завоевать своим оружием.

— И вместо него ты выбрала Дугала.

— О да, — ответила она рассеянно, думая о чем-то своем. — Сильный мужчина и даже влиятельный. Достаточно богат. Народ его любит. Но на деле он всего лишь ноги и член, — она коротко посмеялась, — Колама Макензи. Сила у Колама. Почти такая же, как у меня.

Меня задел ее хвастливый тон.

— У Колама есть такие качества, какими ты, насколько я могу судить, не обладаешь. Например, чувство сострадания.

— Да. Он сосуд милосердия и сострадания, не так ли? — с иронией сказала она. — Ну и много ему от этого проку? Смерть у него за плечами, это видно сразу. После нынешнего Нового года он проживет еще не больше двух лет, нет, не больше.

— А как долго ты еще проживешь? — спросила я. Насмешка достигла цели, но серебристый голос оставался твердым.

— Полагаю, что гораздо меньше. Но это ничего не значит. За отпущенное мне время я успела многое. Десять тысяч фунтов переправлены во Францию, и округ стоит за принца Чарли. Начнется восстание, и я буду знать, что помогла. Если доживу.

Она стояла почти под самым отверстием в крыше. Мои глаза достаточно свыклись с темнотой, и Джейли виделась мне бледной тенью, преждевременным и неприкаянным призраком. Неожиданно она повернулась ко мне.

— Что бы ни произошло на церковном суде, я не раскаиваюсь, Клэр.

— Жалею лишь о том, что могу отдать всего одну жизнь за мою страну?

— Прекрасно сказано, — отозвалась она, не замечая моей иронии.

Мы замолчали. Чернота в отверстии казалась мне осязаемой силой, она холодной тяжестью давила мне на грудь, наполняла легкие дыханием смерти. В конце концов я сжалась в комок, опустила голову на колени и

погрузилась в тяжелую дремоту, которая не избавила меня ни от холода, ни от страха.

— Так ты его любишь? — вдруг послышался вопрос Джейли.

Я подняла голову с колен. Я не имела представления о том, который теперь час. Вверху виднелась слабенькая звездочка, но свет ее не проникал в узилище.

— Кого, Джейми?

— Кого же еще? — сухо сказала она. — Это его имя ты произносишь во сне.

— Я этого не знала.

— Ну так любишь или нет?

От холода я впала в оцепеняющую сонливость, однако резкий голос Джейли вывел меня из ступора. Я обняла колени, раскачиваясь из стороны в сторону. Церковные судьи придут завтра или днем позже. Времени прикидываться и увильнуть перед самой собой или кем-то еще не оставалось. Трудно это признавать, но я, возможно, находилась на волосок от смерти, и мне сделалось понятным желание осужденных на смерть узников исповедаться накануне казни.

— Я имею в виду, любишь по-настоящему, — настаивала Джейли, — а не просто хочешь с ним спать. Я знаю, что этого ты хочешь, и он тоже. Они все хотят. Но любишь ли ты его?

Любила ли я его? Испытывала нечто большее, чем плотское вожделение? Холодная нора обладала темной анонимностью исповедальни, а на грани смерти не стоит лгать.

— Да, — коротко ответила я и снова опустила голову на колени.

Некоторое время в норе было тихо, и я уже снова погружалась в сон, когда услышала еще одну фразу Джейли, произнесенную как бы про себя:

— Значит, это возможно.

Судьи прибыли днем позже. Из промозглой ямы для преступников мы слышали вызванные их приездом крики жителей деревни, слышали топот конских копыт по булыжной мостовой Хай-стрит. Шум мало-помалу стихал: процессия двигалась вниз по улице к площади.

— Они приехали, — произнесла Джейли, прислушавшись к шумам наверху.

Инстинктивно мы схватились за руки, вражда отступила перед страхом.

— Очень хорошо, — сильно бравируя, заявила я. — Лучше сгореть на костре, чем замерзнуть до смерти.

Между тем мы продолжали мерзнуть. Только в полдень дверь нашей тюрьмы внезапно была откинута, и нас вытащили наружу, чтобы вести на суд.

Заседание суда проводили прямо на площади перед домом Дунканов — несомненно ради того, чтобы собрать как можно больше зрителей. Я заметила, как Джейли бросила быстрый взгляд на шестигранные окна своей гостиной и тут же отвернулась с безразличным выражением.

Церковных судей было двое, они восседали на мягких стульях за столом, установленным на площади. Один из судей был очень высокий и тощий, второй маленький и толстый. Они напоминали мне рисунки в американской юмористической газете, которая как-то попала мне в руки; не зная имен судей, я мысленно окрестила высокого Маттом, а низенького Джеффом.

Почти вся деревня собралась на площади. Приглядевшись, я узнала лица многих моих бывших пациентов, но обитатели замка примечательно отсутствовали.

Джон Макри, деревенский стражник, зачитал обвинительное заключение против Джейлис Дункан и Клэр Фрэзер, обвиняемых каждая перед судом церкви в преступном колдовстве.

— Установлено на основании свидетельских показаний, что обвиняемые умертвили Артура Дункана посредством колдовства, — читал Макри ровным, твердым голосом, — а также убили нерожденное дитя Дженет Робинсон, а также потопили лодку Томаса Макензи, а также наслали на деревню Крэйнсмуир повальную желудочную болезнь...

Это тянулось долго. Колам очень тщательно все подготовил.

После того как было зачитано обвинение, начали вызывать свидетелей. Большинство из них — незнакомые мне жители деревни; ни одного из моих пациентов среди них не оказалось, и мне это было приятно.

Показания многих свидетелей были совершенной чепухой, другим явно заплатили за их услуги, но были и такие, кто рассказывал о действительных событиях. Дженет Робинсон, например, которую приволок в суд ее отец, бледная и дрожащая, со свежим синяком на щеке, показала, что забеременела от женатого человека и что избавилась от плода при помощи Джейлис Дункан.

— Она дала мне зелье, чтобы выпить, и заклинание, которое надо было произнести три раза при восходе луны, — мямлила девушка, в страхе переводя глаза с отца на Джейлис и не зная, кто из них более грозен. — Она сказала, что от этого у меня снова будут месячные.

— Так и случилось? — с любопытством спросил Джефф.

— Не сразу, ваша честь, — ответила девушка, нервно подергивая головой. — Но я выпила зелье еще раз, когда месяц был на ущербе, и они пришли.

— Пришли?! Девчонка чуть не истекла кровью! — вмешалась пожилая женщина, мать девушки. — Она только тогда и сказала мне всю правду, когда совсем уж помирать стала.

Мистрисс Робинсон жаждала изложить суду все кровавые подробности, и ее с трудом утихомирили, чтобы дать возможность выступить другим свидетелям.

Казалось, нет никого, кто мог бы выступить лично против меня, если не считать туманного обвинения, что, если я присутствовала при смерти Артура Дункана и даже дотрагивалась до него, значит, я причастна к его гибели. Я начинала думать, что Джейли права: я не являюсь целью Колама. Если это и в самом деле так, то, может быть, мне удастся спастись. Так я думала вплоть до той минуты, как появилась женщина с холма.

Едва она выступила вперед, худая, сутулая женщина в желтой шали, как я поняла, что мы находимся в серьезной опасности. Она была не из жительниц деревни, я ее раньше никогда не встречала. Ноги у нее были босые, покрытые грязью дороги, по которой она пришла сюда.

— Есть ли у вас обвинения против двух этих женщин? — задал вопрос тощий судья.

Женщина была в страхе и не смела поднять глаза. Но она коротко кивнула, и толпа затихла, обратившись в слух. Женщина говорила очень тихо, и Матт должен был попросить ее повторить сказанное.

У них с мужем, говорила женщина, был больной ребенок. То есть он родился здоровым, но потом начал слабеть и хиреть. Наконец они решили, что ребенка подменили эльфы и положили его на Ложу эльфов на холме Кройч Горм. Они остались там, чтобы забрать собственного ребенка, когда эльфы вернут его, но вдруг увидели, как две леди, которые стоят здесь, подошли к Ложу эльфов, взяли ребенка и начали произносить над ним какие-то непонятные слова.

Женщина держала сложенные худые руки под передником и все время двигала ими.

— Мы с мужем пробыли там всю ночь. Когда стало темно, там появился огромный демон, он был совсем черный и подошел без единого звука и наклонился над тем местом, куда мы положили ребенка.

Ропот ужаса пронесся по толпе, а я почувствовала, как приподнялись волосы у меня на затылке, хотя я и знала, что «огромным демоном» был Джейми, подошедший посмотреть, живо ли еще дитя. Я подбадривала себя,

зная, что последует дальше.

— Когда взошло солнце, мы с мужем подошли туда и нашли оборотня мертвым, а нашего собственного дитятки не было и признака. — С этими словами женщина закрыла лицо передником, чтобы скрыть слезы.

И как будто мать оборотня подала некий знак, толпа разделилась и пропустила погонщика Питера. Я внутренне застонала, увидев его. Я чувствовала, что после рассказа женщины настроение толпы обернулось против меня: не хватало теперь только этого дурня с историей о водяном коне.

Упиваясь мгновениями собственной славы, погонщик напыжился и театральным жестом указал на меня.

— Это правильно, что вы называете ее колдуньей, уважаемые лорды! Я своими собственными глазами видел, как эта женщина вызвала из вод озера Дьявола водяного коня, чтобы он выполнял ее повеления. Огромное страшное чудовище, ростом с большую сосну, а шея точь-в-точь громадная синяя змея. Глазищи с яблоко, как глянет — душу вынет из человека!

Судей, как видно, чем-то поразило это показание, они несколько минут перешептывались, в то время как Питер глазел на меня с угрожающим видом: я, мол, тебе покажу!

Наконец толстый судья прервал разбирательство и повелительным жестом поманил к себе Джона Макри, который стоял в стороне, готовый действовать.

— Стражник! — обратился к нему судья, указывая на погонщика. — Заберите этого человека и привяжите его к позорному столбу за публичное появление в пьяном виде. Идет важное судебное заседание. Судьи не могут тратить время, выслушивая нелепые обвинения пьяницы, которому чудятся водяные кони, когда он выпьет слишком много виски!

Погонщик Питер был так изумлен, что даже не противился стражнику, когда тот подошел твердым шагом к нему и взял за руку. Питер, разинув рот, все оглядывался на меня, пока его уводили. Я не удержалась и слегка помахала пальцами ему вслед в качестве прощального приветствия.

Однако после этого незначительного нарушения судебного процесса дела пошли гораздо хуже. Целая череда девиц и женщин показала под присягой, что они покупали у Джейлис Дункан амулеты и приворотное зелье с целью навлечь на кого-то болезнь, избавиться от нежеланного ребенка или приворожить мужчину. Все без исключения клялись, что средства подействовали — завидный рекорд для практикующего врача, цинично подумала я. Обо мне в этом смысле никто не говорил, но несколько человек сообщили — вполне правдиво, — что много раз видели

меня у мистрисс Дункан в комнате для трав, где я смешивала лекарства и толкла травы.

Все это было не столь уж фатально, тем более что выступило примерно такое же количество людей, сообщивших, что я лечила их, давая самые обычные лекарства, без всяких заговоров, амулетов и прочих штук. Зная силу общественного мнения, надо было отдать должное силе духа людей, решившихся дать показания в мою пользу; я была им благодарна.

Ноги у меня ныли оттого, что я долго стояла. Судей усадили с относительными удобствами, но для подсудимых стулья не были предусмотрены. Но когда появился следующий свидетель, я начисто забыла о своих ногах.

С подлинным драматизмом, с которым мог бы соперничать разве что Колам, отец Бэйн широко распахнул двери церкви и вступил на площадь, тяжело опираясь на дубовую палку. Медленно проследовал он к центру площади, наклоном головы приветствовал судей, затем повернулся и смотрел на толпу до тех пор, пока под его стальным взглядом шум не перешел в негромкое встревоженное бормотание. Когда он заговорил, голос его звучал, как удары бича.

— Божья кара постигла тебя, о народ Крэйнсмуира! Ибо чума шла впереди него, и уголь пылающий был у него под ногами. Воистину допустил ты, чтобы увели тебя с пути праведного! Ты посеял ветер и теперь пожинаешь бурю.

Я смотрела на него, пораженная даром красноречия, который никак нельзя было в нем заподозрить. Возможно, к подобным взлетам он делался способен в критических обстоятельствах. Напыщенный голос положительно гремел:

— Чума обрушится на вас и погибнете от грехов своих, если не очиститесь! Ибо приняли вы к себе блудницу вавилонскую. — Судя по обращенному ко мне испепеляющему взгляду, этой блудницей была я. — Вы продали ваши души врагам вашим, вы пригрили английскую змею у себя на груди, и вот возмездие Господа Всемогущего настигло вас. Ибо сказано в Писании: «выйди от нее, народ мой, чтобы не участвовать вам в грехах ее и не подвергнуться язвам ее». Покайтесь, люди, пока еще не поздно! Говорю вам: падите на колени и молитесь о прощении. Выгоните от себя английскую блудницу и не имейте дела с отродьем Сатаны!

Он сорвал с пояса четки и простер большое деревянное распятие в мою сторону.

Все это меня немного позабавило, но я видела, что Матту эта сцена не

по душе. Быть может, в нем заговорила профессиональная ревность?

— Ваше преподобие, — заговорил судья, слегка поклонившись отцу Бэйну, — имеете ли вы свидетельства того, в чем обвиняются эти женщины?

— Имею, — отвечал священник; приступ красноречия закончился, и он был спокоен.

Я едва не отступила на шаг назад, когда он уставил на меня грозный перст.

— В полдень во вторник две недели назад я встретил эту женщину в садах замка Леох. С помощью сверхъестественных сил она наслала на меня свору псов, и я упал перед ними и находился в смертельной опасности. Будучи тяжело раненным в ногу, я пожелал покинуть ведунью, но она соблазняла меня своей греховностью и звала уединиться с ней, а когда я не поддался на ее уловки, она наслала на меня проклятие.

— Что за идиотская чепуха! — возмутилась я. — Впервые в жизни сталкиваюсь с подобным нелепым преувеличением.

Черные, горящие, как в лихорадке, глаза отца Бэйна обратились ко мне.

— Ты посмеешь отрицать, женщина, что произносила следующие слова: «Идите со мной, отец, иначе ваша нога воспалится и загноится»?

— Не совсем такими словами, но примерно в этом, смысле я высказалась, — признала я.

С откровенным торжеством выпятив подбородок, священник сдвинул в сторону полу своей сутаны. Повязка, испятнанная засохшей кровью и свежим желтым гноем, стягивала бедро. Бледная плоть выше и ниже повязки вспухла и была покрыта зловещими красными полосами.

— Господи Иисусе! — воскликнула я, уstraшенная этой картиной. — Да ведь у вас заражение крови. Вам нужно лечиться, немедленно, иначе вы умрете.

Ропот ужаса пронесся над толпой. Даже Матт и Джефф казались ошеломленными. Отец Бэйн медленно покачал головой.

— Вы слышите? — спросил он. — Наглость этой женщины не ведает пределов. Она угрожает мне смертью, мне, служителю Бога, в присутствии членов церковного суда!

Возбужденный говор толпы сделался громче. Отец Бэйн заговорил снова, возвысив голос, чтобы его было слышно:

— Я предоставляю вам, джентльмены, судить на основании свидетельств ваших собственных чувств, а также повеления Господа — не оставляй ведьму в живых!

Драматическое явление отца Бэйна завершило допрос свидетелей.

Судьи объявили короткий перерыв, из гостиницы им принесли чем подкрепиться. Для обвиняемых подобные любезности опять-таки не были предусмотрены.

Я собралась с силами и попробовала ослабить свои путы. Кожаные ремни поскрипывали, но не подались ни на дюйм. Пытаясь подавить страх, я с известной долей иронии подумала, что именно теперь появиться бы стремительному молодому герою, который, силой проложив себе путь через толпу перепугавшихся сограждан, подхватил бы упавшую в обморок героиню к себе на седло.

Но мой стремительный молодой герой находился где-то в лесах, потягивая эль с пожилым эпикурейцем благородных кровей и выслеживая ни в чем не повинного оленя. Непохоже, думала я, стиснув зубы, что Джейми успеет вернуться хотя бы к тому времени, чтобы успеть собрать мой прах, прежде чем его, развеет ветром на все четыре стороны.

Подавленная все возрастающим страхом, я даже не сразу расслышала топот конских копыт. Но в толпе заговорили, головы начали поворачиваться, только тогда и я обратила внимание на доносящийся с мощенной булыжником Хайстрит ритмичный цокот подков.

Возгласы удивления сделались громче, и толпа начала отступать, пропуская всадника, который мне еще не был виден. Несмотря на мое отчаяние, я испытала еле заметный прилив ни на чем не основанной надежды. Что, если Джейми вернулся раньше? Может, домогательства герцога сделались не в меру настойчивыми или оленей мало... Я даже приподнялась на цыпочки, чтобы разглядеть лицо всадника.

Передние ряды зрителей неохотно раздвинулись, когда рослый гнедой конь просунул длинную морду между тесно сдвинутыми плечами. Под удивленными взглядами всех присутствующих — включая и меня — тощая фигурка Неда Гоуэна проворно спрыгнула с седла.

Джефф в немалом недоумении разглядывал аккуратного худощавого человека.

— Кто вы такой, сэр? — Такое вынужденно вежливое обращение явно было внушено серебряными пряжками на башмаках и бархатным кафтаном прибывшего: служба при лэрде клана Макензи имела свои выгодные стороны.

— Мое имя Эдвард Гоуэн, ваше лордство, — четко и ясно выговорил Нед. — Я адвокат.

Матт сгорбился и слегка покрутился на стуле, у которого не было спинки, и оттого долговязому туловищу судьи приходилось сильно напрягаться. Я от души пожелала, чтобы ему защемило позвоночный диск

в пояснице, — уж если меня собираются сжечь за то, что у меня дурной глаз, пускай он причинит хотя бы это зло и отчасти рассчитается за меня.

— Адвокат? — переспросил судья. — Что же привело вас сюда? Седой парик Неда Гоуэна склонился в самом изысканном из официальных поклонов.

— Я прибыл предложить мои скромные услуги в поддержку мистрисс Фрэзер, ваше лордство, — ответил юрист. — В поддержку очаровательной леди, которую я лично знаю как добрую и отзывчивую при проведении целительных действий и осведомленную в том, как эти действия проводить.

Очень хорошо, одобрительно подумала я. Наконец-то удар в нашу пользу. Я увидела на губах у Джейли полувосторженную-полунасмешливую улыбку. Вряд ли кто-то проголосовал бы за Неда Гоуэна как за короля красоты, но в данный момент я не склонна была придирается к внешности.

Поклонившись судьям, а также всем прочим, в том числе — с полной официальностью — и мне самой, мистер Гоуэн выпрямился еще сильнее, чем это было ему свойственно обычно, уперся большими пальцами в бока и со всем романтизмом своего пожившего, но галантного сердца приготовился к сражению, избрав любимое законом оружие изощренной скуки.

Он был до крайности зануден. С упорством автоматической мясорубки он проверял каждый пункт обвинения на оселке своего опыта и безжалостно кромсал его на куски клинком законодательных актов и топором прецедентов.

То был подвиг благородства. Он говорил. И говорил. И говорил снова, делая по временам паузы якобы затем, чтобы почтительно обратиться за указаниями к суду, а на самом деле — для того, чтобы перевести дух и собраться с силами для нового неистового нападения оружием слова.

Поскольку жизнь моя висела на волоске и мое будущее определенно зависело от красноречия маленького иссушенного человека, я, казалось бы, должна была внимать каждому его слову с увлечением. Вместо этого я самым постыдным образом зевала, не в состоянии даже прикрыть рот рукой, потому что руки у меня были связаны, и переминалась с одной наболевшей ноги на другую, горячо желая, чтобы меня, сожгли немедленно и прекратили эту пытку.

Толпа, по-видимому, испытывала те же ощущения, но, по мере того как утреннее возбуждение переходило в полную апатию, негромкий и ровный голос мистера Гоуэна звучал неумоимо. Люди начали мало-помалу

расходиться: кто вдруг вспоминал, что пора подоить корову, кто спохватывался, что не полил цветы, и у всех созрело убеждение, что, пока жужжит этот неумолимый голос, ничего интересного произойти не может.

К тому времени, как Нед Гоуэн кончил свою первоначальную защиту, наступил вечер; толстый судья, которого я про себя называла Джеффом, объявил, что суд возобновит работу завтра утром.

После короткого, вполголоса, совещания между Недом Гоуэном, Джеффом и стражником Джоном Макри два дюжих гражданина отвели меня к гостинице. Бросив взгляд через плечо, я увидела, что Джейли уводят в противоположном направлении: она шла, выпрямившись, подчеркнуто не спеша и гордо не замечая сопровождающих.

В темной задней комнате гостиницы мои путы были наконец сняты. Принесли свечу. Потом явился Нед Гоуэн с бутылкой эля и тарелкой хлеба и мяса.

— Я могу побыть с вами всего несколько минут, дорогая, да и этого удалось добиться с трудом, так что выслушайте меня без промедления.

Маленький юрист близко наклонился ко мне, неровный свет свечи придавал его облику особую таинственность. Глаза у него блестели, и, кроме небольшой разлохмаченности парика, в нем не было заметно, никаких признаков напряжения или усталости.

— Мистер Гоуэн, я очень рада видеть вас, — искренне сказала я.

— Да, да, дорогая, — ответил он, — но теперь не время для таких разговоров. — Он погладил мою руку — ласково, но небрежно.

— Мне удалось уговорить их выделить ваше дело, решать его самостоятельно, а не вместе с делом мистрисс Дункан. Это может нам помочь. Мне кажется, что первоначально не было намерения арестовывать вас и вы были схвачены только потому, что находились вместе с ней... то есть с мистрисс Дункан. Однако, — продолжал он быстро, — вам угрожает опасность, и я не стану скрывать это от вас. В настоящее время настроение в деревне складывается не в вашу пользу. Что заставило вас взять на руки этого ребенка? — спросил он с несвойственной ему горячностью.

Я открыла рот, чтобы ответить, но он нетерпеливо отмахнулся от собственного вопроса.

— Ладно, теперь это уже не имеет значения. Мы должны попробовать сыграть на том, что вы англичанка и отсюда ваше неведение, именно на него надо упирать, а не на то, что вы чужестранка. Надо тянуть как только можно. Время работает на нас. Худшие из этих судов происходят в атмосфере истерии, когда весомость доказательств приносится в жертву жажде крови.

Жажда крови. Это полностью определяло те эмоции, которые написаны были на обращенных ко мне лицах людей в толпе. Там и сям я замечала выражения сочувствия и сомнения, но мало кто решился бы противопоставить себя толпе, а в Крэйнсмуире явно ощущалась нехватка подобных характеров, даже, скорее, полное их отсутствие. Впрочем, нет, поправила я себя. Один есть — сухой маленький юрист из Эдинбурга, крепкий, как старый башмак, на который он был так похож.

— Чем дольше мы будем тянуть, — продолжал констатировать мистер Гоуэн, — тем меньше возможность поспешных действий. Итак, — заключил он, положив руки на колени, — завтра ваше дело — молчать. Говорить буду я, и дай Бог, чтобы это принесло победу.

— Звучит достаточно логично, — сказала я со слабой улыбкой.

Из-за двери в переднюю часть гостиницы донеслись громкие голоса; я взглянула в ту сторону, и мистер Гоуэн, перехватив мой взгляд, кивнул.

— Да, я очень скоро оставляю вас, но я договорился, что ночь вы проведете здесь.

Он окинул помещение критическим взглядом. Небольшая пристройка к гостинице — ее использовали для хранения ненужного хлама и каких-то запасов. Была она холодная и темная, но все же здесь было намного лучше, чем в яме для воров.

Дверь в пристройку отворилась, и в ней появился силуэт хозяина гостиницы, который всматривался в темноту поверх бледного пламени свечи. Мистер Гоуэн поднялся уходить, но я взяла его за рукав. Я должна была узнать одну вещь.

— Мистер Гоуэн, это Колам послал вас помочь мне? Он помедлил с ответом, но в пределах границ своей профессии он был безукоризненно честным человеком.

— Нет, — сказал он прямо, и по его увядшему лицу скользнуло некое смущение. — Я пришел... по своей воле.

Он надел шляпу и исчез в свете и суете гостиницы, бросив на прощание: «Доброй ночи».

В моем убежище кое-что было приготовлено для меня: принесли кувшинчик вина и кусок хлеба — на сей раз чистого — и поместили все это на большой бочке, возле которой прямо на земле лежало свернутое одеяло.

Я завернулась в это старое одеяло и присела на один из маленьких бочонков, чтобы поесть; сидела, пережевывала скудную пищу и размышляла.

Итак, Колам не посылал юриста. Знал ли он, однако, что мистер Гоуэн собирается быть на суде? Вероятно, Колам запретил всем обитателям замка

спускаться в деревню: любого из них могли схватить во время охоты на ведьм. Волны страха и истерии, затопившие деревню, были реально ощутимы, я просто чувствовала, как они бьются о стены моего непрочного убежища.

Шум из расположенной неподалеку пивной отвлек меня от моих размышлений. Возможно, там находится страж при обреченном на смерть плюс еще кто-то. Но на грани гибели даже один лишний час стоит благодарности. Я завернулась в одеяло, накинула его себе на голову, чтобы заглушить шум из гостиницы, и постаралась изо всех сил не испытывать ничего, кроме благодарности.

После тяжелой, совершенно без отдыха ночи меня подняли вскоре после рассвета и отвели обратно на площадь, хотя судьи не появлялись еще целый час.

Худой и толстый, оба только что от сытного завтрака, сразу принялись за работу. Джефф обратился к Джону Макри, занимавшему свое прежнее место позади обвиняемых:

— Мы сочли невозможным для себя определить вину только лишь на основании свидетельских показаний.

Взрыв негодования вновь собравшейся толпы, у которой были свои способы определения вины. Матт, однако, мигом утихомирил негодующих: его пронзительный взгляд подействовал на завывающих молодых батраков в первых рядах толпы, словно ушат ледяной воды на твякающих псов. Порядок был восстановлен, и Матт обратил костлявую физиономию к стражнику.

— Пожалуйста, отведите заключенных на берег озера.

Радостные возгласы одобрения, раздавшиеся в этот раз, пробудили во мне самые худшие подозрения. Джон Макри взял меня одной рукой, а Джейли — другой и повел нас, но у него при этом нашлось много помощников. У какого-то идиота оказался в руках барабан, и он выбивал на нем бешеную дробь. Меня злобно дергали за платье, щипали и толкали. Толпа запела под стук барабана, я не понимала, что такое они поют, из-за множества беспорядочных выкриков, которые я и вовсе не хотела понимать.

Процессия спустилась по лугу на берег озера, где маленькая деревянная пристань нависла над водой. Нас препроводили на самый ее край; на пристани находились и оба судьи, по одному на каждом конце. Джефф обратился к толпе, оставшейся ждать на берегу:

— Принесите веревки!

Начались общие переговоры и переглядывания, пока кто-то не прибежал с мотком тонкой веревки. Макри взял веревку и неуверенно двинулся ко мне. Взгляд, брошенный на судей, однако, укрепил его решимость.

— Будьте так добры, снимите обувь, мадам, — распорядился он.

— Какого дья... то есть зачем? — спросила я, скрестив руки.

Он заморгал, явно не подготовленный к сопротивлению, но один из судей предвосхитил его ответ:

— Это предварительная процедура для суда водой. Большой палец правой руки привязывают пеньковой веревкой к большому пальцу левой ноги женщины, подозреваемой в колдовстве. Точно таким же образом большой палец левой руки привязывают к большому пальцу правой ноги. А затем... — Тут он бросил красноречивый взгляд на воды озера.

Два рыбака стояли босиком в прибрежной грязи, штаны закатаны выше колен и подвязаны бечевкой. Один из них, нагло ухмыляясь, поднял небольшой камешек и пустил его по серо-стальной поверхности озера. Камешек подпрыгнул один раз и утонул.

— Попад в воду, — нудным голосом бубнил малорослый судья, — виновная в колдовстве будет плыть, ибо чистая вода не приемлет нечистое существо. Невинная женщина утонет.

— Стало быть, передо мной выбор: либо меня осудят как ведьму, либо оправдают, но утопят? — с негодованием спросила я. — Нет, благодарю вас!

Я как можно крепче обхватила ладонями локти, чтобы унять дрожь, которая, кажется, становилась перманентным состоянием моей плоти.

Низенький судья надулся, словно разгневанная жаба.

— Не обращай к суду без должного уважения, женщина. Ты смеешь отказываться от предписанного законом испытания?

— Смею ли я отказываться от того, чтобы меня утопили? Само собой разумеется, что я отказываюсь!

Я слишком поздно заметила, что Джейли неистово качает головой, светлые волосы вихрем метались по лицу.

Судья, повернулся к Макри:

— Обнажите ее и бичуйте.

Потрясенная этими словами, я услышала общий вздох. Ужаса? Нет, предвкушения удовольствия. И тут я поняла, что такое настоящая ненависть. Не их. Моя.

Они даже не повели меня обратно на деревенскую площадь. Теперь я была обречена, терять мне было нечего, и я сопротивлялась яростно.

Грубые руки тянули меня вперед, хватали за одежду.

— Руки прочь, вонючая деревенщина! — взревела я и пнула какого-то мужика в самое чувствительное место.

Он скрючился со стоном, но его сложенное пополам туловище исчезло в кипящем водовороте орущих, плюющих, злобных рож. В меня вцепились мертвой хваткой и толкали куда-то вперед, волоком волокли через тех, кто в толчее свалился на землю, пробивали моим телом дорогу сквозь тесно сбившуюся толпу.

Кто-то ударил меня под ложечку, и я задохнулась. Лиф мой и блуза к этому времени были сильно изорваны, так что не составило труда сорвать с меня оставшиеся лохмотья. Я никогда не отличалась преувеличенной стыдливостью, но, оказавшись полуголой перед глумливой толпой, ощущая прикосновение потных лап к обнаженной груди, я преисполнилась такой ненавистью и таким унижением, каких и вообразить себе прежде не могла.

Джон Макри связал мне руки впереди, захлестнув веревку петлей вокруг запястий, оставив свободный конец длиной в несколько футов. Прodelывая все это, он выглядел пристыженным, но глаз на меня не поднимал, и было ясно, что ожидать от него помощи и снисходительности нечего: он находился во власти той же толпы, что и я.

Джейли была тут же, и с ней, конечно, обращались подобным образом. Я заметила, как взметнулись на ветру ее платиновые волосы. Руки мои поднялись над головой, когда конец веревки перекинули через сук большого дуба и подтянули его. Я скрежетала зубами, дав волю своей ярости: только так я могла бороться со страхом. Толпа замерла в ожидании; изредка раздавались возбужденные возгласы и выкрики.

— Задай ей, Джон! — проорал кто-то. — Принимайся за дело!

Джон Макри, чувствительный к чисто театральной стороне своего занятия, поднял плетель на уровень пояса и окинул взглядом толпу. Потом подошел ко мне и осторожным движением повернул меня лицом к стволу дерева, так что я почти касалась грубой коры. Отступил шага на два, размахнулся — и опустил плетель.

Потрясение оказалось сильнее боли. Только после нескольких ударов я поняла, что стражник по мере возможности старался щадить меня. Один или два удара были настолько сильными, что содрали кожу; эти места очень жгло.

Я крепко зажмурилась и прижалась щекой к дереву, стараясь всем напряжением сил отвлечься от происходящего — быть где-то еще... И вдруг я услышала нечто, немедленно вернувшее меня в реальность.

— Клэр!

Веревка, которой были обмотаны мои запястья, имела достаточную слабинку, чтобы я могла повернуться лицом к толпе. Мой неожиданный рывок привел к тому, что стражник полоснул плетью по воздуху, потерял равновесие и ударился головой о сук. Это произвело сильное воздействие на толпу, которая разразилась руганью и насмешками по адресу Джона.

Волосы упали мне на глаза и прилипли к лицу, мокрому от пота и слез. Я замотала головой, и в конце концов, хоть и глядя искоса, глаза мои подтвердили то, что услышали уши.

Джейми пробивал себе дорогу сквозь плотно сбитую толпу, безудержно используя преимущество своего роста и силы.

Я почувствовала себя как генерал Макалиф в Бастони при виде третьей армии Паттона. Несмотря на страшную опасность, угрожавшую Джейли, мне и самому Джейми, я никогда не была еще так счастлива при виде кого-либо.

— Это муж ведьмы! Это ее муж! Вонючий Фрэзер! Преступник! — Эти и им подобные возгласы раздавались в толпе вместе с проклятиями и оскорблениями, относившимися ко мне и Джейли. — Хватайте его тоже! Сжечь их! Сжечь их всех!

Массовая истерия, на время ослабленная происшествием со стражником, вспыхнула с новой силой.

Помощники стражника кинулись к Джейми, стараясь удержать его, и он вынужден был остановиться. На каждой руке у него повисло по человеку, но он все же тянулся одной рукой к поясу. Полагая, видимо, что он тянется за ножом, один из стражей закона сильно ударил его в живот.

Джейми слегка пригнулся, потом выпрямился и въехал локтем в нос тому, кто его ударил. Временно освободив одну конечность, он не обращал внимания на то, что в другую вцепился второй противник. Джейми сунул руку в спорран, потом поднял ее и что-то бросил, но, прежде чем это что-то взлетело в воздух, до меня донесся крик:

— Клэр! Стой неподвижно!

Не слишком у меня много возможностей двигаться, успела в изумлении подумать я. Темный предмет летел прямо мне в лицо, и я чуть было не попятилась, но вовремя остановилась. Предмет ударился о мою голову — и темные бусины четок упали мне на плечи, аккуратно обмотавшись вокруг шеи, словно болас.^[3] Впрочем, не совсем аккуратно: нитка зацепилась за правое ухо. Глаза у меня заслезились от резкого удара, я встряхнула головой, и четки легли на место, а распятие повисло между обнаженными грудями.

На лицах тех, кто стоял в первом ряду, выразилось испуганное удивление. Их внезапное молчание подействовало на остальных, и возбужденный рев прекратился. Голос Джейми, обычно мягкий даже в гневе, зазвенел в тишине, на этот раз в нем мягкости не осталось и следа:

— Разрежьте веревку!

Помощники стражника уже слиняли, и толпа расступилась перед Джейми, когда он двинулся вперед. Макри, разинув рот, глядел, как он приближается.

— Я сказал, разрежь веревку! Ну!

Стражник, выведенный из оцепенения надвигающимся на него апокалиптическим видением огненно-волосой смерти, задвигался и поспешно извлек свой кинжал. Перерезанная веревка, дернувшись, упала, и руки мои повисли, словно две палки, и заныли от боли. Я пошатнулась и упала бы, но крепкая и такая знакомая рука подхватила меня под локоть и помогла выпрямиться. Я прижалась лицом к груди Джейми, и теперь мне ничего не было страшно.

Должно быть, я на несколько мгновений потеряла сознание или так мне показалось от переполнившего меня чувства вызволения. Когда я опомнилась, Джейми держал меня, обняв за талию, а его плед был брошен мне на плечи, укрывая от таращившихся глаз жителей деревни. Кругом по-прежнему гудели голоса, но в них уже не слышалось буйной и радостной жажды крови.

Голос Матта — а может, то был Джефф? — прорезался сквозь общий гул:

— Кто вы такой? Как вы посмели вмешаться в расследование суда?

Я скорее почувствовала, чем увидела, как толпа подалась вперед.

Джейми был большой и сильный, он был вооружен, но тем не менее он был один. Я теснее прильнула к нему, он прижал меня крепче правой рукой, но левая скользнула к ножнам на бедре. Серебристо-голубоватое лезвие со зловещим присвистом наполовину показалось из ножен, и передняя линия толпы замерла.

Однако судьи были сделаны из более стойкого материала. Выглянув из своего укрытия, я увидела, что Джефф уставился на Джейми. Матт казался скорее ошеломленным, нежели возмущенным.

— Вы осмеливаетесь восставать против Божьего суда? — провещал во гневе толстый маленький судья.

Джейми выхватил палаш полностью из ножен и воткнул его в землю, так что рукоятка задрожала от силы удара.

— Я восстал на защиту этой женщины и на защиту правды, — ответил

Джейми. — Если кто-либо здесь выступает против них обеих, пусть ответит мне, а потом уже Богу.

Судья заморгал, словно бы не в состоянии поверить в возможность подобного поведения, затем снова перешел в нападение:

— Вы не имеете права нарушать работу этого суда, сэр! Я требую, чтобы вы немедленно отпустили обвиняемую. А ваш поступок будет рассмотрен немедленно.

Джейми смотрел на судей с величайшим спокойствием. Я слышала тяжелое биение его сердца, но его руки были тверды, словно камень, одна оставалась на рукоятке палаша, вторая — на кинжале у пояса.

— Что касается этого, сэр, то я принес обет у алтаря Господа защищать эту женщину. И если вы утверждаете, что ваша власть превышает власти Всемогущего Бога, то я должен сообщить вам, что не разделяю подобное мнение.

Последовавшее за его словами молчание было прервано негромким смешком, который эхом повторился там и сям в толпе. Если симпатии собравшихся и не перешли, на нашу сторону, то все же та сила, которая несла нас к гибели, была сломлена.

Джейми взял меня за плечо и повернул. Было невыносимо тяжело повернуться лицом к толпе, но я знала, что должна это сделать. Я подняла голову как можно выше и видела теперь не лица людей, а то, что находилось далеко за ними, — маленькую лодку на самой середине озера. И я смотрела на нее, пока у меня не заслезились глаза.

Джейми, придерживая плед, в который я была закутана, приспустил его так, чтобы открылись мои плечи и шея. Он взялся за темные четки и подвигал их из стороны в сторону.

— Янтарь обжигает кожу ведьмы, не так ли? — обратился он к судьям. — И, как мне думается, еще сильнее обжигает ее крест Господа Нашего. Но смотрите. — Он поддел пальцем четки и приподнял распятие. Кожа моя была совершенно белой, без отметин, если не считать той грязи, которая попала на нее в тюремной норе. Толпа отозвалась общим вздохом и невнятным ропотом.

Смелость, холодное присутствие духа и врожденное умение произвести эффект. Колам Макензи по-своему не зря опасался честолюбивых притязаний Джейми. Боялся он, разумеется, и того, что я могу разоблачить происхождение Хэмиша, и его поступок со мной был вполне объясним в этом свете. Объясним, но непростителен.

Настроение толпы колебалось то в одну, то в другую сторону. Жажда крови, которая владела ею раньше, теперь вроде бы улетучилась, но она

могла и вернуться новой, еще более высокой волной и сокрушить нас. Матт и Джефф переглядывались в нерешительности; застигнутые врасплох неожиданным поворотом событий, они явно потеряли контроль над ситуацией.

И Джейлис Дункан воспользовалась замешательством. Не знаю, был ли какой-то обнадеживающий смысл в этом для нее самой. Во всяком случае, она вызывающе перекинула через плечо свои сияющие волосы и ринулась в прорыв очертя голову.

— Эта женщина — не колдунья, — заявила она напрямик. — А я колдунья.

Представление, которое устроил Джейми, померкло по сравнению с этим выпадом. В реве толпы потонули голоса судей, вопросы и восклицания.

Нельзя было найти объяснение тому, что она думала и чувствовала — не более, чем всегда. Ее высокий белый лоб был чист, большие зеленые глаза горели своего рода весельем. Она стояла, выпрямившись, в своем изорванном платье, перемазанная грязью, и смотрела на своих обвинителей сверху вниз. Едва суэта немного улеглась, она заговорила, не снизойдя до того, чтобы возвысить голос, но заставив всех прислушаться к себе:

— Я, Джейлис Дункан, признаю, что я ведьма и возлюбленная Сатаны...

Это признание вызвало новую бурю выкриков, и она сполнейшим терпением дожидалась, пока наступит тишина.

— Я признаю, что, повинувшись своему господину, я умертвила своего мужа Артура Дункана посредством колдовства. — При этих словах она искоса взглянула на меня и, поймав мой взгляд, еле заметно улыбнулась. Ее глаза остановились на женщине в желтой шали, но не смягчились. — По злему умыслу я произнесла заклинание над ребенком-оборотнем, и он умер, а похищенное человеческое дитя осталось у эльфов. — Она повернулась и указала на меня. — Я воспользовалась неведением Клэр Фрэзер в своих целях. Но она не принимала участия в моих делах и не разбиралась в них, и она не служит моему хозяину и господину.

Толпа снова загудела, люди толкались, чтобы лучше видеть, и старались подойти поближе. Она протянула вперед обе руки ладонями вперед.

— Остановитесь! — Ясный голос прозвучал резко, как удар бича, и имел такое же действие. Она откинула голову к небесам и застыла, будто бы прислушиваясь. — Слушайте! — произнесла она. — Слушайте ветер его явления. Берегись, народ Крэйнсмуира! Мой Господин прилетает на

крыльях ветра!

Она опустила голову и издала высокий, нечеловеческой силы вопль торжества. Огромные зеленые глаза застыли, словно в трансе.

А ветер поднимался. Я видела, как клубятся штормовые облака на противоположном берегу озера. Люди оглядывались в тревоге; кое-кто предпочел из передних рядов ретироваться назад.

Джейли начала кружиться, волосы ее развевались на ветру, одна рука грациозно поднята вверх, как у тех, кто танцует вокруг майского шеста. Я наблюдала за ней в оцепенении.

Она все кружилась, и волосы скрывали ее лицо. Но вот при очередном повороте она резким движением головы отбросила в сторону светлую гриву, и я увидела ее лицо, обращенное ко мне. Маска одержимости мгновенно исчезла, и губы произнесли одно-единственное слово. В ту же секунду Джейли снова повернулась к толпе и закричала тем же нечеловеческим криком.

Слово, произнесенное ею, было: «Бегите!»

Внезапно она перестала кружиться и с выражением безумного торжества ухватила обеими руками за остатки лифа своего платья и разорвала его так, что всей толпе сделалась явной тайна, которую я узнала, сидя рядом с Джейли в холодной грязи узилища для воров. Тайна, которую узнал Артур Дункан за час до своей смерти, — она и послужила причиной этой смерти. Лохмотья обвисли, обнажив округлившийся живот женщины, беременной не меньше шести месяцев.

Я все еще стояла, будто каменная, и смотрела. Но Джейми не терял времени. Схватив меня одной рукой, а свой палаш — другой, он ринулся в толпу, отталкивая людей локтями, коленями и рукояткой палаша и пробивая себе дорогу к озеру. Он выпустил сквозь зубы пронзительный свист.

Завороженные сценой под дубом, люди не сразу сообразили, что происходит. Когда кое-кто из них, спохватившись, поднял крик и попытался нас удержать, послышался топот конских копыт по засохшей твердой грязи на берегу.

Донас по-прежнему не слишком жаловал людей и был полон желания показать это на деле. Он хватил зубами первую же руку, потянувшуюся к его поводьям, и обладатель руки отскочил, вопя и разбрызгивая кровь. Жеребец поднялся на дыбы, пронзительно заржал и забил передними копытами, рассекая воздух, после чего немногие храбрецы, намеревавшиеся его остановить, вдруг утратили к этому всякий интерес.

Джейми перекинул меня через седло, словно куль с мукой, и одним прыжком взлетел на спину коню. Расчищая дорогу мощными взмахами

палаша, он направил Донаса прямо в гущу толпы. Люди отступали в страхе перед конскими зубами и копытами и перед взмахами стали, а мы набирали скорость, оставляя озеро, деревню и Леох позади. Дыхание вылетало у меня из груди толчками, я все пыталась заговорить с Джейми, докричаться до него.

Я, разумеется, отнюдь не была на этот раз потрясена беременностью Джейли. Было нечто другое, отчего меня пробрало холодом до мозга костей. Когда Джейли кружилась, раскинув белые руки, я увидела то, что должна была заметить и она, когда с меня сорвали одежду: метку на одной руке, такую же, как у меня. Здесь, в этом времени, то был признак чар и волшебства. Маленькое, скромное пятнышко от прививки оспы.

Дождь падал на воду, охлаждая мое распухшее лицо и натертые веревкой запястья. Я зачерпнула ладонью воды из ручья и медленными глотками выпила ее, с благодарностью чувствуя, как холодная жидкость смачивает пересохшую гортань.

Джейми куда-то исчез на несколько минут. Вернулся он с полной горстью темно-зеленых округлых листьев и при этом что-то жевал. Потом он выплюнул комок пережеванной зелени на ладонь, отправил новую партию листьев в рот и повернул меня спиной к себе. Налепил пережеванные листья осторожно мне на спину, и жжение сразу же уменьшилось.

— Что это такое? — спросила я, всячески стараясь овладеть собой — я еще дрожала и всхлипывала, но безудержный поток слез начал ослабевать.

— Водяной кресс, — ответил Джейми приглушенным голосом — он продолжал пережевывать листья. — Не только ты знаешь кое-что о лечении травами, Саксоночка.

— А какой он на вкус? — глотая слезы, снова спросила я.

— Весьма противный, — лаконично сообщил он, приложив к моей спине еще одну порцию жвачки и накрывая мне плечи пледом. — Они не... — начал он и запнулся. — Я хочу сказать, что рубцы неглубокие, и я думаю, у тебя не останется отметин.

Говорил он с нарочитой грубоватостью, но прикасался ко мне так ласково, что у меня это вызвало новый поток слез.

— Извини, — забормотала я, уткнувшись носом в конец пледа, — я просто не могу понять, что это со мной. Не знаю, почему я все время плачу.

Джейми пожал плечами.

— Не думаю, чтобы до сих пор кто-то старался намеренно причинить тебе боль, Саксоночка, — сказал он. — И это потрясло тебя не меньше, чем

боль. — Он помолчал и поправил конец пледа. — Я испытал примерно то же самое, — продолжал он буднично. — Меня тошнило, потом я плакал, когда мне промывали рубцы, а потом меня начало трясти.

Он вытер мне пледом лицо и приподнял за подбородок.

— А когда я перестал дрожать, Саксоночка, — негромко продолжал он, — я возблагодарил Бога за боль, ведь она означала, что я жив. Когда ты дойдешь до такого состояния, милая, скажи мне об этом, потому что мне надо кое о чем с тобой поговорить.

Он встал и спустился к ручью, чтобы выстирать испачканный кровью платок.

— Что заставило тебя возвратиться? — спросила я, когда он снова подошел ко мне.

Слезы мои унялись, но я еще дрожала и куталась поплотнее в плед.

— Это все Алек Макмагон, — улыбаясь, ответил он. — Я попросил его присматривать за тобой, пока буду в отъезде. Когда деревенские схватили тебя и мистрисс Дункан, Алек скакал всю ночь и весь следующий день, разыскивая меня. А потом я и сам несея как дьявол, только бы успеть. Бог мой, какой же это великолепный конь! — Он с одобрением поглядел на Донаса, который был привязан к дереву на самом верху спуска к ручью; влажная шерсть коня отливала медью. — Надо бы его увести отсюда, — раздумчиво произнес Джейми. — Вряд ли кто-то будет нас преследовать, но все-таки Крэйнсмуир недалеко. Ты можешь идти?

Я не без труда последовала за ним по крутому склону, мелкие камешки катились из-под ног, папоротник и колючая ежевика цеплялись за подол. Поблизости от вершины склона росли молодые ольховые деревья; они стояли так тесно одно к другому, что их нижние ветви смыкались, образуя зеленую крышу над зарослями папоротника под ними. Джейми приподнял ветки так, чтобы я могла пролезть в узкий промежуток, потом старательно расправил примятые папоротники у входа. Отступил и окинул убежище критическим взглядом. Удовлетворенно кивнул.

— Все отлично. Никто тебя здесь не найдет. — Он собрался уходить, но тотчас вернулся. — Постарайся уснуть, если можешь, и не беспокойся, если я не очень скоро вернусь. У нас нет с собой еды, а я не хочу привлекать внимание, останавливаясь на ферме. Придется поохотиться. Натяни тартан на голову и посмотри, чтобы он закрывал твою юбку: белое видно издалека.

Еда казалась чем-то несущественным; я считала, что больше никогда не захочу есть. Сон — другое дело. Спина и руки у меня еще ныли, болели и совсем свежие ссадины от веревок на запястьях, и вообще все тело у меня

болело, однако, измученная страхом, болью и общим истощением, я уснула почти мгновенно, и острый запах папоротников поднимался вокруг меня, как фимиам.

Я проснулась оттого, что меня схватили за ногу. Испуганная, я села и выпрямилась, наткнувшись на пружинистые ветки над головой. Листья и тоненькие прутики посыпались на меня дождем, и я нелепо замахала руками, стряхивая мусор с волос. Исцарапанная, взъерошенная и обеспокоенная, выбралась я из своего убежища и обнаружила Джейми, который сидел неподалеку на корточках и весело наблюдал за моим появлением. Время близилось к закату, солнце освещало верхнюю часть обрыва, но расщелина, по дну которой бежал ручей, была уже в тени. Запах жареного мяса поднимался от небольшого костра, разведенного среди камней у ручья, — два кролика поджаривались на импровизированных вертелах из очищенных от коры веток.

Джейми подал мне руку — помочь спуститься по склону. Я гордо отказалась и сошла сама, споткнувшись только раз, когда наступила на свисающий конец плета. Отвращение к пище исчезло, и я жадно набросилась на мясо.

— После ужина мы поднимемся в лес, Саксоночка, — сказал Джейми, отламывая кроличью ногу. — Не хотелось бы ночевать у ручья, из-за шума воды не услышишь, если кто подойдет.

За едой мы почти не разговаривали. Ужас минувшего утра, мысли о том, что мы оставили позади, угнетали нас обоих. Ау меня была и еще одна причина для глубокой печали. Я не только утратила возможность узнать побольше о том, как и почему я оказалась здесь, но потеряла друга. Единственного. Нередко я сомневалась в мотивах поступков Джейли, но никакого сомнения не могло быть в том, что утром она спасла мне жизнь. Зная, что приговорена, Джейли сделала все от нее зависящее, чтобы дать мне возможность бежать... Огонь костра, почти невидимый при дневном свете, делался все ярче с наступлением сумерек. Я смотрела на языки пламени, на поджаристое мясо и коричневатые косточки кроликов на вертелах. Капля крови из сломанной косточки капнула в огонь и, зашипев, испарилась. Мясо застряло у меня в горле. Я поспешно бросила недоеденный кусок и отвернулась: меня тошнило.

По-прежнему неразговорчивые, мы покинули берег ручья и нашли удобное местечко у края прогалины в лесу. Плавные волны холмов окружали нас, но Джейми выбрал место повыше, откуда видна была дорога из деревни. Сумерки ненадолго усилили все краски пейзажа, и кругом засверкали драгоценные камни; мерцающий изумруд в ложбинах, чудесно

затуманенный аметист в зарослях вереска и пылающий рубин на усыпанных красными ягодами деревьях рябины на вершине холма. Ягоды рябины — средство против колдовства. Вдали еще виднелись очертания Леоха у подножия Бен Адена, но они все больше расплывались по мере того, как сгущался сумрак.

Джейми развел костер в укрытии и уселся возле огня. Дождь превратился в мельчайшую изморось, и капли влаги, повисшие у меня на ресницах, сияли радугой, когда я смотрела на пламя.

Джейми долго сидел, уставившись в костер. Наконец он повернулся ко мне, обхватив руками колени.

— Я говорил тебе раньше, что не стану спрашивать тебя о том, чего ты не захочешь мне сказать. Я не спрашиваю и теперь, но я должен знать — ради безопасности твоей и моей. — Он немного помолчал. — Клэр, если ты не была со мной честной до сих пор, будь хотя бы сейчас, потому что я должен знать правду. Клэр, ты колдунья?

Я широко раскрыла глаза.

— Колдунья? И ты... ты всерьез спрашиваешь об этом?

Мне казалось, он шутит. Но он не шутил. Крепко взяв меня за плечи, он пристально смотрел мне в глаза, словно надеясь таким образом вынудить меня к ответу.

— Я должен спросить, Клэр! И ты должна мне ответить!

— А если это так? — выговорила я пересохшими губами. — Если бы ты считал меня колдуньей? Стал бы ты бороться за меня?

— Я пошел бы за тобой на костер! — произнес он с неистовой силой. — А потом и в ад, если бы пришлось. Но во имя милосердия к нам обоим Господа Иисуса, скажи мне правду!

Сила напряжения одолела меня. Я вырвалась из рук Джейми и бросилась бежать через полянку — недалеко, к первым деревьям, Остаться на открытом месте я почему-то больше не могла. Я наткнулась на дерево и, обхватив его, вцепилась пальцами в кору, прижалась к стволу лицом и разразилась громким истерическим смехом.

Лицо Джейми, белое и потрясенное, появилось по другую сторону ствола. Смутно, однако все же осознав, что мое поведение выглядит по меньшей мере безумным, я сделала невероятное усилие и овладела собой. Задышавшись, посмотрела на Джейми.

— Да, — сказала я, все еще одолеваемая приступами рвущегося наружу смеха. — Да, я колдунья. Ведьма. Тебе я и должна ею казаться. Я не болела черной оспой, но могу пройти по комнате, полной умирающих, и не заразусь. Могу ухаживать за такими больными, дышать одним воздухом с

ними, дотрагиваться до них и не заболею. Я не заражусь холерой, столбняком, дифтеритом. Ты должен считать это волшебством, потому что никогда не слышал о прививках и можешь объяснить это лишь одним способом. То, что мне известно... — Здесь я немного отступила назад и остановилась, стараясь успокоиться. — Я знаю о Джонатане Рэндолле, потому что мне о нем рассказали. Мне известно, когда он родился и когда умрет. Я знаю, чем он занимался и чем еще будет заниматься. Я знаю о Сандрингэме, потому что... Фрэнк рассказывал мне. Он знал и о Рэндолле, потому что... он... о Боже!

Я почувствовала, что вот-вот упаду в обморок, и закрыла глаза, чтобы не видеть, как кружатся звезды у меня над головой.

— И Колам... он считает меня ведьмой, потому что я знаю, что Хэмиш не его сын. Я знаю, что у него не может быть детей. Но он решил, будто мне известно, кто отец Хэмиша. Я вначале думала, что это ты, но потом поняла, что такого не могло быть, и я... — Я говорила все быстрее и быстрее, пытаюсь унять головокружение самым звуком своего голоса. — Все, что я рассказывала тебе о себе, было правдой, — продолжала я, яростно кивая головой, словно уверяя в этом самое себя. — Все! У меня нет своего народа, нет истории, потому что и меня еще нет на свете. Знаешь, когда я родилась? — спросила я, подняв глаза. Я знала, что волосы у меня в полном беспорядке, а взгляд дикий, но мне было все равно. — Двадцатого октября в год от Рождества Господа нашего тысяча девятьсот восемнадцатый. Ты слышишь? — обратилась я к нему, потому что он, не двигаясь, глядел на меня так, будто слова мои до него не доходили. — Я сказала: тысяча девятьсот восемнадцатый! Через двести с лишним лет! Ты слышишь?

Я уже кричала, и Джейми медленно кивнул.

— Я слышу, — ответил он тихо.

— Да, ты слышишь! — все так же бурно продолжала я. — И считаешь меня помешанной, верно? Ну признай, что именно это ты думаешь! Не можешь думать иначе, только так ты в состоянии объяснить себе... Ты не можешь поверить мне, ты не осмеливаешься... О Джейми...

Я чувствовала, как гримаса боли исказила мое лицо. Мне так долго пришлось скрывать правду, я понимала, что никому нельзя открыться, но вот теперь осознала, что могу открыться Джейми, моему любимому мужу, единственному человеку, которому я доверяла... и он мне не поверит, не может поверить.

— Там были каменные столбы — на заколдованном месте. Столбы Мерлина.^[4] Я прошла через них. — Я говорила, задыхаясь и всхлипывая и

все менее связно. — Давным-давно, а на самом деле двести лет. Так всегда бывает в сказках... двести лет. Но в сказках люди всегда возвращаются, а я не могла вернуться.

Меня шатало, я оглянулась, ища опоры. Села на камень, опустила плечи и положила голову на руки. Долгое молчание наступило в лесу, такое долгое, что птицы осмелели и, перекликаясь одна с другой тоненьким писком, принялись носиться над поляной за последними насекомыми лета.

Наконец я решилась поднять голову. Может, Джейми попросту ушел, ошеломленный моими признаниями? Но он был тут и все так же сидел, обхватив руками колени, голова задумчиво опущена. При свете костра волосы у него на руках сияли, словно медная проволока, но при этом встали дыбом, как шерсть на собаке. Он испугался меня.

— Джейми, — произнесла я, и сердце мое разрывалось от чувства полного одиночества. — О Джейми...

Я снова опустила голову и сжалась в комок, вся сосредоточившись на внутренней боли. Ничего не происходило, слезы душили меня.

Руки Джейми легли мне на плечи и отвели их назад, так что я увидела его лицо. Сквозь пелену слез я разглядела выражение, какое было у него во время сражения: напряжение покинуло его, сменившись спокойной уверенностью.

— Я верю тебе, — сказал он твердо. — Я не совсем понимаю — пока, — но я верю. Клэр, я верю тебе! Выслушай меня! Между нами правда, между тобой и мной, и я буду верить тебе. — Он легонько встряхнул меня. — Не важно, что это такое. Но ты мне рассказала. Пока этого довольно. Успокойся, *mo duinne*. Положи сюда голову и отдохни. Остальное ты расскажешь мне потом. И я поверю тебе.

Я все еще всхлипывала, не в состоянии уяснить себе его слова. Сопротивлялась, вырывалась, но он обхватил меня и крепко прижал к себе, накрыв мне голову краем своего пледа и повторяя снова и снова: «Я тебе верю».

Наконец, в полном изнеможении, я успокоилась настолько, чтобы взглянуть на него и сказать:

— Но ты не можешь поверить мне.

Он улыбнулся. Губы у него дрожали, но он улыбался.

— Не стоит, Саксоночка, заявлять мне, чего я не могу. — Он помолчал и спросил с любопытством: — Сколько же тебе лет? Мне не приходило в голову узнать у тебя раньше.

Вопрос казался настолько абсурдным, что мне понадобилась минута на размышление.

— Двадцать семь... возможно, двадцать восемь.

Ответ, кажется, немного смутил его. Женщина двадцати восьми лет, по меркам их времени, приближалась к среднему возрасту.

— О, — произнес он и глубоко вздохнул, — Я-то считал, что ты в моем возрасте... или моложе.

Некоторое время он сидел неподвижно, потом наклонился ко мне со слабой улыбкой:

— С днем рождения, Саксоночка. Меня эти слова очень удивили.

— Что? — спросила я с достаточно глупым видом.

— Я сказал, что поздравляю тебя с днем рождения. Сегодня двадцатое октября.

— Правда? Я потеряла счет дням...

Я снова начала дрожать от холода, волнения, от потери сил, затраченных на мою пламенную тираду. Джейми притянул меня поближе, легкими движениями больших ладоней гладил меня по голове, убаюкивая у себя на груди. Я опять заплакала, но то были слезы облегчения. В состоянии полного душевного переворота мне казалось теперь вполне логичным, что если Джейми, узнав мой настоящий возраст, продолжает желать меня, значит, все обойдется.

Он поднял меня и, осторожно придерживая у плеча, отнес к костру, где лежало на земле седло. Сел и оперся на седло, продолжая держать меня на руках. Заговорил он спустя долгое время:

— Ну, хорошо. Теперь рассказывай.

И я рассказала. Повела ему все, хоть и запинаясь, но вполне последовательно. Оцепенелая от усталости, я все же была довольна... как кролик, которому удалось обмануть лису и найти пусть временное, но все же укрытие под каким-нибудь бревном. Хоть и не слишком надежное убежище, но какая-никакая передышка. Рассказала я и о Фрэнке.

— Фрэнк, — тихонько выговорил он. — Стало быть, он не умер.

— Он еще не родился. — Я почувствовала, как во мне вновь поднимается волна истерии, но справилась с ней. — И я тоже.

Он молча погладил и похлопал меня по спине, потом пробормотал некие невразумительные гэльские междометия и вдруг сказал:

— Когда я увез тебя от Рэндолла из Форт-Уильяма, ты пробовала вернуться. К каменным столбам. И... к Фрэнку. Поэтому ты и убежала из рощи.

— Да, — ответила я.

— А я тебя побил за это, — виновато произнес он.

— Ты же не знал. И я не могла тебе сказать. Меня начало и в самом деле клонить в сон.

— Не думаю, что могла, — согласился он, получше укутывая меня в плед. — Поспи, mo duinne. Никто тебя не потревожит. Я с тобой.

Я уткнулась лицом в теплую впадину на его плече, и утомленный мой рассудок погрузился в волны забвения. Я заставила себя подняться на поверхность лишь для того, чтобы спросить:

— Ты и вправду веришь мне, Джейми? Он вздохнул и грустно улыбнулся:

— Да, я тебе верю, Саксоночка. Но было бы куда проще, если бы ты просто оказалась колдуньей.

Спала я как мертвая, но проснулась с чудовищной головной болью и напряжением в каждом мускуле. У Джейми в спорране хранилось в маленьком мешочке несколько горстей овсянки, и он заставил меня принять как лекарство смесь овсяной крупы с холодной водой. Лекарство застревало у меня в глотке, но я его все-таки проглотила.

Джейми был ласков и нежен со мной, но говорил мало. После завтрака он быстро свернул наш маленький лагерь и оседлал Донаса.

Совершенно отупевшая в результате недавних событий, я даже не спросила его, куда мы направляемся. Взгромоздилась на коня позади него, с полным удовольствием уткнулась лицом в широкую спину и от размеренного хода лошади впала в бездумный транс.

Мы спустились с холма возле озера Лох-Мэдох и попали из холодной рассветной измороси под серое покрывало тумана. Дикие утки поднимались беспорядочными стайками из камышей и кружились над болотами, криканьем своим побуждая взлететь тех, кто еще не пробудился. В отличие от них дисциплинированные клинья гусей строем пролетали над нами скриками тоски и одиночества.

Серый туман рассеялся только к полудню на второй день, и неяркое солнце осветило луга, поросшие там и сям пожелтым утесником и ракетами. Отъехав на несколько миль от озера, мы свернули на узкую дорогу, которая вела на северо-запад. Путь снова шел на подъем, к невысоким округлым холмам, за которыми виднелись скалистые вершины и утесы. На дороге мы почти никого не встречали, но, слышав издали топот конских копыт, из предосторожности сворачивали в кусты на обочине.

Лиственные деревья и кустарники сменились сосновым лесом; я с наслаждением вдыхала острый смолистый запах, хотя к сумеркам сделалось очень прохладно. Мы расположились на ночлег поодаль от

тропы на небольшой поляне. Устроились в устланном сосновыми иголками небольшом углублении, подстелив одеяло и накрывшись пледом и вторым одеялом; прижались потеснее друг к другу, чтобы согреться, и уснули.

Он разбудил меня в полной темноте и ласкал, овладевая мною, медленно и нежно, не произнося ни слова. Я смотрела на звезды сквозь сетку темных ветвей и снова уснула, ощущая уютную и теплую тяжесть его тела.

Наутро Джейми выглядел более бодрым или, скорее, умиротворенным, словно принял наконец какое-то трудное решение. Совсем сонная, я последовала за ним на тропу, стряхивая с себя сосновые иголки и каких-то крохотных паучков. Узкая тропа за утро превратилась в еле заметную тропку по зарослям овсяницы, кое-где огибавшую особенно острые камни.

Я почти не обращала внимания на то, что меня окружало, лишь радовалась в полудреме тому, что солнце сильнее пригревает, но вдруг перед глазами у меня выросло знакомое нагромождение камней, и я вышла из оцепенения. Я узнала, где мы находимся. И почему.

— Джейми!

Он обернулся на мое восклицание.

— Ты что, не знала?

— Что мы едем именно сюда? Конечно, нет! Мне стало нехорошо. Крэг-на-Дун находился не более чем в миле от нас, я различала его горб сквозь последние клочья утренней дымки.

Я с трудом сглотнула. Почти полгода я стремилась попасть в это место. Но теперь, когда я оказалась здесь, мне хотелось бежать отсюда куда угодно. Каменные столбы на вершине холма нельзя было разглядеть снизу, но мне чудилось, что от них на меня нисходит едва уловимая эманация ужаса.

Еще задолго до вершины тропа сделалась непроходимой для Донаса. Мы спешили и привязали коня к низкорослой сосне, а сами пошли дальше пешком.

Я совсем задохнулась и взмокла от пота, пока мы добрались до гранитного уступа; Джейми не проявлял ни малейших признаков утомления, разве что шея и лицо у него покраснели. Здесь, над соснами, было тихо, только крепкий ветерок пел свои песни в расселинах. Ласточки носились над уступом, внезапно взмывая в потоках воздуха в погоне за насекомыми либо, раскинув узкие крылья, устремляясь вниз, словно пикирующие бомбардировщики.

Джейми взял меня за руку и помог преодолеть последнюю ступеньку к площадке перед расколотым столбом. Он притянул меня поближе к себе и

смотрел так, будто бы хотел запечатлеть в памяти мои черты.

— Зачем... — начала было я, задыхаясь, но он не дал мне договорить.

— Это ведь то самое место? — отрывисто сказал он.

— Да. — Я как загипнотизированная уставилась на круг столбов. —

Похоже на то.

Джейми ввел меня внутрь круга. Держа за руку, подвел к расколотому столбу.

— Этот? — спросил он.

— Да. — Я отступила. — Осторожнее! Не подходи к нему слишком близко!

С откровенным недоверием он переводил взгляд с меня на камень. Возможно, он был прав. Я вдруг усомнилась в правдивости моей истории.

— Я... я ведь ничего об этом толком не знаю. Возможно... оно... закрылось после случая со мной. Или действует только в определенное время года. Это произошло незадолго до майского праздника костров Белтейна.

Джейми взглянул через плечо на солнце, плоским диском повисшее посреди неба под прикрытием тонкого просвечивающего облака.

— А теперь уж скоро Самхейн, — сказал он. — День всех святых. Подходит или как? — Он невольно вздрогнул, несмотря на шутливый тон. — Когда ты проходила... что ты тогда сделала?

Я попыталась вспомнить. Мне было ужасно холодно, я спрятала руки под мышки.

— Я обошла столбы, искала надписи. Обошла безрезультатно, никаких надписей не было. Потом я подошла близко к расколотому камню и услышала жужжание, словно там были пчелы...

Так оно было и теперь — словно пчелы жужжали. Я отпрянула, как от змеи.

— Оно еще там! — закричала я в полной панике и обхватила руками Джейми, но он твердо отстранил меня, весь побелевший, и снова повернул лицом к камню.

— А потом что?

Стонущий ветер врывался мне в уши, но голос Джейми звучал резче ветра.

— Я дотронулась до камня рукой.

— Сделай это.

Он подтолкнул меня, и так как я не двигалась, схватил меня за запястье и прижал мою ладонь к пятнистой поверхности камня.

Хаос разверзся и вобрал меня в себя.

Но вдруг солнце прекратило свое бешеное вращенье в глубине моих глаз, утихнул пронзительный крик, остался только другой настойчивый звук — голос Джейми, повторяющий мое имя.

Я была слишком слаба, чтобы сесть и открыть глаза, но я слабо шевельнула рукой, чтобы показать ему, что я еще жива.

— Я в порядке, — произнесла я.

— Это правда? Господи, Клэр! — Он прижал меня к груди и держал крепко. — Боже, Клэр, я думал, что ты умерла, честное слово. Ты... ты начала куда-то уходить. У тебя сделалось такое лицо, как будто ты насмерть перепугана. Я... я оттащил тебя от этого камня. Я остановил тебя. Я не должен был этого делать, прости меня, милая.

Глаза мои открылись настолько, что мне было видно его лицо надо мной — потрясенное и испуганное.

— Ничего страшного. — Говорить мне было еще трудно, я чувствовала себя подавленной и растерянной, но сознание прояснялось. Я попробовала улыбнуться, но губы свело судорогой. — По крайней мере... мы знаем... что оно действует.

— О Боже, конечно, действует.

Джейми бросил в сторону камня взгляд, в котором страх смешался с отвращением.

Он оставил меня, чтобы намочить платок в дождевой воде, скопившейся в каменной выбоине. Обтер мне платком лицо, все еще бормоча извинения и уверения. Наконец мне стало лучше, и я села.

— Ты так и не поверил мне до конца? — Толком не очнувшись, я, однако, чувствовала себя реабилитированной. — Но это правда.

— Да, правда. — Джейми сел рядом со мной и несколько минут смотрел на камень.

Я прикрыла влажным платком лицо — дурнота еще не совсем прошла. Джейми вдруг вскочил, подошел к камню и шлепнул по нему рукой. Ничего не произошло, и через минуту он, опустив плечи, вернулся ко мне.

— Может, оно действует только по отношению к женщинам, — неуверенно сказала я. — В легендах всегда говорится о женщинах. Или это я такая.

— Я, во всяком случае, не такой, — ответил он. — Но лучше убедиться.

— Джейми, осторожнее! — крикнула я — совершенно попусту, потому что он зашагал к камню, снова шлепнул его ладонью, прислонился к нему, прошел расщелину в одну сторону, потом в обратную — камень оставался неподвижным тяжелым монолитом, не более того. Что касается

меня, то я вздрагивала при одной мысли о приближении к этой двери в безумие.

И все же. Все же, когда я на этот раз начала входить в царство хаоса, я думала о Фрэнке. Я была уверена, что чувствую его. Где-то там в пустоте засиял крошечный, чуть не с булавочную головку ореол света — и Фрэнк был в нем. Я это знала. И знала также, что рядом со мной есть еще одна светлая точка — обращенное к камню лицо, мокрое от пота, несмотря на холодный день.

Джейми вернулся и взял меня за обе руки. Поднес их одну за другой к губам и торжественно поцеловал.

— Моя леди, — произнес он негромко. — Моя... Клэр. Нет смысла ждать. Я должен расстаться с тобой сейчас.

Я не могла выговорить ни слова сквозь стиснутые губы, но выражение моего лица было так же легко прочитать, как и всегда.

— Клэр, — продолжал Джейми настойчиво, — там, по другую сторону этого... этой вещи — твоё время. Там твой дом, твоя страна. Все, к чему ты привыкла. И... Фрэнк.

— Да, — сказала я, — Фрэнк там.

Джейми взял меня за плечи, поставил на ноги и проговорил почти с мольбой:

— На этой стороне для тебя ничего нет, милая! Ничего, кроме насилия и опасности. Иди!

Он повернул меня к камню и слегка подтолкнул. Но я снова повернулась к нему и схватила его за руки.

— Разве для меня и в самом деле ничего нет по эту сторону, Джейми? — Я упорно смотрела ему прямо в глаза.

Он мягко высвободился и, не ответив, отступил назад, внезапно обернувшись изображением из других времен на фоне затянутых дымкой холмов; жизнь на его лице была лишь игрой теней на плоских слоях краски — напоминание некоего художника о забытых краях и о страстях, давно угасших.

Но я посмотрела в глаза, полные боли и томления, и он снова сделался плотью, реальной и живой, — возлюбленным, мужем, человеком.

Мука моя, вероятно, очень ясно отражалась на лице, потому что Джейми, помедлив, повернулся к востоку и указал на что-то внизу на склоне.

— Тебе видно, что находится вон там, за дубами? Примерно на полдороге?

Я увидела и дубы, и то, на что он указывал, — полуразрушенный и

заброшенный фермерский коттедж.

— Я спущусь к этому дому и останусь там до вечера, чтобы убедиться... быть уверенным, что ты в безопасности.

Он смотрел на меня, но не прикасался ко мне — и вдруг закрыл глаза, словно ему стало невыносимо дольше смотреть.

— Прощай, — сказал он и повернулся уходить.

Я глядела ему вслед, оцепенев, но вдруг вспомнила: я непременно должна ему что-то сказать. Я окликнула его. Он остановился и некоторое время не двигался, стараясь справиться со своим лицом. Оно было бледное, неподвижное, с бескровными губами, когда он повернулся ко мне.

— Да?

— Есть одна вещь... я имею в виду, что мне нужно кое-что тебе сказать, прежде чем... я уйду.

Он на мгновение прикрыл глаза, и мне показалось, что он пошатнулся, но, должно быть, это просто ветер шевельнул складки его плаща.

— Не надо, — попросил он. — Не надо. Иди, милая. Не мешкай. Иди.

Он двинулся прочь, но я схватила его за рукав.

— Джейми, выслушай меня! Ты должен!

Он беспомощно покачал головой и поднял руку, как если бы хотел оттолкнуть меня.

— Клэр... нет. Я не могу.

Ветер выжал слезы у него из глаз.

— Это касается восстания, — поспешно заговорила я, тряся его руку. — Джейми, выслушай. Принц Чарли, его армия... Колам прав! Ты слышишь, Джейми? Прав Колам, а не Дугал!

— Что? О чем ты говоришь, милая?

Теперь я завладела его вниманием. Он провел по лицу рукавом, и после этого глаза его, обращенные ко мне, сделались ясными и серьезными. Ветер пел у меня в ушах.

— Принц Чарли. Восстание начнется, в этом Дугал прав, но оно не будет иметь успеха. Вначале армия будет продвигаться, но кончится это разгромом и избиением. В Каллодене, ^[5] вот где это произойдет. А кланы...

Перед моими глазами возникла эта картина — разбросанные по полю серые камни, и на каждом только название клана — одно на всех убитых, погребенных под этим камнем. Я перевела дух и взяла Джейми за руку, чтобы поддержать себя. Рука была холодная, как у мертвеца. Я вздрогнула и закрыла глаза — мне нужно было сосредоточиться на том, что еще оставалось сказать.

— Горцы, все кланы, которые последуют за Чарли, будут истреблены.

Сотни и сотни клансменов погибли в Каллодене. За теми, кто уцелеет, будут охотиться и убивать их. Клань будет уничтожена и не, возродятся ни в ваше время, ни даже в мое.

Я открыла глаза и увидела, что он смотрит на меня без всякого выражения.

— Джейми, не ввязывайся в это! — умоляла я. — Если можешь, удержи и своих людей, но во имя спасения души... Джейми, если ты... — Я остановилась; я собиралась сказать: «Если ты любишь меня», но не могла — ведь я собиралась покинуть его навсегда, и если до сих пор не заговаривала с ним о любви, то сейчас тем более не имела на это права.

— Не уезжай во Францию, — продолжала я. — Езжай в Америку, в Испанию, в Италию. Но во имя тех, кто любит тебя, не вступай на поле Каллодена.

Он продолжал смотреть на меня. Слышал ли он мои слова?

— Джейми! Ты слышал меня? Ты понял?

Чуть погодя он кивнул и ответил так тихо, что я с трудом расслышала его сквозь вой ветра.

— Да. Да, я слышал. — Он высвободился от моей руки. — Ступай с Богом, mo duinne.

Он спустился с уступа и пошел вниз по склону, упираясь ногами в кочки травы и хватаясь за ветки, чтобы сохранить равновесие. Он не оглядывался. Я следила за ним, пока он не исчез в дубняке. Шел он медленно, как раненый, который знает, что ему необходимо двигаться, но чувствует, что жизнь мало-помалу выходит из него сквозь пальцы, прижатые к ране.

Колени у меня дрожали. Я осторожно опустилась на гранитную плиту и села, скрестив ноги и наблюдая за ласточками, продолжавшими свою охоту. Внизу я видела крышу коттеджа, в котором находилось теперь мое прошлое. А за спиной у меня высился расколотый камень. Мое будущее.

Я просидела неподвижно всю вторую половину дня. Я пыталась подавить все эмоции и руководствоваться лишь доводами разума. Джейми, убеждая меня вернуться в мое время, рассуждал логично. Дом, безопасность, Фрэнк, мелкие житейские удобства, которых мне порой ужасно не хватало, — горячая ванна, водопровод в доме... не говоря уже о таких вполне значительных вещах, как медицинское обслуживание и удобные путешествия.

И все же, признавая неудобства и прямые опасности здешнего существования, я должна признать и то, что многое мне нравилось. Поездки сопряжены с неудобствами, это так, но зато отсутствуют

многомильные бетонированные дороги, изрезавшие всю страну, а также шумные и вонючие машины — изобретения весьма опасные, напомнила я себе. Жизнь гораздо проще, да и люди тоже. Они не то чтобы менее разумные, но как-то более прямые и открытые... за некоторыми малоприятными исключениями, как, например, Колам бан Кэмпбелл Макензи.

Благодаря работе дяди Лэма мне пришлось жить во многих местах, причем некоторые из них обладали даже меньшими удобствами, чем здешние. Я легко свыкалась с простыми условиями и не так уж страдала из-за отсутствия «цивилизации», хотя с той же легкостью привыкала и к присутствию таких прелестей, как электроплита или горячий душ... Я посмотрела на камень и, вздрогнув от порыва холодного ветра, обхватила себя руками.

Рационализм не слишком помогал мне. Тогда я обратилась к эмоциям и начала решать задачу, восстанавливая подробности моих замужних существований — сначала с Фрэнком, потом с Джейми. Единственным результатом было полное расстройство чувств и горькие слезы, проложившие холодные, как лед, дорожки по моим щекам.

Ну хорошо, если не разум и не эмоции, то, может быть, долг? Я дала Фрэнку обет у алтаря, и дала его от всего сердца. Джейми я дала тот же обет, собираясь нарушить его как можно скорее. Какой же из них я нарушу теперь? Я все сидела и сидела, солнце опускалось тем временем все ниже, и ласточки попрятались в своих гнездах.

Когда вечерние звезды замигали среди темных сосновых ветвей, я пришла к заключению, что в данной ситуации благоразумие не поможет. Придется положиться на что-нибудь еще, только вот на что? Я повернулась лицом к расколотому камню и сделала шаг, потом еще и еще. Постояла, развернулась кругом и сделала попытку в противоположном направлении. Шаг, еще шаг и еще... и прежде чем я осознала, на что решилась, я была уже на полдороге по склону вниз, отчаянно цепляясь за траву, оскальзываясь и падая на гранитных осыпях.

Когда я добралась до коттеджа, я еле дышала от страха, что он уже уехал, но тут же увидела стреноженного Донаса, который топтался поблизости. Конь поднял голову и поглядел на меня с неудовольствием. Тихонько ступая, я отворила дверь.

Джейми был в передней комнате — спал на узкой дубовой скамье. Лежал, как обычно, на спине, руки сложены на животе, рот слегка приоткрыт. Последние лучи дневного света из окна позади меня высветили

его лицо, словно маску из металла; серебристые линии от высохших слез блестели на загорелой коже, и тускло отливала медью отросшая щетина на подбородке.

Я постояла и посмотрела на него, охваченная невыразимой нежностью. Двигаясь как можно осторожнее, прилегла рядом с ним на скамью и прижалась поближе. Он повернулся ко мне во сне, как делал это часто, уложил мою голову себе на грудь и прильнул щекой к моим волосам. Еще полусонный, потянулся и отодвинул прядь моих волос со своего носа; я почувствовала внезапный резкий толчок — он пробудился, понял, что я с ним, — и тут мы оба, потеряв равновесие, скатились на пол, причем Джейми свалился на меня.

Не оставалось ни малейшего сомнения, что это плоть — и весьма тяжелая. Я пихнула его коленом в живот и завопила:

— Слезай! Я не могу дышать!

Вместо этого он ухудшил мое положение, иступленно целуя. Я временно примирилась с недостатком кислорода, чтобы сосредоточиться на более важных вещах.

Мы долго молча сжимали друг друга в объятиях. Наконец он пробормотал:

— Почему?

Я поцеловала его в щеку, влажную и соленую. Его сердце билось рядом с моим, и я хотела только одного: оставаться вот так вечно, не двигаться, не заниматься любовью, просто дышать тем же воздухом.

— Не могла иначе, — ответила я и засмеялась немного нервно. — Ты не представляешь, как близко оно было. Горячие ванны почти победили.

А потом я плакала и немного дрожала, потому что выбор был сделан так недавно и потому что радость обнимать этого человека была смешана с раздирающей тоской о человеке, которого я уже никогда не увижу.

Джейми держал меня крепко, придавив своей тяжестью и как бы защищая, спасая меня от ревущей мощи каменного круга. Слезы мои наконец иссыкли, и я лежала в изнеможении у него на груди. Уже совсем стемнело, но он все держал меня, что-то тихонько приговаривая, словно я была ребенком, который боится ночи. Мы льнули друг к другу и не хотели встать даже для того, чтобы развести огонь или зажечь свечу.

В конце концов Джейми все-таки поднялся и отнес меня к скамейке, сел и начал покачивать меня на коленях. Дверь коттеджа оставалась открытой, и нам было видно, как загораются над долиной звезды.

— Ты знаешь, — сонно заговорила я, — что нужно тысячи и тысячи лет, чтобы свет этих звезд долетел до нас? Ведь некоторые из них,

возможно, уже погасли, но нам это неизвестно, потому что мы все еще видим их свет.

— Правда? — спросил он, поглаживая меня по спине. — Я об этом понятия не имел.

Должно быть, я уснула, опустив голову ему на плечо, но ненадолго проснулась, когда он укладывал меня на пол, на ложе, устроенное из одеял, притороченных к седлу. Улегся рядом и снова притянул меня к себе.

— Положи сюда голову, милая, — шепнул он. — Завтра я отвезу тебя домой.

Мы поднялись до рассвета и с восходом солнца уже спускались по тропе, чтобы поскорее покинуть Крэг-на-Дун.

— Куда мы едем, Джейми? — спросила я, радуясь тому, что могу смотреть в будущее вместе с ним, хоть и утратила последнюю возможность вернуться к человеку, который любил — или продолжает любить? — меня.

Джейми придержал поводья и остановил лошадь, чтобы оглянуться через плечо. Угрожающий круг каменных столбов был отсюда не виден, но каменистый склон возвышался позади неприступной крепостью, ощетинившись скалистыми выступами и кустами утесника; полуразрушенный коттедж казался еще одним выступом, костлявым суставом, торчащим из гранитного кулака холма.

— Мне хотелось бы побороться с ним за тебя, — вдруг сказал Джейми, обернувшись ко мне.

Голубые глаза потемнели и смотрели серьезно. Я улыбнулась ему, тронутая.

— Это была не твоя борьба, а моя. Но ты, во всяком случае, выиграл сражение. — Я протянула руку, и он ее пожал.

— Да, но это не то, что я имел в виду. Если бы я боролся с ним как мужчина с женщиной и победил, тебе не пришлось бы испытывать раскаяние. — Он помолчал. — И если когда-нибудь...

— Больше нет никаких «если», — твердо сказала я. — Вчера я подумала о них обо всех, и вот я здесь.

— Слава Богу, — улыбаясь, проговорил он. — И да поможет тебе Бог. — И добавил: — Но я никогда не пойму почему.

Я обхватила его руками за пояс и держалась так, пока Донас спускался по крутому склону — последнему.

— Потому, — заговорила я, — что я просто не могу жить без тебя, Джейми Фрэзер, и довольно об этом.

Итак, куда ты меня везешь?

Джейми повернулся в седле и посмотрел на оставшийся позади склон.

— Вчера я все время молился на этом холме, — тихо сказал он. — Не о том, чтобы ты осталась, я не считал это правильным. Я молился, чтобы мне дана была сила отпустить тебя. — Он покачал головой, продолжая смотреть на склон рассеянным, отсутствующим взглядом. — Я просил: Господи, если мне не хватало мужества прежде, пошли мне его сейчас. Не дай мне упасть перед ней на колени и умолять, чтобы она осталась. — Он отвел взгляд от коттеджа и коротко улыбнулся мне. — Это было самым трудным моим испытанием, Саксоночка.

Он повернул лошадь на восток. Стояло на редкость ясное утро, и раннее солнце позолотило все вокруг, провело тонкую линию огня по ремням поводьев, по изогнутой шее коня, окружило сияющим ореолом голову и плечи Джейми.

Джейми глубоко вздохнул и кивком указал через болото на далекий отсюда перевал между двумя скалистыми вершинами.

— Теперь я думаю, что смогу сделать и другое труднейшее дело. — Он легонько подтолкнул коня, и прицокнул языком. — Мы едем домой, Саксоночка. В Лаллиброх.

Часть пятая ЛАЛЛИБРОХ

Глава 26 ВОЗВРАЩЕНИЕ ЛЭРДА

Поначалу мы оба были так счастливы оказаться снова вместе и вдали от Леоха, что почти не разговаривали. На ровной болотистой местности Донас без напряжения мог нести двоих, и я ехала, обхватив Джейми за пояс, и радовалась тому, что у моей щеки движутся его мускулы, нагретые солнцем. Какие бы трудности ни ждали нас впереди — их, я знала, будет немало, — но мы были вместе. И этого было достаточно.

Но как только упоение счастьем сменилось тягой к общению, мы снова пустились в разговоры. Сначала о местности, по которой мы проезжали. Потом с некоторой осторожностью заговорили обо мне — и о том, откуда я появилась. Джейми был в восхищении от моих рассказов о современной мне жизни. Особенно ему нравились описания автомобилей, танков, аэропланов, он заставлял меня рассказывать о них снова и снова. По молчаливому согласию мы избегали упоминать о Фрэнке.

Мы проехали достаточно большое расстояние, когда беседа обратилась к нашему настоящему: Колам, замок, герцог и охота на оленей.

— Он малый неплохой, — заметил Джейми.

Дорога теперь пошла на подъем, поэтому он спешился и шагал рядом с конем; разговаривать так было проще.

— Я тоже так думаю, — согласилась я. — Но...

— Да, в наше время нельзя слишком доверять тому, каким человек кажется на первый взгляд, — подхватил Джейми. — Но мы с ним сошлись. Сидели по вечерам у камелька в охотничьем домике и толковали о разных разностях. Он куда умней, чем можно предположить. Отлично понимает, какое впечатление производит его голосок, и пользуется этим, чтобы сойти за дурачка, но разум-то все время настороже, работает втихаря.

— Ммм, этого я и опасалась. Ты ему рассказал?

— Кое-что. — Джейми пожал плечами. — Имя мое он, конечно, знал еще с того времени, когда я раньше жил в замке.

Я засмеялась, припомнив рассказ Джейми о том времени.

— А ты ему не напомнил о прошлых делах?

Джейми усмехнулся; концы волос метались вокруг его лица на осеннем ветру.

— Не без того. Он меня как-то спросил, страдаю ли я до сих пор желудком. Я скорчил серьезную рожу и ответил, что, как правило, нет, но,

кажется, скоро надо ждать приступа. Он засмеялся и выразил надежду, что это не доставляет неудобств моей красавице жене.

Я расхохоталась. Именно теперь было уже не столь важно, что может и чего не может сделать герцог. Не исключено, однако, что настанет день, когда его помощь понадобится.

— Я ему рассказал немного, — продолжал Джейми. — Что я объявлен вне закона по ложному обвинению, хоть почти, не имею возможностей это доказать. Он вроде бы посочувствовал, но я из осторожности не открыл ему всего, только сказал, что за мою голову назначена награда. И я не успел решить, стоит ли ему довериться полностью, как в наш лагерь ворвался Алек с таким видом, словно за ним гонится сам дьявол... ну, мы с Муртой сразу ускакали оттуда.

— А где же Мурта? — спохватилась я. — Он приехал в Леох вместе с тобой?

Мне хотелось надеяться, что маленький клансмен не вызвал на себя гнев Колама или жителей Крэйнс-муира.

— Он выехал вместе со мной, но куда его коню до моего Донаса. Славный ты парень, Донас, просто золотой! — Джейми потрепал блестящую шею гнедого, а Донас фыркнул и встряхнул гривой. Джейми глянул на меня и улыбнулся. — Ты о Мурте не беспокойся. Эта веселая пташка умеет о себе позаботиться.

— Мурта веселый? — удивилась я, — Я, по-моему, ни разу не видела, чтобы он хоть раз улыбнулся. А ты видел?

— О, да. Раза два. — А сколько лет ты с ним знаком?

— Двадцать три года. Он же мой крестный.

— Верно. Ну, это кое-что объясняет. Не думаю, чтобы он особенно беспокоился обо мне.

Джейми похлопал меня по ноге.

— Конечно же, он беспокоился о тебе. Ты ему нравишься.

— Верю тебе на слово.

Раз уж мы принялись обсуждать недавние события, я вздохнула и решила задать вопрос, ответ на который мне очень хотелось получить:

— Джейми, как ты считаешь, они и в самом деле сожгут Джейлис Дункан?

Он слегка нахмурился и кивнул.

— Думаю, что да. Но уже после того, как она родит. Тебя это волнует?

— В числе многого другого. Взгляни сюда. — Я попыталась закатать пышный рукав, но мне это не удалось, и я тогда приспустила с плеча ворот рубашки и показала Джейми след от прививки оспы.

— Царь небесный, — медленно выговорил он, когда я объяснила ему, что это такое. — Так вот почему... то есть она тоже из твоего времени?

Я беспомощно пожала плечами.

— Не знаю. Все, что я могу сказать, это что она родилась уже после тысяча девятьсот двадцатого; года, когда прививки стали делать всем. — Я оглянулась, но позади нас низкая облачность скрыла скалистые вершины, за которыми остался Леох. — Не думаю, что теперь мне удастся об этом узнать.

Джейми направил Донаса в сторону, под сосны, на берег небольшого ручейка. Обхватил меня за талию и снял с седла.

— Не печалься о ней, — сказал он твердо, не отпуская меня. — Она злая женщина и если не ведьма, то, во всяком случае, убийца. Ведь она убила своего мужа, правда?

— Да, — ответила я и вздрогнула, вспомнив остекленелые глаза Артура Дункана.

— Я никак не могу понять, почему она это сделала. — Джейми недоуменно покачал головой. — У него водились деньги, он занимал хорошее положение. Сомневаюсь, чтобы он бил ее.

Я смотрела на него в комическом изумлении.

— Ты таким образом определяешь хорошего мужа?

— Ну... да, — нахмурился он. — Чего ей еще было надо?

— Чего еще? — Я была поражена; поглядела на него с минуту, потом соскользнула на траву и захохотала.

— Что тут смешного? Ведь это же было убийство.

— Я просто подумала, что если, по-твоему, хороший муж — это тот, у кого есть деньги и положение и который не бьет свою жену, то кто же тогда ты?

— А я, Саксоночка, никогда и не говорил, что я хороший муж. И ты этого не говорила. Ты называла меня садистом и другими словами, которые я не могу повторить из соображений благопристойности.

Только не хорошим мужем.

— Ты хороший. И мне не придется травить тебя цианидом.

— Цианидом? — спросил он с любопытством. — Что это такое?

— Это вещество, которое убило Артура Дункана. Очень быстро действующий сильнейший яд. Широко распространенный в мое время, но в ваше — редкий. — Я невольно лизнула губы. — Я только прикоснулась к его губам своими, когда пыталась вдохнуть в него воздух, и этого оказалось достаточно, чтобы у меня онемело лицо. Этот яд убивает почти мгновенно, как ты видел сам. Тогда я и узнала, что Джейли отравила его. Думаю, она

приготовила яд из ядрышек вишневых косточек, хотя это дьявольски непростое дело.

— Она сказала тебе, почему она его убила?

Я вздохнула и потерла ногу. Туфли мои потерялись во время суматохи у озера, подошвы ног не загребели, как у Джейми, и я все время цепляла колючие занозы.

— Это целая история. У тебя есть в седельных сумках какая-нибудь еда? Достань, пожалуйста, а я все тебе расскажу.

К долине Брех Туарах мы подъехали на следующий день. Едва мы спустились с предгорий, я заметила вдали одинокого всадника, который двигался нам навстречу. Первый человек, увиденный мною после отъезда из Крэйнсмуира. Это был полный и цветущий на вид мужчина в белоснежном широком галстуке, который выглядывал из-под воротника плотного серого кафтана из саржи; длинные полы кафтана почти полностью закрывали панталоны.

Мы путешествовали почти целую неделю, спали под открытым небом, умывались холодной водой из ручьев, питались кроликами и рыбой — охотничьей и рыбацкой добычей Джейми, а также съедобными растениями и ягодами, какие мне удавалось найти. Пища наша была лучше, свежее и разнообразнее, чем в замке, хоть и более зависела от непредсказуемых случайностей.

Но если проблема питания в нашей бродяжнической жизни была решена удовлетворительно, то с внешним видом дела обстояли куда хуже. Джентльмен верхом на лошади, завидев нас, придержал коня, потом, нахмурившись, медленно зарысил к нам с явным намерением выяснить, кто мы такие.

Джейми, который настаивал на том, чтобы большую часть пути ему идти пешком и поберечь лошадь, вид имел поистине устрашающий: штаны до самых колен покрыты красноватой пылью, рубашка изорвана о колючие ветки ежевики, а щетина недельной давности торчала во все стороны на щеках и подбородке.

Волосы у него за последние месяцы сильно отросли до плеч. Обычно заплетенные в косицу или завязанные на затылке шнурком, сейчас они лежали свободно, густые и разлохмаченные, в них запутались обрывки листьев и обломки веточек. Лицо загорело до цвета темной бронзы, башмаки потрескались; за поясом палаш и кинжал — ни дать ни взять одичавший горец.

Но и я выглядела не лучше. Свою наготу я скромно укрыла в пышных

складках парадной рубашки Джейми; на мне также были останки собственного платья; ноги босые, на плечах плед — как есть оборванка. Благодаря сырому воздуху и отсутствию гребня или щетки волосы мои лежали, а вернее, торчали как им заблагорассудится. Они тоже сильно отросли за время моей жизни в замке и болтались по плечам, попадая порой на глаза, когда ветер дул сзади, как сейчас.

Убрав с лица непослушные пряди, я наблюдала за опасливым приближением джентльмена в сером.

Джейми, заметив его, остановил коня и ждал, пока джентльмен подъедет достаточно близко, чтобы вступить в разговор.

— Это Джок Грэхем, — пояснил он мне. — Живет выше по дороге. В Мурх Нардаге.

Мужчина остановился в нескольких ярдах и принялся нас разглядывать. Заплывшие жиром глазки подозрительно щурились на Джейми, потом вдруг распахнулись насколько могли широко.

— Лаллиброх? — недоверчиво спросил мужчина.

Джейми вежливо наклонил голову. Затем с абсолютно необоснованной гордостью собственника положил руку мне на бедро и объявил:

— А это леди Лаллиброх.

Рот у Джок Грэхема приоткрылся дюйма на два, но, спохватившись, он подобрал челюсть и изобразил на лице подчеркнутое уважение.

— Мое... почтение... леди, — проговорил он, запинаясь, с запозданием приподнял шляпу и поклонился мне. — Вы направляетесь... э-э... домой, я полагаю? — спросил он, старательно отводя глаза от моей обнаженной до колена ноги, просунувшейся сквозь дыру в юбке и перепачканной соком ягод бузины.

— Да. — Джейми бросил взгляд через, плечо на прорезавшую холм лощину, о которой он говорил мне, что это проход в Брох Туарах. — Вы бывали там в последнее время, Джок?

Грэхем перевел глаза с меня на Джейми.

— Что? О да. Да, я там бывал. У них все в порядке. Я уверен, что они будут вам рады. Доброго пути, Фрэзер.

Он поспешно ткнул свою лошадь каблуками под ребра и, обогнав нас, поехал вверх по долине.

Мы смотрели ему вслед. Ярдов через сто он неожиданно остановился. Повернулся в седле, привстал на стременах и приложил к губам сложенные рупором кисти рук. Ветер донес до нас приглушенное, но четкое восклицание:

— Добро пожаловать!

Скоро всадник скрылся на подъеме.

Название Брех Туарах означает «башня, обращенная на север». Если взглянуть с горы на скалу, давшую название небольшому имению, то она выглядит ничуть не крупнее тех, какие мы миновали в предгорьях.

Мы двигались по узкому каменистому проходу, ведя лошадь в поводу. Потом дорога стала легче, она полого спускалась через поля мимо разбросанных там и сям коттеджей и наконец превратилась в извилистую дорожку, которая вела к дому.

Дом был больше, чем я себе представляла: красивое белокаменное трехэтажное здание, окна окаймлены серым камнем, на высокой черепичной крыше множество труб; покрашенные белой краской маленькие домики окружали главное здание, словно цыплята наседку. На невысоком пригорке за домом возвышалась старая башня; в ней было футов шестьдесят вместе с увенчивающей ее конической крышей, похожей на колпак колдуна, в верхней части башни были в три ряда прорезаны маленькие стрелообразные отверстия.

Едва мы подъехали поближе, как где-то за домами поднялся невероятный гам. Донас шарахнулся в сторону и заржал. Не слишком опытная всадница, я немедленно свалилась с седла и позорно шлепнулась на пыльную землю. Мгновенно оценив сравнительную важность событий, Джейми ухватил за повод бьющуюся лошадь, предоставив мне выпутываться самой.

К тому времени, как я встала на ноги, собаки оказались совсем близко, они лаяли и рычали. С перепугу я их насчитала чуть ли не дюжину, и все они злобно скалили зубы. Но тут раздался крик Джейми:

— Бран! Люк! Назад!

Псы затормозили в нескольких футах от меня. Завертелись, продолжая рычать, хоть и менее уверенно, и тут на них снова прикрикнул Джейми:

— Назад, эй вы, язычники!

Они отступили, и хвост у самого крупного пса начал вопросительно подергиваться — раз, потом другой.

— Клэр, иди прими у меня лошадь. Донас их не подпустит, а им нужен я. Иди медленно, они тебя не тронут.

Джейми говорил размеренно и негромко, чтобы не возбуждать ни лошадь, ни собак. Я не чувствовала себя особо уверенной, однако потихоньку двинулась к Джейми. Донас вздернул голову и выкатил глаза, как только я взялась за повод, но я была отнюдь не склонна терпеть его штучки, крепко потянула повод вниз и ухватила за недоуздок.

Толстые бархатные губы поднялись над зубами, но я дернула сильнее и

глянула в огромный, отливающий золотом конский глаз.

— Только попробуй! — пригрозила я. — Попадешь псам на зубы, я и пальцем не шевельну, чтобы спасти тебя!

Джейми тем временем направлялся к собакам, вытянув вперед руку со сжатыми в кулак пальцами. Собак оказалось не дюжина, а всего четыре: маленький рыжеватый терьер-крысолов, два пятнистых и лохматых пастушьих пса и огромное черное с рыжими подпалинами чудовище, которое вполне могло сойти за собаку Баскервильей.

Исходя слюной, это милое создание вытянуло шею куда более объемистую, чем моя талия, и осторожно понюхало протянутый кулак. Хвост, толстый, как корабельный канат, вилял из стороны в сторону все быстрее и быстрее. Потом пес закинул назад гигантскую голову, разразился радостным лаем и ринулся на своего хозяина, распластав его на дороге.

— «Но Одиссееву близость почувствовал он, шевельнулся, тронул хвостом и поджал в изъявлении радости уши»,^[6] — процитировала я, обращаясь к Донасу, который только презрительно фыркнул, выражая этим как свое отношение к Гомеру, так и к неприличному проявлению слишком бурных эмоций прямо на дороге.

Джейми, громко смеясь, трепал собак по загривкам и дергал их за уши, в то время как они все разом старались лизнуть его в лицо. Наконец он отпихнул их и встал, не без труда отбиваясь от чересчур бурных проявлений собачьих чувств.

— Во всяком случае, кое-кто здесь рад меня видеть, — сказал он, улыбаясь и поглаживая голову самого большого пса. — Это вот Люк, — он показал на терьера, — а это Элфин и Марс, они братья, очень хорошие пастушьи собаки. А это, — он еще раз погладил огромную черную голову, — это Бран.

— Верю на слово, — сказала я, осторожно протянув руку, которую пес обнюхал. — Какое же у него занятие?

— Охотник на оленей, — ответил Джейми, почесал остроконечные уши Брана и прочел:

Вот как Фингал^[7] выбирал собак:
Глаза — словно ягоды терна,
А уши — как листья,
Широкая грудь и стальные поджилки,
И длинное стройное тело.

— Этими качествами он обладает, ты прав, — сказала я, разглядывая Брана. — А будь у него туловище подлиннее, ты мог бы ездить на нем верхом.

— А я и ездил, когда был маленький, только, разумеется, не на Бране, а на его дедушке Найрне.

Он в последний раз потрепал Брана по спине и, выпрямившись, посмотрел на дом. Потом перехватил повод норовистого Донаса и потянул его за собой.

— «Вслед за Эвмеем явился и сам Одиссей богоравный в образе хилого старца, который чуть шел, подпираясь посохом, с бедной котомкою, рубище в жалких лохмотьях», — процитировал он, откликаясь на мое обращение к «Одиссее». — А теперь, — продолжал он, поправляя воротник с некоторой мрачной решимостью, — я полагаю, настало время пойти повидать Пенелопу и ее женихов.

Когда мы подошли к двухстворчатой двери — причем собаки следовали за нами по пятам, — Джейми замешкался.

— Постучим? — спросила я, немного нервничая. Джейми посмотрел на меня с удивлением.

— Это же мой дом, — сказал он и толчком отворил дверь.

Он повел меня по дому, не обращая внимания на немногих удивленно взирающих на нас слуг. Мы прошли через переднюю, потом через маленькую оружейную и наконец попали в, гостиную. Ее украшал большой камин с полированной облицовкой; там и сям тускло поблескивали то серебро, то стекло, отражая лучи послеполуденного солнца. Мне показалось, что в комнате никого нет. Потом я заметила слабое движение в углу возле камина.

Она была гораздо меньше ростом, чем я думала. Я представляла почему-то, что у такого рослого брата и сестра должна быть по меньшей мере с меня, если не выше, но женщина у огня едва достигала пяти футов. Повернувшись к нам спиной, она потянулась за чем-то на полке китайского шкафчика, концы пояса ее платья спускались почти до полу.

Джейми так и замер, увидев ее.

— Дженни, — сказал он.

Женщина обернулась, и я успела увидеть черные как смоль брови и широко распахнутые голубые глаза на белом лице, прежде чем она бросилась к брату.

— Джейми!

Совсем маленькая, она едва не сбила его с ног силой толчка. Его руки

обхватили ее плечи, и оба замерли на мгновение, она — уткнувшись лицом ему в рубашку, он — сцепив кисти рук у нее на затылке. На лице у Джейми было выражение неуверенности и одновременно такой сумасшедшей радости, что я почувствовала себя почти незваной гостьей.

Потом она еще теснее прижалась к нему, что-то бормоча по-гэльски, и на лице Джейми прежнее выражение сменилось совершенно другим: он был потрясен. Обеими руками он отстранил ее от себя и посмотрел на нее сверху вниз.

Они были очень похожи: те же чуть раскосые темно-голубые глаза, те же широкие скулы. Тот же тонкий, с узкой спинкой, немного длинноватый нос. Но в отличие от Джейми сестра его была брюнеткой, волны вьющихся черных волос были стянуты на затылке зеленой лентой.

Она была красива: тонкие черты лица, кожа белая, как алебастр. Судя по фигуре, беременна на последнем месяце или около того.

У Джейми побелели губы.

— Дженни, — прошептал он, — о Дженни, сердце мое.

Ее внимание как раз в эту минуту было отвлечено появлением в дверях маленького мальчика, и она оставила брата, не заметив его волнения. Взяла ребенка за руку и ввела в комнату, тихонько подбадривая. Малыш, засунув в рот большой палец, несмело поглядывал на незнакомца из-за материнской юбки.

Она несомненно была его матерью, но, унаследовав от нее копну черных кудрей и прямые плечи, лицом он пошел не в нее.

— А это наш маленький Джейми, — сказала она, с гордостью глядя на сына. — Это твой дядя Джейми, сердце мое, тебя назвали в его честь.

— В мою честь? Ты назвала его в мою честь? — У Джейми был вид кулачного бойца, которому только что въехали под ложечку.

Он пятился от матери и ребенка до тех пор, пока не наткнулся на кресло, и повалился в него так, словно у него подкосились ноги. Повалился и спрятал лицо в ладони.

Сестра сообразила, что произошло неладное. Осторожно потрогала брата за плечо.

— Джейми? Что с тобой, милый? Ты болен?

Он поднял на нее глаза, и я увидела, что они полны слез.

— Разве ты нарочно так сделала, Дженни? Ты считала, что я недостаточно мучился из-за всего этого, хоть оно случилось и по моей вине? Ты назвала отродье Рэндолла моим именем, чтобы упрекать меня всю мою жизнь?

Лицо Дженни, от природы бледное, утратило малейшие оттенки цвета.

— Отродье Рэндолла? — тупо повторила она. — Ты имеешь в виду Джона Рэндолла? Капитана красных мундиров?

— Да, капитана красных мундиров. Кого еще я мог иметь в виду, во имя Господа? Надеюсь, ты его помнишь? — Джейми уже овладел собой, и в голосе у него прозвучала насмешка.

Дженни пристально посмотрела на брата, приподняв одну бровь.

— Ты что, малость не в себе, паренек? — спросила она. — Или по дороге хватил лишку?

— Я не должен был возвращаться, — сказал он. Поднялся и, неловко переступая ногами, хотел пройти мимо нее. Не тут-то было: Дженни встала у него на пути и крепко схватила за руку.

— Поправь меня, братец, если я ошибаюсь, — произнесла она медленно, — но у меня сложилось ясное впечатление, что ты назвал меня шлюхой капитана Рэндолла, и теперь я спрашиваю себя, какая блажь в мозгах позволяет тебе нести такое.

— Блажь, ты говоришь? — Джейми повернулся к ней, рот у него свело гримасой горечи. — Хотел бы я, чтобы это было так. Я предпочел бы умереть и гнить в могиле, чем видеть, до чего дошла моя сестра. — Он взял ее за плечи и слегка встряхнул, а потом вдруг закричал: — Зачем, Дженни, зачем? Одно то, что тебя обесчестили, должно было убить меня. Но это... — Он отпустил ее и жестом, полным отчаяния, указал на ее выступающий живот — свидетельство вины, весьма заметное под легкой тканью.

Он резко повернулся к двери, и застывшая возле нее пожилая женщина, которая жадно слушала разговор, поддерживая уткнувшегося в ее юбки ребенка, в испуге попятилась.

— Я не должен был приезжать. Я ухожу.

— Этого ты не сделаешь, Джеймс Фрэзер, — резко заявила его сестра. — По крайней мере до тех пор, пока не выслушаешь меня. Сядь, и я расскажу тебе о капитане Рэндолле, раз ты хочешь о нем услышать.

— Я не хочу слышать о нем! Ничего не хочу знать!

Дженни шагнула к нему, но он шарахнулся от нее к окну, которое выходило во двор. Она пошла за ним: «Джейми...», но он яростным жестом отмахнулся от нее:

— Нет! Не говори со мной! Я этого не перенесу!

— Ах вот как!

Несколько секунд она смотрела на брата, который, ухватившись обеими руками за подоконник и широко расставив ноги, стоял к ней спиной. Потом она закусила губу, явно что-то обдумывая. Молниеносным

движением она сунула руку ему под килт.

Джейми испустил вопль возмущения и боли и замер на месте, словно громом пораженный. Попробовал повернуться, но снова застыл, поскольку она явно усилила хватку.

— Этого все мужики боятся, — сообщила она мне со злой усмешкой. — С некоторыми не сладишь, пока не схватишь за яйца. А теперь ты любезно выслушаешь меня, — обратилась она к брату, — не то я их покручу! Ну?

Он стоял неподвижно, весь красный, и тяжело дышал сквозь стиснутые зубы.

— Я выслушаю, — сказал он, — а потом сверну тебе твою миленькую шейку, Дженет! Отпусти меня.

Но едва она это сделала, как он на нее набросился:

— Что ты себе позволяешь? Позоришь меня перед моей собственной женой?

Эта вспышка не произвела на Дженни ровно никакого впечатления. Она повернулась на каблуках и сардонически поглядела на меня и на Джейми.

— Отлично, если она твоя жена, значит, она лучше, чем я, знает твои яйца. Я их не видела с тех пор, как ты достаточно вырос, чтобы мыться одному. Они, наверное, подросли, а?

Выражение лица у Джейми претерпело сложную трансформацию — требуемая от него любезность боролась с элементарным намерением младшего брата вклеить сестре затрещину. Воспитанность в конце концов одержала победу, и он со всем доступным ему в данных обстоятельствах чувством собственного достоинства процедил сквозь зубы:

— Оставь мои яйца в покое. А теперь, поскольку ты не успокоишься, пока не заставишь себя слушать, расскажи мне о Рэндолле. Расскажи, почему ты не послушалась меня и предпочла обесчестить себя и свою семью.

Дженни уперла руки в бока и выпрямилась во весь свой рост, готовая к битве. Она не столь быстро давала волю своему темпераменту, как ее брат, но темперамент у нее был — вне всякого сомнения.

— О, я тебя не послушала, вот в чем дело! Именно это тебя и не устраивает, Джейми, не так ли? Ты все знаешь, и мы все должны делать то, что ты велишь, иначе нас ждет полная гибель. — Она гневно передернула плечами. — Если бы я тогда поступила, как ты велел, тебя убили бы прямо во дворе, отца повесили или посадили в тюрьму за убийство Рэндолла, а имение отошло бы к короне. Не говоря уж о том, что

мне, потеряв и дом и семью, пришлось бы просить милостыню на дорогах.

Джейми, и без того, не бледный, налился кровью от гнева.

— Да, и ты решила лучше продать себя, чем просить милостыню! Да я бы предпочел захлебнуться собственной кровью и видеть отца и все эти земли в аду, и ты это прекрасно знаешь!

— Да, я это знаю! Ты дурак, Джейми, и всегда им был! — вспыхнула Дженни.

— Прекрасно сказано, как раз в твоём духе! Тебе мало, что ты запятнала своё доброе имя, да и моё тоже, ты должна ещё устроить скандал и выставить свой позор напоказ перед всеми соседями.

— Не смей разговаривать со мной подобным образом, Джеймс Фрэзер, хоть ты мне и брат! Что ты имеешь в виду, говоря о моём позоре? Ты, большой дурак...

— Что я имею в виду? Да то, что ты ходишь с таким брюхом, как бешеная жаба! — Джейми малопрстойным жестом изобразил беременный живот.

Дженни отступила на шаг, размахнулась и влепила ему пощечину со всей силой, на какую была способна. От удара голова его откинулась назад, а на щеке белыми линиями отпечатались все пять пальцев Дженни. Он приложил к щеке ладонь и посмотрел на сестру. Глаза у неё пылали гневом, а грудь тяжело вздымалась. Бранные слова бурно вылетали сквозь стиснутые зубы:

— Я жаба? А ты вонючий трус! У тебя только на то и хватило храбрости, чтобы оставить меня здесь, и я думала, что ты погиб или сидишь в тюрьме, и от тебя день за днем не было никакой весточки, ни единого слова, а потом ты являешься в один прекрасный день — с женой, никак не меньше, — и сидишь в моей гостиной, обзываешь меня жабой и шлюхой и...

— Я не называл тебя шлюхой, а стоило бы! Как ты можешь...

Несмотря на разницу в росте брат, с сестрой умудрились сойтись нос к носу и шипели друг на друга, прилагая усилия к тому, чтобы их голоса не разносились по всему дому. Усилия эти были в основном бесплодными — судя по замеченным мною взглядам заинтересованных лиц, выглядывавших из кухни, передней, а также через окно. Возвращение лэрда Брок Туараха домой несомненно оказалось любопытнейшим зрелищем.

Я решила, что лучше всего было бы оставить их выяснять отношения без меня, и потихоньку вышла в переднюю, неловко кивнув пожилой женщине, а потом спустилась во двор. Там росло небольшое дерево, под

ним стояла скамейка, и я села на нее, с любопытством разглядывая все вокруг.

Кроме дерева, здесь был и маленький, обнесенный забором садик, в котором цвели последние осенние розы. За садиком — то, что Джейми называл голубятней; во всяком случае, я так решила, наблюдая, как самые разнообразные голуби влетают и вылетают через отверстие, проделанное в верхней части сооружения.

Я знала, что есть еще гумно и сарай для силоса — должно быть, по другую сторону дома; там же амбар для зерна, курятник, огород и заброшенная часовня.

Легкий осенний ветерок тянул оттуда; я глубоко вдохнула в себя воздух и ощутила сильный запах хмеля и дрожжей. Значит, там же находится пивоварня, где готовят пиво и эль.

Дорога за калиткой вела через невысокий холм. На самой вершине холма силуэтом на фоне вечерней зари темнели фигуры нескольких мужчин. Они, вероятно, остановились попрощаться друг с другом; так оно и вышло, потому что вниз к дому спустился один, остальные направились к темневшей на некотором отдалении группе коттеджей.

Когда оставшийся в единственном числе мужчина подошел поближе, я заметила, что он сильно хромот. Причину я поняла, едва он вошел в калитку: правая нога у него была отнята ниже колена, и ее заменял протез.

Несмотря на хромоту, походка у него была молодая. Он подошел к дереву, и я убедилась, что ему где-то за двадцать. Высокий, ростом почти что с Джейми, но плечи узкие и очень худой, прямо-таки тощий.

Он помедлил, прежде чем ступить под дерево, и с любопытством поглядел на меня, тяжело опершись на загородку. Густые каштановые волосы мягко спускались на высокий лоб, глубоко посаженные карие глаза светились терпением и добротой.

Пока я сидела и ждала под деревом, голоса Джейми и его сестры делались все громче и громче. По случаю теплой погоды окна были открыты, и здесь под деревом спорщиков было слышно хорошо, хоть и не всякое слово достаточно разборчиво.

— Зловредная длинноносая сука! — прогремел в тихом вечернем воздухе голос Джейми.

— Ты даже не настолько воспитан... — Ответ Дженни был оборван налетевшим порывом ветра.

Незнакомец кивнул головой в сторону дома.

— Как я понимаю, Джейми вернулся домой.

Я тоже кивнула в ответ, не зная, нужно ли мне назвать себя. Молодой

человек улыбнулся и наклонился в мою сторону.

— Я Айен Муррей, муж Дженни. А вы, как мне кажется... э...

— Саксонка, на которой женился Джейми, — закончила я вместо него. — Мое имя Клэр. Вы об этом знали? — спросила я, а он рассмеялся.

По правде говоря, я была немного растеряна. Муж Дженни?

— О да. Мы об этом слышали от Джо Орра, а он от лудильщика в Ардрэйге. В наших горах секреты распространяется быстро. Вы с Джейми должны бы это знать, даже если женаты всего месяц. Дженни уж сколько недель все гадают, какая вы.

— Шлюха! — проревел Джейми, но муж Дженни и бровью не повел и продолжал рассматривать меня с дружественным любопытством.

— Вы красивая молодая женщина, — сказал он. — Любите ли вы Джейми?

— Ну... да. Да, конечно, — ответила я, немного смутившись.

Я уже начала привыкать к прямоте, которой отличались шотландские горцы, но иногда она заставляла меня врасплох. Айен сжал губы, удовлетворенно кивнул и опустил на скамейку рядом со мной.

— Надо дать им еще несколько минут, — заметил он, махнув рукой в сторону дома, где теперь кричали по-гэльски. Причина сражения его, по-видимому, вовсе не интересовала. — Фрэзеры ничего не станут слушать, пока они в гневе. Накричатся в полное свое удовольствие и только после этого выслушают ваши доводы, никак не раньше.

— Это я заметила, — достаточно сухо произнесла я, и он снова рассмеялся.

— Значит, вы женаты достаточно давно, коли успели в этом разобраться? Нам говорили, что это Дугал заставил Джейми жениться на вас, — продолжал он, по-прежнему игнорируя ссору и обращаясь исключительно ко мне. — Но Дженни сказала, что нужно нечто посильнее Дугала Макензи, чтобы заставить Джейми сделать то, чего он не хочет. Теперь, когда я увидел вас, я понимаю, почему он это сделал.

Он приподнял брови, как бы ожидая дальнейших пояснений, но отнюдь не настаивая на них.

— Я полагаю, у него были на то причины, — сказала я, но внимание мое разрывалось между моим собеседником и домом, где продолжалась битва. — Я не хочу... я имею в виду, что надеюсь...

Айен правильно понял причины моего замешательства и взгляды, которые я невольно бросала на окно.

— Я понимаю, что вас это должно беспокоить, — сказал он, — но она все равно устроила бы ему взбучку, независимо от того, были бы вы здесь

или нет. Она горячо любит Джейми и очень волновалась, когда он исчез, особенно после внезапной смерти отца. Вы об этом знаете?

Карие глаза сделались острыми и пристальными, словно хотели определить глубину доверия между мной и Джейми.

— Да, Джейми мне рассказывал.

— Ага. — Он кивнул в сторону дома. — Ну, и к тому же она в положении.

— Я это заметила.

— Трудно было бы не заметить, не так ли? — улыбнулся Айен, и мы оба засмеялись. — Это делает ее воинственной, но, впрочем, я ее не осуждаю, нет-нет. Однако надо быть более храбрым человеком, чем я, чтобы спорить с женщиной на девятом месяце. — Он откинулся назад, вытянув протез перед собой. — Потерял ногу при Домье, — объяснил он. — Картечь. К концу дня немного ноет. — Он потер ногу повыше кожаной перевязи, которая соединяла деревяшку с плотью.

— Вы не пробовали натирать ее бальзамом Джилиада? — спросила я. — Помогает также водяной перец или отвар руты.

— Водяной перец не пробовал, — ответил он, явно заинтересовавшись. — Спрошу у Дженни, умеет ли она его приготовить.

— Я охотно приготовлю его для вас, — пообещала я — мне этот человек понравился — и оглянулась на дом, добавив не без сомнения: — Если мы пробудем здесь достаточно долго.

Мы поболтали еще некоторое время вполне непринужденно, прислушиваясь одним ухом к тому, что происходило в гостиной, потом Диен наклонился и осторожно установил искусственную ногу, прежде чем подняться со скамейки.

— Мне кажется, нам пора вмешаться. Если один из них замолчит достаточно надолго, чтобы услышать другого, они могут серьезно обидеть друг друга.

— Надеюсь, обойдется словесной обидой. Айен хихикнул.

— Ну, не думаю, чтобы Джейми поднял на нее руку. У него достаточно выдержки, чтобы не отвечать на провокации. Ну а Дженни в крайнем случае даст ему затрещину, но не более того.

— Она это уже сделала.

— Ружья заперты, а все ножи в кухне, кроме того, который у Джейми за поясом. Но он, конечно, не подпустит ее к себе настолько близко, чтобы она могла выхватить у него кинжал. Нет, они оба в полной безопасности. — Он приостановился возле двери. — Что касается нас с вами, это уже другое дело. — И он подмигнул.

При появлении Айена служанки сорвались с мест и тотчас упорхнули. Однако домоправительница по-прежнему торчала возле двери в гостиную, поглощенная зрелищем, а тезка Джейми прижимался к ее объемистой груди. Она настолько увлеклась, что, когда Айен заговорил с ней, подпрыгнула, словно от укола булавкой, и прижала руку к сердцу.

Айен вежливо кивнул ей, взял у нее ребенка и вошел в гостиную. Мы немного задержались на пороге, чтобы уяснить мизансцену. Брат и сестра переводили дыхание, оба вострепанные, с горящими глазами — прямо-таки два разъяренных кота.

Маленький Джейми при виде матери забил ножками на руках у Айена и, как только оказался на полу, с криком «Мама!» бросился к ней, словно почтовый голубь к родимой голубятне.

— Мама, возьми меня!

Дженни повернулась, подхватив мальчугана, и вскинула на плечо, как ружье.

— Ты можешь сказать твоему дяде, сколько тебе лет, родной? — спросила она — даже не спросила, а проворковала, но в этом ласковом ворковании ясно слышался призыв бряцающей стали.

И мальчик этот призыв услышал; вместо ответа он уткнулся лицом в мамину шею. Чисто механическим движением она погладила ребенка по спине, но продолжала смотреть на брата.

— Он не говорит, так скажу я. В прошедшем августе ему исполнилось два года. И если ты достаточно умен, чтобы сосчитать, в чем я весьма сомневаюсь, то мог бы сообразить, что он зачат через полгода после того, как я в последний раз видела твоего Рэндолла, когда он на нашем дворе собирался своей саблей лишить жизни моего брата.

— Ах вот оно как! — Джейми сердито сверкнул глазами на сестру. — Но я слышал кое-что другое. Все говорят, что ты пустила этого мерзавца к себе в постель. И не один раз — он стал твоим любовником. Так что ребенок его. — Он пренебрежительно кивнул в сторону своего тезки, который опасливо поглядывал из-под материнского подбородка на большого, шумного незнакомца. — Я верю, что новый ублюдок, которого ты носишь, не его, потому что Рэндолл вплоть до марта месяца находился во Франции. Стало быть, ты не просто шлюха, но еще и неразборчивая шлюха. Кто же отец этого твоего чертова семени?

Высокий молодой человек возле меня деликатно откашлялся, тем самым слегка разрядив напряжение.

— Я его отец, — мягко произнес он. — А также отец вот этого. —

Припадая на деревянную ногу, он подошел и взял у пылающей негодованием жены малыша. — Говорят, он на меня немножко похож.

В самом деле, лица их, расположенные рядышком, были поразительно схожи, только у одного округлые детские щечки, а у другого нос с горбинкой. Тот же высокий лоб и узкие губы. Те же пушистые брови дугой над глубоко посаженными светло-кариими глазами. Джейми, уставившись на эту пару, вид имел, словно ему дали по затылку мешком с песком. Он закрыл рот, сглотнул, но явно не имел представления, что делать дальше.

— Айен, — слабым голосом выговорил он, — так вы женаты?

— Ну да, — весело ответил его шурин, — А как же иначе?

— Понимаю, — пробормотал Джейми, потом откашлялся и принялся часто-часто кивать Айену. — Это очень благородно с твоей стороны, Айен. Я имею в виду, взять ее в жены. Очень благородно.

Я так поняла, что Джейми в этой ситуации может понадобится моральная поддержка, поэтому подошла и тронула его за руку. Его сестра задержала на мне пристальный взгляд, но не сказала ни слова. Джейми огляделся и, кажется, удивился, заметив меня: по-видимому, он начисто забыл о моем существовании. Что, впрочем, и не так уж удивительно. Но он был явно доволен вмешательством, протянул руку и выдвинул меня вперед.

— Моя жена, — произнес он отрывисто и указал на Дженни и Айена. — А это моя сестра и ее... — Он не договорил, увидев, что Айен и я обменялись любезными улыбками.

Но Дженни не дала себя отвлечь светскими тонкостями.

— Значит, ты считаешь, что с его стороны было благородно на мне жениться? — спросила она, не обращая внимания на обряд представления.

Айен поглядел на нее вопросительно, и она с полным презрением махнула рукой в сторону Джейми.

— Он, понимаешь ли, считает, что с твоей стороны было благородно взять в жены обесчещенную девицу! — Тут она фыркнула с такой силой, что это сделало бы честь человеку вдвое больше ростом. — Поганый болтун!

— Обесчещенную девицу? — Айен был явно изумлен, а Джейми неожиданно рванулся вперед и ухватил свою сестру за руку выше локтя.

— Ты не сказала ему о Рэндоллле? Дженни, как ты могла поступить подобным образом?

Если бы Айен не удержал Дженни за другую руку, она, наверное, вцепилась бы брату в глотку. Айен твердо отодвинул ее за себя и сунул ей маленького Джейми, которого она вынуждена была подхватить, иначе

ребенок упал бы на пол. После этого Айен обнял Джейми за плечи и отвел на безопасное расстояние.

— Всеу этому совершенно не место в гостиной, — сказал он негромко, но категорически. — Однако, возможно, тебе небезынтересно будет узнать, что в брачную ночь твоя сестра была девственницей. Прошу прощения, но меня вынудили это сообщить.

После его слов ярость Дженни обрушилась в равной мере на брата и на мужа.

— Как ты смеешь говорить о таких вещах в моем присутствии, Айен Муррей? — вспыхнула она. — И даже в мое отсутствие! Моя брачная ночь не касается никого, кроме меня и тебя, и, уж во всяком случае, его она не касается! Теперь тебе осталось только, показать ему мою брачную простыню!

— Если бы я так сделал, это, безусловно, заткнуло бы ему рот, — невозмутимо заявил Айен. — Успокойся, родная, ты не должна волноваться, это вредно для ребенка. А крики плохо действуют на маленького Джейми.

Он потянулся за своим сыном, который хныкал, не уверенный, стоит ли при данных обстоятельствах задавать реву. Айен быстро повернул голову ко мне и указал глазами на Джейми.

Я поняла намек, схватила Джейми за руку и оттащила к креслу в нейтральном углу. Айен в свою очередь отвел Дженни к «любовному гнездышку» — креслу на двоих и твердой рукой придерживал ее за плечи, чтобы не вздумала вскочить.

— Ну вот так, — сказал он.

Заметно было, что Айен Муррей, несмотря на неприятзательную манеру держаться, пользуется непререкаемым влиянием. Я опустила руку на плечо Джейми и почувствовала, что напряжение оставляет его.

На мой взгляд, комната сейчас напоминала ринг во время матча по боксу: в перерыве противники возбужденные схваткой, сидят каждый в своем углу и ждут сигнала к действию, а тренеры подбадривают их и успокаивают своими прикосновениями.

Айен с улыбкой кивнул шурина:

— Как приятно видеть тебя, Джейми. Мы рады, что ты дома, рады твоей жене. Верно, дорогая? — обратился он к Дженни, заметно надавив пальцами ей на плечо.

Но она была не из тех, кого можно легко к чему-то принудить. Губы у нее сжались в тонкую прямую линию, потом она неохотно разлепила их и произнесла:

— Это как сказать.

Джейми сильно провел рукой по лицу и поднял голову, готовый к новому раунду.

— Я видел, как ты вошла в дом с Рэндоллом, — упрямо проговорил он. — И, судя по тому, что он мне рассказывал потом... ну как он мог узнать, что у тебя на груди родинка?

Дженни яростно фыркнула.

— Ты помнишь, что произошло в тот день, или капитан Рэндолл вышиб все у тебя из головы?

— Конечно, помню! И вряд ли когда-нибудь забуду.

— Тогда ты, наверное, помнишь и то, что я двинула капитана коленом в то самое место?

Джейми сгорбился, ответил сдержанно:

— Ну, помню.

Дженни усмехнулась с торжеством победителя.

— В таком случае, если бы твоя жена — а ты бы, кстати, мог назвать мне ее имя, просто удивительно, до чего ты невоспитан! — ну, предположим, что твоя жена дала бы тебе такого пинка, думаешь ли ты, что мог бы выполнять свои супружеские обязанности через несколько минут после такого — добавлю, вполне заслуженного — удара?

Джейми открыл было рот, но тут же его закрыл. Довольно долго смотрел на сестру, потом у него едва заметно приподнялся уголок рта.

— Как сказать, — повторил он ее слова. Уголок рта приподнялся снова. До этого Джейми сидел сгорбившись, но теперь выпрямился и глядел на Дженни с полускептическим выражением младшего брата, который слушает, как сестра рассказывает ему волшебные сказки: чувствует себя слишком взрослым, чтобы увлечься по-настоящему, но против своей воли наполовину верит услышанному.

— В самом деле? — сказал он. Дженни повернулась к Айену:

— Пойди и принеси простыни, Айен. Джейми поднял обе руки, сдаваясь:

— Не надо. Я верю тебе. Все дело в том, как он вел себя после...

Дженни, откинувшись назад, оперлась на согнутую руку Айена; сынишка прильнул к ней настолько тесно, насколько позволял ее сильно выступающий живот.

— После того, что он наболтал в присутствии своих подчиненных, не мог же он признаться в собственной несостоятельности, как ты считаешь? Он изобразил все так, будто выполнил то, чем похвалялся. Должна сказать, что ему все это было поперек горла. Он ударил меня и порвал мне платье.

Ударил так, что я почти потеряла сознание, а когда опомнилась и привела себя более или менее в порядок, англичане уже уехали и увезли тебя с собой.

Джейми глубоко вздохнул и прикрыл глаза. Его широкие кисти лежали на коленях, и я накрыла одну из них своей ладонью. Он взял мою руку, открыл глаза и слабо улыбнулся мне, прежде чем снова обратился к сестре.

— Ну хорошо, — заговорил он. — Мне только хотелось бы выяснить вот что, Дженни: когда ты уходила с ним, знала ли ты точно, что он ничего не сможет сделать с тобой?

Она ответила не сразу, но глаза ее смотрели на брата прямо и открыто; потом она покачала головой с еле заметной улыбкой.

Она вытянула вперед руку, предупреждая протест Джейми; брови, похожие на крылья чайки, красиво приподнялись.

— Если ты считал возможным предложить свою жизнь в обмен на мою честь, То почему же я не могла предложить свою честь в обмен на твою жизнь? — Брови ее сошлись на переносице точно так же, как они сходились у ее брата. — Или ты хочешь сказать, что я люблю тебя меньше, чем ты меня? Если это так, Джейми Фрэзер, то я прямо заявляю тебе, что это неправда!

Джейми открыл рот для ответа до того, как она кончила говорить, но, услышав заключительные слова, внезапно сомкнул уста, и Дженни воспользовалась преимуществом:

— Потому что я люблю тебя, хоть ты и тупоголовый, слабоумный, безмозглый человечиска. И не могу допустить, чтобы ты умер на дороге у моих ног только потому, что ты чересчур упрям и не можешь придержать язык даже раз в жизни!

Синие глаза уперлись в синие глаза, искры полетели во все стороны. Джейми был задет резкими определениями его умственных качеств и тщетно пытался найти достойный ответ. В конце концов он распрямил плечи и пошел на уступки.

— Ладно, в таком случае извините, — сказал он. — Был не прав и прошу прощения.

Они с сестрой довольно долго смотрели после этого друг на друга, но ожидаемого прощения Джейми не дождался. Дженни пристально вглядывалась в него, прикусив нижнюю губу, но ни слова не говорила. В конце концов он потерял терпение.

— Я же извинился! Чего тебе еще надо? — спросил он. — Чтобы я встал перед тобой на колени? Встану, но скажи мне это!

Она медленно покачала головой из стороны в сторону, все так же

прижимая зубами губу.

— Нет, — ответила она наконец. — Я не хочу, чтобы ты вставал на колени в твоём собственном доме. Но встань на ноги.

Джейми повиновался, а она усадила ребенка на кресло, пересекла комнату и остановилась перед Джейми.

— Сними рубашку, — приказала она.

— Не сниму!

Дженни выдернула подол рубашки из килта и потянулась расстегивать пуговицы. После короткого сопротивления Джейми без слов, но достаточно ясно дал понять, что сдаётся. Из всех сил стараясь держаться с достоинством, он повернулся к сестре спиной и снял с себя спорное одеяние.

Дженни взглянула на его спину, и на лице у нее появилось такое же застывшее выражение, какое я видела у Джейми в моменты сильных эмоций. Она кивнула, как бы подтверждая, что именно этого она и ожидала.

— Если ты и повел себя как дурак, Джейми, то, кажется, заплатил за это сполна. — Она осторожно накрыла ладонью самые страшные рубцы. — Наверно, было очень больно.

— Что и говорить.

— Ты плакал?

— Да! — ответил он, непроизвольно стиснув кулаки.

Дженни обошла его и повернулась к нему лицом. Запрокинула голову и широко раскрыла глаза.

— Я тоже, — произнесла она тихо. — Каждый день с тех пор, как они тебя увели.

Широкоскулые лица почти зеркально отражали одно другое, но выражение их было таково, что я поднялась и направилась к двери в кухню, оставляя брата с сестрой одних. Закрывая дверь за собой, я успела увидеть, что Джейми, хрипло проговорив что-то по-гэльски, протянул руки к сестре. Она вступила в его объятия, и золотисто-рыжая голова склонилась к черноволосой.

Глава 27 ПОСЛЕДНИЙ ДОВОД

За обедом мы ели, как волки, потом удалились в большую, полную воздуха спальню и уснули как собаки. Солнце, должно быть, поднялось высоко, когда мы утром пробудились, но небо затянули облака. О том, что время уже достаточно позднее, можно было судить по оживлению в доме, где каждый занимался своим делом, да и по соблазнительным запахам, доносившимся снизу по лестнице.

После завтрака мужчины собирались идти по делам: посетить арендаторов, осмотреть заборы, починить телеги — и вообще поразвлечься. Они задержались в передней, чтобы надеть куртки, и Айен заметил большую корзину Дженни, оставленную на столике возле зеркала.

— Прихватить яблок из сада, Дженни? Тебе тогда не надо будет идти так далеко.

— Хорошая мысль, — подхватил Джейми, окинув критическим взглядом торчащий живот сестры. — Не хотелось бы, чтобы она обронила кое-что на дороге.

— Смотри, как бы я не обронила тебя прямо на том месте, где ты стоишь, Джейми Фрэзер, — отпарировала Дженни, спокойно помогая Айену натянуть куртку на плечи. — Сделай хоть одно полезное дело, прихвати с собой на улицу этого чертенка. Мистрисс Крук в прачечной, оставь его там.

Она дернула ногой, пытаясь отцепить маленького Джейми, который, ухватившись за материнскую юбку, нудно просился на руки.

Дядя послушно подхватил племянника поперек живота и потащил его к двери вверх ногами — к полному восторгу маленького чертенка.

Дженни удовлетворенно вздохнула и принялась рассматривать свое отражение в зеркале, оправленном в позолоченную раму. Послюнила палец и пригладила брови, потом застегнула платье на шее.

— Приятно хотя бы кончить одеваться, когда никто не цепляется за юбку и не обхватывает тебя за колени. Бывают деньки, когда и в уборную с трудом вырвешься в одиночку, слова не скажешь, чтобы тебя не перебили.

Щеки у нее слегка разругались, а черные волосы блестели на голубом шелке платья. Айен, улыбаясь, смотрел на нее добрыми карими глазами, любуясь цветущим существом.

— Может, ты бы пока поговорила с Клэр, — предложил он. — Она, по-

моему, человек воспитанный и станет слушать, но, ради Бога, не читай ей своих стихов, не то она со следующей каретой удерет в Лондон, прежде чем мы с Джейми, вернемся.

Дженни щелкнула пальцами у него перед носом, ничуть не обиженная его поддразниванием.

— Я не из пугливых, муженек. До будущего апреля карет не предвидится, а к тому времени она к нам привыкнет. Отправляйся-ка ты, Джейми ждет.

Пока мужчины занимались делами, я и Дженни сидели в гостиной; она вышивала крестиком, я разматывала запутавшуюся пряжу и разбирала цветные шелка.

Внешне вполне дружелюбно мы прощупывали одна другую в разговорах и краешком глаза наблюдали одна за другой. Сестра Джейми и его жена; о чем бы ни заходила речь, в подтексте, не выраженном словами, неизменно присутствовал Джейми — отправная точка наших рассуждений.

Общее детство связало их навеки, как уток и основу некоей ткани, хотя узор этой ткани сильно стерся под влиянием разлуки и подозрений, а позже — брака. Нить Айена присутствовала в этом узоре с самого начала, моя же была совсем новой. Воспримет ли, вместит ли уже готовая ткань новую нить?

Наш разговор не подчинялся определенной логике — по крайней мере внешне, однако у каждой или почти каждой фразы было свое внутреннее, истинное, глубинное содержание, вполне осязаемое.

— После смерти вашей матери вы самостоятельно вели дом?

— Да, с десяти лет.

(Понимай; я любила и воспитывала его с раннего детства. Что сделаете вы с тем, кому я помогла стать мужчиной?).

— Джейми говорит, что вы на редкость умелая лекарка.

— Я вправила ему плечо, когда мы встретились впервые. (Да, я способна и добра. Я буду заботиться о нем.)

— Я слышала, что вы вступили в брак весьма поспешно? (Вы стали женой моего брата из-за его земель и денег?)

— Да, это было и в самом деле поспешно. Я даже не знала фамилии Джейми до церемонии венчания. (Я не знала, что он здешний лэрд. Я вышла за него ради него самого.)

Так оно и шло все утро, и во время легкого завтрака, а также в послеобеденные часы: мы беседовали, обменивались пикантными сведениями, мнениями, шутками, как бы примеряясь одна к другой. Оценить по достоинству женщину, которой пришлось с десятилетнего

возраста вести большое домашнее хозяйство, а после смерти отца и исчезновения брата управлять имением, было не слишком просто. Мне было любопытно, что она думает обо мне, но она, как и ее брат, способна была, когда ей так хотелось, хорошо скрывать свои мысли.

Когда часы на камине начали бить пять, Дженни зевнула и потянулась; платье, которое она чинила, соскользнуло с округленного живота на пол.

Она принялась было не глядя нашаривать его, но я быстро опустилась на колени возле нее.

— Не надо, я подниму.

— Спасибо... Клэр.

Она впервые назвала меня по имени, застенчиво улыбнувшись, — и я ответила ей улыбкой.

Мы не успели возобновить разговор, так как в комнату просунула свой длинный нос домоправительница мистрисс Крук и с беспокойством осведомилась, не видели ли мы маленького хозяина Джейми.

Дженни со вздохом отложила в сторону шитье.

— Опять убежал? Не волнуйся, Лиззи. Он, скорее всего, увязался за отцом или за дядей. Мы пойдем и поищем его, хорошо, Клэр? Мне не мешает подышать свежим воздухом перед ужином.

Она тяжело поднялась на ноги и, положив руки на поясницу, охнула, а потом улыбнулась.

— Осталось недели три. Просто не могу дождаться.

Мы медленно прогуливались по двору; Дженни показала мне пивоварню и часовню, рассказала всю историю имения, когда и что было построено.

Обогнув голубятню, мы услышали под деревом голоса.

— Вот он где, этот маленький негодяй! — воскликнула Дженни. — Ну, погоди, попадешься ты мне в руки!

— Подождите минутку. — Я положила руку ей на плечо, разобрав, что с детским голоском смешивается столь знакомый мне взрослый.

— Да ты не волнуйся, паренек, — говорил Джейми. — Научишься. Ведь это довольно трудно, если твой петушок не высовывается дальше застегки.

Я вытянула шею и увидела, что Джейми сидит на чурбане для рубки дров, занятый беседой со своим тезкой, который ведет неравную борьбу со складками своего платья.

— Что это ты делаешь с ребенком? — спросила я.

— Учю юного Джеймса сложному искусству писать так, чтобы не попасть себе же на ноги, — объяснил он. — Уж это-то по крайней мере

дядя может сделать для племянника.

Я подняла одну бровь.

— Говорить-то легко. Дядя мог бы наглядно показать племяннику, как это делается.

— Ну, у нас уже было несколько практических уроков, но в последний раз вышла небольшая неприятность. — Они с племянником обменялись взаимно обвиняющими взглядами. — Нечего на меня смотреть, это была твоя ошибка. Я же говорил тебе, что надо стоять спокойно.

— Гм, — сухо произнесла Дженни и строго поглядела на сына, а потом точно так же на брата.

Джейми-младший в ответ задрал подол себе на голову, но старший, ничуть не растерявшись, весело улыбнулся, встал и отряхнул с себя мусор. Опустил руку на закутанную подолом головенку племянника и повернул мальчугана к дому.

— «Всему приходит свой черед, — процитировал он, — и всякой вещи свое место под солнцем». Сначала мы работаем, маленький Джеймс, потом умываемся, а потом — слава Богу! — наступает время ужинать.

Разделавшись с наиболее неотложными делами, Джейми на следующий день выбрал время показать мне дом. Построенный в 1702 году, он для своего времени находился на уровне новейших достижений, был оборудован изразцовыми печами для обогрева комнат, а в кухне — большой кирпичной духовой плитой, так что хлеб не приходилось печь прямо в золе очага. Стены коридора в нижнем этаже, лестница и гостиная были увешаны картинами. Были среди них пасторальные ландшафты, были изображения животных, но больше всего портретов.

Я задержалась возле портрета Дженни в ранней юности. Она сидела на каменной ограде сада на фоне виноградной лозы с красными листьями. Прямо перед ней на той же ограде рядом расположились птицы: воробьи, дрозд, жаворонок и даже фазан; все эти пернатые теснили друг друга, стараясь подобраться поближе к своей смеющейся хозяйке. Это было совершенно непохоже на строгие позы на других портретах, с которых предки тарасились с таким видом, словно тугие воротники не давали им вздохнуть.

— Это написала моя мать, — сказал Джейми, заметив мой интерес. — На лестнице висят еще несколько, написанных ею, их немного, а здесь всего только два. Этот она любила больше всего. — Большой огрубевший палец осторожно коснулся холста и провел линию по краснолистной лозе. — На ограде сидят ручные птицы Дженни. Время от времени кто-

нибудь находил птичку с перебитой ногой или сломанным крылом и непременно приносил Дженни, а она лечила их и кормила из собственных рук. Вот этот напоминает мне Айена. — Палец уткнулся в изображение фазана, который, распустив крылья, чтобы сохранить равновесие, с обожанием смотрел на хозяйку темными глазками.

— Джейми, ты просто бессовестный! — Я засмеялась. — А твой портрет есть?

— О да. — Он отвел меня к противоположной стене, где рядом с окном висела картина.

С картины важно и серьезно глядели два маленьких мальчика, оба рыжеволосые, оба в тартанах. Возле них сидела огромная охотничья собака — должно быть, Найрн, дедушка Брана, а мальчики — Джейми и его старший брат Уилли, в одиннадцать лет умерший от оспы. Джейми в то время, когда был написан портрет, было, вероятно, года два; он стоял между коленями брата, положив руку собаке на голову.

Джейми рассказал мне об Уилли по пути из Леоха, когда мы с ним однажды ночью сидели у костра в уединенной лощине. Я вспомнила маленькую змейку, вырезанную из вишневого дерева.

Джейми вынул ее из своего споррана и показал мне.

— Уилли подарил мне это на день рождения, когда мне исполнилось пять лет, — сказал он и с нежностью провел пальцем по деревянным изгибам.

Змейка была маленькая и смешная, тельце изящно извито, головка повернута таким образом, словно змейка смотрит через плечо — воображаемое, потому что у змей, как известно, плеч не имеется. Джейми дал мне змейку подержать, я повернула ее.

— А что это здесь внизу написано? «С-о-н-и». Сони?

— Это я. — Джейми, отчего-то смутившись, опустил голову. — Ласкательное от моего второго имени Александр. Уилли называл меня так.

Лица на портрете были очень похожи; у всех детей Фрэзеров такой вот прямой взгляд, который заставляет вас принимать их в соответствии с тем, как они сами себя рекомендуют. На портрете у Джейми щеки по-детски округлые и носик тоже по-детски курносый, но в телосложении брата уже видны черты будущего мужчины, которым не суждено было до конца воплотиться.

— Ты очень его любил? — тихонько спросила я.

Джейми кивнул, задумчиво глядя на огонь в камине.

— Да, — сказал он со слабой улыбкой. — Он был на пять лет старше, и я смотрел на него как на Бога или по крайней мере на Христа. Увязывался

за ним повсюду, то есть повсюду, куда он разрешал.

Он отошел к книжным полкам. Я осталась у окна, чтобы дать ему побыть одному.

С этой стороны дома я разглядела сквозь дождевые струи туманные очертания отдаленного скалистого холма, на вершине поросшего травой. Он напомнил мне заколдованный холм, на котором я прошла сквозь камень и появилась из кроличьей норы. Всего лишь полгода. А кажется, что было это ужасно давно.

Джейми подошел и встал рядом со мной у окна. Отсутствующими глазами глядя на дождь за окном, он вдруг произнес:

— А ведь был-таки еще один повод. Самый главный.

— Повод? — глупо переспросила я.

— Почему я на тебе женился.

— Какой же это повод?

Я не представляла, что я услышу. Может, дальнейшее раскрытие сложных семейных дел и отношений. Но то, что он сказал, меня просто сразило.

— Я хотел тебя. — Он повернулся лицом ко мне. — Больше, чем чего бы то ни было за всю мою жизнь, — добавил он тихо.

Я молча уставилась на него. Чего-чего, а этого я никак не ожидала. Он негромко продолжал:

— Когда я спросил отца, как мне узнать, та ли это женщина, он ответил, что придет час — и у меня не будет сомнений. Их и не было. Когда я очнулся в темноте под деревом на дороге в Леох, а ты сидела у меня на груди и проклинала меня за то, что я истекаю кровью, я сказал себе: «Джейми Фрэзер, хоть ты и не знаешь, как выглядит эта женщина, хоть весит она как добрый конь, но это и есть она самая».

Я подалась к нему, но он отступил и заговорил очень быстро:

— Я сказал себе: «Она починила тебя дважды за несколько часов, а жизнь среди Макензи такая, что хорошо бы жениться на женщине, которая может унять кровь из раны и поставить на место сломанные кости». И еще я сказал себе: «Если тебе, Джейми, парень, так приятно ее прикосновение к твоей ключице, вообрази, насколько приятнее будет, если она запустит руки пониже».

Он увернулся и отскочил за кресло.

— Я, конечно, дело, подумал и о том, что, может, это результат четырехмесячной жизни в монастыре, без благодатного женского общества, но потом эта совместная поездка сквозь тьму, — он театрально вздохнул и ловко высвободил свой рукав из моих пальцев, — и этот прелестно

широкий зад, сжатый моими бедрами, — он уклонился от удара, направленного ему в левое ухо, и отгородился от меня низеньким столиком, — и тяжелая, как камень, голова у меня на груди... — Небольшое металлическое украшение отскочило от его собственной головы и со звоном упало на пол. — Я сказал себе...

Он так хохотал, что вынужден был то и дело прерывать свою речь, чтобы набрать воздуха в легкие.

— Джейми... я сказал... Она же саксонка... язык у нее что змеиное жало... задница ничего... ну а если у нее не лицо, а овечья морда?

Я таки повалила его на пол — от грохота содрогнулся дом — и встала ему обеими коленками на живот.

— Ты хочешь сказать, что женился на мне по любви?

С трудом дыша, он поднял брови.

— Разве я... только что... не сказал об этом? Облапив меня одной рукой за плечи, он засунул другую мне под юбку и несколько раз немилосердно ущипнул за ту самую часть тела, которую так восхвалял.

В это время в комнату вошла за своей рабочей корзинкой Дженни и вперила в своего брата изумленный взор.

— Чем это ты тут занимаешься, братец Джейми? — поинтересовалась она, приподняв одну бровь.

— Занимаюсь любовью с моей женой — пропыхтел он, задыхаясь от смеха и возни.

— Так мог бы найти более подходящее место для этого, — посоветовала она, вздернув и вторую бровь. — На этом полу как бы не занозить тебе задницу.

Лаллиброх был спокойным местом, но вместе с тем и весьма трудовым. Все поднимались с петухами и немедленно включались в круговорот жизни. До самого захода солнца хозяйство работало, как заведенные часы, но после этого один за другим останавливались зубцы и колесики, отпадали от общего механизма и катились в темноту в поисках ужина и постели, чтобы утром, словно по волшебству, вернуться на свои обычные места.

Столь необходимым казался каждый человек, будь то мужчина, женщина или ребенок, для того, чтобы все шло своим порядком, что я не могла себе представить, как это они тут несколько лет обходились без хозяина. Не только руки Джейми, но и мои были немедленно пущены в ход. Впервые я поняла всю серьезность, с которой шотландцы осуждали безделье и лень, раньше — впрочем, вероятно, надо сказать «позже» — мне это казалось не больше чем причудой. Безделье расценивалось не просто

как признак нравственного падения, но как нарушение естественного порядка вещей.

Выпадали, конечно, и другие моменты. Маленькие и скоропреходящие промежутки времени, когда все затихает, а жизнь как бы находится в равновесии между тьмой и светом, одновременно окружающими тебя.

Я радовалась таким мгновениям вечером то ли второго, то ли третьего дня после приезда в имение. Сидя на заборе позади дома, я смотрела на пожелтевшие поля, на деревья в дальнем конце горного прохода — они казались особенно темными на фоне жемчужно-серого неба. Казалось, что все предметы — близкие и далекие — находятся на одном расстоянии от тебя, потому что их длинные тени мало-помалу поглотил сумрак.

Воздух был холодный, в нем чувствовалось дыхание мороза, и мне подумалось, что пора бы уйти в дом, но не хотелось расставаться с мирной красотой. Я не замечала появления Джейми, пока он не укрыл тяжелыми полами плаща мои плечи. Я даже не сознавала, насколько стало холодно, и только прикосновение теплой и плотной шерстяной ткани дало мне это почувствовать по контрасту.

Руки Джейми обняли меня поверх плаща, и я прижалась к нему спиной, слегка дрожа.

— Мне даже из дома было видно, как ты дрожишь, — сказал он, взяв мои руки в свои. — Если не будешь беречься, схватишь простуду.

— А ты?

Я повернулась и посмотрела на него. Несмотря на усиливающийся холод, он чувствовал себя вполне уютно в одной рубашке и в килте, разве что нос чуть-чуть покраснел, свидетельствуя, что сейчас не один из теплых весенних вечеров.

— Я-то привык. У шотландцев не такая жидкая кровь, как у вас, южан с синими носами.

Он приподнял мой подбородок и поцеловал меня в нос. Я взяла его за уши, но он теперь избрал другую цель — пониже.

Это продолжалось достаточно времени, чтобы наши температуры сравнялись к тому моменту, как он меня отпустил. Горячая кровь шумела у меня в ушах, я откинулась назад, балансируя на перекладине забора. Ветер дул мне в затылок, отбрасывая на лицо пряди волос. Джейми забрал в руку волосы с моих плеч и, приподнимая, пропускал их сквозь пальцы, так что лучи заходящего солнца просвечивали их.

— Вокруг твоей головы словно ореол, когда солнце освещает тебя вот так, — тихонько проговорил он. — Ангел, увенчанный золотом.

— Ты тоже, — ответила я, дотронувшись до его щеки, на которой

отросшая бородка отливала янтарным светом. — Почему ты не сказал мне раньше?

Он сразу понял, о чем я. Одна бровь взлетела вверх, он улыбнулся; одна половина лица освещена солнцем, другая — в тени.

— Я ведь знал, что ты не хочешь выходить за меня замуж. Я не имел никакого желания обременять тебя и тем более строить из себя дурака, сказав тебе об этом тогда, — ведь было ясно, что ты будешь спать со мной только по обету, данному против воли. — Он снова улыбнулся — белые зубы сверкнули в тени — и быстро произнес, предупреждая мой протест: — Во всяком случае, в первый раз. У меня тоже есть гордость, женщина.

Я потянулась к нему и привлекла к себе близко-близко, закутав полами плаща. Он крепко обнял меня.

— Любовь моя, — шепнул он. — О любовь моя! Как я хочу тебя.

— Но ведь это не одно и то же, — сказала я. — Любить и желать, я имею в виду.

Джейми рассмеялся немного хрипло.

— Чертовски близко, Саксоночка, во всяком случае, для меня.

Я чувствовала силу его желания, твердую и настойчивую. Внезапно он отступил и, протянув руки, снял меня с перекладины забора.

— Куда это мы идем? — спросила я.

Мы направлялись не к дому, а к сараям под вязами.

— Поищем сеновал.

Глава 28 ПОЦЕЛУИ И ПОДШТАННИКИ

Я постепенно нашла свое место в круговороте жизни имения. Дженни была уже не в состоянии совершать долгие обходы коттеджей арендаторов, и я взялась посещать их сама, иногда в сопровождении молодого конюха, иногда вместе с Джейми или Айеном. Я брала с собой еду и лекарства, лечила больных как умела, давала советы профилактического или гигиенического порядка, которые воспринимались с разной степенью признательности.

В самом Лаллиброхе я либо занималась домашними делами, либо возилась на примыкающем к дому земельном участке, большей частью в саду, стараясь приносить пользу по мере сил. Кроме красивого маленького сада с цветником, там был участок лекарственных трав и очень большой огород, где выращивали репу, капусту и тыквы.

Джейми поспевал повсюду: занимался в кабинете счетными книгами, работал с арендаторами на полях, с Айеном — в конюшне, наверстывая упущенное время. Как мне казалось, то было не только чувство долга и не только интерес к делу; вскоре мы должны были уехать, и Джейми хотел наладить все так, чтобы хозяйство шло своим порядком, пока он — вернее, пока мы не вернемся.

Я понимала, что ехать необходимо, но в мирном доме и на мирных землях Лаллиброха, в добросердечном общении с Дженни, Айеном и маленьким Джейми я чувствовала себя так, словно наконец-то очутилась дома.

Однажды утром после завтрака Джейми, встав из-за стола, объявил, что собирается на другой конец долины посмотреть лошадь, которую продает Мартин Мак. Дженни повернулась к нему от буфета, брови у нее сошлись на переносице.

— Джейми, ты считаешь, что это вполне безопасно? Месяц назад или около того по всей округе шныряли английские патрули.

Он пожал плечами и взял со спинки стула свою куртку.

— Я буду осторожен.

— Слушай, Джейми, — заговорил Айен, входя в комнату с охапкой дров для очага. — Ты не мог бы сходить нынче утром на мельницу? Джок был там вчера, говорит, с колесом что-то неладно. Я поглядел наскоро, но нам с Джеком не справиться. Думаю, там какой-то хлам попал в колесо, но

это под водой.

Он легонько шлепнул себя по деревянной ноге и улыбнулся мне.

— Хожу-то я, слава Богу, ничего и верхом езжу, но плавать не могу. Бью по воде и кручусь на месте, как плавучая золотомойка.

Джейми снова положил кафтан на стул, улыбаясь шутке Айена.

— Не о чем горевать, Айен, ведь зато тебе не придется провести утро в ледяной воде. Ладно, я схожу; — Он повернулся ко мне. — А ты не хочешь прогуляться со мной, Саксоночка? Утро прекрасное, ты можешь захватить с собой свою маленькую корзиночку. — Он бросил насмешливый взгляд на большущую плетеную корзину, которой я пользовалась для своих сборов. — Я пойду переоденусь. Вернусь через минуту.

И, он взбежал по лестнице, перепрыгивая через три ступеньки. Мы с Айеном переглянулись. Если шурин Джейми и сожалел, что ему теперь недоступны такие прыжки и многое другое, то он этого не показывал и радостно любовался ловкостью Джейми.

— Как хорошо, что он вернулся, — сказал Айен.

— Мне очень хотелось бы, чтобы мы остались, — вырвалось у меня.

В добрых карих глазах появилась тревога.

— Но вы не сразу уедете?

— Нет, не сразу. Но надо бы уехать до того, как выпадет снег.

Джейми решил, что нам следует посетить Бьюли, главную резиденцию клана Фрэзеров. Возможно, его дед лорд Ловат сумеет помочь, а если нет, то хотя бы переправит нас во Францию.

Айен кивнул, соглашаясь:

— Да. Но у вас в запасе еще несколько недель.

Стоял великолепный, ясный осенний день; воздух пьянил, а небо сияло такой голубизной, что в ней хотелось раствориться. Болтая о разных разностях, мы шли так медленно, что я успевала заметить поздно распустившиеся розы-эглантины и головки ворсянки.

— На следующей неделе квартальный день, ^[8] — заметил Джейми. — Твое новое платье будет готово к тому времени?

— Думаю, что да. Разве этот день особенный? Джейми взял у меня корзину, пока я выдергивала из земли стебель пижмы.

— В общем, да. Не такой, какие устраивает Колам, но все же к нам явятся все наши арендаторы, чтобы внести арендную плату и почтительно приветствовать новую леди Лаллиброх.

— Им, наверное, покажется странным, что ты женился на англичанке.

— Полагаю, несколько папаш почувствуют себя разочарованными по такому случаю. Я тут слегка ухаживал за одной-двумя барышнями по

соседству, пока меня не арестовали и не увезли в Форт-Уильям.

— Жалеешь, что не женился на местной?

— Если ты воображаешь, что я отвечу «да», когда ты держишь в руке ножик, то ты куда более невысокого мнения о моих умственных способностях, чем я полагал.

Я бросила нож, которым выкапывала корень, и протянула к Джейми раскинутые руки. Едва он меня наконец отпустил, я нагнулась за ножом, подняла его и снова принялась поддразнивать Джейми:

— Просто удивительно, что ты так долго оставался девственником. Разве что все девушки в Лаллиброхе — дурнушки.

— Нет, — ответил он, щурясь на солнышко. — Вэтом повинен мой отец. По вечерам мы с ним, бывало, гуляли по полям и разговаривали о разных вещах. Один раз, я тогда уже достаточно повзрослел для этого, он мне сказал, что мужчина должен нести ответственность за каждое семя, что он посеет, потому что его долг — заботиться о женщине и защищать ее. А поскольку я к этому еще не готов, то не вправе отягощать женщину последствиями своих поступков.

Он оглянулся на дом, оставшийся позади нас, потом посмотрел в сторону кладбища у подножия скалы, где лежали его родители.

— Он сказал, что величайшее событие в жизни мужчины — обладать женщиной, которую он любит, — негромко продолжал он, потом улыбнулся мне, а глаза синие, как небо над Головой. — Он был прав.

Я погладила его по щеке.

— Немного жестоко с его стороны вынуждать тебя к столь долгому воздержанию, — сказала я.

Джейми усмехнулся; килт хлопал его по коленям под порывами резкого осеннего ветра.

— Церковь учит, что онанизм — это грех, но отец говорил, что если уж выбирать между тем, чтобы принести вред себе или какой-нибудь бедняжке женщине, порядочный мужчина предпочтет принести себя в жертву.

Отсмеявшись, я тряхнула головой и сказала:.

— Нет, я не стану спрашивать. Ты, безусловно, остался девственником.

— Только благодаря милосердию Господа и моему отцу, Саксоночка. Лет в четырнадцать я ни о чем, кроме девушек, думать не мог. Но это было тогда, когда меня отдали на воспитание Дугалу в Беаннахд.

— Там не было девушек? — спросила я. — Ведь у Дугала есть дочери.

— Да, есть. Целых четыре. Две младшие в счет не шли, но старшая, Молли, была очень хорошенькая.

Старше меня на год или два. Мое внимание ей не слишком льстило. Я

постоянно таращил на нее глаза за обеденным столом, а она как-то раз посмотрела на меня, задрав нос, и спросила, нет ли у меня насморка. Если это так, мне следует лечь в постель, а если нет, то она будет мне очень признательна, если я закрою рот: ей совсем не интересно во время еды разглядывать мои миндалины.

— Начинаю понимать, почему ты остался девственником, — сказала я и приподняла юбку, чтобы подняться на перелаз. — Но не могли же все девушки быть такими.

— Да нет, — раздумчиво проговорил он, подавая мне руку и помогая спуститься. — Они и не были. Младшая сестра Молли, Табита, оказалась куда приветливей. — Он улыбнулся при этом воспоминании. — Тибби была первой девушкой, которую я поцеловал. Вернее сказать, первой девушкой, которая поцеловала меня. Я по ее просьбе нес два ведра молока из коровника на сыроварню и всю дорогу строил планы, как я прижму ее за дверь, где некуда увернуться, и поцелую. Но руки у меня были заняты, и она должна была открыть дверь, чтобы я прошел. Так что я как раз и оказался в углу за дверью, а Тиб подошла ко мне, взяла за уши и поцеловала. И молоко пролила.

— Памятный первый опыт, — засмеялась я.

— Сомневаюсь, что для нее он был первым, — сказал Джейми. — Она знала об этом гораздо больше, чем я. Но занимались мы поцелуями недолго. Дня через два ее мать накрыла нас в кладовой. Она ничего такого не сделала, только зло на меня поглядела и велела Тибби идти обедать. Но, как видно, рассказала Дугалу.

Если Дугал Макензи был готов сражаться за честь сестры, то даже трудно вообразить, на что он был готов в защиту дочери.

— Дрожу при одной мысли о том, чем это кончилось, — сказала я.

— Я тоже. — Джейми передернулся и бросил на меня косой взгляд в некотором смущении.

— Ты знаешь, что молодые мужчины иногда утром просыпаются с... ну, с... — Он покраснел.

— Да, знаю, — сказала я. — Так же, как и старые мужчины в возрасте двадцати трех лет. Ты думаешь, я не замечаю? Ты предлагал это моему вниманию достаточно часто.

— Мм-ф-м. Наутро после того, как мать Тиб застала нас, я проснулся на рассвете. Она мне снилась — Тиб, конечно, а не ее мамаша, — и я даже не удивился, почувствовав на своем члене руку. Удивительно было другое — рука оказалась не моя.

— Но, разумеется, не Тибби?

— Разумеется. Это была рука ее отца.

— Дугала! Но как же...

— Я широко раскрыл глаза, и он приветствовал меня очень приятной улыбкой. Потом он сел на постель, и мы с ним славно поболтали, дядя с племянником, приемный отец с приемным сыном. Он сказал, как он рад, что я живу у него — ведь собственного сына у него нет и так далее. И что вся семья привязана ко мне и так далее. И как ему ненавистна сама мысль о том, что можно воспользоваться прекрасными, невинными чувствами, которые его дочери питают ко мне, в дурных целях, но он, конечно, рад и счастлив, что может положиться на меня как, на собственного сына. Так он говорил и говорил, а я лежал и слушал, и все время он держал одну руку на своем кинжале, а другую — на моей мошонке. Я отвечал: «да, дядя», «нет, дядя», а когда он ушел, я завернулся в одеяло, уснул и видел во сне свиней. И больше не целовал девушек до тех пор, пока мне не исполнилось шестнадцать и я не приехал в Леох.

Волосы у Джейми были собраны на затылке и перевязаны кожаным ремешком, но короткие, концы, как обычно, окружали голову короной, отливавшей в прозрачном, чистом воздухе красноватым и золотым. За время нашей поездки сюда из Леоха лицо его покрылось бронзовым загаром, и весь он напоминал осенний лист, весело кружащийся по ветру.

— А как это было с тобой, моя прелестная Саксоночка? — спросил он, улыбаясь. — Пали молодые люди к твоим ногам, обуянные страстью, или ты была строгой скромницей?

— Со мной это произошло раньше, чем с тобой, — ответила я. — Мне было восемь.

— Иезавель! Кто же был этот счастливец?

— Сын переводчика. В Египте. Ему было девять.

— В таком случае тебя не в чем винить. Соблазнена мужчиной старшего возраста. К тому же еще проклятым язычником.

Впереди показалась мельница, картинно-красивая: желтая оштукатуренная стена увита темно-красным диким виноградом, выкрашенные сильно пожухлой зеленой краской ставни распахнуты навстречу дневному свету. Вода весело и шумно стекала через шлюз под неподвижное колесо в мельничный пруд. По пруду плавали дикие утки, отдыхая по пути на юг.

— Взгляни, — сказала я, задержавшись на вершине холма и останавливая Джейми. — Как же это красиво, верно?

— Было бы еще красивее, если бы мельничное колесо вертелось, — чисто по-деловому высказался он. Потом посмотрел на меня с улыбкой и

добавил: — Ты права, Саксоночка. Это очень красивое место. Я любил плавать здесь — за поворотом река разливается очень широко.

Разлив стал виден сквозь ивы на берегу, когда мы спустились ниже по холму. Заметили мы и мальчишек, совершенно голых, — они вчетвером плескались в воде с громкими криками.

— Б-рр, — я невольно вздрогнула, глядя на них.

Погода для осени выдалась великолепная, но воздух был очень холодный, и я радовалась, что захватила шаль.

— У меня прямо кровь стынет в жилах от этого зрелища, — сказала я.

— Правда? — откликнулся Джейми. — Дай-ка я ее согрею.

Обняв меня за талию, он отступил в тень большого конского каштана.

— Ты не первая девушка, которую я поцеловал, — тихо произнес он, — но клянусь, что ты будешь последней.

И он наклонил голову к моему запрокинутому лицу.

Когда мельник появился из своего логова и был наспех представлен мне, я удалилась на берег мельничного пруда, а Джейми несколько минут выслушивал объяснения о неполадках на мельнице. Потом мельник вернулся в помещение — попробовать повернуть жернов оттуда, а Джейми тем временем стоял и глядел в темные, полные водорослей глубины пруда. Наконец он, передернув плечами с выражением вынужденного смирения перед обстоятельствами, начал стаскивать с себя одежду.

— Ничего не поделаешь, — обратился он ко мне. — Айен прав, что-то застряло в колесе под шлюзом. Я должен нырнуть и...

Мой изумленный возглас прервал его речь, и он обернулся к тому месту, где я уселась на берегу возле своей корзины.

— А с тобой что случилось? — спросил он. — Никогда не видела мужчину в подштанниках?

— Не... не в таких! — с трудом выговорила я сквозь смех.

Предвидя возможное погружение под воду, Джейми надел под килт невероятно выношенное короткое одеяние, когда-то сшитое из красной фланели, а теперь весьма неровно выцветшее и оттого пестрое. Было очевидно, что прежде эти подштанники принадлежали человеку куда более полного сложения, чем Джейми. Подштанники не слишком надежно держались на бедрах, а на плоском животе Джейми обвисли складками.

— Они принадлежали твоему дедушке? — спросила я, тщетно стараясь подавить смех. — Или бабушке?

— Отцу, — холодно ответил он, глядя на меня этак свысока. — Не думаешь же ты, что я буду плавать в присутствии моей жены и моих

арендаторов голый, как яйцо?

Храня вид полного достоинства, он собрал в руку излишки материи и вступил в воды мельничного пруда. Подошел к колесу, собрался с духом, набрал воздуха в грудь и погрузился под воду, показав напоследок надутую воздухом заднюю часть подштанников. Мельник, высунувшись из окна, выкрикивал слова ободрения, а также давал указания каждый раз, как мокрая блестящая голова выныривала из воды, когда Джейми надо было глотнуть воздуха.

Берег пруда густо порос водолюбивыми растениями, и я при помощи приспособленной для этого палочки выкапывала корни мальвы и другие растения. Наполнив корзину до половины, я услышала позади себя вежливое покашливание.

Она была очень стара, а может, просто казалась такой. Опиралась она на палку из боярышника и облачена была в платье, которое носила, должно быть, уже лет двадцать; теперь оно стало слишком просторным для иссохшего тела.

— Доброе утро вам, — сказала она, часто-часто кивая мне.

Голова у старушки была покрыта накрахмаленным белым платком, который почти полностью закрывал ее волосы, только отдельные тоненькие прядки, совсем седые, лежали на щеках, сморщенных, словно сушеные яблоки.

— Доброе утро, — ответила я и хотела было вскарабкаться к ней поближе, но она опередила меня и с удивительной легкостью сама спустилась ко мне. Я надеялась, что и наверх она сумеет взобраться.

— Я... — начала я, но она меня тут же перебила:

— Вы, конечно, наша новая леди. А я мистрисс Макнаб — бабушка Макнаб, как меня теперь все зовут, а мистрисс Макнаб называют себя мои невестки, вот оно как.

Она вытянула тощую руку и пододвинула к себе мою корзину, с любопытством разглядывая ее содержимое.

— Корень мальвы — да, он хорош от кашля. А вот это, сударыня, пользоваться не годится, никак не годится. — Она извлекла из корзины маленький коричневатый корешок. — На вид-то он будто корень лилии, а на деле совсем не то.

— Что же это такое? — спросила я.

— Гадючий язык, вот что. Только съешь кусочек — и будешь кататься по полу, задрав ноги на голову.

Она вышвырнула корешок в воду, поставила корзину себе на колени и принялась со знанием дела перебирать остальные мои находки; я

наблюдала за ней со смешанным чувством удивления и неудовольствия. Наконец, удовлетворив свою любознательность, она вернула мне корзину.

— Для саксонской барышни вы не такая и глупая, — заявила она. — Отличите чистец от гусиной лапки. — Она бросила взгляд на воду, из которой в этот момент поднялась голова Джейми, блестящая, как у тюленя, и снова скрылась под мельницей. — Вижу, что его лэрдство женился на вас не только за хорошенькое личико.

— Благодарю вас, — сказала я, решив воспринимать это как комплимент.

Глаза старой леди, острые, как иголки, остановились на моей талии.

— Еще не беременная? — спросила она. — Надо листья малины. Настоять горсть листьев с ягодами шиповника и пить, как луна начнет прибывать, от четверти до полнолуния. А потом, как она пойдет на убыль, от полной до половины, принимать барбарис, чтобы очистить утробу.

— Вот как, — сказала я, — хорошо...

— У меня к его лэрдству есть просьба, — продолжала старая леди. — Но, как я вижу, он теперь занят, так уж я вам расскажу про это.

— Пожалуйста, — согласилась я, не видя никакой возможности ее остановить.

— Это насчет моего внука, — сказала она, сверля меня маленькими серыми глазками, блеском и размером похожими на детские мраморные шарики. — Моего внука Рэбби. У меня их шестнадцать, внуков-то, и троим дали имя Роберт. Один, значит, зовется Боб, другой Роб, а третий, самый младший, Рэбби.

— Поздравляю вас, — вежливо вставила я.

— Я хочу, чтобы его лэрдство взял паренька в конюхи, — продолжала она.

— Но я, право, не могу сказать...

— Это все его отец, понимаете. — Старушка доверительно наклонилась ко мне. — Я ведь не говорю, что не нужна твердая рука, я всегда твердила: пожалеешь розгу — испортишь ребенка. Сам Господь Бог знает, что мальчишек следует лупцевать, иначе даже Он не отвратит их от дьявола. Но ежели он швыряет мальчугана прямо на очаг, а синяк у него на лице с мою руку, и все из-за того, что он взял лишнюю лепешку с блюда, тогда уж...

— Вы хотите сказать, что отец Рэбби бьет его? — перебила я.

Старая леди кивнула, довольная моей сообразительностью.

— Ясное дело. О том я и толкую. — Она подняла руку. — Я бы, конечным делом, может, и не стала совать свой нос куда не след. Отцовское

право делать с сыном что захочет... только вот Рэбби — мой любимчик. И мальчик не виноват, что его отец — горький пьяница, хоть и стыдно его собственной матери говорить такое. — Как бы предостерегая от чего-то, она подняла вверх указательный палец. — Не то чтобы отец Рональда не позволял себе другой раз пропустить лишку. Но на меня и ребят он руку не поднимал — во всяком случае, после первой пробы. — Это она произнесла с некоторой долей раздумья.

И вдруг подмигнула мне, щечки округлились, как летние яблочки, и я подумала, что она была когда-то очень живой и привлекательной девушкой.

— Он меня ударил, — поведала она, — а я хватъ сковородку с ручкой прямо с огня и трахнула его по башке. — Она залилась смехом, раскачиваясь вперед и назад. — Ну, думаю, я его наверняка прикончила, положила его голову себе на колени, ах, думаю, да что же мне делать, как вдове прокормить двух ребятишек? Но он опомнился и больше никогда пальцем не тронул ни меня, ни детей. Я тринадцать родила, — с гордостью заявила она. — И десятирех вырастила.

— Поздравляю, — сказала я, на этот раз от души.

— Малиновый лист, — вернулась она к прежней теме, положив руку мне на колено для пущей убедительности. — Уж вы поверьте мне, малиновый лист должен помочь. А нет, так приходите ко мне, я вам сделаю настой из желтой маргаритки и тыквенного семени, да еще сырое яйцо туда надо вбить. После того, как выпьешь, семя твоего муженька прямиком попадет в утробу, и будете вы к Пасхе пухленькая, как тыковка.

Я покраснела и закашлялась.

— И вы хотите, чтобы Джейми, то есть его лэрдство взял вашего внука работать в конюшне и уберег от побоев отца?

— Вот-вот, оно самое. Рэбби-то, он усердный, хоть и мал еще, но его лэрдство не...

Лицо старой леди словно бы оледенело в разгар ее оживленной речи. Я глянула через плечо — и тоже застыла в оцепенении. Красные мундиры. Драгуны, целых шестеро, осторожно спускались верхом на лошадях вниз по холму к мельнице.

С восхитительным присутствием духа мистрисс Макнаб встала, расправила юбки и снова уселась — на брошенную на землю одежду Джейми, совершенно скрыв ее с глаз.

На пруду позади меня послышался громкий всплеск и неистовое фырканье — это Джейми вынырнул снова на поверхность. Я боялась крикнуть или шевельнуться из страха привлечь внимание драгун к пруду, но внезапное мертвое молчание позади меня дало мне знать, что Джейми

их увидел. Это молчание было нарушено всего одним словом, произнесенным негромко, но зато от всей души:

— Merde.^[9]

Старая леди и я сидели недвижимо, с каменными лицами наблюдая, как солдаты спускаются с холма. В последнюю минуту, когда они свернули на дорожку вокруг мельницы, мистрисс Макнаб осторожно повернулась ко мне и прижала палец к губам: я не должна произносить ни слова, иначе они догадаются, что я англичанка. У меня не хватило времени даже на то, чтобы кивнуть ей, — покрытые засохшей грязью копыта остановились в нескольких футах от нас.

— Доброе утро вам, леди, — поздоровался предводитель.

Он был в чине капрала, но, к моей радости, это оказался не капрал Хоукинс. К счастью, и ни одного из других я не встречала в Форт-Уильяме и с облегчением расслабила судорожную хватку на ручке корзины.

— Мы сверху заметили мельницу, — заговорил драгун, — и подумали, не удастся ли купить мешок муки.

Он поклонился промежутку между нами, видимо, не зная, кому именно предназначить поклон. Мистрисс Макнаб была строга, но любезна.

— Утро доброе, — ответила она. — Но ежели вы насчет муки, то боюсь, что разочаруетесь. Мельничное колесо как раз нынче не работает. Может, заглянете в другой раз?

— Вот как! А что с колесом?

Капрал, невысокий молодой человек крепкого сложения, видимо, заинтересовался неполадкой. Он спустился на самый берег, чтобы взглянуть на колесо. Мельник тем временем высунулся из окна сообщить о сдвигах в состоянии жернова (он это уже делал прежде), но, увидев драгун, немедленно скрылся.

Капрал подозвал одного из солдат. Взобравшись по склону, он велел солдату подставить спину и встал на него. Подтянулся, ухватился обеими руками за край соломенной крыши и кое-как влез на нее. Стоя на крыше, он едва мог дотянуться до края колеса, но все же дотянулся и попробовал сдвинуть его с места. Нагнулся и крикнул мельнику в окно, чтобы тот попытался повернуть жернов вручную.

Я старалась не смотреть на нижнюю часть шлюза. Я не была в достаточной степени знакома с тем, как работает водяная мельница, но боялась, что, если колесо неожиданно повернется, произойдет беда. Как я тут же убедилась, страх мой был не напрасен, потому что мистрисс Макнаб заговорила с одним из солдат:

— Вы бы сказали вашему начальнику, чтобы он спустился. Не то и

мельнице будет худо, да и ему самому тоже. Не стоит соваться в дело, коли в нем не разбираешься.

— Вам не о чем беспокоиться, миссус, — отвечал солдат. — У отца капрала Сильвера собственная мельница в Хэмпшире. То, чего капрал не знает о мельницах, уместится в моем башмаке.

Мистрисс Макнаб и я обменялись тревожными взглядами. Капрал же, покарабкавшись еще по крыше вверх и вниз, покачав и подергав колесо, спустился и подошел к нам. Он сильно вспотел и, прежде чем заговорить с нами, вытер лицо большим грубым платком.

— Я не могу сдвинуть его сверху, а этот дурак мельник, кажется, по-английски ни слова не понимает. — Он поглядел на все еще крепкую, но согнутую старостью фигуру мистрисс Макнаб, потом на меня и предложил: — Может, молодая женщина пойдет со мной и поможет поговорить с мельником?

Мистрисс Макнаб вытянула руку и ухватила меня за рукав.

— Вы уж простите мою невестку, сэр. У нее с мозгами неладно. Как родила мертвенького ребеночка, так и повредилась в уме, уже целый год не разговаривает, ни единого словца не промолвила. А я не могу отойти от нее даже на минуточку, потому как боимся мы, как бы она не утопилась с горя.

Я постаралась выглядеть полной идиоткой, что в моем состоянии оказалось не так уж сложно.

Капрал явно огорчился. Спустился снова к берегу и постоял там, хмуро глядя на воду. Вид у него был примерно такой же, как у Джейми час назад. И причина для этого сходная.

— Ничего не поделаешь, Коллинз, — обратился он к кавалеристу постарше. — Придется нырнуть и разобраться, что там его держит.

Он сбросил красный мундир и принялся расстегивать обшлага рубашки. Я теперь уже с ужасом глянула на мистрисс Макнаб, она ответила мне тем же. Под мельницей еще можно было дышать, но спрятаться там, конечно, негде.

Я обдумывала, хоть и не слишком оптимистично, возможность изобразить внезапный эпилептический припадок, но тут огромное колесо закрипело, большая его арка сделала полоборота вниз с таким звуком, какой издает подрубленное дерево, замерла на секунду, а потом колесо начало вращаться, и веселые струи воды полетели с черпаков на шлюз.

Капрал перестал разоблачаться и в восторге смотрел на колесо.

— Полюбуйся, Коллинз! Но что же там все-таки мешало?

Как бы в ответ на его вопрос нечто поднялось на верхушку колеса. Мокрая красная тряпка болталась, зацепившись за черпак. Черпак отбросил

пенистую струю на шлюз, тряпка сорвалась, и древние подштанники отца Джейми торжественно поплыли по водам мельничного пруда.

Немолодой кавалерист выудил их палкой из воды и почтительно поднес командиру, который снял их с палки с таким видом, словно вынужден был взять в руки дохлую рыбу.

— Гм, — произнес он, критически разглядывая подштанники. — Просто непонятно, откуда это туда попало. Наверно, накрутилось на ось. Чудно, что такая малость может привести к серьезным последствиям, а, Коллинз?

— Да, сэр. — Кавалериста явно не занимали подробности работы шотландской мельницы, но отвечал он вежливо и почтительно.

Повертев тряпку, капрал пожал плечами и принялся вытирать ею перепачканные руки.

— Порядочный лоскут фланели, — сказал он, выжимая промокшие насквозь подштанники. — Пригодится бляшки начищать. Нечто вроде сувенира, а, Коллинз?

Вежливо поклонившись мистрисс Макнаб и мне, он направился к своему коню.

Едва драгуны скрылись за холмом, плеск воды в пруду возвестил о восстании из глубин поселившегося там водяного.

Он был совершенно бледный, даже голубоватый, словно каррарский мрамор; зубы выбивали такую дробь, что я не разобрала его первых слов, произнесенных, впрочем, по-гэльски. Но для мистрисс Макнаб это не представило затруднения, и у почтенной дамы отвисла челюсть. Спohватившись, она тут же закрыла рот и низко присела перед явившимся перед ней лэрдом. Увидав ее, лэрд прекратил продвижение к берегу, вода скромно покрывала его бедра. Он глубоко вздохнул, стиснул зубы, чтобы они не стучали, и сбросил с плеча налипшую ряску.

— Мистрисс Макнаб, — произнес он, кланяясь своей пожилой арендаторше.

— Сэр, — отозвалась она и присела еще раз. — Какой прекрасный день, не правда ли?

— Немного прохладный, — ответил он и бросил взгляд на меня, но я могла только беспомощно пожать плечами.

— Мы рады, что вы вернулись домой, сэр, и мы надеемся, и я сама, и сыновья, что скоро вы вернетесь навсегда.

— Я тоже на это надеюсь, мистрисс Макнаб, — любезно проговорил Джейми и снова посмотрел на меня, а я слабо улыбнулась.

Старая леди, не обращая внимания на наш перегляд, положила на

колени изуродованные ревматизмом руки и с достоинством выпрямилась.

— У меня есть маленькая просьба к вашему лэрдству, — начала она. — Не возьмете ли...

— Бабушка Макнаб, — перебил ее Джейми, сделав полшага вперед, — я сделаю для вас все, что хотите, только отдайте мне рубашку, пока я не распался на части от холода.

Глава 29 БОЛЬШЕ ЧЕСТНОСТИ

По вечерам, после ужина, мы обычно сидели в гостиной с Дженни и Айеном, разговаривали о том о сем или слушали рассказы Дженни. Однако нынешним вечером настал и мой черед: я увлекла Дженни и Айена повествованием о мистрисс Макнаб и красных мундирах.

— Сам Господь Бог знает, что мальчишек следует лупцевать, иначе даже Он не отвратит их от дьявола, — повторила я слова бабушки Макнаб, стараясь передать и ее интонацию, и от хохота едва дом не рухнул.

Дженни вытерла выступившие от смеха слезы.

— Господи, как похоже! Она-то это знает не хуже Бога. Сколько у нее сыновей, Айен? Восемь?

— Да, так оно и есть, — подтвердил Айен. — Я даже не помню, как их всех зовут. Когда мы с Джейми были помоложе, с нами вместе на охоту, на рыбалку или просто купаться непременно увязывалась парочка Макнабов.

— Вы росли вместе? — спросила я.

Джейми и Айен обменялись улыбками соучастников.

— Да уж, мы были очень близко знакомы, — смеясь, сказал Джейми. — Отец Айена был управляющим Лаллиброхом, вот как теперь сам Айен. Во времена моей безрассудной юности мне частенько приходилось стоять бок о бок с мистером Мурреем и объяснять одному или другому из наших уважаемых батюшек, насколько обманчив внешний вид явлений, а также как и почему мы впали в заблуждение.

— Успеха это не имело, — подхватил Айен. — Мне пришлось принимать участие во всех подобных событиях и, пригнувшись у забора, слушать, как Джейми вопит во все горло под рукой мистера Фрэзера, и дожидаться своей очереди.

— Никогда! — с негодованием воскликнул Джейми. — Я никогда не вопил.

— Ты можешь называть это как тебе угодно, Джейми, — возразил его друг, — но громко было ужасно.

— Вас обоих было слышно за несколько миль, — вмешалась Дженни. — И не только вопли. Джейми все время спорил, даже вися на перекладине забора.

— Да, тебе бы стоило пойти в юристы, Джейми. Я просто не понимаю, почему я позволял именно тебе давать объяснения. — Айен сокрушенно

покачал головой. — Из-за тебя нам всегда попадало куда больше, чем дело того стоило.

— Ты имеешь в виду башню? — снова рассмеялся Джейми.

— Вот именно. — Айен повернулся ко мне, жестом указав на запад, где на холме за домом высилась старинная башня. — Это был один из лучших споров, затеянных Джейми, — закатив глаза, сказал он. — Он заявил Брайану, что некультурно применять физическую силу для доказательства своей правоты. Телесное наказание — это варварство, так он говорил, оно давным-давно устарело. Пороть кого-либо за то, что он совершил поступок, с последствиями которого ты не согласен, это бессмысленная и бесполезная форма наказания.

На этот раз мы все расхохотались. — Брайан принял такую аргументацию? — спросила я.

— О да, — ответил Айен. — Я стоял рядом и кивал каждый раз, когда Джейми умолкал, чтобы перевести дух. Когда Джейми окончательно выговорился, Брайан вроде бы закашлялся и говорит: «Понимаю». Потом выглянул в окно, постоял так, помахивая ремнем и качая головой, словно что-то обдумывал. А мы с Джейми тоже стояли и ждали, как он выразился, бок о бок. Ждали и потели. Наконец Брайан повернулся к нам и велел идти за ним в конюшню.

— В конюшне он дал каждому из нас по метле, по щетке и по ведру и отправил нас к башне, — перехватил Джейми нить рассказа. — Сказал, что я его убедил, и поэтому он выбирает более «полезную» форму наказания.

Айен медленно-медленно поднял глаза вверх, как бы разглядывая ряд за рядом грубые камни, из которых сложена башня.

— Высота этой башни шестьдесят футов, — объяснил он мне, — а диаметр тридцать футов, и в ней три этажа. — Он тяжело вздохнул. — Мы подмели башню, все три этажа, сверху донизу, а потом выскоблили ее снизу доверху. На это ушло пять дней, и я, если закашляюсь, до сих пор чувствую во рту вкус гнилой овсяной соломы.

— Ты попытался убить меня на третий день, — вставил Джейми, — за то, что я втравил нас обоих в это дело. — Он осторожно потрогал голову. — У меня остался здоровый шрам в том месте, куда ты меня двинул ручкой метлы.

— Вот именно, — вальяжно согласился Айен, — я это сделал после того, как ты второй раз расквасил мне нос, так что мы квиты.

— Что касается возврата долгов, на Муррея можно положиться, — отпарировал Джейми.

— Погодите-ка, — начала я, загибая палец за пальцем, — по-вашему

выходит, что Фрэзеры упрямы, Кэмпбеллы трусливы, Макензи любезны, но коварны, а Грэхемы глупы. Какую же славу снискали Муррей?

— На них можно положиться в бою, — хором ответили Джейми и Айен и засмеялись.

— Положиться можете, — внес поправку Джейми, — если рассчитываете, что они на вашей стороне.

Дженни поглядела на мужа и брата с укором и покачала головой.

— А мы даже не выпили вина до сих пор, — сказала она, отложила шитье и с трудом встала на ноги. — Клэр, пошли со мной, узнаем, приготовила ли мистрисс Крук какое-нибудь печенье к вину.

Спустившись через четверть часа в холл с подносами, я услышала, как Айен сказал:

— Так ты не против, Джейми?

— Не против чего?

— Что мы женились без твоего согласия, я имею в виду нас с Дженни.

Дженни, которая шла впереди меня, внезапно остановилась возле двери в гостиную.

С широкого кресла на двоих, в котором удобно развалился Джейми, подложив под ноги подушечку, донеслось короткое фырканье.

— Я же не сообщил вам, где нахожусь, и вы не знали, когда я вернусь и вернусь ли вообще... Как же я могу обвинять вас за то, что вы меня не подождали?

Айен был мне виден в профиль, он склонился над корзинкой для дров. Длинное добродушное лицо казалось немного хмурым.

— Я не считаю это правильным, тем более что я калека...

Новое фырканье, уже более громкое.

— Дженни не могла бы найти лучшего мужа, даже если бы ты потерял обе ноги и руки в придачу, — пробурчал Джейми.

Бледное лицо Айена слегка порозовело от смущения. Джейми кашлянул, спустил ноги с кресла и наклонился поднять выпавшую из корзинки щепку для растопки.

— Как ты вообще решился жениться с этими твоими сомнениями?

— Господи, дружище! — воскликнул Айен. — Ты воображаешь, что у меня был выбор, как поступить? Имея дело с членом семьи Фрэзеров? — Он с улыбкой тряхнул головой. — Она как-то подошла ко мне в поле, когда я чинил телегу, у которой сорвалось колесо. Вылез я из-под телеги, весь в грязи, и вижу: она стоит ну прямо как куст, усыпанный бабочками. Оглядела меня с ног до головы и говорит... — Айен вдруг умолк и поскреб

ногтями голову. — Ну, я даже не помню, что именно она сказала, но кончилось тем, что она меня поцеловала, прямо такого вот чумазого, и говорит: «Отлично, значит, мы поженимся в День Святого Мартина...» — Он с комической беспомощностью развел руками. — Я все пытался объяснить, что мы не должны так поступать, пока не обнаружил, что стою перед священником и даю обет: «Я беру тебя, Дженет...» — ну и так далее, все что положено, какие-то невероятные обещания.

Джейми со смехом откинулся на спинку кресла.

— Мне это знакомо, — сказал он. — Чувствуешь себя так, словно провалился в пустоту.

Айен улыбался теперь уже без всякого смущения.

— Дело сделано, и конец. И знаешь, даже теперь, как увижу Дженни, когда она стоит на холме, освещенная солнцем, или просто держит на руках маленького Джейми и не глядит на меня, тут же и подумаю: «Господи, да не может быть, что она: моя...» — Он помотал головой, и каштановые волосы упали ему на лоб. — А потом она повернется да улыбнется мне... Ну, ты сам понимаешь. У тебя с Клэр, по-моему, то же самое. Она ведь... какая-то особенная, верно?

Джейми кивнул. Улыбка оставалась у него на лице, но была уже другая.

— Да, — ответил он тихо. — Да, она такая.

После портвейна и бисквитов Джейми и Айен продолжали вспоминать свое общее детство и своих отцов, Уильям, отец Айена, умер прошлой весной, оставив Айену в наследство управление имением.

— А ты помнишь, как твой отец взял нас в кузницу, чтобы мы посмотрели, как закреплять тележную ось?

— Ага, и он никак не мог понять, чего это мы все вертимся и ерзаем...

— И спросил, не надо ли тебе в уборную...

Оба они так хохотали, что я, не дождавшись от них окончания истории, вопросительно посмотрела на Дженни.

— Жабы, — коротко пояснила она. — У обоих под рубашкой сидело по пять или по шесть штук.

— О Господи! — простонал Айен. — Когда одна выбралась у тебя из-под рубашки и прыгнула прямо в горн, я думал, что умру.

— Я представить себе не могу, как это мой отец в конце концов не сломал мне шею, — заявил Джейми. — Диво дивное, что я все-таки вырос.

Айен вдумчиво поглядел на своего собственного отпрыска, который весьма сосредоточенно занимался тем, чтобы установить одно полено на верхушке другого.

— Я просто не знаю, как мне быть, когда настанет время задать трепку моему сыну. Мне кажется, он... такой малыш. — Он с выражением полной беспомощности показал на пухленькую маленькую фигурку у очага.

Джейми окинул своего тезку вполне трезвым взглядом.

— Ну, он в свое время станет таким же дьяволенком, какими были мы с тобой. В конце-то концов, я когда-то был таким вот маленьким и невинным.

— Был, — неожиданно вставила свое слово Дженни, передавая мужу кружку сидра. Она погладила брата по голове. — Ты был удивительно милым ребенком, Джейми. Я помню, мы как-то стояли возле твоей кровати, а ты спал, засунув в рот большой палец. И мы решили, что не видели более красивого ребенка. Щечки кругленькие, пухлые, и чудесные золотые кудри.

Красивый ребенок даже порозовел от удовольствия и осушил свою кружку сидра за один прием, избегая смотреть в мою сторону.

— Однако это время быстро миновало, — продолжала Дженни, и ее белые зубки сверкнули в насмешливой улыбке. — Сколько лет тебе было, Джейми, когда ты заработал первую порку? Семь?

— Нет, восемь, — ответил Джейми, подбрасывая новое полено в очаг. — Ох и больно же мне было! Двенадцать раз он мне врезал по заднице, и удары не ослабевали до самого конца. Они у него никогда не ослабевали.

Джейми опустил на корточки и потер нос костяшками пальцев. Щеки у него разругались, и глаза горели от возбуждения.

— Когда все было кончено, отец отошел и присел на камень, дожидаясь, пока я очухаюсь. Я перестал завывать, только хлюпал носом, тут он подозвал меня к себе. Я и сейчас помню, что он мне сказал. Может, ты скажешь то, же самое твоему Джейми, Айен, когда придет время. Так, значит... — Джейми прикрыл глаза, чтобы лучше вспомнить. — Он поставил меня между колен, велел смотреть ему в лицо и сказал: «Это первый раз, Джейми. Я вынужден буду это повторять, может, сотню раз, пока ты вырастешь и станешь мужчиной». Потом засмеялся и говорит: «Во всяком случае, моему отцу приходилось повторять это часто, а ты такой же упрямый и пустоголовый, каким я был когда-то. И еще имей в виду, что иногда я буду наказывать тебя охотно — в зависимости от проступка. Но большей частью без всякой охоты, и тем не менее делать это придется. Помни это, парень. Коли голова задумает дурное дело, ответит зад». Обнял меня и сказал: «Ты храбрец у нас. Иди в дом, пусть мама тебя утешит». Я открыл было рот, чтобы ответить, но он не дал: «Я знаю, что тебе утешение

не нужно, зато нужно ей. Иди». Я пошел, и мама дала мне хлеба с вареньем.

Дженни вдруг начала смеяться.

— Я только что вспомнила, — заговорила она. — Па нередко рассказывал эту историю о тебе, Джейми, как он тебя выпорол и что потом тебе говорил. Но он еще добавлял, что, когда он отослал тебя домой, ты прошел полдороги, а потом остановился и подождал его. Когда он тебя догнал, ты спросил: «Отец, а в этот раз ты бил меня охотно?» Он ответил, что нет, и ты кивнул и говоришь: «Хорошо, не то мне было бы еще хуже».

Мы все посмеялись, а Дженни посмотрела на брата и покачала головой:

— Да, он любил рассказывать эту историю. И еще всегда повторял, что умрет из-за тебя, Джейми.

Веселость Джейми как рукой сняло, он опустил глаза и сказал тихо:

— Так оно и вышло, разве нет?

Дженни и Айен переглянулись, а я опустила глаза тоже, не зная, что сказать. Некоторое время в гостиной было очень тихо, только потрескивали поленья в очаге. Потом Дженни еще раз взглянула на мужа, поставила свой стакан и тронула Джейми за колено.

— Джейми, это не твоя вина, — проговорила она. Он поднял взгляд на нее и улыбнулся — слабой улыбкой.

— Не моя? Тогда чья же?

— Моя, — ответила она, тяжело вздохнув.

— Что? — Он уставился на нее в изумлении. Дженни была бледнее обычного, но вполне владела собой.

— Я говорю, что это моя вина, Джейми, в той же мере, как чья-либо еще. За то, что случилось с тобой, Джейми. И с отцом.

Он накрыл ее руку своей и нежно погладил.

— Не говори так, милая, — сказал он. — Ты сделала то, что сделала, чтобы спасти меня. Ты права, Рэндолл, наверное, убил бы меня на месте, если бы ты не пошла с ним.

Она пристально глядела брату в лицо, на округлом лбу проступила резкая черта тревожного раздумья.

— Нет, я не раскаиваюсь в том, что увела Рэндолла в дом... даже если бы он... Дело не в этом. — Она снова сделала глубокий вдох, как бы укрепляя свою решимость. — Когда мы вошли в дом, я привела его в свою комнату. Я... Я не знала, чего мне следует ожидать... ведь я никогда еще не была с мужчиной. Он казался каким-то беспокойным и весь покраснел, как будто был неуверен в себе. Я подумала, что это очень странно. Он толкнул

меня на кровать, а сам стоял и все тер то место, в которое я ударила его коленом. Тогда я подумала, что, может, нанесла ему увечье, хотя, по правде сказать, ударила его не слишком сильно. — Краски вернулись на ее лицо, она украдкой бросила взгляд на Айена и снова опустила глаза. — Теперь я понимаю, что он таким способом старался подготовить себя. Я не хотела, чтобы он заметил, как я напугана, поэтому я села на постели и стала смотреть на него. Это его разозлило, и он велел мне отвернуться, но я не послушалась и все смотрела на него. — Лицо у Дженни заалело, словно розы, что росли возле дома. — Он... расстегнулся, а я... я засмеялась над ним.

— Что ты сделала? — недоверчиво спросил Джейми.

— Засмеялась. Я хочу сказать... — Она посмотрела на брата с вызовом. — Я ведь хорошо знала, как все устроено у мужчин. Достаточно часто видела голым и тебя, и Уилли, и даже Айена. Но он... — Дженни не без труда подавила невольную усмешку. — Он выглядел таким смешным, лицо все красное, трет себя и трет, но даже и наполовину не...

Айен издал некий придушенный звук, и она прикусила губу, но храбро продолжила свой рассказ:

— Ему не понравилось, что я смеюсь, я это видела и стала смеяться еще сильнее. Тогда он кинулся на меня и разорвал на мне платье до пояса. Я дала ему пощечину, а он ударил меня в подбородок, да так, что у меня искры из глаз посыпались. Он даже застонал, как будто ему это было сладко, и влез на кровать. У меня хватило ума снова засмеяться. Я отбивалась коленками и насмехалась над ним. Я ему сказала, что он не настоящий мужчина, что он не может справиться с женщиной. Я... — Она еще ниже склонила голову, и темные кудри упали на пылающие щеки. Она продолжала очень тихо, почти шепотом: — Я... сбросила с плеч остатки платья, и я... дразнила его своей обнаженной грудью. И говорила, что знаю, он меня боится, потому что не имел дела с женщинами, а только с животными или молодыми мальчиками...

— Дженни, — только и смог выговорить Джейми, тряся головой.

— Да, я вела себя так. — Дженни подняла голову и посмотрела прямо на брата. — Я видела, что он потерял всякое соображение, но он все равно ничего не мог. Я снова стала смеяться, и тогда он схватил меня руками за горло и начал душить, а я ударила головой о кроватный столбик... и когда очнулась, он уже ушел, и тебя тоже не было. — Она схватила Джейми за руки, ее милые синие глаза были полны слез. — Джейми, ты простишь меня? Я понимаю, что, если бы я не вывела его из себя, он не обращался бы с тобой так ужасно, и тогда отец...

— О Дженни, родная, сердце мое, не надо! — Джейми опустился возле нее на колени, спрятал ее лицо у себя на плече.

Айен замер, словно обратившись в камень. Джейми ласково успокаивал горестно всхлипывающую сестру, гладил ее по спине.

— Перестань, маленькая моя голубка. Ты поступила правильно, Дженни. Это не твоя вина и, наверное, даже не моя. Выслушай, сердце мое. Он явился сюда, чтобы причинить зло, явился по приказу. Не имело значения, кого он найдет здесь, не важно было, как поведем себя ты или я. Он должен был содействовать злу, восстановить всю округу против англичан, ради своих целей и целей человека, который ему платит.

Дженни перестала плакать и выпрямилась, удивленно глядя на него.

— Восстановить народ против англичан? Но зачем? Джейми нетерпеливо махнул рукой.

— Чтобы обнаружить людей, которые готовы поддержать принца Чарли, если начнется новое восстание. Но я не знаю, на чьей стороне хозяин Рэндолла: то ли он хочет выследить сторонников принца, чтобы конфисковать их имущество, то ли он, то есть хозяин Рэндолла, сам на стороне принца и хочет, чтобы шотландцы были готовы к войне, когда придет час. Не знаю, но сейчас это не так уж важно. Самое важное, чтобы ты не тревожилась, важно, что я дома. И обещаю тебе, что скоро вернусь насовсем.

Она поднесла его руку к губам и поцеловала, лицо у нее светилось радостью. Достала платок, вытерла нос и только после этого поглядела на Айена, застывшего, с негодующим взглядом.

Дотронувшись до его плеча, она проговорила:

— Ты считаешь, что я должна была рассказать тебе? Он не пошевелился, только скосил на нее глаза.

— Да, — тихо произнес он, — считаю.

Она положила платок на колени и расправила его обеими руками.

— Айен, муж мой, я не рассказывала тебе потому, что боялась потерять и тебя тоже. Исчез мой брат, умер отец. Я не могла утратить и кровь моего сердца. Ты мне дороже и дома и семьи, любимый мой. — Она на мгновение обернулась к Джейми, коротко улыбнувшись. — А это о чем-то говорит.

Она посмотрела с мольбой в глаза Айену; я увидела, как у него на лице раненая гордость борется с любовью. Джейми встал и тронул меня за плечо. Мы тихонько вышли из комнаты, оставив их двоих у затухающего огня.

Ночь была ясная, и лунный свет потоками вливался в комнату сквозь высокие окна. Я никак не могла уснуть и думала, что свет мешает уснуть и Джейми; он лежал тихо, но по его дыханию было ясно, что он бодрствует. Он повернулся на спину, и я услышала, как он хихикнул.

— Что тебя насмешило? — спросила я. Джейми повернул голову ко мне.

— Ох, я разбудил тебя, Саксоночка. Прости. Мне просто вспомнилось кое-что.

— Я не спала.

Я стала подбираться поближе к нему. Кровать была явно изготовлена в те времена, когда вся семья спала вместе на одном матрасе; гигантская перина вместила в свои недра перья сотен гусей, и перебираться по ней с места на место было все равно что путешествовать в Альпах без компаса. Благополучно добравшись до Джейми, я спросила:

— О чем же ты вспоминал?

— Главным образом об отце. О том, что он говорил мне. — Он закинул руки за голову, задумчиво глядя на толстые балки, пересекающие низкий потолок. — Как это странно, — продолжал он, — пока отец был жив, я не слишком-то много внимания уделял ему. Но с тех пор, как его не стало, то, что он, бывало, говорил мне, оказывает на меня все более сильное влияние. — Он снова тихонько рассмеялся. — А думал я о том, как он выпорол меня в последний раз.

— Это так смешно? — сказала я. — Джейми, тебе кто-нибудь говорил о том, что у тебя совершенно особое чувство юмора?

Я попыталась нашарить под одеялами его руку, но отказалась от этой затеи. Джейми начал поглаживать меня по спине, я прижалась к нему потеснее и прямо-таки замурлыкала от удовольствия.

— Твой дядя бил тебя, когда следовало? — с любопытством спросил Джейми.

— Господи, конечно же, нет! Одна только мысль об этом привела бы его в ужас. Дядя Лэм не верил в пользу телесного наказания для детей, он считал, что их можно убедить словами, так же, как и взрослых.

Джейми издал горлом типично шотландский звук — в знак того, что подобная мысль ему смешна.

— Это, без сомнения, объясняет недостатки твоего характера, — высказался он и шлепнул меня пониже спины. — В твои детские годы тебе явно не хватало дисциплины.

— Какие же недостатки ты находишь в моем характере? — спросила я и при лунном свете достаточно ясно разглядела его ухмылку.

— Хочешь, чтобы я перечислил их все?

— Нет. — Я ткнула его локтем под ребро. — Расскажи мне о последней экзекуции. Сколько тебе было лет?

— Лет тринадцать, а может, четырнадцать. Тощий, длинный и в прыщах. Не могу припомнить, за что мне попало. В общем-то, мне чаще доставалось не за то, что я сделал, а за то, чего наговорил. Все, что я помню, это как мы оба кипели до бешенства. Тот самый случай, когда отец драл меня охотно, и с удовольствием.

Джейми притянул меня поближе и привлек к себе на плечо. Я погладила его плоский живот и пощекотала пупок.

— Перестань, щекотно. Ты хочешь слушать или нет?

— Конечно, хочу. А как мы поступим, если у нас будут дети, станем их убеждать или бить?

Сердце у меня дрогнуло, хотя пока что не было никаких признаков того, что этот вопрос когда-либо примет отнюдь не академический характер. Джейми накрыл мою руку своей, удерживая ее у себя на животе.

— Все очень просто. Ты будешь их убеждать, а когда не преуспеешь, я возьмусь за ремень.

— Я думала, ты любишь детей.

— Люблю. И мой отец любил меня, когда я не вел себя как идиот. И любил меня тогда, когда приходилось выбивать из меня дурь, если я вел себя по-идиотски.

Я перевернулась на живот.

— Ладно, расскажи мне о последней порке.

Джейми сел и взбил подушки, чтобы удобнее было лежать на спине; устроился и снова закинул руки за голову.

— Он отправил меня к забору, как это делал всегда, чтобы я, дожидаясь его, как следует почувствовал страх и раскаяние, но на этот раз он так рассвирепел, что сразу пошел за мной. Я перевесился через перекладину, а как он начал меня хлестать, стиснул зубы и решил, что не пикну — ни за что не покажу ему, как мне больно. Вцепился пальцами в забор так крепко, что остались следы от ногтей, лицо у меня — я это чувствовал — покраснело оттого, что я задерживал дыхание. — Он набрал полную грудь воздуха и медленно выдохнул его. — Обычно я знал, когда дело идет к концу, но на этот раз он не опустил руку и продолжал меня бить. Я больше не мог держать рот закрытым и начал стонать при каждом ударе, а слезы текли сами, как я ни мигал, чтобы их удержать.

Джейми лежал голый до пояса, почти светясь при луне, тонкие волосы серебрились, точно иней. У меня под рукой отчетливо бился пульс

возле грудной кости.

— Не знаю, сколько времени это тянулось, наверное, не очень долго, но мне показалось — чуть ли не вечность. Наконец он остановился и заорал на меня, вне себя от злости, а я сам был так зол, что вначале не понимал его и только потом стал разбирать слова. Он ревел: «Будь ты проклят, Джейми! Ты что, не можешь крикнуть? Ты уже большой, даю слово, больше не стану тебя пороть, но неужели нельзя завопить разок, прежде чем я перестану! Мне же надо знать, что я тебя пронял!» — Джейми рассмеялся, и ровное биение пульса нарушилось. — Я от этих его слов до того ошалел, что выпрямился, повернулся к нему и заорал: «Так почему же ты мне не сказал об этом с самого начала, старый дурак?! Ай-ай-ай! Ой-ой-ой!» В следующую секунду я очутился на земле, в ушах у меня звенело, а челюсть ныла в том месте, куда он мне въехал. А он стоял надо мной, задыхаясь, волосы на голове дыбом, борода торчком. Потом он потрогал мою челюсть и говорит, а сам еще дышит со свистом: «Это тебе за то, что назвал отца дураком. Может, оно и вправду так, но неуважительно. Вставай, пошли умываться перед ужином». Больше он меня ни разу не ударил. Только кричал на меня, но я отвечал тем же — как мужчина мужчине.

— Хотелось бы мне знать твоего отца, — сказала я. — Нет, наверное, лучше не надо. Ему бы не понравилось, что ты женился на англичанке.

Джейми крепко обнял меня и укрыл одеялом мои плечи.

— Он бы решил, что я наконец набрался ума, — сказал он и погладил меня по голове. — Он отнесся бы с уважением к моему выбору, на ком бы я ни женился, но ты... — Он повернул голову и нежно поцеловал меня в лоб. — Ты бы очень понравилась ему, моя Саксоночка.

Про себя я назвала это посвящением в рыцари.

Глава 30 КВАРТАЛЬНЫЙ ДЕНЬ

В дверь негромко постучали, и вошла Дженни, неся перекинутое через руку фалдистое голубое одеяние; в другой руке она держала шляпу. Окинув брата критическим взором, она удовлетворенно кивнула:

— Рубашка достаточно хороша. Я выпустила запас в твоём лучшем кафтане, ты здорово раздался в плечах с тех пор, как я тебя видела в последний раз, — Она наклонила голову набок и немного подумала. — Дел у тебя сегодня, что называется, по горло. Присядь-ка, я приведу в порядок твои волосы, — Она показала на стул у окна.

— Мои волосы? Что такое с моими волосами? — Джейми поднял руку и потрогал свою причёску.

Волосы у него отросли до плеч, и он обычно стягивал их на затылке и перевязывал кожаным ремешком, чтобы не лезли в лицо.

Поскольку времени на пустые разговоры не оставалось, сестра толчком усадила его на стул, сдернула ремешок и принялась энергично расчесывать его гриву черепаховым гребнем.

— Что с твоими волосами? — риторически переспросила она. — А вот что. Во-первых, в них полно сена. — С этими словами она извлекла из кудрей Джейми нечто высохшее и коричневое и бросила на туалетный стол. — И некоторое количество дубовых листьев. Где ты был вчера? Рыл землю под деревьями, как поросенок? А узлов-то, узлов! Больше, чем в клубке спутанной после стирки пряжи!

— Ой!

— Сиди тихо, Роу.

Сосредоточенно нахмурившись, она расчесывала спутанные волосы, и вскоре они превратились в отливающую каштановым, медным, золотым и светло-коричневым цветами массу, сияющую в лучах утреннего солнца, лучи которого проникали через окно.

— Не могу понять, с какой стати Господь Бог потратил такие волосы на мужчину, — заметила Дженни. — Они блестят, как шкура у оленя.

— Восхитительно, правда? — подхватила я. — Посмотри, на макушке у него такие красивые светлые пряди...

Объект нашего восхищения негодующе сверкнул очами.

— Если вы не перестанете, я обрею голову!

Он угрожающим жестом протянул руку к туалетному столу, на

котором лежала опасная бритва. Но сестра, несмотря на свой огромный живот, успела дотянуться и стукнуть его по запястью головной щеткой. Он завопил, потом завопил еще раз, когда она крепко ухватила его волосы в свой кулачок.

— Сиди смирно, — приказала она и начала разделять волосы на три толстые пряди. — Я тебе заплету настоящую косу. — В ее голосе прозвучало глубокое удовлетворение. — Нельзя допустить, чтобы ты вышел к своим арендаторам как дикарь.

Джейми подчинился, бормоча себе под нос какие-то бунтарские слова. Дженни, проворно перебирая пряди, заплела волосы в толстую косу, подвернув концы и аккуратно перевязав их ниткой. После этого она вытащила у себя из кармана шелковую голубую ленту и с торжествующим видом завязала ее бантом у основания косы.

— Ну вот! — сказала она. — Не правда ли, красиво? — обратилась она ко мне.

Я выразила полное согласие. Гладко причесанные волосы подчеркнули форму головы, сделалась более заметной прекрасная лепка лица. Чистенький и прибранный, в белоснежной полотняной рубашке и серых панталонах, Джейми являл собой весьма привлекательную фигуру.

— Особенно хороша лента, — сказала я. — Того же цвета, что и глаза.

Джейми уставился на сестру.

— Нет, — сказал он как отрезал. — Никаких лент. Здесь вам не Франция и даже не двор короля Джорди. Даже если это цвет плаща Святой Девы, все равно — никаких лент, Дженет!

— Ну ладно, ладно, упрямец. Давай сюда. — Она развязала ленту и отступила, чтобы полюбоваться плодами своих усилий. — С тобой все в порядке. — И тут она перевела свой пронизывающий взгляд на меня. — Гм, — произнесла она, задумчиво притопывая ножкой.

Приехала я в Лаллиброх в лохмотьях. Понадобилось срочно сшить мне по крайней мере два платья — одно из домотканой материи для повседневной носки, другое — шелковое для торжественных случаев вроде сегодняшнего. Более привыкшая зашивать раны, чем шить одежду, я помогала кроить и сметывать, но моделированием и шитьем занимались Дженни и мистрисс Крук.

Они великолепно справились с делом, и бледно-желтый шелк обтягивал мой торс, как перчатка; глубокие складки спускались по спине от плеч до талии, а там расходились, образуя пышные фалды на широкой юбке. С неохотой приняв мой категорический отказ носить корсет, Дженни и мистрисс Крук изобретательно укрепили мой корсаж китовым усом,

безжалостно выдранным из какого-то старого корсета.

Взгляд Дженни медленно поднимался по моей фигуре снизу вверх, к голове, на которой и остановился. Она со вздохом потянулась за головной щеткой.

— Ты тоже, — коротко повелела она.

Я села; лицо у меня горело, и я избегала смотреть на Дженни, пока она осторожно удаляла из моих кудрей обломки веточек и обрывки дубовых листьев, складывая их на туалетном столе рядом с теми, которые были извлечены из волос Джейми. Затем мои волосы были расчесаны и заколоты наверх, после чего Дженни вынула из кармана маленькую кружевную нашлепку.

— Ну вот, — сказала она, закрепляя кружево на самой верхней точке моей прически. — Теперь ты выглядишь вполне достойно, Клэр.

Я поняла, что это следует принимать как комплимент, и невразумительно пробормотала что-то в ответ.

— У тебя есть драгоценности? — спросила Дженни.

— Боюсь, что нет. У меня была только нитка жемчуга, которую Джейми подарил мне на свадьбу, но она...

Обстоятельства, при которых мы покидали Леох, далеко не способствовали тому, чтобы вспомнить о жемчуге. Но тут Джейми спохватился и с громким восклицанием начал рыться в своем спорране, лежащем на туалетном столе. С торжеством он извлек оттуда ту самую нитку жемчуга.

— Откуда она взялась? — спросила я, пораженная.

— Мурта привез сегодня утром, — ответил Джейми. — Он добрался до Леоха в день суда и забрал все, что мог увезти, — решил, что оно нам понадобится, если мы сумеем удрать. Он дожидался нас на дороге сюда, но ведь мы сначала поехали... на холм.

— А он еще здесь?

Джейми подошел ко мне сзади и застегнул ожерелье.

— Да. Сидит внизу в кухне, поедает все подряд и изводит мистрисс Крук.

Если не считать его песен, то я за все время знакомства слышала от маленького человека не более трех дюжин слов, и для меня понятие «изводить» было с ним совершенно несовместимо. Наверное, в Лаллиброхе он себя чувствует как дома.

— А кто он, Мурта? — спросила я. — Я имею в виду, приходится ли он вам родственником?

Дженни и Джейми удивились.

— Конечно, — ответила она и обратилась к брату: — Джейми, он ведь дядя папиного троюродного брата, верно?

— Племянник, — поправил ее тот. — Разве ты не помнишь? У старого Лио было два сына и...

Но тут я демонстративно заткнула уши. Этот жест о чем-то напомнил Дженни, и она всплеснула руками.

— Серьги! — воскликнула она. — Кажется, у меня как раз есть жемчужные, они отлично подойдут к ожерелью. Я мигом принесу!

И она исчезла со своей обычной быстротой.

— Почему сестра называет тебя Роем? — с любопытством спросила я у Джейми, глядя, как он завязывает перед зеркалом свой галстук с обычным при этой процедуре для всех мужчин выражением жестокой схватки со смертельным врагом; но он сумел разлепить губы и улыбнуться мне.

— Ах это! Оно не имеет ничего общего с английским именем Рой. Это такое гэльское прозвище, оно соответствует цвету моих волос. Полностью слово произносится «guadh» и значит «рыжий». — Он произнес слово четко и повторил несколько раз, но отличия я так и не уловила.

— Для меня оно звучит как гоу, — сказала я. Джейми взял спорран и принялся заталкивать в него предметы, которые вынул, отыскивая ожерелье. Обнаружив запутавшуюся леску, он опрокинул сумку над кроватью и высыпал все содержимое на одеяло. Он начал разбирать вещи, старательно сматывая леску и веревочки, выбирая рыболовные крючки и с силой втыкая их в кусок пробки, где им было место. Я подошла поближе и осмотрела кучу.

— Никогда в жизни не видела такого количества хлама, — заметила я. — Ты, Джейми, настоящая сорока-воровка.

— Это не хлам, — обиделся он. — Все эти вещи мне нужны.

— Понятно, что леска и рыболовные крючки нужны. И веревочки для силков. Разумеется, и пыжи и пули, поскольку пистолет у тебя всегда при себе. Понимаю, почему ты хранишь подаренную тебе Уилли змейку. Но камни? Раковина улитки? Кусок стекла? И вот это... — Я наклонилась, чтобы получше рассмотреть нечто темное, покрытое мехом. — Джейми, зачем ты носишь в спорране высушенную лапку крота?

— От ревматизма, само собой разумеется? — Он выхватил лапку у меня из-под носа и запрятал поглубже в сумку.

— Ах, ну конечно! — согласилась я, созерцая его не без интереса, отчего он заметно покраснел и смутился. — Это прекрасно помогает, можно считать, что ты нигде не скрипнешь.

Из оставшейся еще на одеяле кучки я извлекла маленькую Библию и

листала ее, пока Джейми упаковывал свои сокровища.

— «Александр Уильям Родерик Макгрегор», — прочитала я имя на титульном листе. — Ты говорил, что в долгу перед этим человеком, Джейми. Что ты имел в виду?

— Ах это. — Он сел на кровать рядом со мной, взял у меня маленькую книжку и бережно перевернул несколько страниц. — Я ведь говорил тебе, что она принадлежала узнику, который умер в Форт-Уильяме?

— Да.

— Сам я этого юношу не знал, он умер за месяц до того, как я туда попал. Но доктор, который мне ее дал, рассказывал мне о нем, пока занимался моей спиной. Я думаю, ему просто необходимо было кому-то рассказать об этом, но в гарнизоне он никому не мог довериться.

Джейми закрыл книгу, опустил ее себе на колени и принялся смотреть в окно на яркое ноябрьское солнце.

Оказалось, что Алекс Макгрегор был арестован по обычному обвинению в угоне скота. Красивый, спокойный юноша, Он должен был отсидеть положенный срок и освободиться без всяких осложнений. Однако за неделю до освобождения его нашли повесившимся в конюшне.

— Доктор говорил, что это, вне всякого сомнения, самоубийство. — Джейми ласково погладил кожаный переплет маленькой книжечки и провел большим пальцем по корешку. — Но при этом не сказал, что он сам по этому поводу думает. Сказал только, что капитан Рэндолл имел с юношей личный разговор за неделю до его смерти.

Я проглотила комок в горле, мне вдруг стало зябко, несмотря на солнечный свет.

— И ты думаешь...

— Нет. — Голос у Джейми был негромкий, но уверенный. — Я не думаю. Я точно знаю, и доктор тоже знал. И я полагаю, что знал также главный сержант, потому он и погиб.

Джейми расправил руки у себя на коленях и посмотрел на длинные суставы своих пальцев. Большие, сильные и умелые; руки земледельца и воина. Он взял маленькую Библию и уложил в спорран.

— Я тебе вот что скажу, mo dhinne. В один прекрасный день Джек Рэндолл примет смерть из моих рук. И когда он умрет, я пошлю эту книгу матери Алекса Макгрегора и напишу, что отомстил за ее сына.

Напряжение рассеялось при внезапном появлении Дженни, переодетшейся в голубое шелковое платье и нацепившей на голову кружевной платочек; в руках у нее была большая шкатулка из потертого сафьяна.

— Джейми, Курраны прибыли, а также Уилли Муррей и семейство Джеффри. Ты бы спустился и посидел с ними за вторым завтраком. Я подала свежие лепешки и соленую сельдь, а мистрисс Крук приготовила булочки с вареньем.

— Да-да. Клэр, спускайся и ты, как только будешь готова.

Джейми поспешно встал с места, задержался, чтобы наградить меня коротким, но крепким поцелуем, и испарился. Его вначале частые шаги по ступенькам постепенно замедлялись на втором марше лестницы и превратились в размеренную походку, достойную выхода лэрда, когда он вступил в нижний этаж.

Дженни улыбнулась ему вслед, потом обратилась ко мне. Поставила шкатулку на кровать, подняла крышку, и я увидела перемешанные в полном беспорядке драгоценности и безделушки, Меня это удивило — как-то очень уж непохоже на аккуратную, привыкшую к порядку Дженни Муррей, которая железной рукой вела совершенно безупречно все домашнее хозяйство с зари до зари. Она провела пальцем по сверкающей груди украшений и, словно прочитав мои мысли, подняла глаза и улыбнулась мне.

— Я все подумываю, не привести ли мне в порядок эти вещи. Но когда я была маленькая, мама иногда разрешала мне порыться в ее шкатулке, это было все равно что искать заколдованное сокровище — никак нельзя было заранее узнать, что вытащишь снизу. Мне и теперь кажется, что, если наведешь порядок, волшебство исчезнет. Глупо да?

— Нет, — ответила я, улыбаясь ей в свой черед. — Ничуть.

Мы начали медленно перебирать любимые украшения четырех поколений женщин.

— Вот это принадлежало моей бабушке Фрэзер, — сказала Дженни, вынимая из шкатулки серебряную брошь в форме покрытого резьбой полумесяца с маленьким бриллиантом, сверкающим на одном конце полумесяца, словно звездочка. — А вот это, — она достала тонкое золотое колечко, украшенное рубином в окружении бриллиантов, — мое венчальное кольцо. Айен истратил на него свое полугодовое жалованье, хотя я ему твердила, что это глупо.

Выражение ее лица полностью противоречило словам о глупости такого поступка. Она потерла колечко о лиф своего платья и восхищенно полюбовалась им еще раз, прежде чем положить обратно в шкатулку.

— Буду просто счастлива, когда наконец рожу, — сказала она, с нетерпеливой гримаской потирая живот. — По утрам у меня пальцы так отекают, что я с трудом шнурки завязываю, а кольца и подавно надеть не

могу.

В глубине шкатулки я заметила странный неметаллический отсвет и спросила у Дженни, что это.

— Ах это! — произнесла она и снова запустила руку в шкатулку. — Я их никогда не носила, они мне не идут. Но ты можешь их надевать — ты высокая и представительная, как моя мать. Они принадлежали ей.

«Они» оказались парой браслетов. Каждый сделан из замыкающегося почти в полный круг клыка дикого кабана; браслеты были отполированы и напоминали потемневшую слоновую кость, на острые концы были надеты серебряные наконечники с выгравированным на них цветочным узором.

— Боже, они просто великолепны! Никогда не видела ничего такого... восхитительно варварского!

Дженни сравнение понравилось.

— Да, они именно такие. Кто-то преподнес их матери в качестве свадебного подарка, но она никогда не говорила кто. Отец иногда поддразнивал ее неизвестным обожателем, но она и ему не открыла секрет, только улыбалась, как кошка, которая слизнула сливки. Попробуй надень.

Браслеты у меня на руке казались прохладными и тяжелыми. Я не могла удержаться — погладила темно-желтую поверхность, от времени покрывшуюся еле заметными трещинками.

— Они тебе идут, — заявила Дженни. — И очень подходят к желтому платью. А вот и серьги, надевай, и пойдем вниз.

Мурта восседал за кухонным столом, усердно поглощая ветчину при помощи своего кинжала. Проходя позади него с блюдом в руках, мистрисс Крук ловким движением сбросила ему на тарелку три свежие горячие лепешки, даже не замедлив шаг.

Дженни сновала туда-сюда, за всем приглядывая и всюду поспевая. Задержавшись ненадолго, она глянула через плечо Мурты на его быстро пустеющую тарелку.

— Ешь в свое полное удовольствие, — заметила она. — В свинарнике есть еще свинья.

— Жалеешь для родственника, а? — бросил в ответ Мурта, не переставая жевать.

— Я? — Дженни уперла руки в бока. — Господи, вот уж нет! Да ты и съел-то всего какие-нибудь четыре порции, не больше. Мистрисс Крук, — окликнула она удаляющуюся домоправительницу, — когда вы закончите слепешками, подайте этому голодающему миску овсянки, чтобы заполнить свободное место. Мы не хотим, чтобы он упал в обморок на пороге.

Когда Мурта увидел меня в дверях, он едва не подавился куском ветчины.

— Ммм-ф-м, — промычал он в виде приветствия после того, как Дженни в порядке скорой помощи похлопала его по спине.

— Я тоже рада видеть вас, — ответила я, усаживаясь напротив него. — И позвольте вас поблагодарить.

— Ммм-ф-м? — Вопрос был несколько заглушен половиной лепешки, смазанной медом.

— За то, что вы привезли мои вещи из замка.

— Мм-м. — Он отмахнулся от моей благодарности и потянулся к масленке. — Я привез и ваши травы и тому подобное, — сказал он, мотнув головой в сторону окна. — Там, во дворе, в седельной сумке.

— Вы привезли мой медицинский ящик? Это замечательно!

Я и в самом деле была ужасно рада. Некоторые лекарственные травы были редкими, найти и правильно приготовить их стоило немалого труда.

— Но как же вы сумели? — спросила я.

Придя в себя после ужасов суда над ведьмами, я часто думала о том, как отнеслись обитатели замка к моему неожиданному аресту и бегству.

— Надеюсь, у вас не было особых затруднений?

— Нет. — Он откусил еще один здоровенный кусок и в дальнейшие объяснения не пускался до тех пор, пока не прожевал его как следует и не проглотил. — Мистрисс Фиц уже собрала их и упаковала в ящик. К ней я первой пришел, потому как не знал, чего мне ожидать.

— Очень разумно. Я не могу себе представить, чтобы мистрисс Фиц завопила, увидев вас, — согласилась я.

От горячих лепешек поднимался легкий пар, пахли они восхитительно. Я потянулась за одной, на руке у меня звякнули браслеты из кабаньих клыков. Я заметила, что Мурта смотрит на них, и повернула так, чтобы стала видна гравировка на серебряных наконечниках.

— Правда, хороши? — спросила я. — Дженни говорит, они принадлежали ее матери.

Мурта опустил глаза на миску с овсянкой, которую мистрисс Крук бесцеремонно сунула ему под нос.

— Они вам идут, — буркнул он и, вернувшись к прежнему предмету разговора, сказал: — Нет, она не собиралась звать на помощь при моем появлении. Я был близко знаком с Гленной ФицДжиббонс с давних пор.

— Она ваша старая любовь? — поддразнила я, развеселившись при одной мысли о том, как выглядел бы Мурта в любовных объятиях необъятной мистрисс Фиц.

Мурта холодно взглянул на меня поверх миски с Овсянкой.

— Ничем таким она не была, и я был бы признателен, если бы вы, говоря о леди, употребляли вежливые выражения. Ее муж — брат моей матери. И должен вам сообщить, что она очень беспокоилась о вас.

Пристыженная, я опустила глаза и, чтобы скрыть смущение, потянулась за медом. Каменный кувшин поставили в горшок с горячей водой, чтобы мед сделался жидким, и кувшин был приятно теплым на ощупь.

— Простите, — сказала я, поливая лепешку медом и стараясь не капать на стол. — Мне очень любопытно, что она подумала, когда... когда. я...

— Сначала они не сообразили, что вас нет, — деловито пояснил маленький человек, не обратив внимания на мое извинение. — Когда вы не пришли к обеду, они решили, что вы задержались в поле, прошли прямо к себе и легли спать натошак. Ваша дверь была заперта. А на следующий день поднялась суматоха по случаю ареста мистрисс Дункан, и вас не хватились. О вас не упоминали, говорили только о мистрисс Дункан, и во время всей этой суеты никто и не подумал искать вас.

Я задумчиво кивнула. Никому я не была нужна до тех пор, пока не приходилось прибегать к медицинской помощи; во время отсутствия Джейми я большую часть времени проводила в библиотеке Колама.

— Ну а что Колам? — спросила я, более чем просто заинтересованная: мне хотелось узнать, вправду ли все это был его замысел, как считала Джейли.

Мурта пожал плечами. Он обшарил глазами стол в поисках съестного, но, как видно, не обнаружив ничего для себя привлекательного, удобно сложил руки на своем тощем животе.

— Когда до него дошли новости из деревни, он немедленно приказал запереть ворота и запретил кому бы то ни было из замка спускаться в деревню, чтобы не угодить в беду. — Мурта откинулся на спинку стула, испытующе взирая на меня. — Мистрисс Фиц на другой день решила поискать вас. Она говорила, что расспросила всех служанок, не видел ли вас кто-то из них. Ни одна не видела, но какая-то из девушек сказала, что, может, вы поехали в деревню и теперь нашли убежище в чьем-нибудь доме.

Одна из девушек, со злостью подумала я. Та самая, которая, черти бы ее взяли, отлично знала, где я нахожусь.

Мурта негромко рыгнул, ничуть этого не стесняясь.

— Я слышал, что мистрисс Фиц перевернула весь замок вверх дном, а

когда убедилась, что вас нет, заставила Колама отправить человека в деревню. Они узнали, что случилось, и тут... — Темное лицо Мурты осветила мгновенная вспышка радости. — Всего она мне не рассказывала, но я и сам понял, что она устроила Коламу куда более тяжкую жизнь, чем та, к которой он привык. Требовала, чтобы он послал людей освободить вас силой оружия, а он ей отвечал, что теперь, когда дело попало в руки церковного суда, что-либо предпринимать уже поздно, ну и так далее. Думаю, стоило поглядеть, как сшибаются двое таких, как они.

Как я поняла, ни один из спорщиков не одержал победу, но ни один и не уступил. Нед Гоуэн, со своим чисто юридическим даром добиваться компромиссов, нашел средний путь и предложил присутствовать в суде не как представитель лэрда, но как независимый адвокат.

— Она поверила, что я ведьма? — с любопытством спросила я.

Мурта хмыкнул.

— Я еще не встречал женщину, ни старую, ни молодую, которая верила бы в существование ведьм. Это мужчины считают, что женщины могут колдовать да привораживать, а на самом деле все происходит, как свойственно природе человеческой.

— Начинаю понимать, почему вы не женились.

— Вот как? — Он внезапно отодвинул стул, встал и набросил на плечи плед. — Я уезжаю. Передайте лэрду мое почтение, — обратился он к Дженни, которая как раз появилась из переднего холла, где встречала арендаторов. — Я не сомневаюсь, что он очень занят сейчас.

Дженни вручила ему порядочный мешок, завязанный узлом у горловины и, очевидно, наполненной провизией примерно на неделю.

— Немножко подзакусите по дороге домой, — сказала она, и на щеке у нее заиграла ямочка. — Может, хватит до того времени, как наш дом скроется из глаз.

Мурта заткнул узел мешка за поясной ремень, кивнул и повернулся к двери.

— Да, — согласился он, — а если не хватит, вы увидите, как вороны слетятся на мой труп, и придете собрать мои косточки.

— Невелика пожива для воронов, — ответила Дженни, глядя на его тощую статью. — На рукоятке метлы и то, пожалуй, больше плоти.

Суровое лицо Мурты осталось неподвижным, но глаза сверкнули быстрым огоньком.

— Да неужели? — сказал он. — На это я вам, милая, вот что...

Они вышли в холл, и слов уже нельзя было разобрать, но дружеская перепалка, судя по звуку голосов, продолжалась и там.

Я еще некоторое время посидела за столом, медленно поглаживая браслеты Элен Макензи. Где-то далеко хлопнула дверь, я вздрогнула и поднялась, чтобы пойти и занять место леди Лаллиброх.

Помещичий дом, и в обычные-то дни весьма оживленный, в квартальный день просто бурлил. Арендаторы, сменяя один другого, приходили непрерывно. Многие задержались лишь настолько, чтобы уплатить ренту, другие же проводили в имении по многу часов, гуляли, навещали знакомых и подкреплялись в гостиной. Дженни, такая цветущая в голубом шелковом платье, и мистрисс Крук, упакованная в накрахмаленное белое полотно, сновали между кухней и гостиной, присматривая за двумя служанками, которые приносили огромные блюда с, овсяными лепешками, фруктовыми пирожными, рассыпчатым печеньем и прочими вкусностями.

Джейми, представив меня по всем правилам этикета собравшимся в столовой и гостиной арендаторам, удалился вместе с Айеном в свой кабинет, чтобы принимать арендаторов по одному, обсуждать вместе с ними нужды весенних работ, советоваться по поводу продажи шерсти и зерна, записывать доходы имения и приводить все в порядок к следующей четверти года.

Я с бодрым видом не спеша передвигалась по дому, беседуя с арендаторами, предлагая закуски, когда это было нужно, а порой просто отступая на задний план, чтобы понаблюдать за приходящими и уходящими.

Памятуя обещание, данное Джейми старой женщине возле мельничного пруда, я с некоторым любопытством ожидала появления Рональда Макнаба.

Он прибыл вскоре после полудня верхом на голенастом нескладном муле; позади него сидел, держась за пояс отца, маленький мальчик. Я украдкой глядела на них из-за двери, удивляясь тому, насколько точным было описание матери.

Я решила, что если определение «горький пьяница» в известной мере преувеличено, то общее восприятие бабушки Макнаб было проницательным. Волосы у Рональда Макнаба, длинные и сальные, были перевязаны кое-как бечевкой, а воротник и манжеты казались серыми от грязи. Годом или даже двумя моложе Джейми, он выглядел лет на пятнадцать старше; лицо одутловатое, отечное, маленькие серые глазки смотрели тупо и налились кровью.

Ребенок, тоже грязный и неряшливо одетый, к тому же — и это было самое скверное — держась позади отца, не смел поднять глаз и вздрагивал

каждый раз, как отец грубо и резко заговаривал с ним. Джейми, который как раз вышел из кабинета и стоял в дверях, тоже заметил это, и я увидела, как он обменялся быстрым взглядом с Дженни — она в это время принесла по его просьбе новый полный графин.

Дженни незаметно кивнула и вручила брату графин. Потом крепко взяла мальчугана за руку и повела его в кухню, приговаривая:

— Пойдем со мной, паренек. Кажется, нас с тобой там дожидаются сдобные оладушки. А что ты скажешь насчет кусочка фруктового кекса?

Джейми сухо кивнул Рональду Макнабу и посторонился, пропуская его в кабинет. Закрывая дверь, он перехватил мой взгляд и повел глазами в сторону кухни. Я наклонила голову в знак того, что поняла, и направилась к кухне вслед за Дженни и Рэбби.

Я нашла их занятыми приятной беседой с мистрисс Крук, которая переливала пунш из большого котла в хрустальную чашу. Она плеснула немного в деревянную чашку и пододвинула мальчику; тот сначала отстранялся, глядя на мистрисс Крук недоверчиво, но потом все же принял угощение. Дженни, накладывавшая еду на блюда, непринужденно разговаривала с мальчиком, получая в ответ нечленораздельные междометия. Однако немного погодя маленькое полудикое создание вроде бы слегка освоилось.

— Рубашка у тебя немного запачкалась, — сказала Дженни, поворачивая в руках воротник этого одеяния. — Сними, тебе ее выстирают, пока ты здесь.

«Немного запачкалась» было сказано с чрезвычайным преуменьшением реального положения вещей; мальчик отшатнулся. Я стояла позади него и по знаку Дженни схватила его за руки, чтобы он не удрал.

Он брыкался и завывал, но Дженни и мистрисс Крук включились в борьбу, и мы втроем стащили с него рубаху.

Дженни громко ахнула. Она держала под мышкой голову мальчугана, и вся его тощая спина оказалась на виду. Рубцы и струпья покрывали тело по обе стороны выступающего буграми позвоночника, некоторые из них были совсем свежие. Дженни отпустила голову Рэбби, но держала его сзади за шею и тихо говорила ему что-то, успокаивая.

— Ты бы пошла рассказала ему, — попросила она, указывая подбородком в сторону холла.

Я захватила с собой в качестве оправдания своего прихода блюдо овсяных лепешек с медом и деликатно постучала в дверь кабинета. Джейми пробурчал: «Войдите», и я вошла.

Лицо мое, когда я угощала Макнаба, должно быть, сказала Джейми все, что требовалось, потому что мне не пришлось просить у него разрешения поговорить с ним наедине. Он только глянул — и тотчас обратился к своему арендатору:

— Ну что ж, Ронни, насчет надела под зерновые мы договорились, но я хотел с тобой потолковать еще об одном деле. У тебя есть славный паренек по имени Рэбби, а мне как раз нужен для помощи в конюшне мальчик такого возраста. Ты согласен, чтобы он у нас работал?

Длинные пальцы Джейми поигрывали гусиным пером на столе. Айен, сидя за маленьким столиком в сторонке, опустил подбородок на кулаки, поставленные один на другой, и с неподдельным интересом взирал на Рональда.

Макнаб воинственно ощетинился. Я восприняла это как агрессивное возбуждение человека, который не пьян, но до смерти хочет напиться.

— Нет, парень мне нужен, — отрезал он.

— Мм... — Джейми откинулся на спинку кресла и скрестил руки на животе. — Я бы заплатил за его услуги, конечно.

— Моя мать приходила к вам, да? — Макнаб заерзал на стуле. — Я сказал нет, и так оно и будет. Это мой сын, что хочу, то с ним и делаю. А я хочу, чтобы он оставался дома.

Джейми очень вдумчиво поглядел на Макнаба, но спорить с ним не стал и обратился к своим счетным книгам.

Попозже, когда арендаторы вернулись в теплые пределы буфетной и гостиной подзаправиться перед отъездом, я увидела Джейми в окно — он не спеша направлялся к свинарнику, по-приятельски, обняв тощего Макнаба за плечи. Парочка скрылась за сараем, по-видимому, с целью осмотреть нечто, представляющее сельскохозяйственный интерес, но появилась снова минуты через две и двинулась к дому.

Рука Джейми по-прежнему обхватывала плечи более низкорослого Макнаба, но теперь она, казалось, поддерживала его. Лицо у Макнаба было серое и покрытое потом, шел он медленно и явно не мог распрямиться.

— Ну вот и отлично, — услышала я слова Джейми, когда они подошли достаточно близко. — Надеюсь, твоя хозяйка обрадуется лишним денежкам, а, Рональд? А вот и твоя животинка, славный мул, очень славный.

Облезлый мул, который доставил Макнаба в имение, приплелся со двора, где он вовсю наслаждался гостеприимством хозяев. Пучок сена еще торчал у него изо рта и мерно подергивался.

Джейми поддержал Макнаба под ногу, чтобы помочь ему сесть в седло

— судя по всему, помощь была просто необходима. Макнаб не ответил ни слова и даже не махнул рукой, выслушивая многократно повторенные «с Богом» и «счастливого пути»; он лишь отрешенно кивнул и поехал со двора шагом, по-видимому, погруженный в тайные горести, которые требовали полного внимания.

Джейми стоял, опершись о забор, и обменивался любезностями с другими арендаторами, которые разъезжались по домам, до тех пор, пока Макнаб не скрылся из виду, перевалив через вершину холма. Тогда он выпрямился, поглядел на дорогу, потом повернулся и свистнул. Маленькая фигурка в драной, но чистой рубашке и покрытом пятнами килте вынырнула из-под телеги для сена.

— Ну что ж, — обратился Джейми к мальчику. — Вроде бы твой отец дал согласие, чтобы ты поработал у нас в конюшне, юный Рэбби. Я уверен, что работать ты станешь на совесть и оправдаешь доверие, а?

Круглые покрасневшие глаза смотрели с грязной мордашки, но мальчик не сказал в ответ ни слова; Джейми взял его за плечо и повернул лицом к желобу, по которому стекала вода в колоду, из которой пили лошади.

— На кухне тебя ждет ужин, паренек. Но сначала ты умойся, наша мистрисс Крук очень глазастая женщина. И знаешь, Рэбби, не забудь про уши, не то она сама тебе их вымоет. Мои она сегодня утром отскоблила как следует. — Он оттопырил свои уши обеими руками и слегка потрепал их, серьезно глядя на мальчика; тот смущенно улыбнулся и побежал к желобу.

— Я рада, что ты это уладил, — сказала я, беря Джейми под руку, чтобы вместе идти на ужин. — Я имею в виду Рэбби Макнаба. Как тебе это удалось?

— Очень просто. Завел Рональда за пивоварню и двинул кулаком разок-другой в живот. Спросил, что он предпочитает — расстаться с парнишкой или со своей печенкой. — Джейми хмуро поглядел на меня. — Это было неправильно, но ничего другого я не мог придумать. Я поступил так не только потому, что дал обещание бабушке Макнаб. Дженни рассказала мне о том, какая у мальчишки спина. — Он помолчал. — Вот что я скажу тебе, Саксоночка. Мой отец наказывал меня так часто, как считал нужным, пожалуй, чаще, чем я считал заслуженным. Но я не съеживался от страха, когда он обращался ко мне. И не думаю, чтобы Рэбби, лежа когда-нибудь в постели со своей женой, рассказывал бы об этом со смехом.

Он опустил плечи и передернул ими тем немного странным движением, которого я не видела у него уже несколько месяцев.

— Он прав, это его собственный сын, он может делать с ним что хочет. А я не Господь Бог, всего лишь лэрд, что намного ниже степенью. И все же... — Он глянул на меня с кривоватой полуулыбкой. — Чертовски малое расстояние между справедливостью и жестокостью, Саксоночка. Хочу надеяться, что оказался на правильной стороне от черты.

Я обняла его за талию.

— Ты поступил правильно, Джейми.

— Ты так считаешь?

— Да.

Мы возвратились к дому, обнявшись. Белые домики фермеров казались янтарно-золотыми в лучах заходящего солнца. Мы не вошли сразу в дом, Джейми увлек меня по дорожке пройтись немного. Усевшись за домом на верхнюю перекладину забора, мы видели перед собой поле и хозяйственные постройки.

Я положила голову Джейми на плечо и вздохнула. Он легонько прижал меня к себе.

— Вот для этого ты и был рожден, Джейми?

— Наверное, Саксоночка. — Он окинул взглядом поля и постройки, фермы и дороги, потом опустил глаза на меня, и губы его крупного рта раздвинула улыбка.

— А ты, моя Саксоночка? Ты для чего родилась? Быть хозяйкой имения или ночевать в поле, как цыганка? Быть врачом, женой преподавателя или леди-подругой человека вне закона?

— Ябыла рождена для тебя, — просто ответила я и раскрыла ему объятия.

— Знаешь, — сказал он, — ты мне этого никогда не говорила.

— И ты тоже.

— Я говорил. На другой день после приезда сюда. Сказал, что хотел тебя больше всего на свете.

— А я ответила, что любить и желать не всегда одно и то же.

Он засмеялся.

— Возможно, ты и права, Саксоночка. — Он отвел с моего лица волосы и поцеловал в лоб. — Я желал тебя с первой минуты, как увидел, но полюбил, когда ты плакала у меня в объятиях и позволила мне утешить тебя тогда, в Леохе, в первый день.

Солнце опустилось за темную линию сосен, показались первые звезды. Наступила уже середина ноября, и вечерний воздух был холодный, хоть и стояли погожие дни. Стоя по ту сторону забора, Джейми наклонился и коснулся своим лбом моего.

- Ты первая.
- Нет, ты.
- Почему?
- Я боюсь.
- Чего, моя Саксоночка?

Тьма опустилась на поля и укрывала землю перед наступлением ночи. Свет новорожденного месяца очертил ясной линией лоб и нос Джейми, упал на лицо.

- Боюсь, что, начав, я никогда не остановлюсь.

Он посмотрел на горизонт, над которым низко висел узенький серп.

- Близится зима, и ночи стали длинными, mo d'uinne.

Он перегнулся через забор и принял меня в свои объятия, и я почувствовала жар его тела и биение его сердца.

- Я люблю тебя.

Глава 31 ТЯЖЕЛАЯ РАБОТА

Спустя несколько дней я выкапывала на холме за домом клубни хохлатки. Заслышав шорох шагов по траве, я обернулась, полагая, что это Дженни либо мистрисс Крук пришла звать меня на ужин. Но пришел Джейми; волосы у него торчали сосульками после недавнего омовения перед трапезой. На нем была та же длинная, завязанная между ног рубашка, в которой он работал в поле. Он подошел ко мне сзади, обнял и положил подбородок мне на плечо. Мы стояли и смотрели, как солнце, облаченное в золото и пурпур, опускается за сосновую рощу. Ландшафт постепенно тускнел, но мы оставались на месте — нам было очень хорошо. Начало темнеть, я, услышала, как Дженни зовет нас.

— Пора возвращаться, — неохотно проговорила я.

— Ммм. — Джейми не пошевелился, только крепче обнял меня и продолжал смотреть на сгущающиеся тени, словно хотел запечатлеть в своей памяти каждый камень и каждую травинку.

Я повернулась к нему и закинула руки ему на шею.

— В чем дело? — тихонько спросила я. — Нам нужно уезжать поскорей?

При мысли об отъезде из Лаллиброха сердце у меня упало, но я понимала, что опасно затягивать наше пребывание здесь: красные мундиры могли появиться в любое время, и кончилось бы это скверно.

— Да. Завтра или послезавтра в крайнем случае. Англичане в Нокчойлуме, в двадцати милях отсюда, в хорошую погоду всего два дня езды оттуда до нас.

Я начала сползать с забора, но Джейми перехватил меня и поднял на руки, прижав к груди.

Кожа у него была еще теплая от солнца, запах пота смешался с запахом овсяной соломы. Он помогал закончить уборку хлеба, и этот запах напомнил мне об ужине неделю назад, во время которого Дженни, неизменно дружелюбная и приветливая, признала меня наконец полноправным членом семьи.

Жатва — изнурительная работа, к концу ужина Айен и Джейми обычно начинали дремать. В тот вечер я встала из-за стола, чтобы принести сладкий пудинг на десерт. Вернувшись, я увидела, что оба мужчины крепко спят, а Дженни тихонько посмеивается над ними, сидя за столом перед

остатками ужина. Айен лежал, тяжело опустившись, в своем кресле, голова упала на грудь; он шумно дышал во сне. Джейми прилег щекой на вытянутые через стол руки и мирно похрапывал между деревянным блюдом и мельничкой для перца.

Дженни приняла у меня пудинг, положила мне и себе; покачала головой, глядя на спящих мужчин.

— Они оба так зевали, — заговорила она, — что я подумала: а если мне замолчать, как они себя поведут? Вот я и притихла, и они оба через две минуты были готовы. — Она осторожным движением убрала Айену волосы со лба. — Вот почему так мало детей рождается здесь в июле, — продолжала она. — Мужчины в ноябре не в состоянии бодрствовать достаточно долго, чтобы зачать ребенка.

Это было похоже на правду, и я засмеялась. Джейми, который храпел рядом со мной, зашевелился, и я положила руку ему на шею, чтобы успокоить. У него на губах появилась улыбка, совершенно бессознательная, и он снова погрузился в глубокий сон.

— Это необычно, — сказала Дженни. — Я не видела этого с тех пор, как он был маленьким.

— Чего этого?

— Чтобы он улыбался во сне. Обычно он улыбался, когда спал еще в колыбельке, если подойдешь и приласкаешь его, и даже позже, когда спал уже в кроватке. Мама и я иногда подходили и гладили его по головке, она или я, и ждали, улыбнется он или нет. Он всегда улыбался.

— Это удивительно, правда?

Я решила попробовать и погладила затылок и шею Джейми.

Он ответил короткой и светлой улыбкой, которая почти мгновенно сменилась обычным для него во сне серьезным выражением.

— Интересно, почему это он, — сказала я, глядя на него как зачарованная.

Дженни пожала плечами и улыбнулась мне:

— Мне кажется, потому что он счастлив.

Мы так и не уехали на следующий день. Где-то в середине ночи меня разбудил негромкий разговор у нас в комнате. Повернувшись, я увидела, что над кроватью наклонился Айен со свечой в руке.

— У Дженни начались роды, — сказал Джейми, заметив, что я проснулась. Сел на постели и зевнул. — Немного преждевременно, да, Айен?

— Этого никогда не знаешь точно. Маленький Джейми родился позже. Я-то считаю, что лучше раньше, чем с опозданием. — Айен улыбнулся

быстрой и нервной улыбкой.

— Саксоночка, ты сможешь принять ребенка? Или мне лучше сходить за повивальной бабкой? — спросил Джейми.

Я ответила без колебаний:

— Надо пойти за повивальной бабкой.

Во время моей практики я только три раза присутствовала при родах; все они происходили в стерильной операционной, под анестезией, причем на роженицах надеты были соответствующие просторные одеяния и почти ничего не было видно, кроме невероятной напряженной и растянутой промежности и внезапно появляющейся головки ребенка.

Проводив Джейми за акушеркой, мистрисс Мартинс, я поднялась следом за Айеном по лестнице.

Дженни сидела в кресле у окна, удобно откинувшись на спинку. Она надела старую ночную сорочку; белье с постели было снято, перина накрыта старым одеялом, а Дженни теперь просто сидела и ждала.

Айен беспокойно крутился возле нее. Дженни порой улыбалась, но то была улыбка отрешенная, обращенная внутрь, словно Дженни прислушивалась к чему-то отдаленному, что было слышно ей одной. Айен, полностью одетый, то и дело принимался бродить по комнате, брал в руки какие-то вещи и тут же ставил обратно, пока Дженни наконец не велела ему уйти.

— Спустись и разбуди мистрисс Крук, Айен, — сказала она, смягчая улыбкой удаление его от себя. — Пусть приготовит все для мистрисс Мартинс. Она знает, что делать.

Тут она сделала глубокий вдох и опустила обе руки на вздувшийся живот. Я оцепенела при виде того, как внезапно напряглось и округлилось ее чрево. Дженни прикусила губу и несколько секунд тяжело дышала, потом расслабилась. Живот принял обычную для последнего времени форму, из глаз Дженни скатились две слезинки. Айен нерешительно положил ей на плечо руку, она накрыла ее своей ладонью и улыбнулась ему.

— И скажи ей, чтобы она тебя накормила, муженек. И тебе и Джейми надо поесть. Говорят, что вторые роды идут быстрее, чем первые. Может, к тому времени, как вы сядете завтракать, и я смогу перекусить.

Он сжал ей плечо и поцеловал ее, пробормотав на ухо какие-то ласковые слова, и пошел. Задержался в дверях и посмотрел на нее, но она отослала его решительным жестом.

Мне показалось, что Джейми невероятно долго ходил за акушеркой; схватки усиливались, и я все сильнее беспокоилась. Вторые роды и в самом

деле протекают быстрее первых. Что, если этот младенец решил появиться на свет до прихода мистрисс Мартинс?

Поначалу Дженни вела со мной вполне непринужденный разговор, изредка умолкая и наклоняясь вперед, когда схватка усиливалась. Но вскоре она утратила желание беседовать и в промежутках между сильными болями ложилась на спину и спокойно отдыхала. Наконец, после того как очередная схватка согнула ее чуть ли не пополам, она, пошатываясь, встала на ноги.

— Помоги мне немного походить, Клэр, — попросила она.

Отнюдь не уверенная, что это следует делать, я тем не менее крепко взяла ее под руку и помогла выпрямиться. Мы сделали несколько медленных кругов по комнате, останавливаясь, когда Дженни схватывало, а потом снова пускаясь в путь. Перед самым приходом акушерки Дженни подошла к кровати и легла.

Мистрисс Мартинс выглядела очень уверенно и спокойно. Высокая и худощавая, с широкими плечами и сильными руками, с добрым и одновременно деловитым выражением на лице, она внушала доверие. Две вертикальные морщинки между седыми бровями углублялись, когда она на чем-то сосредоточивалась. После первого обследования морщинки разгладились. Стало быть, все более или менее нормально. Мистрисс Крук принесла стопку чистых, выглаженных простыней; мистрисс Мартинс взяла одну из них и подсунула под Дженни. Я встревожилась, когда увидела, что на простыне между ног Дженни появилось темное дровяное пятно. Заметив мою тревогу, мистрисс Мартинс успокоила меня:

— Все в порядке. Немного кровит, это ничего. Худо, если потечет светлая кровь и ее будет много, а так все правильно.

Мы все уселись в ожидании. Мистрисс Мартинс тихонько и проникновенно разговаривала с Дженни и растирала ей поясницу, нажимая посильнее во время схваток. Боли участились; Дженни стискивала зубы и тяжело дышала через нос, а когда боль делалась нестерпимой, негромко стонала. Волосы у нее сделались влажными от испарины, лицо покраснело от напряжения. Теперь, глядя на нее, я наконец поняла справедливость выражения «родовые муки». Рождение ребенка оказалось чертовски тяжелой работой.

За следующие два часа особых изменений не произошло. Дженни, поначалу способная отвечать на вопросы, теперь на них не отзывалась и, когда ее отпускало, лежала молча, лицо за считанные секунды из красного делалось совершенно белым. После очередного приступа она поманила меня к себе.

— Если ребенок выживет, — задыхаясь, проговорила она, — и если это девочка... ее имя Маргарет. Скажи Айену... назовите ее Маргарет Элен.

— Да, конечно, — успокоила ее я. — Но ты и сама ему об этом скажешь. Осталось недолго.

Она затрясла головой, не соглашаясь, но тут же сжала зубы от боли — схватки возобновились. Мистрисс Мартинс взяла меня за руку и увела от кровати..

— Не принимайте этого близко к сердцу, милочка, — сказала она невозмутимо. — Им всем кажется, что они непременно умрут.

— О, — с некоторым облегчением выдохнула я.

— Но имейте в виду, — продолжала она, — что и это бывает.

Мне показалось, что мистрисс Мартинс обеспокоена: боли все продолжались без видимых изменений в состоянии роженицы. Дженни ужасно устала; когда боль на время прекращалась, тело ее обмякало и она начинала дремать, словно ища избавления в кратких промежутках сна.

— Может, ребенок идет ягодичками? — решила я задать вопрос, хоть и боялась задеть профессиональную гордость опытной повитухи.

Но мистрисс Мартинс такое предположение не обидело; морщинки между бровей углублялись при каждом взгляде на исстрадавшуюся роженицу.

Едва ослабела следующая схватка, мистрисс Мартинс отбросила простыню, подняла ночную рубашку и принялась за дело. Быстрыми, искусными пальцами она нажимала тут и там на огромный бугор живота. Казалось, эти прикосновения сами по себе вызывают новые приступы — во всяком случае, во время очередного неумолимого наступления боли ощупывание стало невозможным. Мистрисс Мартинс слегка отступила от кровати и, механически притопывая ногой, смотрела, как корчится Дженни. Та вдруг ухватила простыню и разорвала ее с резким треском. Это словно бы послужило сигналом для мистрисс Мартинс — она вернулась к кровати и обратилась ко мне:

— Уложите-ка ее на спину, милочка.

На вопли Дженни она попросту не обращала внимания, и я подумала, что уж к чему-чему, а к воплям она привыкла. При следующем расслаблении акушерка приступила к действию. Нащупав ребенка сквозь утратившие на время напряженность стенки матки, она попыталась повернуть его. Дженни закричала и рванулась из моих рук — началась очередная схватка.

Мистрисс Мартинс сделала новую попытку. Еще. И еще. И добилась

успеха: внезапное и необычное движение, бесформенный выступ повернулся под руками акушерки. Тотчас же изменились и очертания живота Дженни — дело явно шло к завершению.

— Тужься.

Дженни повиновалась, а мистрисс Мартинс опустилась на колени возле кровати. Как видно, она углядела серьезное продвижение, потому что поспешно вскочила на ноги и схватила бутылочку, оставленную ею на столике, когда она только пришла. Она вылила из бутылочки себе на пальцы немного жидкости, похожей на какое-то масло, и начала осторожно втирать ее Дженни между ног. Дженни завопила, протестуя против этих прикосновений, потому что боль возобновилась, и мистрисс Мартинс убрала руку. Но вот роженицу снова отпустило, и мистрисс Мартинс возобновила массаж, что-то мурлыкая на ухо своей пациентке, убеждая ее, что все хорошо... отдохни немного... а теперь... тужься!

Во время следующей схватки акушерка положила руку Дженни на живот и сильно надавила вниз. Дженни закричала, но мистрисс Мартинс на этот раз не убрала руку, пока схватка не завершилась.

— В следующий раз нажимайте вместе со мной, — сказала мне акушерка. — Уже совсем близко.

Я наложила свои руки поверх рук мистрисс Мартинс, и по ее знаку мы поднажали вместе. Дженни с глубоким, победным стоном натужилась — и между ног у нее показалась скользкая маленькая макушка. Дженни уперлась ногами в матрас, натужилась еще раз — и Маргарет Элен Муррей выскочила на белый свет, словно смазанный маслом поросенок.

Немного погодя, кончив вытирать улыбающееся лицо Дженни влажным платком, я выглянула в окно. Время близилось к закату.

— Со мной все хорошо, — сказала Дженни. — Просто отлично.

Широкая улыбка, которой она приветствовала явление на свет своей дочери, сменилась иной — менее сияющей, но умиротворенной. Она подняла еще неуверенную руку и взяла меня за рукав.

— Пойди скажи Айену, — попросила она: — Он будет волноваться.

На мой взгляд, все выглядело иначе. Сцена в кабинете, где уединились Айен и Джейми, напоминала преждевременную попойку по случаю торжественного события. Пустой графин в окружении нескольких бутылок стоял в буфете, а в комнате витало мощное облако алкогольных паров.

Гордый отец, по-видимому, выбыл из игры, опустив голову на письменный стол лэрда. Сам лэрд был еще в бодрствующем состоянии, хоть и с затуманенным взором; прислонившись к стене, он мигал глазами, как сова.

Разгневанная, я решительной поступью подошла к письменному столу, схватила Айена за плечо и начала грубо трясти, не обращая внимания на предупреждение Джейми, который выпрямился и произнес:

— Саксоночка, подожди...

Айен был не вполне в отключке. Он неохотно поднял голову и обратился ко мне застывшее, напряженное лицо с унылыми жалкими глазами. Я вдруг поняла, что он подумал, будто я пришла сообщить о смерти Дженни.

Я ослабила хватку и ласково похлопала его по плечу.

— С ней все хорошо, — сказала я мягко. — У тебя родилась дочь.

Он снова уронил голову на руки, и я отпустила его; его худые плечи содрогались, и Джейми гладил его по спине.

Страдальцы ожили, привели себя в порядок, и семьи Фрэзеров и Мурреев собрались в комнате Дженни на праздничный ужин. Маленькая Маргарет, приведенная в полный порядок и завернутая в небольшое одеяльце, была вручена отцу, который принял своего нового отпрыска с выражением блаженной почтительности.

— Здравствуй, маленькая Мэгги, — прошептал он, тихонько дотрагиваясь кончиком пальца до крошечного носика.

Новорожденная дочь, ничуть на взволнованная знакомством, открыла глаза, сосредоточилась, выпрямилась и написала папаше на рубашку.

После короткой и веселой суматохи, вызванной этим недостатком хороших манер, маленький Джейми сумел улизнуть из-под надзора мистрисс Крук и прыгнул на кровать к матери. Дженни негромко вскрикнула от боли, но протянула руку и привлекла мальчика к себе, махнув мистрисс Крук, чтобы она не забирала его от нее.

— Моя мама! — заявил он, прижимаясь к ней.

— Конечно, чья же еще? — согласилась она. — Иди сюда, малыш.

Она обняла его, поцеловала в макушку, и мальчик, успокоившись, прильнул к ней. Дженни погладила сына по головке.

— Положи головку вот сюда, — сказала она. — Тебе пора спать. Ложись.

Умиротворенный ее присутствием, мальчик засунул в рот большой палец и уснул.

Когда пришел его черед поддержать на руках новорожденную, Джейми проявил примечательные способности, уложив крохотную пушистую головенку в ладонь, словно теннисный мячик. Казалось, он неохотно вернул малышку матери, и Дженни прижала дочку к груди, что-то нежно ей напевая.

Мы наконец вернулись к себе в спальню, которая была такой тихой и

пустой по сравнению с трогательной семейной картиной, только что оставленной нами: Айен стоит на коленях у постели жены, положив руку на маленького Джейми, а Дженни баюкает новорожденную. Лишь теперь я поняла, до какой степени я устала: почти двадцать четыре часа прошло с того времени, как Айен разбудил меня.

Джейми тихонько затворил дверь. Не говоря ни слова, подошел сзади ко мне и начал расстегивать платье. Его руки обвились вокруг меня, а я благодарностью оперлась на него. Он наклонился поцеловать меня, я повернулась и обняла его за шею. Я чувствовала не только усталость, но также нежность и печаль.

— Может, оно и к лучшему, — медленно проговорил Джейми, обращаясь как бы к самому себе.

— Что к лучшему?

— Что ты бесплодна.

Лицо мое было спрятано у него на груди, но он должен был ощутить, как я напряглась.

— Я узнал об этом давно. Джейлис Дункан сказала вскоре после нашей свадьбы. — Он ласково погладил меня по спине. — Вначале я огорчился, но потом начал думать, что это к лучшему. При нашей жизни нам было бы очень трудно с ребенком. А теперь... — Он слегка вздрогнул. — Теперь я даже радуюсь этому, я не хотел бы, чтобы ты так мучилась.

— А я бы не возражала, — после долгого молчания сказала я, думая о круглой пушистой головенке и крошечных пальчиках.

— А я возражаю. — Он поцеловал меня в макушку. — Я видел лицо Айена, оно было такое, словно его собственная плоть разрывается, когда кричит Дженни. — Мои руки лежали у него на спине, трогая жесткие рубцы. — Сам я могу вынести боль, свою собственную, но не мог бы вынести твою. Для этого потребовалось бы куда больше сил, чем есть у меня.

Глава 32 СТРАЖА

Дженни быстро оправилась после рождения Маргарет и настояла, чтобы ей позволили спуститься вниз на другой день после родов. Под совместным нажимом Айена и Джейми она с неохотой согласилась не заниматься никакой работой, а только наблюдать за всем и отдавать распоряжения с широкого дивана в гостиной, где она устроилась, поставив рядом колыбельку Маргарет.

Однако не в состоянии сидеть без дела, она уже через день или два успела побывать в кухне, а потом вышла и в садик. Сидя на ограде и придерживая тепло укутанного ребенка, который был уложен на перекинутую через плечо Дженни специальную перевязь, она составляла мне компанию, в то время как я делала одновременно два дела: обрезала сухие плети с виноградной лозы и присматривала за огромным котлом для кипячения белья. Мистрисс Крук и служанки уже вынули из котла чистое белье, чтобы развесить его для просушки; я дожидалась, когда вода достаточно остынет — тогда ее можно будет вылить.

Маленький Джейми «помогал» мне, с неистовым рвением выдергивая увядшие растения и разбрасывая их во все стороны. Я окликнула его, когда он слишком близко подбежал к котлу, а затем и побежала за ним, так как на мое предупреждение он не обратил ни малейшего внимания. К счастью, котел остывал быстро, вода была уже просто теплая. Отослав мальчика к матери, я ухватила за котел и сдвинула его с подставки, которая не давала ему накрениться.

Я отскочила в сторону, когда грязная вода хлынула через край котла, дымясь на холодном воздухе. Маленький Джейми тем временем уселся возле меня на корточки и весело зашлепал ладошками по теплой грязи; черные брызги заляпали мне всю юбку.

— Ты что, совсем не соображаешь, поросенок? Погляди на себя! Теперь твою рубашку снова надо стирать! Посмотри, что ты наделал с платьем твоей тети, маленький ты язычник!

— Да это пустяки, — сказала я, заметив, что у озорника дрожит нижняя губа.

— А для меня не пустяки! — Дженни, ухватив сынишку за воротник, поставила его на ноги и крепко шлепнула по попке. — Сию минуту проси у тети прощения, а потом иди домой и попроси мистрисс Крук, чтобы она

тебя умыла и почистила. — Она шлепнула его — на этот раз несильно — и подтолкнула к дому.

Мы вернулись к куче мокрого белья, и в это время с дороги донесся топот конских копыт.

— Кажется, Джейми возвращается, — прислушавшись, высказала я свое предположение. — Что-то рановато.

Но Дженни, пристально глядя на дорогу, покачала головой:

— Не его лошадь.

Судя по тому, как она нахмурилась, лошадь, появившаяся на вершине холма, была чужая. А всадник... всадник, по-видимому, из своих. Дженни на секунду застыла возле меня, потом кинулась к калитке, обеими руками обхватила ребенка.

— Это Айен! — крикнула она мне.

Айен сполз с седла; от одежды остались лохмотья, он был покрыт пылью с головы до ног и весь в синяках и ушибах. На лбу вздулась опухоль, бровь сильно рассечена. Дженни поддержала его под руку, когда он встал ногой на землю — одной ногой, потому что протеза не было.

— Джейми, — выдохнул он. — Мы встретили патруль возле мельницы. Они нас подкарауливали. Знали, что мы туда приедем.

Во мне все сжалось.

— Он жив?

Айен кивнул, тяжело дыша.

— Да, и даже не ранен. Они повезли его по направлению к Киллину.

Дженни ощупывала его лицо.

— Ты сильно ранен, муженек?

— Нет. Они отобрали у меня коня и мою деревянную ногу. Убивать меня им было ни к чему, гнаться за ними я не мог.

Дженни глянула на горизонт: солнце стояло над деревьями. Часа четыре, подумала я. Айен проследил за взглядом жены и предупредил ее вопрос:

— Мы наткнулись на них около полудня. Мне понадобилось два часа, чтобы добраться до места, где я взял лошадь.

Дженни постояла минутку, что-то обдумывая потом решительно повернулась ко мне:

— Клэр, помоги Айену дойти до дома и, если надо его подлечить, займись им, пожалуйста, поскорее. Я передам ребенка мистрисс Крук и попрошу подготовить лошадей.

Она удалилась так быстро, что ни один из нас рта не успел раскрыть.

— Она собирается... но она же не может! — воскликнула я. — Ей

нельзя оставлять ребенка!

Айен тяжело оперся на мое плечо, и мы медленно двинулись по тропинке к дому. Он покачал головой.

— Наверное, нельзя. Но не думаю, что она собирается позволить англичанам вздернуть ее брата на виселицу.

Уже темнело, когда мы добрались до места, где Джейми и Айен попали в засаду. Дженни соскользнула с лошади и принялась рыскать по кустам, словно охотничий терьер, раздвигая ветки и бормоча себе под нос нечто весьма похожее на самые крепкие ругательства ее брата.

— На восток, — произнесла она, выбравшись из кустов вся исцарапанная и перепачканная.

Отряхнула сухие листья с юбки и взяла из моих онемевших рук поводья.

— Преследовать их в темноте мы не можем, но я по крайней мере знаю, в каком направлении нам ехать, когда рассветет.

Мы устроили себе самый простой привал, спутали лошадей и разожгли костер. Я восхищалась ловкостью, с которой Дженни занималась этими делами, и она улыбнулась:

— Я всегда просила Айена и Джейми, чтобы они научили меня всяким таким вещам. Разводить костер, лазить по деревьям, даже шкурки снимать. И как идти по следу. — Она повернула голову в ту сторону, куда уехал патруль. — Ты не волнуйся, Клэр, — продолжала она, присаживаясь к огню. — Двадцать лошадей недалеко уйдут по кустам, а две — гораздо дальше. Патруль двинется, скорее всего, к дороге на Эскадейл, а мы срежем путь по холмам и встретим их у Мидмэйнса.

Ее проворные пальцы расстегивали корсаж платья. Не без удивления наблюдала я за тем, как она, расправив складки, спустила с плеч верхнюю часть блузы и обнажила грудь. Грудь у нее были очень большие, тугие от молока. В своем полном в этом смысле невежестве я даже как-то не подумала, каково приходится кормящей матери, если она надолго расстанется с младенцем.

— Я не могу надолго оставлять ребенка, — сказала Дженни как бы в ответ на мои размышления, поморщившись от боли, когда приподняла одну грудь. — Я просто взорвусь.

От ее прикосновения молоко начало капать из набухшего соска! Дженни достала из кармана большой платок и подложила его под грудь. Подняла с земли небольшую оловянную кружечку, которую перед этим достала из седельной сумки, и подставила ее к соску. Легонько нажала

двумя пальцами — молоко закапало быстрее и вдруг брызнуло тонкой, но сильной струйкой.

— Вот уж не знала, что так бывает! — выпалила я в полном восторге.

— Да, — ответила Дженни. — Сначала ребенок должен довольно сильно сосать, но когда молоко прибывает, младенцу остается только глотать. Ох, сразу стало легче. — Она выплеснула молоко из чашки прямо на землю. — Грех это, но ничего не поделаешь, верно? Вот еще морока, да с детьми, за что ни возьмись, сплошная морока. Но и отказаться их иметь не захочешь.

— Нет, — тихо проговорила я, — ты бы ни за что не отказалась.

Дженни проделала ту же процедуру со второй грудью, и посмотрела на меня поверх огня.

— Для тебя теперь не время, — сказала она, — но когда-нибудь и у тебя родятся дети.

Я невесело рассмеялась.

— Сначала надо отыскать будущего отца. Дженни выплеснула молоко из чашки и начала приводить в порядок одежду.

— Ну, найти-то мы их найдем. Завтра. Непременно должны найти, я же не могу оставлять Мэгги надолго.

— Ну а если найдем, что тогда? — спросила я. Она пожала плечами и потянулась за свертком одеял.

— Все зависит от Джейми. От того, насколько он дал им себя покалечить.

Дженни оказалась права: мы обнаружили патруль на следующий день. Мы покинули наш лагерь на заре, задержавшись лишь для того, чтобы Дженни снова сцедила молоко. Она была способна отыскивать самые малозаметные следы, и я беспрекословно углубилась за ней в густой лес. Ехать быстро по частому подлеску было невозможно, однако Дженни уверила меня, что мы пробираемся гораздо более коротким путем, чем патруль, чье передвижение ограничивала значительная численность отряда.

Мы обнаружили их около полудня. Я услышала позвякивание сбруи и отдельные голоса и вытянула руку, предупреждая Дженни, которая ехала за мной.

— Там внизу брод, — шепнула мне она. — Похоже, они остановились напоить лошадей.

Сойдя на землю, она взяла оба поводья и привязала наших лошадей, потом сделала мне знак следовать за ней и, словно змея, нырнула в подлесок.

С небольшого уступа, на который Дженни вывела меня,

просматривался сверху весь брод, мы видели, почти всех солдат, спешившихся и разделившихся на группки по несколько человек, о чем-то спокойно болтавших между собой; кое-кто закусывал, сидя на земле, кое-кто занимался лошадьми, отводя их по две или даже по три вместе на водопой. Единственно, кого мы не видели, так это Джейми.

— Как ты считаешь, они его убили? — в полном ужасе прошептала я.

Я дважды пересчитала солдат, чтобы не ошибиться. Их было двадцать, а лошадей двадцать шесть; все на виду, насколько я могла понять. И никаких признаков пленника — даже отблеска солнца на рыжих волосах...

— Сомневаюсь, — ответила Дженни. — Но есть только один способ узнать точно. — Она начала отползать с уступа назад в кусты.

— Какой же?

— Спросить.

За бродом дорога сразу сужалась, превращаясь в пыльную тропу, которая вилась между густо растущих сосен и ольхи. Ехать по двое солдаты не могли и двигались цепочкой по одному.

Едва последний в отряде всадник показался из-за поворота, Дженни Муррей внезапно вышла на тропу перед ним. Лошадь шарахнулась, солдат с проклятиями натянул поводья. Он было открыл рот, чтобы спросить с негодованием, что означает подобное поведение, но тут из кустов позади него выступила я и треснула его по затылку подобранным с земли крепким суком.

Совершенно ошарашенный, он потерял равновесие, так как лошадь шарахнулась снова, и свалился на землю. Он не был оглушен, удар оказался недостаточно силен. Дженни исправила мою оплошность при помощи большого булыжника.

Дженни ухватила лошадь за повод и быстро повернулась ко мне.

— Скорее! — прошептала она. — Оттащи его с дороги, пока они там не хватились.

Когда Роберт Макдональд из патруля Глен Элрайва пришел в себя, он обнаружил, что крепко привязан к дереву, а прямо ему в лоб нацелено дуло пистолета, который сжимает в руке сестра его недавнего пленника — и глаза у этой сестры как сталь.

— Что вы сделали с Джейми Фрэзером? — спросила она.

Макдональд ошеломленно замотал головой, очевидно, полагая, что эта женщина — плод его воображения. Попытка двинуться с места убедила его в обратном, и после вполне объяснимой вспышки ругательств и угроз он наконец пришел к мысли, что единственный способ обрести свободу — сообщить нам то, что мы хотим узнать.

— Он мертв, — мрачно проговорил Макдональд и, заметив, что палец Дженни вот-вот нажмет на спусковой крючок, поспешил добавить в страхе: — Это не я! Он сам виноват.

Джейми, рассказал он дальше, ехал со связанными кожаным ремнем руками, сидя за спиной одного из стражников. Вел он себя достаточно спокойно, и когда они переезжали реку вброд в шести милях от мельницы, то никаких особых предосторожностей не предприняли.

— Чертов дурень соскочил с лошади прямо в глубокую воду, — говорил Макдональд, недоуменно пожимая плечами, насколько позволяли связанные назад руки. — Мы в него стреляли. Наверное, попали, потому что он не вынырнул. Но сразу за бродом течение очень быстрое, и там глубоко. Мы немного поискали, но тела не нашли. Должно быть, унесло течением. А теперь, Бога ради, развяжите меня, леди!

Несмотря на угрозы Дженни, он ничего не прибавил к своему рассказу и ничего в нем не изменил; мы решили, что, по-видимому, он говорит правду. Отказавшись полностью освободить Макдональда, Дженни только ослабила его путы, чтобы он подольше повозился, развязывая их. После этого мы убежали.

— Ты думаешь, он мертв? — задыхаясь, спросила я, когда мы добрались до наших лошадей.

— Нет, не думаю. Джейми плавает как рыба, я сама видела, как он оставался под водой по три минуты. Поторопись. Мы должны обшарить берег.

Мы пробирались по берегу реки, спотыкаясь о камни и проваливаясь в ямы; исцарапали руки и лица о нависающие над водой ветки ивняка.

Наконец Дженни издала торжествующий крик, и я поспешила к ней, опасно балансируя на покрытых мхом камнях у самого края воды, в этом месте глубокой.

Дженни держала в руке ремень, связанный в кольцо. На ремне видны были с одной стороны следы крови.

— Он выпутался из этого, — сказала она, сгибая ремень.

Поглядела в том направлении, откуда мы пришли, — на громоздящиеся в беспорядке острозубые камни и скалы, на глубокие заводи и стремительные быстрины — и покачала головой.

— Как же тебе это удалось, Джейми? — негромко произнесла она как бы про себя.

Мы обнаружили участок примятой травы, неподалеку от края обрыва, где Джейми, как видно, прилег отдохнуть. Я нашла небольшое коричневое пятно на коре осины.

— Он ранен, — сказала я.

— Да, но может двигаться, — ответила Дженни, внимательно осматривая землю и переходя с места на место.

— Ты умеешь читать следы? — с надеждой спросила я.

— Я не слишком умелый следопыт, — ответила она, — но если я не разгляжу на сухом папоротнике следы такого крупного создания, как Джейми Фрэзер, значит, я не только глупа, но и слепа.

Достаточно заметная широкая полоса протоптанного папоротника тянулась вверх по холму и исчезала в густых зарослях вереска. Мы потоптались вокруг этого места, но ни еще каких-то следов, ни отклика на наши призывы не встретили.

— Он ушел, — сказала Дженни, присев на бревно и обмахиваясь, она была бледна, и я вдруг сообразила, что похищение вооруженного мужчины — не слишком подходящее занятие для женщины, которая родила меньше чем неделю назад.

— Дженни, — сказала я, — ты должна возвращаться. К тому же он мог вернуться в Лаллиброх.

Дженни замотала головой.

— Нет, он этого не сделает. Что бы ни говорил Макдональд, они так легко не отступят, ведь награда была у них, можно сказать, в руках. Если они его не поймали до сих пор, так это потому, что не могли. И они пошлют кого-нибудь следить за домом, непременно пошлют. Нет, дом — единственное место, куда он ни за что не пойдет.

Она подергала воротник платья. День стоял холодный, но Дженни немного вспотела, и на платье у нее на груди все шире становились пятна от подтекающего из сосков молока. Она заметила, куда я смотрю, и кивнула.

— Да, мне надо поскорее возвращаться. Мистрисс Крук кормит девочку козьим молоком и дает ей подслащенную воду, но ребенок не может дольше обходиться без меня, а я без него. Мне очень тяжело было оставлять дочку одну.

Меня не слишком радовала перспектива бродить в одиночку по шотландским горам в поисках человека, который мог находиться где угодно, но я постаралась сделать хорошую мину при плохой игре.

— Я справлюсь, — сказала я. — В конце концов, могло быть и хуже. По крайней мере он жив.

— Верно. — Дженни поглядела на горизонт, над которым низко нависло солнце. — Но я пробуду с тобой эту ночь.

Сидя ночью у огня, мы почти не разговаривали. Дженни была

поглощена мыслями об оставленном дома ребенке, а я все думала о том, каково мне придется в одиночку пробираться по местности, которая мне совершенно незнакома.

Внезапно Дженни подняла голову и прислушалась. Я в свою очередь прислушалась тоже, но ничего не услышала. Вперила глаза туда, куда смотрела Дженни, но, слава Богу, не увидела ничьих горящих глаз.

Когда я обернулась к костру, по другую его сторону сидел Мурта, спокойно грея руки над огнем. Дженни повернула голову на мое восклицание и коротко рассмеялась от неожиданности.

— Я бы вполне мог перерезать, глотки вам обеим, пока бы вы догадались посмотреть куда надо, — заметил маленький человек.

— В самом деле? — усмехнулась Дженни.

Она сидела, подняв колени и обхватив руками лодыжки. Одна рука молниеносным движением нырнула под платье, и в свете костра сверкнул маленький кинжал.

— Не так плохо, — похвалил ее Мурта. — А как у нашей саксонки с этим делом?

— Никак, — ответила Дженни, спрятав кинжал обратно в чулок. — Хорошо, что ты будешь с ней. Тебя Айен послал?

— Да, — кивнул маленький человек. — Вы нашли патруль?

Мы рассказали ему о наших достижениях. Я готова поклясться, что при известии о побеге Джейми у Мурты что-то дрогнуло в углу рта, однако было бы натяжкой назвать это улыбкой.

Дженни поднялась и стала свертывать одеяло.

— Куда это ты? — удивилась я.

— Домой. — Она кивком указала на Мурту. — Он останется с тобой, я тебе больше не нужна, зато нужна другим.

Мурта поднял голову к небу. Убывающая луна едва виднелась в дымке облаков, мелкий дождь мягко шуршал среди сосновых ветвей над нами.

— Подождут до утра. Ветер поднимается, ночью далеко не уехать.

Дженни покачала головой и повязала волосы платком.

— Я дорогу знаю. А если нынче ночью никто никуда не поедет, значит, никто меня на дороге не встретит.

Мурта нетерпеливо вздохнул.

— Ты такая же упрямая, как этот бык, твой братец, прошу прощения. Стоит ли так спешить? Насколько я понимаю, твой добрый муженек не затащит к себе в постель какую-нибудь шлюху, пока тебя нет.

— Ты не видишь дальше своего носа, рыжий, а нос у тебя к тому же короткий, — отрезала Дженни. — Столько лет живешь на свете и не

уразумел, что нельзя удерживать кормящую мать, когда она спешит к голодному ребенку! Да тебе ума не хватит в таком случае, чтобы кабана выследить, а не то что отыскать человека, в зарослях вереска!

Мурта развел руками в знак того, что сдается.

— Ладно, поступай как знаешь. Я не сообразил, что пытаюсь учить уму-разуму дикую свинью. От нее только и дождешься, что цапнет за ногу.

Дженни неожиданно рассмеялась, и на щеках у нее заиграли ямочки.

— И дождешься, старый ты негодяй! — Она нагнулась и подняла тяжелое седло. — Смотри, хорошенько заботься о моей золовке, да не забудь прислать весточку, как найдете Джейми.

Она собралась было седлать лошадь, но тут Мурта сказал:

— Имей в виду, что дома найдешь новую помощницу кухарки.

Дженни посмотрела на него и медленно опустила седло на землю.

— Кого же это? — спросила она.

— Вдову Макнаб, — ответил Мурта медленно и раздельно.

Дженни на минуту замерла; ничто не двигалось, лишь ветер играл ее платком и полами плаща.

— Как? — спросила она наконец.

Мурта поднял седло, положил его лошади на спину и без видимого усилия затащил подпругу.

— Пожар, — ответил он, поправляя ремни стремян. — Увидишь, как будешь проезжать верхнее поле. Зола еще не остыла.

Он подставил сложенные ковшиком ладони, чтобы помочь ей подняться в седло, но Дженни отмахнулась и, взяв в руку поводья, обратилась ко мне:

— Проводи меня до вершины холма, если хочешь, Клэр.

Едва мы отошли от костра, стало очень холодно. Юбка моя отсырела, пока я сидела на земле, и липла к ногам. Дженни наклонила голову против ветра, но мне виден был ее профиль: побледневшие губы свело от холода.

— Это Макнаб выдал Джейми стражникам? — спросила я.

Она медленно наклонила голову.

— Да. Должно быть, Айен узнал... или кто-то еще, это не имеет особого значения.

Был уже конец ноября, День Гая Фокса^[10] давно миновал, но передо мной внезапно возникло видение пожара — языки пламени, лижущие деревянные стены и достигающие соломенной крыши, словно знамения Святого Духа. А в доме — чучело, изображение, скорчившееся в золе собственного очага, готовое обратиться в черную пыль с первым порывом

холодного ветра, который ворвется на пепелище... Чертовски малое расстояние между справедливостью и жестокостью...

Я увидела, что Дженни вопросительно смотрит на меня, глянула ей в глаза и кивнула. Мы стояли с ней рядом — и по крайней мере на этот раз по одну сторону от зловещей и трудноуловимой черты.

Мы немного задержались на вершине холма; Мурта виднелся темным пятнышком возле огня внизу. Дженни порылась в боковом кармане юбки, потом втиснула в ладонь небольшой кожаный мешочек.

— Это деньги, полученные в квартальный день, — сказала она. — Они тебе могут понадобиться.

Я попыталась отказаться от денег, настаивая на том, что Джейми не захотел бы взять их, потому что они нужны для хозяйства, но из этого ничего не вышло: ростом вдвое ниже брата, Дженни была в два раза упрямее него.

Побежденная, я приняла деньги и спрятала их в самый потайной карман своего одеяния. По настоянию Дженни я взяла и маленький кинжал.

— Это Айенов, — сказала Дженни, — но у него есть еще один. Сунь его за край чулка и прижми подвязкой. И не вынимай, даже когда ложишься спать.

Она умолкла, но казалось, что она хочет еще что-то сказать. Так и вышло.

— Джейми говорил, — начала она осторожно, — что ты могла бы... кое о чем мне сообщить. И еще он говорил, что я должна поступать по твоим советам. Ты... хотела бы мне что-то посоветовать?

Мы с Джейми обсуждали необходимость подготовить Лаллиброх и его обитателей к грядущим бедам, связанным с восстанием. Но мы тогда считали, что еще есть время. Теперь у меня времени оставалось самое большее несколько минут, в течение которых я должна была предупредить мою новую сестру, рассказать ей, как защитить Лаллиброх от грядущей бури.

Не в первый раз подумала я, какое это неблагоприятное занятие — выступать в роли пророка. Я искренне сочувствовала Иеремии^[11] с его сетованиями. И вполне понимала, почему Кассандра^[12] не пользовалась популярностью. Но ничего не поделаешь. Стоя на вершине шотландского холма и чувствуя, как порывы осеннего ветра развевают мои волосы и платье, словно одеяния банши,^[13] я обратила лицо к темному небу и приготовилась пророчествовать.

— Сажай картофель, — сказала я.

Рот Дженни слегка приоткрылся, однако она тотчас сомкнула челюсти и коротко кивнула.

— Картофель. Так. Ближе чем в Эдинбурге не достанешь, но я пошлю за ним. Много?

— Сколько можешь. Побольше. В горах Шотландии его сейчас не сажают, но будут сажать. Это корнеплод, который хранится долго, и урожай дает больше, чем пшеница. Отведи под него столько земли, чтобы можно было сделать запас. Настанет голод, очень сильный, на целых два года. Если есть земля или другая собственность, которая пока непродуктивна, то есть не приносит дохода, продай все за золото. Начнется война, будет всеобщая резня. Мужчин станут преследовать здесь и по всей горной Шотландии. — Я на минуту задумалась. — Есть в доме убежище священника?^[14]

— Нет, дом построен уже после Протектората.^[15]

— Нужно устроить такое убежище — в доме или в другом безопасном месте. Надеюсь, Джейми оно не понадобится... — Мне сжало горло при этой мысли. — Но кому-то может понадобиться.

— Хорошо. Это все? — Лицо у Дженни было серьезное и напряженное.

Я благословляла Джейми за то, что он надумал предостеречь Дженни, а ее — за доверие к брату. Она не стала расспрашивать меня, как да почему, она просто взяла все это на заметку, и я была уверена, что она сделает все как надо, в соответствии с моими высказанными наспех советами.

— Да, все. Во всяком случае, все, что мне сейчас приходит в голову. — Я попыталась улыбнуться, но попытка эта показалась несостоятельной даже мне самой.

Дженни это лучше удалось. На прощание она быстро погладила меня по щеке.

— С Богом, Клэр. Мы встретимся снова — когда ты привезешь моего брата домой.

Часть шестая ПОИСКИ

Глава 33 РАССКАЗ ДУГАЛА

Каковы бы ни были пороки цивилизации, мрачно размышляла я, преимущества ее никак нельзя отрицать. Возьмем, к примеру, телефон. Или, скажем, — для этого времени, — возьмем газеты, распространенные в таких крупных центрах, как Эдинбург или даже Перт, но совершенно неведомые в глуши Шотландского нагорья.

При отсутствии таких средств массовой коммуникации новости распространялись с той же скоростью, с какой передвигался человек. Люди в конечном итоге узнавали то, что им надо было, но с опозданием на несколько недель. И поэтому, отыскивая Джейми, рассчитывать можно было лишь на то, что кто-нибудь встретит его и сообщит об этом в Лаллиброх. Зима была на носу, и путешествие в Бьюли становилось невозможным. Обдумывая положение, я сидела и подкладывала хворост в костер.

Куда мог направиться Джейми из того места, откуда он бежал? Конечно, не в Лаллиброх и почти точно — не на север, во владения Макензи. На юг, к границе, где он мог встретиться с Хью Мунро или со своими прежними товарищами-изгоями? Нет, наиболее вероятно, что он все-таки двинулся на северо-восток, по направлению к Бьюли. Но если я сумела вычислить это, то же самое в состоянии сделать и люди из патруля.

Мурта вернулся к огню с охалкой сучьев и сбросил их на землю. Уселся, скрестив ноги, на край пледа, а в остальную часть его закутался от холода. Он посмотрел на небо, по которому быстро бежали облака, то и дело скрывая диск луны.

— Снега пока не будет, — хмуро произнес Мурта. — Он пойдет через неделю, а то и через две. Мы могли бы успеть добраться до Бьюли.

— Вы считаете, что он направился туда? — спросила я, обрадованная тем, что мысли наши совпали.

Маленький клансмен пожал плечами и подтянул конец пледа повыше.

— Трудно сказать. Ему нелегко туда попасть, пришлось бы днем затаиваться и вообще держаться в стороне от дорог. Да и лошади у него нет. — Он задумчиво поскоблил свой щетинистый подбородок, — Мы-то не сможем его найти, лучше дать ему возможность отыскать нас.

— Каким образом? Пускать сигнальные ракеты?

Мурта остался верен себе: какую бы нелепость — с его точки зрения

— он от меня ни услышал, он вел себя так, словно я ничего не говорила.

— Я захватил с собой небольшой сверток с вашими снадобьями, — сказал он, указывая подбородком на седельные сумки. — В окрестностях Лаллиброха вас уже знают как лекарку. Надо, чтобы об этом узнали и в других местах. — Он одобрительно кивнул самому себе. — Да, это будет правильно.

Не вступая в дальнейшие объяснения, он улегся, завернулся в плед и уснул, не обращая ни малейшего внимания ни на ветер в деревьях, ни на мелкий дождик, ни на меня.

Довольно скоро я на практике постигла, что он имел в виду. Мы открыто — и медленно — разъезжали по главным дорогам и останавливались возле каждой фермы, в каждой деревне, в каждой деревушке. Мурта делал быстрый обход местного населения, выяснял, кто болен или поранился, и приводил этих людей ко мне на лечение. Врачей в этих местах было мало, ехать к ним далеко, так что почти всегда находился кто-нибудь недужный.

Пока я возилась со своими микстурами и мазями, Мурта на досуге болтал с приятелями и родственниками страдальца, не забывая поподробнее рассказать, какими дорогами мы направляемся в Бьюли. Если случайно оказывалось, что больных нет, мы оставались в том месте на ночь и находили приют в каком-нибудь коттедже или в таверне. Мурта пел для развлечения хозяев и таким образом зарабатывал нам ужин, упорно настаивая на том, чтобы я сохранила все свои деньги, потому что они нам понадобятся, когда мы найдем Джейми.

От природы не склонный к разговорам, он учил меня некоторым своим песням, коротая время, пока мы тащились от одного места к другому.

— У вас приличный голос, — заявил он мне однажды после достаточно успешного исполнения песни «Дови Денс из Ярроу». — Не поставленный, но сильный и верный. Попробуйте еще разок и будете петь нынче вечером вместе со мной. В Лимрее есть небольшая таверна.

— Вы в самом деле думаете, что из этого выйдет толк? — спросила я. — Из нашего путешествия, я имею в виду.

Он поерзал в седле, прежде чем ответить. Не предназначенный от природы к верховой езде, он напоминал мне обезьяну, которую обучили ездить на лошади, но тем не менее к концу дня спрыгивал с седла свеженький как огурчик, в то время как я еле могла стреножить своего коня, шатаясь от изнеможения.

— Да, — сказал он наконец. — Рано или поздно. Вы в последние дни больных осмотрели много, верно?

Это была правда, что я и подтвердила.

— То-то и оно. — Мурта был явно доволен. — Значит, слухи о вашем искусстве распространяются. А нам того и надо. Но мы можем попробовать и кое-что еще получше. Потому вы и споете сегодня вечером. И может... — Он умолк, словно не знал, стоит ли говорить дальше.

— Может — что?

— Может, вы в гаданье разбираетесь, а? — осторожно спросил он, и я поняла, почему он запнулся: он был свидетелем безумной «охоты за ведьмами» в Крэйнсмуире.

— Немножко, — улыбнулась я. — Хотите, чтобы я попробовала?

— Да. Чем больше мы предложим, тем больше народу к нам придет. Молва о нас распространится, в конце концов и наш парень услышит ее. Игра стоит свеч, а? Попробуйте!

— Если это поможет, почему бы и нет?

Мой дебют в качестве исполнительницы песен и гадалки состоялся в тот же вечер в Лимрее и прошел с успехом. Я нашла, что миссис Грэхем была права, когда говорила, что главное — не руки, а лица, именно они открывают вам необходимое. Дают ключ.

Наша известность мало-помалу росла, и уже через неделю люди сбегались приветствовать нас, едва мы въезжали в деревню, а когда мы уезжали, нас забрасывали мелкими монетами и делали нам подарки.

— А знаете, мы ведь и в самом деле кое-чего достигли, — сказала я однажды вечером, пересчитывая заработанные деньги. — Жаль, что поблизости нет театра, мы бы в нем устроили музыкальные представления — фокусник Мурта и его прекрасная помощница Глэдис.

Мурта отреагировал на это замечание со своим обычным упорным безразличием, но то была правда: мы с ним хорошо сошлись. Скорее всего, потому, что цель у нас была общая, — характеры наши являли собой полную противоположность.

Погода все ухудшалась, и мы двигались медленнее, но от Джейми вести так и не приходили. Однажды вечером возле Белладрума, под проливным дождем, мы повстречали цыганский табор.

Не веря глазам своим, я смотрела на пестрые повозки, крытые цыганские телеги, расположившиеся на поляне при дороге. Они выглядели точно так же, как повозки цыган, табор которых каждый год появлялся в Хэмпстед-Даун.

И люди выглядели точно так же: смуглые, оживленные, шумные и приветливые. При звуках, возвестивших о нашем приближении, в окне одной из повозок показалась женская голова. Она оглядела нас, что-то

крикнула, и тотчас поляна под деревьями ожила — отовсюду на нас смотрели сияющие улыбками смуглые лица.

— Дайте-ка мне ваш кошелек для сохранности, — сказал Мурта, с мрачным видом наблюдая за приближающимся к нам молодым человеком, который словно и не замечал, что дождь поливает его пеструю рубашку. — И ни к кому из них не поворачивайтесь спиной.

Я насторожилась, но цыгане приветствовали нас бурными телодвижениями и пригласили разделить с ними трапезу. Пахло восхитительно — скорее всего, тушеным мясом, — и я охотно приняла приглашение, хотя Мурта и бормотал сердито, что еще неизвестно, чье это мясо.

Цыгане немного говорили по-английски, гораздо хуже — по-гэльски; объяснялись мы главным образом жестами, прибегая и к некоему жаргону, по-видимому, в основе своей французского происхождения. В повозке, где нас угощали, было тепло и уютно. Мужчины, женщины и дети расселись кто где и ели из мисок, заедая сочное мясо кусочками хлеба. Это оказалась самая вкусная еда, какую мне пришлось отведать за несколько недель, и я наелась буквально до отвала. С трудом набирая в грудь воздуха для пения, я тем не менее подпевала Мурте в самых ответственных местах, предоставив ему вести мелодию.

Наше исполнение было встречено бурными аплодисментами, и цыгане отвечали песней: молодой человек пропел нечто очень жалобное под аккомпанемент дряхлой скрипки. Его пение и игра сопровождались ритмическими ударами в бубен, в который с большой серьезностью била девочка лет восьми.

В своих расспросах по деревням и в коттеджах Мурта был крайне осторожен, но с цыганами говорил совершенно открыто. К моему удивлению, он прямо сказал им, кого мы ищем: высокого мужчину с волосами как огонь и с глазами голубыми как небо. Цыгане, сидевшие вдоль всего прохода, обменялись взглядами, но каждый отрицательно помотал головой. Нет, они его не встречали... Но предводитель, тот самый молодой человек в яркой рубашке, который первым приветствовал нас, знаками дал понять, что пришлет вестника, если им доведется увидеть того, кого мы ищем.

Я поклонилась с улыбкой; а Мурта в свою очередь пообещал соответствующей пантомимой заплатить за такую услугу. Это вызвало одобрительные улыбки, но также и весьма алчные взгляды. Я обрадовалась, когда Мурта заявил, что на ночь мы не останемся, нам надо ехать дальше, спасибо за гостеприимство. Он вынул из споррана несколько монет,

позабывшись при этом продемонстрировать, что всего их там жалкая горсть. Раздав монеты и много раз поблагодарив за ужин, мы удалились, сопровождаемые прощальными приветствиями, изъявлениями благодарности и добрыми пожеланиями — во всяком случае, я восприняла их в этом смысле.

Однако в равной мере то могли быть обещания преследовать нас и перерезать нам глотки: Мурта повел себя так, словно подозревал подобный оборот.

Две мили до перекрестка мы проскакали галопом, потом свернули в заросли и сделали хороший крюк, прежде чем снова выехали на большую дорогу. Мурта посмотрел в обе стороны: дорога, над которой навис сырой сумрак, была пустынна.

— Вы и в самом деле считаете, что они гнались за нами? — с любопытством спросила я.

— Не знаю, но, поскольку их по меньшей мере дюжина, а нас всего двое, я решил поступить так, словно они преследуют нас.

Слова его прозвучали вполне резонно, и я последовала за ним без дальнейших расспросов; проделав еще несколько хитрых маневров, мы добрались до Россмура, где и заночевали в амбаре.

Снег выпал на следующий день. Легкий и редкий, он лишь припорошил землю, напоминая муку на полу в мельнице, но на душе у меня стало беспокойно. Тяжело было думать о Джейми, одиноким и бесприютным среди зарослей вереска, вынужденном терпеть зимние бури в одной рубашке и пледе, Которые были на нем, когда его задержал патруль.

Через два дня явился вестник.

Солнце еще стояло над горизонтом, но в скалистых ущельях вечер уже наступил. Под безлистными деревьями лежали такие глубокие тени, что тропу было почти не видно. Из страха потерять вестника в сгущающейся тьме, я шла за ним так близко, что несколько раз наступила ему на длинный подол плаща, который почти волочился по земле. Наконец мой проводник с нетерпеливым ворчанием повернулся и, поставив меня впереди себя, положил мне на плечо тяжелую руку и стал таким образом направлять меня вперед.

Кажется, мы шли очень долго. Я потеряла счет бесконечным поворотам среди нагромождения валунов и завалов бурелома. Шла и надеялась, что Мурта где-то поблизости, хотя бы на расстоянии окрика, следует за нами. Человек, который пришел за мной в таверну, цыган средних лет, ни слова не говоривший по-английски, решительно отказался

взять с собой кого-либо, кроме меня, выразительно указав сначала на Мурту, а потом на землю — в знак того, что Мурта должен остаться здесь.

Ночной холод наступал в это время года очень быстро, и даже мой теплый плащ едва-едва защищал меня от внезапных порывов ледяного ветра, который налетал на нас в открытых переходах и на полянах. Я разрывалась между горестными размышлениями о том, каково приходится Джейми в холодные, сырые ночи поздней осени без приюта, и радостным возбуждением при мысли, что снова увижу его. Дрожь то и дело пробегала у меня по спине, но она ничего общего не имела с холодом.

Наконец мой проводник толчком остановил меня, стиснул мое плечо в порядке предостережения, сошел с тропы и исчез. Я стояла терпеливо, для тепла засунув ладони под мышки. Я была уверена, что мой проводник вернется — хотя бы потому, что я ему еще не заплатила. Ветер шуршал в сухих плетях ежевики, словно призрак оленя, мечущийся в страхе перед охотниками. Сырость начала просачиваться сквозь изношенные подошвы моих башмаков.

Мой спутник появился столь же быстро и внезапно, как исчез, жестом призвав меня хранить молчание, так как при его появлении я невольно вскрикнула от неожиданности. Движением головы он велел мне следовать за ним и отвел в сторону голые ольховые ветки, чтобы дать мне пройти.

Вход в пещеру был узкий. На уступе горел фонарь, обрисовывая силуэт высокой фигуры, повернувшейся в мою сторону.

Я бросилась вперед, но, еще не коснувшись его, поняла, что это не Джейми. Разочарование подействовало на меня, как удар в живот; я отступила назад и вынуждена была сглотнуть несколько раз, чтобы отправить обратно горькую желчь, заполнившую горло. Я прижала руки к бокам, втиснув кулаки в бедра, чтобы овладеть собой и заговорить.

— Далековато от ваших владений, вам не кажется? — произнесла я голосом, поразившим меня своей холодной уверенностью.

Дугал Макензи некоторое время наблюдал за моей внутренней борьбой с выражением сочувствия на смуглом лице. Теперь он взял меня за локоть и увел дальше в пещеру. Много тюков было сложено в ее дальнем конце — гораздо больше, чем может увезти одна лошадь. Значит, он здесь не один. Но, какой бы груз ни перевозили он и его люди, ясно, что он не хотел показывать его любопытствующим содержателям гостиниц и их конюхам.

— Это что, контрабанда? — спросила я, указывая на свертки, но потом подумала и сама, ответила на свой вопрос: — Нет, не совсем контрабанда. Груз для принца Чарлза, верно?

Он не потрудился ответить мне; сел на камень напротив меня и положил руки мне на колени.

— У меня новости, — отрывисто произнес он.

Я набрала воздуху в грудь, чтобы успокоиться. Новости... и, судя по выражению его лица, новости плохие. Я снова сделала глубокий вдох и кивнула.

— Расскажите мне.

— Он жив, — сказал Дугал, и самый большой ком льда у меня в желудке растаял.

Дугал наклонил голову набок, наблюдая за мной. Ждет, не упаду ли я в обморок? Этого не произошло, я не потеряла сознания.

— Его схватили возле Килторити, две недели назад, — продолжал Дугал, все еще наблюдая за мной. — Он не оплошал, просто ему не повезло. Накинулся на шестерых драгунов на повороте тропы, и один из них его опознал.

— Его ранили? — Голос мой оставался спокойным, но руки начали дрожать. Я прижала их к телу, чтобы унять дрожь.

— Насколько я знаю, нет, — ответил Дугал, помолчал и добавил: — Он в Уэнтуортской тюрьме.

— Уэнтуорт, — повторила я механически.

Уэнтуортская тюрьма. Возведенная в конце шестнадцатого столетия первоначально как сильная пограничная крепость, она периодически достраивалась в течение последующих ста пятидесяти лет. Теперь эта каменная грудa занимала площадь около двух акров и была обнесена стеной трехфутовой толщины из выветрившегося гранита. Но даже в гранитных стенах есть ворота, подумала я. Я подняла глаза, чтобы задать вопрос, и увидела на лице Дугала все то же мрачное выражение человека, которому не хочется что-то говорить.

— Что еще? — спросила я.

Его карие глаза встретились с моими; он не отвел их.

— Его судили три дня назад, — сказал он. — И приговорили к повешению.

Ледяной ком вернулся — в компании с еще несколькими. Я закрыла глаза.

— Сколько времени? — спросила я.

Голос мой звучал словно бы где-то очень далеко, я открыла глаза и постаралась сосредоточить взгляд на огне фонаря. Дугал покачал головой.

— Я не знаю. Наверное, немного.

Мне дышалось уже легче, и я разжала кулаки.

— Тогда нам надо поспешить, — сказала я, все еще спокойно. — Сколько людей с вами?

Вместо ответа Дугал встал и подошел ко мне. Наклонился, взял мои руки в свои и поднял меня на ноги. Уже не выражение сочувствия, а глубокая печаль светилась в его глазах, и это напугало меня куда больше, чем его слова. Он медленно покачал головой.

— Нет, милая, — произнес он мягко, — мы ничего не можем сделать.

В полном ужасе я вырвала у него свои руки.

— Можем! — выкрикнула я. — Должны! Вы сказали, что он еще жив!

— И я сказал, что времени осталось немного, — жестко возразил он. — Парень находится в Уэнтуортской тюрьме, а не в дыре для воришек в Крэйнсмуире! Они могут повесить его сегодня, завтра или на следующей неделе, никаких точных сведений у меня нет, но я знаю, что десять человек ни при каких обстоятельствах не в состоянии взять приступом Уэнтуортскую тюрьму.

— Ах вот как! — Меня снова начало трясти, но на этот раз — от гнева. — Вы этого не можете знать, вы не представляете себе, что можно сделать! Просто не хотите рисковать собственной шкурой и вашей ничтожной... выгодой! — Я показала на тюки в глубине пещеры.

Дугал сцепился со мной, стараясь удержать мои руки, которыми я в неистовстве от горя и гнева колотила его в грудь. Потом, не обращая внимания на удары, он обнял меня, крепко прижал к себе и держал так, пока я не унялась.

— Клэр. — Он впервые назвал меня так, и я испугалась еще сильнее. — Клэр, — повторил он, ослабив объятия, так что я могла теперь видеть его лицо, — неужели вы думаете, что я не сделал бы всего от меня зависящего, чтобы освободить Джейми, если бы видел хоть единственный шанс? Черт побери, ведь это же мой приемный сын! Но шансов нет — ни одного!

Он слегка встряхнул меня, как бы усиливая смысл своих слов.

— Сам Джейми не допустил бы, чтобы я погубил десяток хороших людей во имя пустой авантюры. Вы это знаете так же хорошо, как и я.

Я больше не могла удерживать слезы. Они полились по моим холодным, как лед, щекам; я пыталась высвободиться из объятий Дугала, но он сжал меня еще крепче и с силой привлек мою голову к своему плечу.

— Клэр, дорогая моя, — произнес он почти с нежностью, — мое сердце разрывается от боли за него — и за вас. Уедемте со мной. Я отвезу вас в безопасное место. В мой собственный дом. Не в Леох, — добавил он поспешно, почувствовав, что я дернулась.

— В ваш дом? — медленно проговорила я, и в уме у меня начало зарождаться ужасное подозрение.

— Да, — ответил он. — Не думаете же вы, что я снова отвезу вас в Крэйнсмуир? — Короткая улыбка на мгновение оживила его суровое лицо, но оно тотчас же приняло прежнее серьезное выражение. — Нет. Я увезу вас в Беаннахд. Там вы будете в безопасности.

— В безопасности? — повторила я. — Или в полной беспомощности? Тон моего голоса заставил его опустить руки.

— Что вы имеете в виду? — уже не тепло, а очень холодно спросил он.

Мне и самой сделалось зябко; я запахнула плащ и отстранилась от Дугала.

— Вы удерживали Джейми вдали от его собственного дома, рассказав ему, что его сестра родила ребенка от Рэндолла, — сказала я. — Вы и ваш любимый братец хотели переманить Джейми в ваш лагерь. Но теперь он схвачен англичанами, и вы утратили возможность контролировать собственность через него. — Я отступила еще на шаг и продолжала: — Вы принимаете участие в составлении брачного контракта вашей сестры. Это вы, вернее, вы и ваш брат Колам настояли, чтобы Брех Туарахом владела женщина. Вы считаете, что, если Джейми погибнет, Брех Туарах достанется мне — или вам, если вы уговорами или силой добьетесь, чтобы я вышла замуж за вас.

— Что? — Он выкрикнул это так, словно не верил своим ушам. — Вы думаете... вы думаете, что все это какой-то заговор? Святая Эгнис! Вы думаете, я вам лгу?

Я покачала головой, держась от него на расстоянии. Я ни на йоту не верила ему.

— Нет, я верю вашим словам. Если бы Джейми не был в тюрьме, вы бы не посмели сказать мне, что он там. Ведь это легко проверить. Я не считаю также, что это вы предали его англичанам — даже вы не могли бы так поступить со своим родственником. Нет. Кроме того, если бы вы его предали и об этом узнали бы ваши люди, они немедленно обратились бы против вас. Они многое простили бы вам, но не предательство по отношению к родному по крови человеку. — Говоря все это, я вдруг вспомнила об одной вещи. — Это вы напали на Джейми у границы в прошлом году?

Тяжелые брови поднялись в изумлении.

— Я? Нет! Я нашел парня умирающим и спас его. Разве это значит, что я хотел причинить ему зло?

Под прикрытием плаща я опустила руку на бедро и потрогала свой

кинжал.

— Если это сделали не вы, то кто же?

— Я не знаю. — Красивое лицо выглядело настороженным, но искренним. — Это был один из троих, людей конченных, поставленных вне закона, которые бродяжничали и охотились вместе с Джейми. Все трое обвиняли один другого, докопаться до правды было невозможно, по крайней мере тогда. — Он передернул плечами, и плащ упал с них на землю. — Теперь это уже не имеет значения: двое из этих людей мертвы, а третий в тюрьме. По другому обвинению, но какая, в сущности, разница, не правда ли?

— Я так не считаю, — возразила я, испытывая некоторое облегчение при мысли о том, что, кем бы он ни был, он все же не убийца.

У него не было причин лгать мне сейчас: насколько он знал, я была совершенно беспомощна. Он мог принудить меня к чему угодно. Во всяком случае, похоже было, что он именно так считает. Я покрепче ухватила за рукоятку кинжала.

Свет в пещере был очень слабый, но я держалась настороже и заметила, как по лицу Дугала скользнуло выражение нерешительности, прежде чем он предпринял свой следующий шаг. Он двинулся ко мне с раскрытыми объятиями, но тотчас остановился, когда я отпрянула.

— Клэр... Моя милая Клэр...

Голос звучал так мягко, а рука едва заметным движением потянулась к моей руке — значит, он решил попробовать соблазн, а не принуждение.

— Я понимаю, почему вы так холодны со мной и почему так плохо думаете обо мне. Я пылаю страстью к вам, Клэр. Это истинная правда, я желаю вас с той самой ночи Собрания, когда я поцеловал ваши свежие губы. — Он легонько коснулся двумя пальцами моего плеча, потом передвинул их к шее. — Если бы я был свободен, когда Рэндолл угрожал вам, я женился бы на вас тогда же и послал его ко всем чертям.

Он теснее придвинулся ко мне, почти прижав к каменной стене пещеры. Пальцы шарили у воротника моего плаща в поисках застёжки.

Должно быть, он вдруг увидел мое лицо, потому что прекратил свои попытки, но оставил руку у меня на шее, как раз в том месте, где бился пульс.

— Но, даже чувствуя к вам то, что я чувствую, — а я не в силах скрывать это дольше, — даже зная теперь об этом, вы ведь не поверите, что я оставил бы Джейми, если бы имел малейшую надежду спасти его? Джейми Фрээр — единственный человек, которого я могу считать своим сыном!

— Не вполне так, — сказала я. — У вас есть родной сын. Впрочем, теперь, кажется, уже два?

Пальцы у меня на горле слегка сжались, но тотчас расслабились, и Дугал убрал руку.

— Что вы имеете в виду?

С этой минуты всякое притворство и любая игра сделались невозможными. Карие глаза смотрели на меня пристально, полные губы сжались в одну прямую линию. Он был очень большой и находился очень близко ко мне. Но я зашла слишком далеко, чтобы осторожничать.

— Это значит, что я знаю, кто настоящий отец Хэмиша, — ответила я.

Он наполовину ожидал этого и вполне владел своим лицом, но я целый месяц занималась гаданием, и это не пропало даром. Я заметила короткую вспышку изумления в его мгновенно расширившихся глазах и столь же краткий и внезапный проблеск страха, от которого дрогнули углы рта.

Удар попал в цель. Несмотря на опасность минуты, я ощутила некое торжество. Выходит, я оказалась права, и мое знание может стать моим оружием.

— Так вы знаете? — тихо проговорил он.

— Да, и полагаю, что Колам это знает тоже.

На мгновение это ошеломило его. Карие глаза сузились, и у меня мелькнула мысль: вооружен ли он?

— Я думаю, одно время он считал, что это Джейми, — говорила я, глядя прямо ему в глаза. — Из-за сплетен. Пустили их вы, сообщив Джейлис Дункан. Зачем? Из-за того, что Колам заподозрил Джейми и начал допрашивать Летицию? Она бы не смогла долго ему противиться. Или это Джейли решила, что вы любовник Летиции, а вы сказали ей о Джейми, чтобы успокоить ее подозрения? Она женщина ревнивая, но теперь у нее нет никакого резона покрывать вас.

Дугал жестоко улыбнулся.

— Она бы и не могла, — согласился он. — Ведьма мертва.

— Мертва! — Потрясение, должно быть, так же ясно отразилось на моем лице, как и прозвучало в голосе.

Улыбка Дугала сделалась шире.

— Да, — сказал он. — Ее сожгли. Сначала погрузили ногами в бочку со смолой, потом обложили сухим торфом. Привязали к столбу и подожгли, словно факел. Улетела к дьяволу столбом огня сквозь ветви рябины.

Вначале я подумала, что этот перечень подробностей был предназначен для того, чтобы произвести на меня впечатление, но я ошиблась. Слегка отодвинувшись в сторону, так что свет упал Дугалу на

лицо, я увидела у него вокруг глаз горестные морщины. То был не перечень ужасов, а самобичевание. Однако я не испытала к нему жалости.

— Значит, вы ее любили, — холодно произнесла я. — Много хорошего это ей принесло. И ребенку тоже. Что вы с ним сделали?

— Он в хорошем доме и в добрых руках. Сын, здоровый ребенок, хотя его мать и была ведьмой и прелюбодейкой.

— А его отец — прелюбодей и предатель, — зло сказала я. — Ваша жена, ваша любовница, ваш племянник, ваш брат... есть ли кто-то, кого вы не предали и не обманули? Вы... вы... — Я захлебывалась словами от возмущения. — Впрочем, не знаю, чем это я так потрясена. — Я постаралась говорить спокойнее. — Если вы не храните верность вашему королю, то чего ради вам хранить ее по отношению к племяннику или брату.

Он резко повернул голову и уставился на меня. Поднял густые темные брови, такие же, как у Колама, как у Джейми и Хэмиша. Глубоко посаженные глаза, широкие скулы, великолепно вылепленный череп. Наследие Джейкоба Макензи, крепкая кровь.

Большая рука тяжело опустилась мне на плечо.

— Мой брат? Вы думаете, что я предал своего брата?

Это по какой-то причине очень Задело его, лицо потемнело от гнева.

— Вы только что сами признались в этом! — сказала я — и вдруг поняла! — Вы оба, — сказала я медленно. — Вы с Коламом сделали это вместе. Да, вместе, как все, что вы делаете.

Я сняла его руку со своего плеча и резко отбросила ее от себя.

— Колам не стал бы главой клана, если бы вы не воевали вместо него. Он не смог бы объединить клан, если бы вы не ездили вместо него, не собирали арендную плату и не улаживали споры. Он не мог ездить верхом, не мог путешествовать. И не мог бы зачать сына — наследника титула. А у вас не было сыновей от Моры. Вы поклялись быть для него руками и ногами... — Я вдруг почувствовала, что в груди у меня клокочет истерический смех. — Почему бы вам точно так же не стать его членом?

Дугал уже смирил свой гнев; постоял с минуту молча, настороженно наблюдая за мной. Придя к заключению, что я не собираюсь бежать, он уселся на один из тюков и подождал, пока я закончу.

— Итак, вы совершили это с согласия Колама. А как отнеслась к этому Летиция? Она была согласна?

Понимая теперь, насколько они безжалостны, я не исключала возможности, что братья Макензи принудили Летицию силой.

Дугал кивнул. Гнев его полностью испарился.

— Да, совершенно согласна. Она не жаловала меня, но очень хотела ребенка — настолько, что согласилась делить со мной постель три месяца, которые понадобились, чтобы зачать Хэмиша. Это была чертовски скучная работа, — раздумчиво добавил Дугал, отскабливая с каблука комок засохшей грязи. — С тем же успехом можно было совокупляться с миской молочного пудинга.

— И вы сказали Коламу об этом? — спросила я.

Учуяв в моем голосе насмешку, Дугал поднял голову и спокойно поглядел на меня. Легкая улыбка осветила его лицо.

— Нет, — ответил он невозмутимо. — Этого я ему не сказал.

Опустив взгляд на свои руки, он повернул их ладонями вверх и принялся разглядывать с таким видом, словно хотел прочесть по их линиям нечто важное и тайное.

— Я ему сказал, — тихо заговорил он, не глядя на меня, — что она сладкая и нежная, как спелый персик, что у нее есть все, чего мужчина может пожелать от женщины. — Он сложил ладони одна с другой и поглядел на меня. — Вас бы я не назвал нежной и сладкой, но все, что мужчина может пожелать...

Он очень медленно обвел карими глазами всю мою фигуру, задержавшись на выпуклостях груди и бедер, заметных под расстегнутым плащом; одной рукой он бессознательно поглаживал себя по мускулистой ляжке.

— Кто знает? — произнес он, обращаясь как бы к самому себе. — Я мог бы иметь еще одного сына, законного на этот раз. Правда... — тут он критическим оком глянул на мой живот, — этого пока не получилось у Джейми. Возможно, вы бесплодны. Но я мог бы попытаться судьбу. Во всяком случае, имение того стоит.

Он вдруг поднялся и шагнул ко мне.

— Кто знает? — повторил он очень тихо. — Если бы я вспахивал своим плугом эту хорошенькую каштановую бороздку и каждый день засеивал ее...

Тени на стене пещеры задвигались, когда он сделал еще шаг ко мне.

— Вы дьявольски удачно выбрали для этого время, — сказала я зло.

У него сделалось невероятно ошеломленное лицо, когда он заметил, что я смотрю мимо него на входное отверстие пещеры.

— Вмешиваться оно как-то невежливо, — произнес Мурта, проникая в пещеру вслед за двумя кремневыми пистолетами, один из которых он наставил на Дугала, а другим пользовался для жестикуляции.

— Ежели вы намерены отклонить последнее предложение, я

приглашаю вас уйти вместе со мной. Но если вы намерены его принять, тогда я удалюсь один.

— Никто никуда не удаляется, — коротко ответила я. — Сядьте, — предложила я Дугалу, который все еще стоял как столб и смотрел на Мурту как на привидение.

— А где Руперт? — спросил он, обретя наконец дар речи.

— О, Руперт... — Мурта задумчиво потер подбородок дулом пистолета. — Он вроде бы отправился в Белладрум. Вернется на рассвете, — уверенно добавил он. — С бочонком рома, за которым вы его вроде послали. Остальные спят в Куинборо.

Дугал нашел в себе силы рассмеяться, хотя и хрипловато. Он сидел, руки на коленях, и переводил глаза с меня на Мурту и обратно. Наступило недолгое молчание.

— Ну? — заговорил Дугал. — Что теперь?

Это, что называется, был вопрос по существу. Удивленная тем, что вместо Джейми встретила Дугала, ошарашенная его разоблачениями и доведенная до бешенства его последующими предложениями, я как-то не нашла времени подумать, а что же дальше делать.

К счастью, Мурта оказался более подготовленным. Но ему, правда, не пришлось иметь дело с непристойными предложениями.

— Нам нужны будут деньги, — заявил он напрямик. — И люди. — Потом он оценивающим взглядом окинул тюки и добавил: — Нет. Это для короля Якова. Мы возьмем из твоих собственных.

Он перевел глаза на Дугала и ткнул дуло пистолета в направлении его споррана.

Жизнь в шотландских горах делает человека фаталистом, такова уж одна из ее особенностей. Дугал со вздохом вытащил из споррана и бросил к моим ногам небольшой кошелек.

— Двадцать золотых монет и тридцать шиллингов, — сказал он, подняв одну бровь. — Берите, и привет вам.

Заметив мой скептический взгляд, он покачал головой.

— Нет, я сказал что хотел. Думайте обо мне как хотите. Джейми — сын моей сестры, и если вы сможете его освободить, да поможет вам Бог. Но вы не сможете, — заключил он беспрекословно.

Он глянул на Мурту, который все еще манипулировал своими пистолетами.

— Что касается людей, то нет. Если ты, Мурта, и барышня хотите покончить жизнь самоубийством, я вас удержать не могу. Обещаю только похоронить вас по обе стороны от могилы Джейми. Но вы не уведете с

собой в ад моих людей, с пистолетами или без них.

Он скрестил руки на груди и, прислонившись к стене пещеры, спокойно смотрел на нас.

Мурта продолжал целиться, но его маленькие черные глазки обращены были ко мне. Стрелять или нет?

— Я предложу вам сделку, — сказала я.

Дугал снова приподнял бровь.

— У вас сейчас определенное преимущество передо мной в заключении сделок, — заметил он. — Что же именно вы предлагаете?

— Позвольте мне поговорить с вашими людьми, — сказала я. — Если они пойдут со мной по доброй воле, отпустите их. Если нет, мы уйдем как пришли и вернем вам ваш кошелек.

Один уголок его рта приподнялся, изображая кривую улыбку. Он посмотрел на меня, как бы оценивая мое красноречие и убедительность моих доводов. Потом сел, положил руки на колени и кивнул:

— Идет.

Мы покинули ущелье с пещерой, увозя кошелек Дугала и пятерых спутников: Руперта, Джона Уитлоу, Уилли Макмуртри и братьев-близнецов Руфуса и Джорди Каултеров. Решительность Руперта убедила остальных; я с чувством мрачного удовлетворения наблюдала за выражением лица Дугала, когда его приземистый чернобородый заместитель вдумчиво поглядел на меня, потом похлопал по висевшим на поясе длиннотельным пистолетам и сказал:

— Ну что же, барышня, почему бы и нет?

До Уэнтвортской тюрьмы было отсюда тридцать пять миль. Полчаса езды на автомобиле по хорошей дороге. Два дня тяжелого пути в седле по наполовину замерзшей грязи. Времени немного. Эти слова Дугала постоянно отдавались эхом у меня в ушах и еще долго удерживали меня в седле после того, как я начинала чувствовать себя совершенно измученной.

Пока мое тело тряслось в седле в течение долгих утомительных миль, разум был открыт для тревоги. Чтобы не думать непрерывно о Джейми, я отвлекала себя воспоминаниями о разговоре с Дугалом в пещере.

И о последнем, что он мне сказал. Стоя снаружи у входа в пещеру и дожидаясь, пока Руперт и его спутники приведут из укрытия, расположенного выше по ущелью, своих коней, Дугал внезапно обратился ко мне.

— У меня поручение для вас, — сказал он. — От ведьмы.

— От Джейли? — Сказать, что я была удивлена, значило ничего не

сказать.

Лицо Дугала я не могла разглядеть в темноте, но увидела, что он утвердительно наклонил голову.

— Я виделся с ней однажды, — проговорил он тихо, — когда приходил за ребенком.

В других обстоятельствах я, возможно, отнеслась бы с сочувствием к нему, к тому, что он расставался со своей любовницей, осужденной на костер, что уносил их общего ребенка, сына, которого он никогда не сможет признать своим по закону. Но теперь голос мой был как лед.

— Что же она велела передать?

— Она велела передать, если я увижу вас, две вещи. Велела запомнить их и точно сообщить вам. Первая: *«Я думаю, что это возможно, но не знаю точно»*. А вторая; это просто несколько чисел. Она заставила меня выучить их в том порядке, в каком надо передать их вам. Вот они: *один, девять, шесть, семь...* Говорит это вам что-нибудь?

— Нет, — ответила я и направилась к своей лошади, хотя сказанное было мне, безусловно, понятно.

«Я думаю, что это возможно». Только одно могла она разуметь под этим: она думала, хоть и не была вполне в этом уверена, что через круг камней можно вернуться обратно в свое время. Она не воспользовалась такой возможностью для себя, она — к своей беде — выбрала другое: остаться. Наверное, у нее на то были свои причины. Дугал?

Что касается чисел, то я тоже понимала, что они значат. Дугалу она их назвала по отдельности во имя тайны, но они, разумеется, составляли одно число — 1967. Год, из которого она сама ушла в прошлое.

Какая жалость, что я увидела метку оспенной прививки у нее на руке слишком поздно. Но если бы я увидела эту метку раньше, что тогда? Попала ли бы я в круг каменных столбов — возможно, с ее помощью — и оставила бы Джейми?

Джейми. Мысль о нем тяжким грузом давила на меня; она раскачивалась из стороны в сторону, словно маятник на конце веревки. «Времени немного». Дорога, тянулась перед нами бесконечная и тоскливая, порою исчезая среди замерзших болот или ледяных просторов, которые были еще недавно лугами и пустошами. Под мелким холодным дождем, который вот-вот грозил перейти в снег, мы достигли цели к вечеру второго дня.

Громада здания чернела на фоне облачного неба. Построенное в форме гигантского куба здание, с каждой стороной в четыреста футов и с башней на каждом углу, вмещало триста узников плюс сорок солдат гарнизона во

главе с командиром, штатского коменданта и прочую прислугу. Уэнтуортская тюрьма.

Я глядела на зловещие стены из зеленоватого гранита. В стенах были прорезаны окна, очень маленькие. В некоторых из них мерцал свет. Другие — как мне подумалось, окна в камерах узников — оставались темными. Глядя на массивное здание с непроницаемыми стенами, огромными воротами, охраной в красных мундирах, я начала терзаться сомнениями.

— Что, если... — Во рту у меня пересохло, я остановилась и облизала губы. — Что, если мы не сможем это сделать?..

У Мурты на лице было его обычное угрюмое выражение; он прятал острый подбородок в воротнике рубашки. Он повернулся ко мне.

— Стало быть, Дугал нас похоронит по обе стороны от Джейми, — ответил он. — Да, прямо сказать, работа нелегкая.

Часть седьмая УБЕЖИЩЕ

Глава 34 УЭНТУОРТСКАЯ ТЮРЬМА

Сэр Флэтчер Гордон был низенький и дородный мужчина; полосатый шелковый жилет обтягивал его, словно вторая кожа. Плечи у него были покатые, а брюшко весьма солидное, и оттого казалось, что в комендантское кресло уселся большой окорок. Лысая голова и ярко-розовое лицо скорее усиливали, нежели рассеивали это впечатление, хотя ни один окорок не мог похвастаться парой таких голубых глаз. Склонившись над пачкой бумаг на письменном столе, сэр Флэтчер осторожно и неторопливо перелистывал их.

— Да, вот он, — сказал сэр Флэтчер после того, как невыносимо долго читал страницу. — Фрэзер, Джеймс. Обвиняется в убийстве. Приговорен к повешению. Так, позвольте, а где же постановление об экзекуции? — Он снова умолк, близоруко уткнувшись в бумаги.

Я впилась ногтями в шелк моего ридикюля, стараясь сохранять невозмутимое выражение лица.

— А, да. День казни 23 декабря. Он еще у нас.

Я проглотила слюну и ослабила судорожную хватку. Меня одновременно охватили ужас и ликование. Значит, он еще жив. Оставалось два дня. И он где-то близко, в том же здании, где сейчас нахожусь я... Выпрямившись в кресле для посетителей, я придала себе вид этакой обаятельной просительницы.

— Могу ли я повидать его, сэр Флэтчер? Совсем ненадолго... быть может, он захочет что-нибудь передать своей семье?

Под видом английской приятельницы семейства Фрэзеров мне сравнительно легко удалось получить аудиенцию у гражданского коменданта Уэнтуортской тюрьмы. Просить о свидании с Джейми было, безусловно, опасно: ничего не зная о выдуманной мною истории, он легко мог выдать меня, увидев внезапно и без предупреждения. Да и я сама могла себя выдать, потеряв самообладание при встрече с Джейми. Но мне необходимо было так или иначе выяснить, где он точно находится; шансы разыскать его в этой огромной ловушке для кроликов без всяких указаний сводились к нулю.

Сэр Флэтчер сдвинул брови, что-то обдумывая. Было ясно, что подобную просьбу со стороны всего лишь друга, а не члена семьи он считает неприемлемой, но в то же время он не был человеком

бесчувственным. В конце концов он все же покачал головой отрицательно.

— Нет, дорогая моя. Боюсь, что никоим образом не могу этого позволить. У нас все переполнено, и мы не имеем необходимых условий для личных свиданий с заключенными. К тому же он... — сэр Флэтчер снова полистал бумаги, — он сейчас содержится в большой камере в западной части здания, вместе с другими уголовными преступниками, которым уже вынесен приговор. Для вас свидание с ним в этой камере было бы чрезвычайно опасно... да и вообще где бы то ни было. Это опасный узник, поймите. Вот здесь обозначено, что мы с первого дня пребывания у нас держим его в кандалах.

Я снова вцепилась в ридикюль, на сей раз чтобы не ударить коменданта. Он еще раз покачал головой; пухлая грудь вздымалась и опадала от тяжелого дыхания.

— Нет, если бы вы были членом семьи, тогда, возможно... Впрочем, дорогая моя...

Его, кажется, нечто осенило. С некоторыми затруднениями выбравшись из кресла, он подошел к внутренней двери, возле которой стоял на карауле солдат в мундире, и что-то негромко приказал ему. Тот кивнул и вышел.

Сэр Флэтчер вернулся к своему письменному столу, задержавшись по пути, чтобы прихватить графин и стаканы, оставленные, на комод. Я приняла его предложение выпить кларету — я в этом очень нуждалась.

Мы успели пригубить второй стакан к тому времени, как вернулся караульный. Тот вошел в кабинет без приглашения и поставил на стол возле локтя сэра Флэтчера небольшой деревянный ящичек. Потом повернулся и вышел, бросив на меня мимолетный, но внимательный взгляд, перед которым я скромно опустила очи долу. На мне было платье, заимствованное у некоей дамы из знакомых Руперта; запах, которым пропиталось платье и соответственно ридикюль, навел меня на совершенно определенные мысли о том, чем занималась эта особа. Я надеялась, что караульный не узнал платья.

Осушив стаканчик и поставив его на стол, сэр Флэтчер придвинул к себе ящичек — простую деревянную шкатулку с выдвижной крышкой. На крышке мелом было написано: «Фрэзер». Сэр Флетчер сдвинул крышку, заглянул внутрь и тотчас пододвинул ящичек ко мне.

— Личные вещи заключенного, — сказал он. — Обычно мы после... мм... экзекуции отсылаем их тому из родственников, кому назначает осужденный. Однако этот узник вообще отказался хоть что-то сообщить о своей семье. По-видимому, из неприязни или отчуждения. Не столь уж

необычно, однако прискорбно. Я подумал, мистрисс Бошан, что, поскольку вы друг семьи, может быть, вы примете на себя обязанность передать вещи родственникам?

Говорить я не могла, только кивнула и уткнулась носом в стакан с кларетом.

Сэр Флэтчер был явно обрадован и тем, что пристроил шкатулку, и тем, что я вскоре удалюсь. Он, все так же тяжело, с присвистом дыша, откинулся на спинку и широко улыбнулся мне.

— Это очень великодушно с вашей стороны, мистрисс Бошан. Это весьма грустная и тягостная обязанность для чувствительной молодой женщины, и, уверяю вас, я вам от души признателен.

— Не стоит благодарности, — пробормотала я с трудом, встала и взяла шкатулку — такую маленькую и легкую, заключающую в себе все, что осталось от человеческой жизни.

Я знала, что там лежит. Три аккуратно свернутые рыболовные лески. Кремень и кресало. Маленький осколок стекла с округленными от трения краями. Мелкие камешки — просто потому, что они красивы или приятны на ощупь. Высушенная лапка крота — средство от ревматизма. Библия... или они позволили ему оставить ее у себя? Я на это надеялась. Кольцо с рубином — если его не украли. И маленькая змейка, вырезанная из вишневого дерева, с надписью: «Сони».

Я запнулась у двери и ухватила за притолоку, чтобы удержаться на ногах. Сэр Флэтчер, любезно провожавший меня, немедленно подскочил ко мне:

— Мистрисс Бошан! Вам дурно, дорогая? Караульный, подайте стул!

Я почувствовала, что на лице у меня выступил каплями холодный пот, но попыталась улыбнуться и отказалась от предложенного стула. Больше всего на свете я жаждала выбраться отсюда — я хотела вдохнуть в себя свежий воздух, как можно больше свежего воздуха. Хотела остаться одна, чтобы выплакаться.

— Нет-нет, я чувствую себя хорошо, — как можно убедительнее произнесла я. — Просто... здесь немного душно. Все будет в порядке, уверяю вас. К тому же мой грум ждет меня.

И тут мне пришла в голову одна мысль, это могло оказаться бесполезным, но и не повредило бы ничему.

— Сэр Флэтчер...

— Да, моя дорогая? — По-видимому, не на шутку обеспокоенный моим видом, он был весь галантность и внимание.

— Мне пришло в голову... Как это грустно, что молодой человек в

подобном положении чуждается своей семьи. Быть может, он все же хотел бы обратиться к своим родным с письмом... примириться с ними? Я была бы счастлива вручить такое письмо... его матери.

— Вы замечательно предусмотрительны, дорогая! Конечно! Я велю спросить. Где вы остановились, дорогая? Если письмо будет написано, я перешлю его вам.

— Видите ли, — я на этот раз вполне справилась с улыбкой, хоть и чувствовала ее как будто наклеенной на мою физиономию, — я не могу сейчас сказать это с полной уверенностью. В городе у меня есть родственники и множество знакомых, у всех у них я считаю себя обязанной провести какое-то время... чтобы никого не обидеть. — Я принудила себя рассмеяться. — И поэтому, если вас это не слишком беспокоит, я предпочла бы прислать за письмом своего грума.

— Конечно, конечно! Отлично придумано, дорогая моя! Просто отлично придумано!

Бросив быстрый опасливый взгляд на свой графин, он взял меня под руку и проводил до ворот.

— Вам лучше, милочка? — Руперт отвел волосы у меня со лба и посмотрел мне в лицо. — Вы бледная, как брюхо у дохлой свиньи. Нате-ка глотните еще разок.

Я покачала головой, отказываясь приложиться к фляжке с виски, села и вытерла лицо влажным платком, который Руперт положил мне на лоб.

— Ничего, со мной уже все в порядке.

Сопровождаемая Муртой, который изображал моего грума, я смогла отъехать от тюрьмы лишь настолько, чтобы меня оттуда не было видно, после чего в полном изнеможении сползла с седла на снег. И лежала, рыдая и прижимая к груди шкатулку с вещами Джейми, пока Мурта не заставил меня подняться и сесть в седло, после чего препроводил в маленькую гостиницу в Уэнтуорте, где Руперт снял помещение. Комната находилась на верхнем этаже; отсюда видна была громада тюрьмы, плохо различимая в сгущающихся сумерках.

— Парень мертв? — спросил Руперт, и на этот раз на его широком лице, почти полностью утонувшем в густой черной бороде, отражались только сочувствие и тревога — ни следа привычных для него ухарских ужимок.

— Пока нет, — ответила я с тяжелым вздохом. Слушая мой рассказ, Руперт медленно ходил по комнате, в раздумье то выпячивая, то поджимая губы. Мурта сидел спокойно, черты его не выражали ни малейшего

волнения. Я подумала, что из него получился бы отличный игрок в покер.

Руперт со вздохом уселся рядом со мной на кровать.

— Ну хорошо, он жив, а это, в конце концов, самое главное. Однако черт меня побери, если я знаю, что делать дальше. У нас нет возможности проникнуть в тюрьму.

— Нет, есть, — внезапно заговорил Мурта. — Благодаря тому, что наша барышня подумала о письме.

— Мм-м-м... Это всего один человек. И пройти он сможет только до приемной коменданта. Но для начала и это сойдет. — С этими словами Руперт вытащил свой нож и кончиком его почесал в бороде. — Чертовски трудно отыскать его в таком обширном здании.

— Но я знаю, где он примерно находится, — сказала я, обрадованная уже тем, что мы строим какие-то планы и что товарищи мои не отказываются от предприятия, каким бы безнадежным оно сейчас ни казалось. — То есть я знаю точно, в каком он крыле.

— Вот как? Гм. — Руперт отложил нож и снова принялся ходить по комнате, потом остановился и спросил: — Сколько у вас денег?

Я сунула руку в карман платья. Там лежали кошелек Дугала, деньги, которые дала мне Дженни, и моя нитка жемчуга. От жемчуга Руперт отказался, взял кошелек и высыпал из него монеты на свою широкую ладонь.

— Этого хватит, — сказал он, позвякивая монетами, и обратился к братьям Каултерам: — Вы оба пойдете со мной. Джон и Мурта останутся с Клэр.

— Куда же вы отправляетесь? — спросила я. Руперт высыпал монеты в спорран, оставив лишь одну; он подбросил монету вверх, поймал и заговорил:

— Предположим, в городе есть еще одна гостиница, на другом конце. Солдаты из тюремного гарнизона, предположим, посещают распивочную этой гостиницы в свободное от дежурства время — потому как она к тюрьме ближе, а выпивка там стоит на пенни дешевле. — Тут он снова подбросил монету, повернул ладонь вверх, поймал монету и зажал между двумя пальцами.

Я наблюдала за его манипуляциями, начиная смутно догадываться, к чему он клонит.

— Надо полагать, что солдаты не прочь поиграть в карты? — задала я вопрос.

— Как знать, барышня, как знать! — отвечал он, опять подбрасывая монету.

Он поймал ее в сложенные вместе ладони, раскрыл их — монеты не было. Белозубая улыбка сверкнула в черной бороде.

— Но мы можем пойти и проверить это, не так ли? — сказал он, прищелкнул пальцами, и монета появилась снова.

На следующий день, примерно в начале второго часа, я вновь прошла под остриями опускающей решетки в ворота тюрьмы; решетка эта, сооруженная вместе со зданием в конце шестнадцатого столетия, не утратила своего охранительного и устрашающего значения за двести лет, и я для храбрости потрогала кинжал у себя в кармане.

Сэр Флэтчер как раз в это время погружался в послеобеденный сон — такую информацию Руперт и его помощники выудили у солдат-охранников во время своего вчерашнего набега на распивочную в гостинице. Возвратились они уже под утро — с красными глазами, пошатываясь и распространяя вокруг себя пары эля. На все мои расспросы Руперт отвечал одной фразой: «Барышня, чтобы выиграть, нужна удача, а чтобы проиграть, необходимо искусство!» Потом он прикорнул в уголке и захрапел, предоставив мне мерить комнату шагами, что я, впрочем, делала и до этого в течение всей ночи. Проснулся Руперт примерно через час — с ясными глазами и трезвой головой — и тут же изложил основные черты плана, который я должна была воплотить в действительность.

Мурта под видом моего грума приехал к тюрьме на четверть часа раньше меня и был пропущен без затруднений. Предполагалось, что его отведут в приемную сэра Флэтчера и попросят подождать. Находясь там, он должен был попытаться найти план западного крыла и, если повезет, связку ключей, отмыкающих камеры.

Я беспокойно поглядывала на небо, стараясь определить поточнее время. Во время еды сэра Флэтчера точно так же нельзя было беспокоить, как и во время сна; Мурту при всех обстоятельствах попросили бы подождать, но, явись я до того, как комендант уселся за стол, меня могли бы пригласить разделить с ним трапезу, а это было бы в высшей степени некстати. Впрочем, вчерашние партнеры Руперта по картам заверили его, что сэр Флэтчер никогда не нарушает свой распорядок: гонг к обеду раздается ровно в час, а через пять минут подают суп.

На страже у ворот находился тот же караульный, что и накануне. Он удивился, но приветствовал меня вполне любезно.

— Такая досада, — заговорила я. — Мне хотелось, чтобы мой грум передал сэру Флетчеру маленький подарок от меня в благодарность за доброе ко мне отношение во время нашей вчерашней встречи. Но я обнаружила, что этот дуралей уехал без подарка, и вынуждена была сама

явиться сюда. Он уже приехал?

Тут я улыбнулась, сожалея о том, что у меня нет ямочек на щеках и потому я в состоянии продемонстрировать лишь два ряда сверкающих зубов. Показала я часовому и принесенный с собою небольшой сверток.

Улыбки оказалось вполне достаточно. Меня пропустили и провели по коридорам к приемной коменданта. Хотя эта часть здания, по-видимому, недавно была заново обставлена, не возникало никаких сомнений в том, что это тюрьма. Здесь стоял особый запах, которой я воспринимала как запах страдания и страха, хотя на самом деле он лишь свидетельствовал о многолетней грязи и отсутствии канализации.

Патрульный пропустил меня в коридоре вперед и осторожно следовал за мной на некотором расстоянии, чтобы не наступить мне на плащ. И это, черт побери, оказалось замечательно кстати, потому что я свернула за угол прежде, чем он, и через распахнутую дверь кабинета сэра Флэтчера увидела Мурту, который уволакивал бесчувственное тело дежурного солдата за огромный письменный стол.

Я отступила на шаг и «уронила» свой сверток на каменный пол. Послышался звон стекла, и в воздухе явственно и очень сильно запахло персиковым бренди.

— Господи! — воскликнула я. — Что я наделала!

Пока караульный вызывал заключенного, которой должен был убрать пол, я тактично пролепетала, что, пожалуй, подожду сэра Флэтчера у него в приемной, проскользнула в дверь и плотно закрыла ее за собой.

— Какого дьявола вы тут натворили? — набросилась я на Мурту, но он, не обратив ровно никакого внимания на мой тон, сообщил:

— Сэр Флэтчер не держит ключи у себя в приемной, но у этого вот паренька есть вся связка. — И он вытащил из кармана у дежурного большущее кольцо, придерживав его так, чтобы нанизанные на него ключи не звякали.

Я опустилась на колени рядом с ним.

— Прелестная картинка! — сказала я и покосилась на распростертого солдата, который еще дышал. — А план тюрьмы?

— Плана нет, но этот мой приятель успел мне кое-что рассказать, пока мы тут ждали. Распроклятые камеры находятся на этом же этаже, в самой середине западного коридора. Их три, больше я ничего не спрашивал, он и так что-то заподозрил.

— Надеюсь, и того хватит. Прекрасно, давайте мне ключи и уходите.

— Я? Это вам надо уходить, и как можно быстрее. — Он оглянулся на дверь, но из-за нее пока не доносилось ни звука.

— Нет, пойду я, — заявила я и протянула руку за связкой. — Подумайте только, если обнаружат, что вы шастаете по тюрьме со связкой ключей, а дежурный валяется тут, словнодохлая рыба, мы с вами оба пропали, ведь я должна была позвать на помощь, верно?

Я выхватила у него связку и не без труда затолкала в карман. Мурта все еще сомневался, однако встал на ноги.

— А если вас схватят? — спросил он.

— Я упаду в обморок, — сказала я решительно. — А когда приду в себя, скажу, что увидела, как вы убиваете солдат, и в ужасе убежала, сама не ведая куда, искала помощи и заблудилась.

— Ну хорошо, может, и сойдет, — согласился Мурта, двинулся к выходу, но снова остановился. — Ну а зачем же мне было... А! Ограбление! — Он кинулся к столу и начал выдвигать один ящик за другим, выбрасывая оттуда вещи и бумаги прямо на пол.

Только после этого он подошел наконец к двери и осторожно выглянул в коридор. Там было пусто.

— Я пойду первый, — сказал Мурта. — Если кого встречу, уберу с дороги. Считайте до тридцати, а потом уходите. Мы будем вас ждать к северу от тюрьмы в лесу.

Он открыл было дверь, но тут же повернулся ко мне:

— Если вас застукают, не забудьте выбросить ключи.

Я не успела ответить — Мурта угрем выскользнул в коридор, двигаясь бесшумно, словно тень.

Прошла целая вечность, пока я добралась до западного крыла, плутая по переходам старого тюремного замка, осторожно выглядывая из-за углов и прячась за колоннами. Я встретила лишь одного караульного, но избежала опасности, притаившись за углом и тесно прижавшись к стене.

Добравшись до западного крыла, я уже не сомневалась, что нахожусь там, где надо. В коридор выходили три большие двери, в каждой из них проделано небольшое зарешеченное окошко, но разглядеть внутренность камеры в такое окошко было почти невозможно.

Я подошла наудачу к средней камере. Ключи на кольце не имели бирок, но были разной величины. Я выбрала три самых больших и начала подбирать подходящий. Им, разумеется, оказался третий по счету. Я перевела дух, когда замок щелкнул, вытерла о платье потные руки и открыла дверь.

С неистовой поспешностью я пробиралась через скопище вонючих мужских тел, наступая на руки и на ноги лежащим и отталкивая стоящих,

которые с доводившей меня до бешенства вялостью уступали мне дорогу. В конце концов узники осознали мое появление; те, кто спал в грязи на полу, приподымались, садились, по камере пошел невнятный гул голосов. Некоторые из заключенных были прикованы к стене, их цепи звенели и гремели в полумраке. Я уцепилась за одного из стоящих на ногах — клансмена в рваном желто-зеленом тартане. Рука у него была до того исхудалая, что кожа пристала к костям: англичане явно наводили экономию на кормежке для узников.

— Джеймс Фрэзер! Высокий, рыжий. Он в этой камере? Где он?

Он уже двигался к дверям вслед за теми, кто не был прикован, но все же остановился и взглянул на меня. Все в камере уже разобрались что к чему и теперь почти бесшумно, с негромким шорохом и шепотом, утекали за дверь.

— Кто? Фрэзер? Они увели его нынче утром. — Мужчина стряхнул мою руку со своей, но я ухватила его за пояс и удержала на месте.

— Куда его увели? Кто его забрал?

— Куда — не знаю, а увел его капитан Рэндолл, змей остромордый.

Он высвободился от меня нетерпеливым рывком и метнулся к выходу.

Рэндолл. На мгновение я оцепенела; со всех сторон меня толкали устремившиеся к выходу из камеры мужчины, глухие к крикам тех, кто был прикован. Но я вскоре вышла из ступора и попробовала обдумать положение. Джорди наблюдал за тюрьмой с самого рассвета. Никто не покидал здания, если не считать кухонной обслуги, отправившейся за пополнением припасов. Значит, они оба еще где-то здесь, поблизости.

Рэндолл — капитан, человека выше него чином нет в гарнизоне, если не считать сэра Флэтчера. Стало быть, он имеет возможность обеспечить себе в замке такое место, где мог бы без помех пытаться заключенных.

А пытки, разумеется, были. Человек, с которым я имела дело в Форт-Уильяме, обладал кошачьей натурой. Отказаться поиграть именно с этой мышью, попавшей к нему в лапы, он был бы так же не в состоянии, как изменить свой рост или цвет глаз.

Со всей доступной мне решимостью я отбросила тревожные мысли о том, что могло произойти с утра, и вышла из камеры. Быстро пробежала расстояние до поворота на лестницу. Здесь я постояла некоторое время у стены — тут было место, откуда меня никто не увидел бы ни с одной, ни с другой стороны, небольшая ниша, в которую я вжалась, содрогаясь от тошнотворного страха. Я вытерла о юбку мокрые от пота ладони и вытащила кинжал из потайного кармана. Сжав его в руке, осторожно выглянула из укрытия в коридор. Узники, которых я нежданно-негаданно

освободила, убежали налево. Я не имела представления о том, что они собираются предпринять, но, как бы там ни было, они займут внимание охраны. Разумеется, мне в моих поисках следовало избегать соприкосновения с покинувшими узилище благодаря мне.

Свет из высоких узких окон падал наискосок позади меня; именно там находится западная часть тюрьмы. Лестница. Необходимо заставить работать оцепенелые мозги и сообразить, как мне выйти к нужному месту. Если ты собираешься кого-то пытаться, то, скорее всего, выберешь уединенное и звуконепроницаемое помещение. Таким местом может быть подземная камера, в замках они обычны; над ними тонны и тонны земли, поглощающие крики, а тьма скрывает жестокость от тех, кто за нее ответствен.

В конце коридора стена закруглялась: я попала в одну из угловых башен, а в башнях, как известно, имеются лестницы.

Винтовая лестница началась за следующим поворотом; слабо освещенные клинообразные ступеньки уходили вниз, обманывая глаз и на каждом шагу угрожая травмой лодыжки. Переход от сравнительно хорошо освещенного коридора к густому сумраку сильно осложнял дело, так как я не могла толком рассчитать расстояние от одной ступеньки до другой, несколько раз оступалась и хваталась за стену, сбивая костяшки суставов на пальцах и обдирая кожу на ладонях.

Впрочем, у этой лестницы был и свой плюс: через узкое окно, благодаря которому лестница не была погружена в полный мрак, я увидела главный двор тюрьмы и смогла сориентироваться. Небольшой отряд солдат выстроился аккуратными рядами, но всего лишь для проверки, а не для того, чтобы присутствовать при казни шотландского бунтовщика. Во дворе возвышалась виселица, черная и зловещая, однако пустая. Вид ее был для меня все равно что удар под ложечку. Завтра утром... Я понеслась вниз, не думая уже ни о содранных локтях, ни о сбитых пальцах ног.

Добравшись до низу, я остановилась и прислушалась. Мертвое молчание царило здесь, но этой частью замка тем не менее пользовались: в настенных держателях горели факелы, бросая на гранитные стены дрожащие красные отсветы. Дым от факелов подымался серыми спиралями к сводчатому потолку.

Отсюда можно было идти лишь в одну сторону; я и пошла, по-прежнему сжимая в руке кинжал. Было нечто жуткое, сверхъестественное в моем бесшумном продвижении по коридору. Я бывала и раньше в таких подземельях — во время экскурсий по старинным замкам вместе с Фрэнком. Но тогда тяжкие гранитные блоки не представлялись столь

зловещими в свете флуоресцентных ламп, укрепленных на арках. Даже тогда маленькие сырые каморки, которыми никто не пользовался больше ста лет, вызывали во мне неприятное чувство. Мне казалось во время таких экскурсий, что, глядя на древние и мрачные переходы, толстые двери, обрывки ржавых цепей, прикрепленные к стенам, я могу себе представить муки узников в этих внушающих ужас камерах. Теперь, пожалуй, стоило бы посмеяться над моей наивностью. Есть вещи, недоступные воображению, как говорил Дугал.

Я кралась на цыпочках мимо запертых дверей по меньшей мере трехдюймовой толщины — достаточно толстых, чтобы не пропускать ни звука изнутри. Пригибаясь к полу, я у каждой двери глядела, не пробивается ли снизу полоска света. Узники могут побыть и в темноте, но Рэндоллу надо видеть, что он делает. Пол, покрытый слоем вековой грязи, казалось, пружинил под ногой. Скорее всего, этой частью тюрьмы не пользовались постоянно, однако горящие факелы доказывали, что кто-то здесь определенно есть.

Под четвертой дверью я наконец увидела полоску света. Опустившись на колени, я приложила ухо к дверной щели, но не услышала ничего, кроме легкого потрескивания огня.

Дверь была не заперта. Я толкнула ее и осторожно вошла. Джейми находился в комнате, он сидел, опустив голову на колени, возле самой стены. Он был один.

Небольшая комната была хорошо освещена, на полу совсем домашнему стояла жаровня, в которой весело горел огонь. Для подземелья здесь было достаточно уютно, каменные плиты отчищены до половины высоты, к стене приставлена походная койка. Кроме койки и жаровни в камере стоял стол и возле него два стула; на столе, в числе прочих предметов, находились оловянная фляжка и роговые стаканы. Воистину поразительное зрелище, особенно когда перед этим наглядись на сырые стены и юрких крыс. Мне подумалось, что гарнизонные офицеры обставили для себя уютную комнату для свиданий с женщинами, когда им удавалось провести их в здание тюрьмы: ясное дело, что такие встречи имели преимущество перед уединением в казарме.

— Джейми! — тихонько окликнула я.

Он не поднял голову и не отозвался. Мне стало страшно. Задержавшись лишь для того, чтобы плотно закрыть дверь, я быстро подошла к нему и тронула за плечо:

— Джейми!

Он поднял голову; лицо было мертвенно-бледное, небритое и блестело

от пота, пропитавшего также волосы и рубашку.

— Клэр! — хрипло выговорил он пересохшими губами. — Как ты... Ты должна немедленно уйти отсюда. Он скоро вернется.

— Не смеши меня! — ответила я.

Он был прикован за лодыжку к стене; кандалов на нем не оказалось. Веревкой, которая лежала на столе, однако же, явно пользовались: она оставила свежие следы на локтях и запястьях.

Внешний вид Джейми удивил меня. Каждая черточка, каждая линия его тела свидетельствовали о перенесенных страданиях, но я пока не заметила телесных повреждений. Ни крови, ни ран. Я опустилась на колени и начала методично пробовать все ключи на кольцо, чтобы отпереть замок цепи на ноге у Джейми.

— Что он сделал с тобой? — спросила я, понижая голос в страхе перед возвращением Рэндолла.

Джейми раскачивался из стороны в сторону с закрытыми глазами, сотни крохотных капель пота усеивали кожу. Он был явно близок к обмороку, но на мой голос открыл глаза. С величайшей бережностью поднял он левой рукой правую, которую я еще не видела и которую почти невозможно было узнать, невозможно было угадать в ней человеческую конечность. Она была похожа на мешок, надутый воздухом и расписанный красными и багрово-синими полосами и пятнами, пальцы торчали в стороны под самыми невероятными углами. Белый осколок кости торчал сквозь порванную кожу среднего пальца, и струйка крови окрасила суставы.

Человеческая рука — это чудо телесной конструкции, сложнейшая система соединений и блоков, обслуживаемая и управляемая миллионами крошечных нервов. Один-единственный сломанный палец может поставить на колени перед невыносимой болью сильного мужчину.

— Это расплата за его нос, — сказал Джейми.

Я глянула еще раз и проговорила каким-то не своим, осипшим голосом:

— Я убила бы его за это.

На лице у Джейми обозначилось нечто вроде улыбки, но глаза его тут же закрылись, и он привалился к стене. Я снова занялась замком, радуясь тому, что руки у меня не дрожат. Я перебрала все ключи на кольцо, но ни один не подходил к замку. Пальцы покрылись потом, ключи скользили в них, словно мелкая рыбешка, но я продолжала пробовать те, которые казались мне наиболее подходящими. Я бормотала проклятия себе под нос, и это вывело Джейми из ступора; он наклонился посмотреть, чем это я

занята.

— Не ищи такой ключ, который повернется в замке, — сказал он, упиравшись плечом в стену, чтобы держаться попрямее. — Достаточно, если он войдет в скважину, потом надо ударить чем-то тяжелым по головке ключа, и замок откроется.

— Ты раньше видел такие замки? — спросила я. Мне хотелось, чтоб Джейми оставался в сознании и разговаривал: если мы сумеем выбраться отсюда, ему придется идти самому.

— Когда они привезли меня сюда, то заперли в одной камере со многими другими. Рядом со мной был прикован один парень, ирландец, его звали Рейли. Он говорил, что побывал во всех кутузках Ирландии и теперь решил переменить обстановку. — Джейми говорил с трудом, но и он понимал, как важно ему держаться; он даже изобразил улыбку. — Он мне много чего наговорил о замках и тому подобных штуках и показывал, как мы легко могли бы избавиться от цепей, если бы у нас был прямой металлический прут, чего у нас, разумеется, не было.

— Тогда ты мне говори, что надо делать.

От усилий, которые требовались для разговора, пот ручьями тек по лицу Джейми, и все же он выглядел чуть бодрее. Сосредоточенность на конкретном деле — как открыть замок, — видимо, помогла. Следуя его указаниям, я взяла наиболее подходящий ключ и засунула его в скважину, насколько могла. Потом огляделась в поисках подходящего предмета или инструмента, каким можно было бы нанести удар.

— Воспользуйся деревянным молотком, он лежит на столе, Саксоночка, — подсказал Джейми, в голосе у него я уловила мрачную ноту.

Я посмотрела на молоток сравнительно небольшого размера; рукоятка была обмотана просмоленной веревкой.

— Этим молотком... — начала я, пораженная мгновенным ужасом.

— Да. Ты прижми замок к стене, прежде чем ударишь.

Мои первые два удара оказались чересчур слабыми и неуверенными. В третий раз я собрала всю свою решимость и долбанула по круглой головке ключа изо всех своих сил. Молоток соскользнул с ключа и нанес Джейми скользящий, но крепкий удар по лодыжке. Джейми потерял с трудом сохраняемое равновесие и повалился, инстинктивно вытянув вперед искаленную правую руку. Он упал на правое плечо, придавив руку всем своим весом, застонал и потерял сознание.

— Черт меня побери, — только и нашлась я что сказать.

Воспользовавшись тем, что Джейми лежит неподвижно, я пристроила лодыжку поустойчивее и удвоила свои усилия — без видимого результата.

Весьма нехорошие мысли об ирландских специалистах по отпираанию замков бродили у меня в голове, но в эту минуту дверь комнаты открылась.

На лице у Рэндолла — как и у Фрэнка — редко можно было прочитать, о чем он думает, оно постоянно сохраняло вежливо-непроницаемое выражение. Однако в настоящий момент привычное самообладание капитана покинуло его, он стоял в дверях, разинув рот, весьма в этом отношении походя на своего спутника — огромного мужика в грязной и рваной военной форме; у помощника был скошенный лоб, плоский нос и выпяченные безвольные губы — внешние приметы умственной отсталости. Выражение его лица ничуть не изменилось, когда он выглянул из-за плеча Рэндолла; он не проявил ни малейшего интереса ни ко мне, ни к бесчувственному человеку на полу.

Опомнившись, Рэндолл вошел в комнату, нагнулся и потрогал железное кольцо на ноге у Джейми.

— Вы причинили ущерб собственности его величества, милая, а это деяние, наказуемое законом. Не будем уж говорить о попытке помочь опасному преступнику бежать. Подумаем, как с вами быть, а пока... Он рывком поднял меня на ноги, потом завел мне руки за спину и связал своим галстуком. Сопротивляться было явно бессмысленно, и я ограничилась тем, что наступила ему на ногу со всей силой, мне доступной, — главным образом для того, чтобы дать выход горькому разочарованию. Рэндолл громко охнул, потом дал мне пинка, так что я, наткнувшись ногами на край койки, повалилась на нее и осталась в полулежачем положении. Рэндолл созерцал меня с мрачным удовлетворением; достал полотняный платок и вытер испачканный носок башмака. Я тоже поглядела на капитана, и он коротко рассмеялся.

— Должен признать, что вы не трусливы. Вполне под пару ему. — Он кивнул в сторону Джейми, который слегка пошевелился. — Лучшего комплимента я вам сделать не могу. — Он осторожно потрогал свою шею в том месте, где под расстегнутым воротником рубашки виднелся потемневший синяк. — Едва я развязал его, он попытался убить меня одной рукой. И почти преуспел. Я, к сожалению, не знал, что он левша.

— Как неразумно с его стороны, — сказала я.

— Вот именно, — согласился Рэндолл. — Не могу представить себе, чтобы и вы оказались настолько неучливой. Впрочем, шанс невелик... хотя... — Он повернулся к двери, в раме которой застыл с опущенными плечами его прислужник в ожидании приказаний. — Марли, — заговорил Рэндолл, — подойди и обыщи эту женщину, нет ли у нее оружия.

Он не без удовольствия следил за тем, как Марли обшаривает меня;

тот вскоре обнаружил кинжал и отобрал его у меня.

— Бедняге Марли не везет на женщин, — продолжал Рэндолл со злобным блеском в глазах. — Верно, Марли? Даже шлюхи от него отказываются, утверждая, что он слишком велик. Нечего сказать, подходящее суждение для шлюх! Мне думается, Марли с удовольствием познакомится с вами поближе у меня на квартире, когда мы кончим нашу беседу. Возможно, потом он решит поделиться своим счастьем с друзьями, но это уж полностью зависит от него.

— А вам не хотелось бы всем этим полюбоваться? — с издевкой спросила я.

Рэндолл рассмеялся совершенно искренне.

— Вы, я полагаю, уже знаете, что у меня, как говорят, противоестественные вкусы, однако поверьте, что я при этом обладаю определенными эстетическими принципами. — Он поглядел на своего приспешника, огромного, одетого в засаленный мундир, с нависающим над поясным ремнем рыхлым брюхом, и брезгливо передернул плечами. — Нет, — продолжал он. — Вы очаровательная женщина, хоть и резкая на язычок. Видеть вас с Марли — нет, я не думаю, чтобы мне это понравилось. Не говоря уже о наружности, личные привычки Марли оставляют желать много лучшего.

— Как и ваши собственные, — вставила я.

— Весьма возможно. Однако они не должны вас дольше занимать. — Он помолчал, глядя на меня сверху вниз. — Видите ли, я все еще хочу знать, кто вы такая. Явно якобитка, но чья сторонница? Марешаля? Сифорта? Скорее всего, Ловата, поскольку вы теперь якшаетесь с Фрэзерами.

Рэндолл легонько подтолкнул Джейми носком своего башмака, но тот не отреагировал. Мне было видно, что грудь Джейми дышит ровно — быть может, обморок перешел в обычный сон. Темные крути у него под глазами говорили о том, что в последнее время он очень мало отдыхал.

— Я от кого-то слыхал, что вы ведьма, — вновь заговорил капитан легким светским тоном, но смотрел на меня при этом весьма пристально, словно я могла вдруг обернуться совой и улететь. — В Крэйнсмуире по этому поводу было немало шума, не так ли? Кто-то даже погиб, а? Но все это не более чем суеверная чушь. — Он замолчал и некоторое время продолжал изучать меня взглядом. — Я мог бы предложить вам сделку, — отрывисто произнес он и откинулся на спинку стула.

Я горько рассмеялась.

— Не сказала бы, что нахожусь в положении и настроении,

подходящих для заключения сделок. Что же вы мне предлагаете?

Рэндолл поглядел на Марли. Глаза идиота уставились на меня, он вяло шевелил оттопыренными губами, словно что-то пережевывал.

— В конечном счете выбор. Скажите — и докажите мне, кто вы такая и кем посланы в Шотландию. Чем занимаетесь, какую и кому посылаете информацию. Сообщите мне это, и я передам вас сэру Флэтчеру, а не Марли.

Я отвернулась от Марли. Прогнала от себя мысль о том, что он может прикоснуться ко мне слюнявыми губами, за которыми видны во рту пеньки гнилых зубов в покрытых язвами деснах. Рэндолл сказал правду: я не была труслива. Но я не была и глупа.

— Вы не сможете передать меня сэру Флэтчеру, — ответила я. — И мне это известно не хуже, чем вам. Передать меня ему, рискуя, что я расскажу ему об этом? — Я повернула голову и обвела глазами уютную комнатку с горящей жаровней, походную кровать, на которой сидела я, — и Джейми, лежащего у моих ног. — Какими бы недостатками ни был наделен сам сэр Флэтчер, я не думаю, чтобы он поощрял офицеров пытаться заключенных. Даже у английской армии есть свои законы.

Рэндолл высоко поднял брови.

— Пытать? Ах это! — Он небрежным жестом указал на искаленную руку Джейми. — Несчастный случай. Он упал в камере, и по нему прошли другие преступники. В нынешних камерах тесновато, знаете ли.

Япромолчала. Поверит ли сэр Флэтчер, что Джейми покалечил руку в результате несчастного случая, или не поверит, это вопрос, но он, во всяком случае, не поверит ничему, сказанному мной, поскольку я буду разоблачена как английская шпионка.

— Ну так что? Выбор за вами, — нетерпеливо произнес Рэндолл.

Я со вздохом закрыла глаза — мне надоело смотреть на него. Выбор от меня не зависел, и я не могла сообщить ему, отчего это так.

— Это не имеет значения, — устало проговорила я. — Я ничего не могу вам сказать.

— Подумайте минутку. — Рэндолл встал и осторожно переступил через неподвижное тело Джейми, потом достал из кармана ключ. — Помощь Марли мне еще может понадобиться, но потом я отошлю его домой — вместе с вами, раз вы не желаете сотрудничать.

Он нагнулся, отпер замок на цепи и с поразительной для его изящного сложения легкостью поднял бесчувственное тело. Под белоснежными рукавами рубашки проступили бугры мускулов, пока он нес Джейми к стулу в углу. Голова у Джейми беспомощно болталась из стороны в

сторону. Рэндолл указал Марли на ведро с водой, которое помещалось возле стула:

— Окати-ка его.

Холодная вода полилась на пол и образовала возле стула, на котором, безвольно привалившись головой к стене, сидел Джейми, грязную лужицу. Джейми слегка застонал и помотал головой. Рэндолл приказал повторить обливание, и Джейми закашлялся. Рэндолл подошел и, взяв его за волосы, начал трясти, так что брызги зловонной воды полетели на стену. Глаза у Джейми оставались неподвижными. Рэндолл отпустил его волосы и с недовольной миной вытер руку о панталоны. В этот момент он, должно быть, заметил какой-то намек на движение, потому что попятился, но не успел избежать неожиданного нападения огромного шотландца.

Помогая искалеченной правой руке левой, Джейми обхватил Рэндолла за шею и сжал ему дыхательное горло. Рэндолл побагровел и начал корчиться, а Джейми, высвободив левую руку, нанес ему удар в почки, от которого капитан опустился на колени.

Разделавшись с капитаном, Джейми повернулся к его помощнику; тот наблюдал за происходящим без малейшего проблеска интереса на тупой физиономии. Тем не менее он вдруг сдвинулся с места и схватил со стола молоток, но Джейми уже был готов встретить Марли, держа в здоровой левой руке стул за ножку. На лице у кретина-гиганта появилось выражение вялой настороженности; они с Джейми кружили друг возле друга, выбирая время для удара.

Марли, лучше вооруженный, нанес удар первым, обрушив молоток на ребра Джейми. Тот увернулся и при помощи стула оттеснил противника к двери. Следующий удар, попади он в цель, раскроил бы Джейми череп, но он лишь разломал стул, отбив сиденье и одну ножку. Джейми довершил разрушение, выломав одну из оставшихся ножек и превратив ее в более удобное и подвижное оружие, чем целый стул. В комнате было тихо, если не считать тяжелого дыхания дерущихся мужчин и тупых ударов о человеческую плоть, наносимых ими друг другу. Я не произнесла ни слова, чтобы не отвлекать Джейми, и подобрала на койку ноги, вжавшись в стену.

Мне было ясно — и, судя по его ухмылке, противнику Джейми тоже, — что Джейми быстро теряет силы. Было удивительно, как он вообще держался на ногах, не говоря уже об участии в драке. Всем троим нам было понятно, что надолго битва не затянется. Короткими, быстрыми ударами, ловко орудуя ножкой стула, Джейми теснил Марли в угол, где тому трудно было развернуться. Инстинктивно соображая это, Марли размахнулся, собираясь нанести противнику удар сбоку и сзади. Джейми,

вместо того чтобы отступить, шагнул вперед и обрушил удар на темя Марли. Вся поглощенная происходящим, я не обращала никакого внимания на распростертого на полу Рэндолла. Но в ту же минуту, как Марли, выпучив остекленелые глаза, рухнул от удара, я услышала шарканье башмаков по каменному полу и почти тотчас — тяжелое дыхание у своего уха.

— Превосходно сработано, Фрэзер. — Голос у Рэндолла был хриплый, но сдержанный, как обычно. — Вам это стоило нескольких ребер, не так ли?

Джейми прислонился к стене; он дышал со всхлипами и все еще сжимал в руке палку, крепко притиснув локти к бокам. Он опустил глаза, измеряя расстояние.

— Не делайте этого, Фрэзер, — сдержанный голос сделался вкрадчивым. — Она будет мертва, прежде чем вы сделаете второй шаг.

Тонкое, холодное лезвие скользнуло у меня за ухом, и острый кончик уперся в шею возле нижней челюсти.

С минуту Джейми наблюдал эту сцену совершенно бесстрастно, все еще опираясь о стену. Потом внезапным усилием, преодолевая боль, он выпрямился во весь рост, слегка пошатываясь. Палка со стуком упала на пол. Кончик ножа прижался к моей коже сильнее, но Рэндолл оставался совершенно неподвижным, пока Джейми медленно шел к столу, остановившись лишь для того, чтобы подобрать молоток. Он взял его двумя пальцами и, легонько раскачивая, принес и положил на стол прямо передо мной — тяжелый, но вполне обычный инструмент столяра, а не грозное оружие. Здесь же на столе стояла плетеная корзинка с гвоздями, видимо, забытая плотниками, которые обустраивали комнату. Здоровая рука Джейми с тонкими прямыми пальцами крепко ухватилась за край стола. С усилием, о степени которого я могла только гадать, он опустился на стул и положил на стол обе руки прямо перед собой — так, чтобы в любую секунду дотянуться до молотка. Продвигаясь по комнате, он не сводил глаз с капитана Рэндолла, не отвел их и теперь. Кивнул в мою сторону, но не смотрел на меня, а только сказал:

— Отпустите ее.

Рука с ножом чуть расслабилась. Рэндолл спросил:

— Почему я должен это сделать?

Джейми полностью владел собой, несмотря на невероятную бледность и пот, катившийся по лицу, словно слезы.

— Вы не можете угрожать ножом двум людям одновременно. Убейте женщину — и я убью вас.

Стальная нота прозвучала в негромко произнесенных словах с мягким шотландским акцентом.

— А что может помешать мне убить вас обоих, одного за другим?

Можно было бы считать, что на лице у Джейми появилась улыбка — он показал зубы.

— Как, обмануть ожидания палача? Объяснить это завтра утром было бы затруднительно. Кстати, вспомните, что вам пришлось позвать на помощь вот этого, — Джейми кивком показал на бесчувственное тело на полу, — чтобы связать меня, прежде чем вы сломали мне руку.

— Ну и что? — Нож все еще оставался возле моего уха.

— А то, что помощник ваш пока что в дело не годится.

То была истинная правда: чудовищный прислужник лежал лицом вниз в углу и прерывисто, с храпом дышал. Тяжелая контузия, механически поставила я диагноз. Возможно, кровоизлияние в мозг.

Да хоть умри он у меня на глазах... меня это не касается!

— Вам со мной не справиться, хоть я и владею только одной рукой. — Джейми медленно покачал головой, как бы оценивая рост и силу Рэндолла. — Нет. Я крупнее и куда умелее вас, если дойдет до рукопашной. Если бы не женщина, которую вы удерживаете, я отобрал бы у вас нож и перерезал вам глотку в один миг. Вы отлично понимаете это, потому и не трогаете ее.

— Но я ее удерживаю. Вы, конечно, можете бежать. Выход совсем рядом. Но тем самым вы обрекаете вашу жену на смерть — ведь вы говорили, что это ваша жена, верно?

— И себя тоже. За мной кинулся бы весь гарнизон, мне не уйти далеко. Конечно, предпочтительнее смерть от пули в чистом поле, а не виселица, но если поразмыслить, разница не столь уж велика.

— Итак, мы зашли в тупик, — небрежно произнес Рэндолл. — Однако, может быть, у вас есть какое-то предложение?

— Есть. Вы хотите меня. — Джейми произнес это холодно и деловито. — Отпустите женщину — и вы получите меня.

Нож сдвинулся, больно оцарапав мне ухо; я ощутила на шее теплую струйку крови.

— Делайте со мной что хотите. Можете даже связать меня, но я и так не стану сопротивляться. И я не расскажу об этом завтра утром. Но сначала дайте женщине свободно уйти из тюрьмы.

Я не отрывала глаз от сломанной руки Джейми. Маленькое пятнышко крови под средним пальцем начало расти, и я с ужасом поняла, что он намеренно вдавливая палец в стол, чтобы боль удерживала его в сознании.

Он торговался за мою жизнь, предлагая за нее единственное, что у него было, — собственную жизнь. Если бы он сейчас упал в обморок, то упустил бы последний шанс.

Рэндолл полностью расслабился — он размышлял над ситуацией, а нож просто лежал на моем правом плече. Джейми должны повесить завтра утром. Рано или поздно его отсутствие в камере обнаружат и, конечно, обыщут тюрьму. Определенные проявления жестокости со стороны офицеров и джентльменов вполне терпимы — я была уверена, что именно к таким отнесли бы сломанные пальцы и исхлестанную спину, — но прочие наклонности Рэндолла вряд ли сошли бы ему с рук. Несмотря на то что Джейми был приговоренным к смерти преступником, если бы он, даже стоя у подножия виселицы, сообщил о проступке Рэндолла, его жалоба была бы расследована. А коль скоро физический осмотр подтвердил бы справедливость жалобы, карьере Рэндолла пришел бы конец — если не самой его жизни. Но если Джейми поклянется молчать...

— Вы даете мне слово?

На пергаментно-белом лице Джейми глаза горели, как два синих огня. Он медленно наклонил голову.

— В обмен на ваше.

— Договорились.

Рэндолл убрал нож с моего плеча и со свистом вложил его в ножны. Медленно подошел к столу и взял молоток.

— Вы позволите мне маленькое испытание вашей искренности?

— Да, — ответил Джейми, и голос его был тверд, а руки неподвижно лежали на столе.

Я хотела крикнуть, протестовать, но из пересохшего горла не вырвалось ни звука.

Подчеркнуто неспешно Рэндолл нагнулся над столом и вынул из плетеной корзинки гвоздь. Установил его все с той же неспешной аккуратностью и четырьмя сильными ударами приколотил сломанную руку Джейми к столу. Изломанные пальцы распрямились, словно ноги паука, приколотого к доске в ящике коллекционера.

Джейми застонал, глаза выкатились и побелели от боли. Рэндолл спокойно положил на стол молоток, взял за подбородок и поднял вверх лицо Джейми.

— Поцелуй меня, — проговорил он тихо и прижался ртом к безвольным губам Джейми.

Лицо у Рэндолла, когда он выпрямился, было мечтательное, глаза

полны сладкого тумана, губы растянулись в улыбку. Когда-то я любила улыбку, подобную этой, а туманный взор пробуждал во мне желание... Теперь он причинял мне невыносимую, боль. Слезы сбегали к уголкам рта, но я не помнила, когда начала плакать. Рэндолл минуту постоял в трансе, глядя на Джейми, потом встрепенулся и снова вынул кинжал из ножен. Резким движением он перерезал веревку у меня на запястьях, поранив кожу. Я начала было растирать онемевшие кисти, но он тут же ухватил меня за локоть и подтолкнул к двери.

— Подождите! — окликнул его Джейми, и Рэндолл нетерпеливо обернулся. — Вы позволите мне попрощаться?

Это было скорее утверждение, нежели вопрос, и Рэндолл колебался совсем недолго, прежде чем кивнуть в знак согласия и толкнуть меня к столу, за которым застыла неподвижная фигура. Джейми крепко обнял меня здоровой рукой, а я уткнулась ему в шею мокрым лицом.

— Не делай так, — шептала я. — Не надо. Я не хочу оставлять тебя.

Теплые губы приникли к моему уху.

— Клэр, завтра утром меня повесят. То, что произойдет до тех пор, уже ни для кого не имеет значения.

Я откинула голову и посмотрела ему в лицо.

— Это имеет значение для меня!

Джейми поднял свободную руку и прижал ладонь к моей мокрой щеке.

— Я знаю это, mo duinne. Именно поэтому ты теперь уйдешь. А я буду знать, что есть кто-то, помнящий обо мне. — Он снова привлек меня к себе, нежно поцеловал и прошептал по-гэльски: — Он отпускает тебя, потому что считает беспомощной. Но я знаю, что это не так. — Слегка отстранив меня, он сказал по-английски: — Я люблю тебя. Иди.

Пропустив меня в дверь, Рэндолл обернулся и сказал:

— Я скоро вернусь. Очень скоро.

Он говорил так, словно ненадолго и неохотно расставался с любовником, и внутри у меня похолодело.

Джейми — темный силуэт, обведенный красноватой линией света от горящего позади него факела, — изящным движением склонил голову к пригвожденной руке и ответил:

— Полагаю, вы найдете меня здесь.

Черный Джек. Наричательное имя для негодяев и бандитов в восемнадцатом столетии. Некий штамп, романтическая фикция, вызывающая в уме представление об очаровательных рыцарях с большой дороги, в шляпах с перьями, размахивающих острыми шпагами.

Воплощенный в реальность, такой рыцарь шагал со мной рядом.

— Сюда. — Это было первое слово, произнесенное Рэндоллом с той минуты, как мы с ним оставили комнату.

Он указал на проем в стене — тот самый выход, о котором он говорил Джейми.

Я уже достаточно овладела собой, чтобы заговорить, — и я заговорила. Я отступила от темного проема в стене и встала так, чтобы свет факела падал прямо на меня.

— Выспрашивали меня, капитан, не ведьма ли я, — проговорила я низким и твердым голосом — Я отвечу на ваш вопрос. Да, я ведьма. Ведьма, и наложу на вас заклятие. Вы женитесь, капитан, и ваша жена понесет ребенка, но вам не доведется увидеть вашего первенца. Я прокляну вас, Джек Рэндолл, страшным проклятием — вы узнаете от меня час вашей смерти!

Лицо его находилось в тени, но по блеску глаз я поняла, что он поверил мне. А почему бы и нет? Ведь я говорила ему правду, известную мне. Я видела перед собой генеалогическое древо Фрэнка, видела так ясно, словно оно было высечено на каменной стене передо мной.

— Джонатан Уолвертон Рэндолл, — тихо говорила я, читая буквы на камне. — Родился 3 сентября 1705 года. Умер...

Рэндолл сделал невольное движение, рванулся ко мне — но недостаточно быстро, чтобы я не успела произнести, что хотела.

Узкая дверь в глубине проема со скрипом повернулась на петлях. Я ожидала увидеть темноту, но была ослеплена сиянием света на снегу. Сильный толчок сзади швырнул меня в сугроб, и дверь с грохотом закрылась за мной.

Я лежала в канаве на заднем дворе тюрьмы. Под снегом были скрыты груды чего-то — вероятно, мусор, отбросы. Под собой я чувствовала что-то твердое. Дрова? Наклонное основание тюремной стены надо мной было исполосовано какими-то линиями — видимо, их оставили жидкие нечистоты, выливаемые через расположенное повыше отверстие с подъемной дверью. Должно быть, за этой стеной находится кухня.

Я с усилием приподнялась и увидела перед собой пару широко раскрытых голубых глаз. И лицо — почти такого же цвета, как глаза, застывшее и твердое, словно дерево, за которое я его по ошибке приняла.

В ужасе, спотыкаясь на каждом шагу, я отступила к стене тюрьмы.

Опустив голову, я твердила себе: ты не свалишься в обморок, ты на своем веку повидала немало мертвых тел, нет, ты не свалишься в обморок... Господи, у него такие же голубые глаза, как... ты не свалишься

в обморок, черт тебя побери!

Дыхание мое в конце концов выровнялось, пульс тоже. Страх отступил, и я заставила себя подойти к мертвому телу. Не знаю, что толкнуло меня на это — жалость, любопытство или потрясение. Но шок внезапности уже миновал, и я уже не находила ничего пугающего в мертвеце. Да его и не должно быть никогда. Не важно, насколько страшной или безобразной была сама смерть человека, ужасают нас только муки страдающей души; едва душа отлетела, перед нами остается предмет, не более того.

Голубоглазый незнакомец умер на виселице. Во рву он лежал не один... Я, разумеется, и не подумала разрывать сугробы, но теперь я знала, что скрывается под снежным покрывалом, и различала очертания тел, смягченные снежной пеленой. Здесь находилось больше десяти трупов, дожидających либо оттепели, когда их легче будет похоронить, либо зверей из ближайшего леса в качестве могильщиков.

Эта мысль вывела меня из неподвижности. У меня не было времени предаваться переживаниям по поводу увиденного — иначе еще одна пара голубых глаз мертво уставится в небо из этого рва.

Необходимо было найти Мурту и Руперта. Возможно, удастся воспользоваться той же дверью, из которой вытолкнули меня. Она не была особо укреплена и не охранялась, как главные ворота и другие входы в тюрьму. Но мне нужна была помощь — и срочно.

Я глянула вдаль. Солнце стояло невысоко и светило сквозь дымку, нависшую над самыми верхушками деревьев. Воздух казался тяжелым от сырости. Похоже было, что к ночи пойдет снег: на восточном краю небосвода дымка сгущалась. Светлого времени оставалось не более часа.

Я двинулась по канаве — мне не хотелось, пока это было возможно, карабкаться по крутому склону вверх. Вскоре канава делала поворот и дальше спускалась вниз к реке; видимо, вместе с талым снегом в реку уносило тюремные отбросы и нечистоты. Я добралась почти до угла высокой стены, когда услышала позади себя слабый звук. Я обернулась. Это упал в ров камень с обрыва, задетый лапой большого серого волка.

В качестве замены доступной добыче, что лежала тут же под снегом, я, с волчьей точки зрения, по-видимому, имела некоторые предпочтительные качества. Правда, я двигалась, меня надо было схватить и я могла оказать сопротивление, но, с другой стороны, двигалась я медленно и неуклюже. И плоть моя не закоченела до такой степени, что о нее можно сломать зубы, — словом, свежее мясо с теплой кровью. Я на месте волка не стала бы мешкать. Видимо, и он пришел к такому выводу.

В свое время в Пемброкском госпитале лечился некий американец Чарли Маршалл, славный малый, общительный, как все янки, и к тому же очень увлеченный своим хобби; этим хобби были собаки. Чарли служил сержантом в корпусе К-9. Вместе с двумя своими собаками он напоролся на противопехотную мину возле маленькой деревушки поблизости от Арля. Он горько оплакивал своих собак и в мои достаточно редкие свободные часы, когда я присаживалась возле его кровати поболтать, рассказывал разные истории об этих своих друзьях. Попутно он учил меня, как надо и как не надо себя вести, если на тебя нападет собака. Теперь я подумала, что жуткое создание, которое сейчас подбирается ко мне, по натуре не что иное, как пес.

— Эй ты, псина, — громко и твердо произнесла я, глядя волку в один круглый желтый глаз, в точном соответствии с инструкциями Чарли. — Ты ведь не больше чем пес, только очень злой, злее всех, каких мне пришлось видеть, — продолжала я, медленно, шаг за шагом отступая все ближе к стене.

Отведя руку назад и нащупав твердый камень стены, я двинулась дальше по направлению к углу, который находился от меня ярдах в десяти. Я распустила завязки на воротнике плаща и отстегнула скрепляющую края заколку, продолжая сообщать волку все, что я думаю о нем самом, его предках и его собственном семействе. Зверь, свесив из пасти на сторону язык, казалось, не без интереса внимал моей обличительной речи. Он явно не спешил; я заметила, что он прихрамывает, когда он подступил на несколько шагов ближе, к тому же был он тощий и запаршивевший. Как видно, ему трудно было схорониться, и немощь привела его за добычей на тюремную свалку. Ну что ж, чем он слабей, тем лучше для; меня!

Я нашарила в кармане плаща кожаные перчатки и натянула их, потом обмотала полый плаща в несколько слоев руку. «Обычно они стараются вцепиться в глотку, — поучал меня Чарли. — Все время смотрите псу в глаза, и вы поймете, когда он решится напасть».

Волк был худой, но не изнуренный. Весил он, как я определила, от восьмидесяти до девяноста фунтов, меньше, конечно, чем я, но недостаточно мало, чтобы я могла считать себя в преимущественном весе. Четырьмя ногами легче балансировать на скользком снегу, чем двумя. Я надеялась, что все же устою, опираясь на стену.

Я все-таки не уследила за его молниеносным прыжком. Готова поклясться, что все время смотрела волку в глаза, но свое намерение он осуществил одновременно с тем, как это отразилось в огненно-желтых орбитах.

Зубы погрузились в обмотанные вокруг руки складки плаща с такой силой, что я испытала острую боль. Это было куда хуже, чем я предполагала: мощный удар тяжелого тела от которого рука моя обвисла. Но я прижала волка к стене и в отчаянной борьбе старалась запутать его в складках плаща. Волчьи клыки рвали мое платье и царапали кожу. Я изо всех сил уперлась коленом в грудь зверя и услышала странный звук — полурычание, полувой. Только потом я осознала, что звук этот вырвался не у волка, а у меня, из моего горла.

Как ни удивительно, я не испытала страха; разум мой сосредоточился лишь на одном: либо он убьет меня, либо я его, третьего не дано. Я била зверя головой об угол стены, но чувствовала, что быстро теряю силы. Будь волк в лучшем физическом состоянии, он, конечно, справился бы со мной. Знойная глотка зверя обдавала мое лицо запахом падали. Из пасти волка тянулась вязкая слюна. Я старалась уберечь шею от страшных клыков, наваливалась на зверя всей своей тяжестью и наносила удар за ударом до тех пор, пока, загибая голову волка все дальше и дальше назад, не почувствовала, как хрустнули под руками его шейные позвонки — и тотчас обмякло все тело. Отбросив от себя издыхающего зверя, я повалилась на снег, истоптанный и грязный, залитый вонючей волчьей мочой. Мне кажется, что на несколько секунд я отключилась от действительности, едва ли не уснула... Потом я шла по канаве, в плаще, который держался на одном плече, шла, оскальзываясь на присыпанных снегом камнях и больно ушибая голени о торчащие из-под снега сучья. Должно быть, подсознательно я все время представляла себе, что волки обычно держатся стаями, потому что, как помнится, меня ничуть не удивлял доносившийся до меня из ближнего леса волчий вой. Оглядевшись по сторонам, я обнаружила, что нахожусь за пределами тюрьмы, на открытом пространстве, где нет ни стены, на которую можно опереться в случае нападения, ни вообще какого-либо укрытия, а под рукой у меня ни камня, ни даже палки для обороны. А сколько зверей может оказаться в стае? Летом, лунной ночью, мы с Джейми наблюдали волчью трапезу на поляне в лесу — тогда волков вместе с молодыми было десять. Мне казалось, что я вновь слышу, как трещат под волчьими зубами кости их жертвы. Но главное заключалось теперь в том, могу ли я еще бороться или мне остается просто лечь на снег и погибнуть.

Но Джейми пожертвовал жизнью и даже больше чем жизнью во имя того, чтобы вызволить меня из тюрьмы. За мной оставался долг по отношению к нему.

Я снова двинулась вперед. Свет слабел, вскоре канава попадет в тень,

но мне это вряд ли поможет: волки видят в темноте куда лучше, чем я.

Первый хищник появился на краю канавы и стоял там неподвижно, однако почти в ту же минуту я увидела еще двоих, медленной рысцой продвигающихся по канаве следом за мной, — две серые тени почти того же цвета, что и грязный снег при вечернем свете.

Я остановилась. Бежать было бессмысленно. Я нагнулась и высвободила из-под снега большой и тяжелый, весь мокрый сосновый сук. Я начала махать этим суком над головой и громко кричать. Звери остановились, но не отступили. Тот, что находился ближе, насторожил уши, потом прижал их к голове, словно ему не нравился поднятый мною шум.

Не помню, что я выкрикивала. Свободной рукой я отодрала примерзший к земле камень и швырнула им в волка. Я промахнулась, но волк отпрыгнул в сторону. Я бросила еще камень, потом еще, сгребала комья снега и швыряла ими в зверей. Случайно глянув вверх, я вдруг увидела, что волк, стоявший наверху у края канавы, повернулся и бесшумно исчез. В то же мгновение я ощутила прикосновение к своему локтю. Задохнувшись от страха, я обернулась и увидела перед собой совершенно незнакомое, заросшее щетиной лицо человека, через плечо которого свисал шотландский плед.

— Помогите! — простонала я и упала ему на руки.

Глава 35 МАКРАННОХ

В коттедже было темно, а в углу комнаты находился медведь. В ужасе я попятилась к своему сопровождающему — я больше не хотела иметь дело с дикими зверями. Однако мой спутник твердой рукой подтолкнул меня вперед, в коттедж. Я нерешительными шагами приблизилась к горящему очагу, огромная неуклюжая фигура повернулась ко мне, и я с опозданием убедилась, что передо мною не зверь, а человек, одетый в медвежью шкуру, — точнее сказать, в плащ или накидку из медвежьего меха, застегнутую возле шеи посеребренной брошью размером с мою ладонь. Брошь изображала двух прыгающих оленей с выгнутыми горбом спинами и соприкасающимися мордами, так что фигуры замыкались в круг; заколка представляла собой короткую, сужающуюся лопасть, похожую на хвост быстро бегущего оленя. Я рассмотрела эту брошь в подробностях, потому что она торчала у меня прямо перед носом. Потом я подняла глаза, и у меня на мгновение мелькнула мысль: а не ошиблась ли я, может, передо мною и в самом деле медведь. Но нет, у медведя глаза не похожи на ягоды голубики, маленькие, круглые и темно-синие, да и брошек медведи не носят. Глаза утопали в толстых щеках, нижняя часть которых скрывалась в густых зарослях черных с проседью волос. Пряди точно таких же волос падали на плечи, смешиваясь с медвежьим мехом, от которого до сих пор шел острый запах, напоминающий о прежнем хозяине шкуры.

Маленькие острые глазки пробежались по мне, оценили и плачевное состояние моей одежды, и ее первоначально достойное качество, разглядели и два обручальных кольца, золотое и серебряное.

— Вы, кажется, попали в беду, мистрисс, — вежливо произнес «медведь», наклонив массивную голову, на которой блестели капельки от растаявшего снега. — Можем ли мы вам помочь?

Я медлила с ответом. В помощи этого человека я отчаянно нуждалась, однако, заговорив, я сразу выдала бы себя как англичанку. Лучник, который привел меня в коттедж, предупредил мой ответ.

— Нашел ее возле Уэнтурта, — отрывисто произнес он. — Дралась с волками. Англичанка, — добавил он с ударением. И при этом слове в маленьких глазках-голубиках появилось не слишком приветливое выражение.

Я выпрямилась во весь рост и постаралась принять позу полной собственной достоинства матроны.

— Англичанка по рождению, шотландка в замужестве, — твердо заявила я. — Мое имя Клэр Фрэзер. Мой муж — узник Уэнтурта.

— По-нят-но, — медленно проговорил «медведь». — Ну что ж, мое имя Макраннох, и вы находитесь на моей земле. По вашему платью я заключаю, что вы дама из хорошей семьи. Как же вы оказались одна зимней ночью в Эддридджском лесу?

Я от души обрадовалась возможности показать мои добрые намерения и к тому же разыскать Руперта и Мурту.

— Я прибыла в Уэнтурт вместе с несколькими клансменами моего мужа. Поскольку я англичанка, мы считали, что мне удастся проникнуть в тюрьму под официальным предлогом, а потом, возможно, и найти способ освободить мужа. Однако я... мне пришлось покинуть тюрьму другим путем. Я искала своих друзей, но на меня напали волки. Вот этот джентльмен великодушно спас меня от хищников. — Я благодарно, улыбнулась костлявому лучнику, но он принял мою благодарность с каменным лицом.

— Вы, несомненно, имели дело с кем-то зубастым, — согласился Макраннох, поглядев на мое изорванное платье. Подозрительность, временно уступила место обычаям гостеприимства.

— Вы ранены? Ах, это лишь царапины? Но вы, конечно, замерзли и потрясены к тому же. Присаживайтесь поближе к огню. Гектор даст вам чего-нибудь выпить, а потом вы мне расскажете поподробнее о ваших друзьях. — Ногой он пододвинул к огню грубый трехногий табурет и усадил меня на него, нажав тяжелой рукой мне на плечо.

Горящий торф дает немного света, зато горит жарко. Я невольно вздрогнула, когда кровь начала циркулировать в моих застывших руках. Пара глотков из кожаной фляжки, протянутой мне Гектором, окончательно восстановила мое кровообращение.

Я объяснила свое положение, насколько могла, — по правде говоря, не чересчур толково. Краткое описание выхода из тюрьмы и рукопашной схватки с волком было принято с известной долей скептицизма.

— Предположим, что вам удалось попасть в приемную Уэнтурта, однако вряд ли сэр Флэтчер позволил бы вам свободно разгуливать по всему зданию. А уж если капитан Рэндолл обнаружил бы вас в подземелье, он не стал бы показывать вам выход через заднюю дверь.

— У него... у него были на то свои причины. — Какие же?

Я собралась с духом и рассказала все как есть; я слишком устала и

вымоталась, чтобы прибегать к иносказаниям и околичностям.

Макраннох был наполовину убежден, но все еще не хотел думать о конкретных действиях.

— Я понимаю ваше беспокойство, — сказал он, — однако дело обстоит не так уж скверно.

— Не так уж скверно! — От возмущения я даже вскочила на ноги.

Макраннох помотал головой, словно ему докучали оводы.

— Я имею в виду, — заговорил он, — что если зад нашего парня в опасности, то это не слишком болезненно. Прошу прощения за грубость, мадам, но от содомского греха еще никто не умер. — И он успокоительно простер ко мне две пятерни размером с суповую тарелку. — Не могу сказать, что это доставит ему удовольствие, однако не стоит обращаться по такому поводу к сэру Флэтчеру Гордону. Мое положение в этих местах весьма ненадежное, весьма! — Он обиженно надул щеки и посмотрел на меня из-под насупленных бровей.

Уже не впервые я пожалела о том, что ведьм не существует. Будь я одной из них, я немедленно превратила бы его в жабу, жирную и покрытую бородавками. Но я усмирила себя и попробовала объяснить еще раз истинное положение дел.

— Думаю, зад его в настоящее время вне опасности, речь идет о его шее. Англичане собираются повесить его утром.

Макраннох что-то забормотал и начал раскачиваться вперед-назад, словно медведь в слишком тесной клетке. Потом он вдруг поднялся и приблизил свой нос почти вплотную к моему. Я была настолько изнурена, что даже не отшатнулась, а только заморгала часто-часто.

— Ну а если бы я пообещал помочь вам, что бы из этого вышло? — проревел он и заметался по комнате — два шага в одну сторону, взмах меховой полы, два шага к другой стене. Он ходил и говорил, отдуваясь на поворотах:

— Если бы я пошел к сэру Флэтчеру, что мне ему сказать? Что, мол, у вас тут есть некий капитан, который в свободное от службы время пытается заключенных? А когда он спросит, откуда мне это известно, я должен буду ответить, что какая-то заблудившаяся саксонка обнаружена моими людьми в темноте и что она мне сообщила о непристойных предложениях, сделанных капитаном ее мужу, человеку вне закона, за голову которого назначена награда, человеку, осужденному на казнь как убийца... — Макраннох остановился и со всего маху хватил огромной лапой по шаткому столу. — А насчет того, чтобы проникнуть с моими людьми в здание... Причем, заметьте, если, я говорю — если бы мы могли туда

проникнуть...

— Вы сможете, — перебила его я. — Я могу показать вам дорогу.

— Ммм-м-м. Возможно. Ну так если мы туда попадем, что скажет Флэтчер, обнаружив моих людей в крепости? Как он поступит? Он отрядит солдат во главе с капитаном Рэндоллом, и они огнем из орудий сровняют Эддрид-Холл с землей. Нет, моя милая, не вижу...

Его речь внезапно оборвалась: со стуком распахнулась, дверь, и другой лучник втолкнул в комнату Мурту и поставил перед хозяином. Макраннох был ошеломлен.

— А это еще что? — спросил он. — Можно подумать, у нас нынче Майский праздник, юноши и девушки гуляют в лесу и собирают цветы, ни зимы, ни снега в помине нет!

— Это клансмен моего мужа, — сказала я. — Я ведь рассказывала...

Мурта, ни в малой мере не смущенный не слишком сердечным приемом, разглядывал медвежью статью хозяина, как бы возвращая его мысленно в далекое прошлое.

— Никак это Макраннох? — задал он вопрос чуть ли не обвиняющим тоном. — Ты ведь был на Собрании тогда, в замке Леох?

Макраннох был мало сказать что удивлен.

— Ничего себе «тогда», скажу я вам! Да с тех пор почти тридцать лет миновало! Откуда ты это знаешь, малый?

— Я так и думал, — удовлетворенно кивнул Мурта. — Я сам там был. И я запомнил это Собрание по той же причине, что и ты.

Макраннох пристально изучал наружность иссохшего маленького человека, как видно, тоже стараясь вспомнить, каким он был когда-то.

— Да, я тебя помню, — сказал он наконец. — Имя забыл, а тебя самого помню. Ты убил одним только кинжалом раненого вепря во время тинчала. Великолепный был зверь. Макензи еще отдал тебе его клыки, каждый смыкался в полный круг. Это была настоящая работа, дружище!

Мне показалось, что на мгновение впалые щеки Мурты дрогнули от слегка раздвинувшей губы улыбки. И тут же мне припомнились варварски прекрасные браслеты, которые я однажды надевала в Лаллиброхе. Дженни тогда сказала, что ее мать получила их в подарок от поклонника. Я уставилась на Мурту с недоверием: даже если отбросить тридцать лет, никак не подходил он на роль одержимого нежной страстью.

Вспомнив об Элен Макензи, я вспомнила и о жемчужном ожерелье, которое было спрятано у меня в кармане на самом дне. Я извлекла его и протянула к свету.

— Я могу заплатить, — предложила я. — Нельзя, чтобы ваши люди

шли на риск просто так.

Двигаясь гораздо быстрее, чем я могла ожидать от него, Макраннох схватил ожерелье.

— Где вы его взяли, мадам? — спросил он. — Вы, кажется, говорили, что ваша фамилия Фрэзер?

— Да. — Преодолев усталость, я выпрямилась. — Жемчуг принадлежит мне. Муж подарил мне ожерелье в день нашей свадьбы.

— Вот как? — Хриплый грубый голос прозвучал неожиданно мягко, и Макраннох повернулся к Мурте: — Сын Элен? Муж этой женщины — сын Элен?

— Да, — как всегда невозмутимо, ответил Мурта. — Ежели бы вы его увидели, сразу бы догадались: лицом он весь в нее.

Макраннох с нежной осторожностью перебирал в руке сияющие жемчужины.

— Я подарил их Элен Макензи, — сказал он. — Мой свадебный подарок ей. Я не мог надеть на нее это ожерелье как на свою жену, потому что она выбрала другого, но я так часто думал о том, как будут выглядеть эти жемчужины на ее милой шейке, что на другой женщине представить их себе не мог. Так и сказал ей и упросил принять подарок, чтобы она вспоминала обо мне, когда наденет бусы. — Он вздохнул и протянул мне ожерелье. — Теперь оно ваше. Носите его на здоровье, милочка.

— Я постараюсь выбрать для этого более удачное время, — ответила я, стараясь не проявлять нетерпения по поводу всех этих сантиментов, — если вы поможете мне вызволить моего мужа.

Маленький розовый рот, улыбавшийся воспоминаниям его обладателя, тотчас крепко сжался.

— Ах, — произнес сэр Маркус, дернув себя за бороду. — В самом деле. Но я уже говорил вам, дорогая, я не представляю, как это можно сделать. У меня жена и трое детей. Я очень хотел бы помочь сыну Элен, но вы просите невозможного.

У меня внезапно ослабели ноги, я плюхнулась на трехногий табурет, опустила плечи и повесила голову. Отчаяние всей тяжестью навалилось на меня. Я закрыла глаза и погрузилась в какое-то серое тупое безмолвие, в которое откуда-то из бесконечности доносились невнятные звуки голоса Мурты, о чем-то еще спорившего с Макраннохом.

Вывело меня из ступора мычание коров. Подняв глаза, я успела увидеть, как Макраннох выскочил из коттеджа. Когда он распахнул дверь, в комнату вместе с холодным зимним ветром ворвалось мычание скота и крики мужчин. Но дверь тотчас захлопнулась за огромным мохнато-

волосатым существом, а я обратилась к Мурте, спрашивая, что теперь предпринять.

Я не договорила — выражение его лица остановило меня: выражение привычной и обычной для него терпеливой непреклонности сменилось оживлением. Я схватила его за рукав.

— Что происходит? Говорите скорее!

— Коровы! Коровы Макранноха! — только и успел сказать он до того, как Макраннох снова ввалился в комнату, толкая перед собой долговязого парня.

Последним толчком он припечатал парня к оштукатуренной стене. Потом он воспользовался тем же приемом, какой применил ко мне: нос к носу. Менее уравновешенный или менее усталый, чем я, парень откинул голову к стене как мог дальше.

Макраннох заговорил вначале как бы вполне спокойно и резонно:

— Слушай, Абсалам, я послал тебя три часа назад пригнать сорок голов скота. Сказал тебе, что важно их найти, потому как надвигается большой буран. — Спокойный, даже мягкий голос начал повышаться. — И вот я услышал рев коров и подумал: ага, Маркус, это Абсалам пригнал весь скот, он хороший парень, теперь мы все отправимся по домам и погреемся у огонька, а коровы будут себе спокойно стоять в стойлах. — Здоровенная лапа вцепилась в куртку Абсалама, материал трещал под крепкими пальцами. — Я выхожу поздравить тебя с хорошо выполненной работой и начинаю пересчитывать животных. И сколько же я их насчитываю, красавчик ты мой? — Голос перешел в могучий рев — природа отпустила Маркусу легкие на троих обычных людей. — Пятнадцать! — выкрикнул он, приподняв злосчастного Абсалама на цыпочки. — Он, видите ли, нашел пятнадцать из сорока! А где же остальные? Где? Бродят по снегу и замерзнут насмерть!

Мурта во время этой сцены стушевался в угол. Но я видела его физиономию и заметила, что при последних словах Макранноха в глазах у Мурты вспыхнул огонек. Я вдруг поняла, эту он собирался сообщить мне, и я знала теперь, где находится Руперт. Вернее даже, не где он находится, а что делает. И у меня появилась надежда.

Было совсем темно. Огни тюрьмы светились сквозь снег еле заметно, словно фонари тонущего судна. Я с двумя мужчинами ждала под деревьями и в тысячный раз перебирала в уме все случайности, из-за которых могло сорваться дело.

Удастся ли Макранноху выполнить свою задачу? Он должен

постараться, если хочет получить назад своих чистокровных коров. Разрешит ли сэр Флэтчер Макранноху немедленно обыскать подвальные помещения? Похоже, что да — баронет не из тех людей, с которыми можно не считаться.

Я видела, как животные одно за другим спускаются в тот ров, который ведет к заднему входу в тюрьму; руководили этим беззвучным шествием Руперт и его помощники. Смогут ли они провести животных по одному в дверь? А если смогут, то что дальше? Что произойдет, как поведут себя полудикие коровы, очутившись в узком коридоре, освещенном факелами? Предположим, и это обойдется. Коридор сам по себе не так уж отличается от привычного коровам сарая с каменным полом, факелами по стенам и запахом людей. Если все это сойдет, можно рассчитывать на успех плана. Рэндолл вряд ли решится звать на помощь при этом вторжении — из страха, что раскроются его маленькие забавы.

Нет, Рэндолла можно не принимать во внимание — что он может предпринять в одиночку при данных обстоятельствах? Но что, если шум чересчур скоро привлечет внимание всего гарнизона? Дугал с неохотой согласился на попытку своих людей помочь его племяннику бежать из тюрьмы — можно себе представить, в какое неистовство придет он, если люди эти будут арестованы за незаконное проникновение в ее стены. Мне совсем не улыбалась перспектива нести за это ответственность, хоть Руперт и пошел на риск добровольно и с полным желанием. Я крепко сжала зубами большой палец и старалась успокоить себя соображениями, что над подземной частью замка нагромождены тонны и тонны гранита, заглушающего звуки.

Но сильнее всего был страх, что помощь опоздает. Ждет палач или нет, но Рэндолл может зайти слишком далеко. По рассказам ребят, побывавших в лагерях для военнопленных, я знала, как легко сфабриковать смерть узника якобы от несчастного случая, а тело всегда можно привести «в порядок», если ожидается официальное дознание. Даже если такое дознание проведут и Рэндолла разоблачат, ни мне, ни Джейми от этого не будет никакого прока.

Я решительно гнала от себя мысли о том, какое применение может найти садист для тех предметов, что лежали там на столе. Но я не могла не думать снова и снова об обломке кости, торчащем из пальца пригвожденной к столу правой руки. Чтобы прогнать видение, я изо всех сил провела суставами собственных пальцев по твердой кожаной обшивке седла. Почувствовав жжение, я сняла перчатку и посмотрела, насколько поранили мне кисть волчьи зубы. Ничего особенного, всего несколько

ссадин и только одна ранка от острого клыка, проткнувшего кожу. Я рассеянно лизнула ранку. Бесполезно было уверять себя, что сделала все от меня зависящее. Я в самом деле совершила то, что могла, но ожидание оттого не становилось легче.

Наконец до нас донесся со стороны тюрьмы какой-то слабый и невнятный крик. Один из людей Макранноха взял мою лошадь под уздцы и повел дальше под деревья. Под сплетением ветвей в рощице снега на земле было меньше, чем на более открытом месте, и порывы бурана почти не ощущались; наметенные ветром тонкие и длинные полосы снега резко выделялись на покрытой палыми листьями каменистой почве. Зато и видимость здесь была почти никакая. Топот копыт, заглушаемый снегом, мы услышали лишь с очень близкого расстояния. Оба моих спутника вынули по пистолету и отвели коней дальше под прикрытие ветвей, но я различила глухое мычание коров и двинулась вперед.

Сэр Маркус Макраннох, которого легко было угадать по его медвежьей шубе, прокладывал себе путь по склону, из-под копыт его коня летели комья снега. За ним следовали остальные, судя по голосам — в весьма приподнятом настроении. Большинство этих людей двинулись дальше мимо нас, подгоняя животных, сильно перебудораженных и норовящих рассыпаться по сторонам, по направлению к подножию холма, где их ждал честно заработанный отдых в хлеву.

Макраннох подъехал ко мне; он веселился от души.

— Мистрисс Фрэзер, — закричал он сквозь снег и ветер, — я весьма признателен вам за столь замечательный вечер!

Его подозрительность как рукой сняло, он обращался ко мне с величайшей сердечностью. Снег налип ему на брови и усы, и он был похож на подгулявшего Деда Мороза. Взяв мою лошадь за повод, он увлек ее снова в затишек под деревьями. Махнул двум моим спутникам, чтобы они отправлялись вниз по склону и помогли управиться со стадом, потом спешил сам и снял меня с седла, все еще посмеиваясь.

— Ох, видели бы все это, — захлебываясь смехом, заговорил он в бурном возбуждении. — Сэр Флетчер покраснел, словно грудка малиновки, когда я вломился к нему в самый разгар, обеда и заявил, что он укрывает в своих помещениях краденую собственность. А когда мы спустились по лестнице и он услышал громовый рев скотины, я подумал, что он наделал в штаны. Он...

Но тут я в нетерпении начала теребить сэра Маркуса за рукав:

— Оставьте вы штаны сэра Флэтчера в покое! Вы нашли моего мужа?

Макраннох хрюкнул от смеха еще раз и вытер рукавом глаза.

— Да. Мы его нашли.

— Он более или менее в порядке? — спокойным голосом спросила я, хотя мне хотелось кричать.

Макраннох кивком указал на деревья позади нас, я быстро обернулась и увидела всадника, осторожно пробирающегося по роще; перед ним на седле находилось что-то большое и закутанное. Я бросилась туда, за мной — Макраннох, который на бегу пытался что-то мне втолковывать:

— Он не умер, по крайней мере был жив, когда мы его обнаружили, но пострадал здорово, бедный паренек.

Я откинула покрывало с головы Джейми и в дикой тревоге осмотрела его, насколько было возможно, — лошадь, несшая двойной груз, не хотела стоять на месте и беспокоилась. Я увидела темные кровоподтеки, кровь засохла и на спутанных волосах, но больше ничего я не разглядела в сумерках. Мне показалось, что я нащупала на холодной шее слабый пульс, но не была уверена в этом.

Макраннох под локоть увел меня в сторонку.

— Самое лучшее, что мы можем сделать, это внести его в дом, милочка. Идемте со мной. Гектор внесет его в дом.

Гектор внес свою ношу в большую гостиную Элдридж-Мэнора и опустил на ковер перед камином. Потянув одеяло за один конец, он осторожно развернул его, и на желтые и розовые цветы радости и гордости леди Аннабел Макраннох сползло с одеяла вялое обнаженное тело. К чести леди Аннабел, она даже виду не подавала, что заметила, как кровь пачкает драгоценный обюссонский ковер. Женщина едва за сорок, она напоминала птичку, желтое шелковое платье отливало золотом, словно перышки щегла на восходе солнца. Резко хлопая в ладоши, она разослала слуг по всем возможным направлениям, и одеяла, полотно, горячая вода и виски явились передо мной чуть ли не до того, как я успела снять плащ.

— Лучше перевернуть его на живот, — посоветовал сэр Маркус, наливая виски в два стакана. — У него исполосована вся спина, лежать на ней больно. Впрочем, он, кажется, не чувствует боли, — добавил он, поглядев на мертвенно-бледное лицо Джейми и его заплывшие глазницы. — Вы уверены, что он жив?

— Да, — коротко ответила я, надеясь, что говорю правду.

Я попыталась повернуть Джейми. В бессознательном состоянии он казался втрое тяжелее обычного. Макраннох пришел мне на помощь, и мы уложили Джейми на одеяло спиной к огню.

Беглый осмотр убедил меня, что он жив, что все части тела на месте, что смерть от потери крови ему сейчас не угрожает и я могла уже не спеша

заняться его повреждениями.

— Я могу послать за врачом, — сказала леди Аннабел, с тревогой поглядывая на распростертое недвижимое тело. — Но раньше, чем через час, он не явится — снег, по-моему, усилился.

Легко было догадаться, что ноты сомнения в ее голосе вызваны отнюдь не снегопадом: врач мог стать опасным свидетелем присутствия в ее доме беглого преступника.

— Не беспокойтесь, — сказала я. — Пожалуйста, не беспокойтесь. Я сама врач.

Не обращая внимания на удивленные лица обоих Макраннохов, я опустилась на колени возле того, что осталось от моего мужа, укрыла его одеялами и начала прикладывать смоченные в горячей воде куски полотна к тем участкам кожи, которые оставались открытыми. Главной своей задачей я считала необходимость согреть Джейми; кровь из рубцов на спине едва сочилась, с этим можно было подождать.

Леди Аннабел отошла в сторону, однако ее птичий голосок по-прежнему требовал, напоминал и распоряжался. Ее супруг, усевшись на пол возле меня, с деловитым видом растирал в своих руках окоченевшие ступни Джейми, отвлекаясь от этого занятия лишь затем, чтобы хлебнуть виски.

Мало-помалу сдвигая одеяла, я осматривала повреждения на теле у Джейми. От шеи до колен он был исхлестан кнутом, рубцы пересекались с аккуратностью ажурной вышивки — значит, удары наносили не спеша и с наслаждением. От внезапной вспышки гнева у меня закружилась голова.

Чем-то более тяжелым пользовались уже с неистовой яростью, когда били по плечам — в одном месте удар просек мясо до кости. Я наложила толстый слой корпии на наиболее опасные раны и продолжала осмотр.

В том месте, по которому пришелся удар молотка, нанесенный Марли, вздулась черно-красная опухоль размером побольше руки сэра Маркуса. Несколько ребер, разумеется, было сломано, но это тоже могло ждать. Мое внимание привлекли сине-багровые полосы на шее и на груди: кожа на них сморщилась и покрылась волдырями. Края одной такой полосы запеклись и были осыпаны золой.

— Чем это его? — спросил сэр Маркус, который уже закончил свои манипуляции и наблюдал за осмотром через мое плечо с глубоким интересом.

— Раскаленной кочергой, — произнес слабый и невнятный голос.

Я не сразу осознала, что это заговорил Джейми. Он с усилием приподнял голову, и стало ясно, почему он говорит так невнятно: нижняя

губа с одной стороны сильно распухла, прокушенная зубами.

С полным присутствием духа сэр Маркус просунул руку под затылок Джейми и, поддерживая голову, поднес к его губам стакан с виски. Джейми поморщился от боли — спиртное обожгло израненный рот, — но виски выпил и только после этого уронил голову. Глаза его, затуманенные болью и виски, остановились на мне с проблеском радости.

— Коровы? — спросил он. — Там в самом деле были коровы или мне померещилось?

— Ничего другого не оказалось в то время под рукой, — ответила я, расмеявшись не на шутку оттого, что он все-таки жив и в сознании. Я положила руку ему на голову, стараясь рассмотреть огромный кровоподтек на скуле. — Выглядишь ты ужасно. Как ты себя чувствуешь?

— Живым, — коротко ответил он и приподнялся на локте, чтобы принять из рук сэра Маркуса второй стаканчик виски.

— Ты считаешь, что тебе можно пить сразу так много? — спросила я, рассматривая его зрачки, чтобы определить, нет ли сотрясения мозга. Он этому воспрепятствовал, прикрыв глаза.

— Да, — ответил он и протянул пустой стаканчик сэру Маркусу, который потянулся было к графину, но был остановлен повелительным чириканьем леди Аннабел, возникшей перед ним, словно солнце.

— Вполне достаточно, Маркус, — проговорила она. — Юноша нуждается не в спиртном, а в чашке крепкого горячего чая.

И чай был подан самым церемонным образом в серебряном чайнике, принесенный служанкой, чей вид прирожденного превосходства даже не потерпел ущерба оттого, что она появилась в ночной сорочке.

— Горячего крепкого чая с большим количеством сахара, — дополнила я характеристику леди Аннабел.

— И, возможно, с маленьким глоточком виски, — вставил свое слово и сэр Маркус, аккуратно снимая крышку с чайника и доливая туда приличный «глоточек» из своего графина. Грациозно принимая дымящуюся чашку, Джейми приподнял ее с безмолвной благодарностью, обращенной к сэру Маркусу, и осторожно поднес горячий напиток ко рту — мне пришлось обхватить при этом его пальцы своими, потому что у него самого рука сильно дрожала.

Слуги принесли походную кровать, матрас, еще несколько одеял, а также бинты, горячую воду и большой деревянный ящик — домашнюю аптеку.

— Мне подумалось, что лучше всего заниматься этим здесь у огня, — сказала леди Аннабел своим очаровательным щебечущим голосом. — Здесь

больше света и к тому же самое теплое место в доме.

По ее указанию двое самых сильных слуг подняли Джейми прямо на одеяле и уложили его на придвинутую к камину кровать, в то время как третий слуга принес запас угля на ночь и развел огонь посильнее. Девушка, подававшая чай, теперь занялась свечами в канделябрах, установленных на буфете, и зажгла их. Несмотря на свой птичий облик, леди Аннабел обладала задатками старшего сержанта.

— Да, поскольку он пришел в сознание, нам надо браться за дело, и чем скорее, тем лучше, — сказала я. — Найдется ли у вас дощечка примерно двух футов длины, потом еще толстая веревка и несколько веревочек потоньше и прямые плоские дощечки примерно вот такой длины? — Я раздвинула пальцы на четыре дюйма.

Один из слуг немедленно исчез — ни дать ни взять джинн, готовый выполнить любое приказание.

Этот дом казался воистину волшебным — быть может, благодаря контрасту между бушующей непогодой снаружи и восхитительным теплом в комнате, а может, и оттого, что я видела Джейми в безопасности после стольких часов страха и тревоги.

Отполированная поверхность темной тяжелой мебели блестела при свете канделябров, блестело на буфете начищенное серебро, а целый набор хрупкого хрусталя и фарфора, украшавший каминную доску, тоже составлял немыслимый контраст с простертым у камина окровавленным, покрытым грязью человеческим телом.

Вопросов никто не задавал. Мы были гостями сэра Маркуса, и леди Аннабел держала себя так, словно появление в доме окровавленных незнакомцев, пачкающих своей кровью ковры, — дело самое обыкновенное. И мне пришло в голову, что, возможно, подобные ночные визиты случались и прежде.

— Очень скверно, — проговорил сэр Маркус, разглядывая искаленную руку Джейми опытным глазом старого воина. — И, наверное, дьявольски болит. Но это тебя не убьет, верно? — Он выпрямился и негромко обратился ко мне: — Я было после ваших рассказов подумал, что дело обстоит еще хуже. Кроме пальцев и ребер, все кости целы, а остальное скоро заживет. Я бы сказал, что ты можешь считать себя счастливым, парень.

С походной кровати прозвучало нечто вроде смеха.

— Думаю, вы правы, мне и в самом деле повезло. Меня должны были повесить завтра утром. — Джейми беспомощно подвигал головой на подушке, пытаясь поднять ее и посмотреть на сэра Маркуса. — Вы об этом

знали... сэр? — Джейми, как видно, лишь теперь обратил внимание на вышитый жилет сэра Маркуса с изображением его герба среди голубков и роз. Сэр Маркус только отмахнулся.

— Если он собирался передать вас прямо в руки палача, — заметил он, — то, пожалуй, чересчур перестарался в обращении с вашей спиной.

С этими словами он снял пропитавшуюся кровью корпию и наложил свежую.

— Да. Он потерял голову, когда... когда он... — Джейми пытался что-то сказать, но ему это не удавалось, и он, отказавшись от борьбы с самим собой, повернулся лицом к огню, закрыл глаза и проговорил: — Господи, как я устал...

Мы дали ему отдохнуть, пока слуга не возник снова рядом со мной. Он вручил мне затребованные мною лубки. Я осторожно подняла искалеченную руку Джейми и стала ее исследовать при свете свечей.

Необходимо было вправлять переломы как можно скорее. Порванные мускулы втягивали в себя отломки костей. Оценив в полной мере причиненные увечья, я почти полностью утратила надежду справиться с бедой. Но если рассчитывать, что в будущем рука хоть отчасти восстановит работоспособность, за дело следовало браться немедленно. Леди Аннабел во время осмотра тихо стояла позади и внимательно наблюдала за мной. Я повернулась к ней.

— В вашей аптечке нет ли случайно снотворного? — спросила я, заметив, что она держит в руках небольшую шкатулку с поднятой крышкой, полную каких-то снадобий.

— О да! — Быстрым движением она вынула из шкатулки небольшой зеленый пузырек. — Цветы лауданума. Подойдет?

— Великолепно. — Я взяла у нее пузырек.

— Теперь все будет в порядке, — обратилась я к Джейми, наливая некоторое количество пахучего настоя в стаканчик. — Ты должен ненадолго сесть — только чтобы успеть проглотить вот это. Потом ты уснешь и проспишь достаточно долго.

По правде говоря, я сильно сомневалась, можно ли вводить в организм препарат опия после выпитого в более или менее значительном количестве спиртного, но даже подумать о том, что я буду в противном случае вправлять переломы такого рода человеку в полном сознании, мне было страшно. И я наклонила пузырек, чтобы добавить в стаканчик еще лекарства.

Здоровой рукой Джейми удержал меня от этого.

— Никаких лекарств, — сказал он твердо. — Разве что еще немного

виски... — Он подумал и добавил, облизнув распухшую нижнюю губу: — И что-то вроде ремня, чтобы я мог это кусать.

Услышав его слова; сэр Маркус подошел к красивому блестящему шератоновскому столу^[16] в углу комнаты и, принялся что-то искать. Вернулся он с небольшим кусочком потрепанной кожи. При ближайшем рассмотрении я увидела на нем словно бы нанесенные пунктиром полукружия и догадалась, что это следы зубов.

— Вот, пожалуйста. — Сэр Маркус был явно доволен. — Я им сам пользовался при Сен-Симоне, когда мне вынимали пулю из ноги.

Я глядела с разинутым ртом, как Джейми взял этот кожаный лоскут, провел пальцем по отметинам и кивком поблагодарил хозяина.

— Ты что, и в самом деле хочешь, чтобы я вправляла тебе девять сломанных костей, а ты при этом будешь в полном сознании? — завопила я. — Тоже мне нашелся чертов герой! Мы все прекрасно знаем, что ты вытерпел, и никому не нужны новые доказательства твоей выносливости!

Наступило неловкое молчание. Джейми глядел на меня, приоткрыв рот. Наконец он заговорил.

— Клэр, — сказал он, — мы примерно в двух милях от Уэнтуортской тюрьмы. Утром меня собирались казнить. Не важно, что там произошло с Рэндоллом, важно, что англичане так или иначе скоро хватятся меня.

Я прикусила губу. Он говорил правду. То, что я непреднамеренно освободила несколько других заключенных, запутает дело ненадолго. Проведут проверку и начнут поиски. И благодаря выбранному мной необычному способу бегства в самое ближайшее время Элдридж-Мэнор привлечет к себе внимание.

— Если нам повезет, — продолжал тихий и спокойный голос, — снегопад задержит поиски, и мы успеем уехать. Если же нет... — Он пожал плечами, глядя на огонь. — Клэр, я не допущу, чтобы меня снова упрятали туда. Уснуть, лежать в полной беспомощности, когда они явятся сюда, и очнуться в цепях в той же камере... Мне этого не вынести, Клэр.

Глаза у меня полны были слез. Я старалась не моргать, глядя на него, — чтобы они не пролились.

— Не плачь, Саксоночка, — произнес Джейми так тихо, что я с трудом его услышала. Он вытянул здоровую руку и похлопал меня по ноге. — Я считаю, что мы здесь в безопасности, милая. Если бы я думал, что нас схватят, я не согласился бы лечить руку, которая мне не понадобилась бы. Пойди и кликни ко мне Мурту. Потом дашь мне выпить и принимайся за дело.

Занятая, своими медицинскими приготовлениями, я не слышала, что

он говорил Мурте, только видела, как сблизились их головы, потом — как Мурта своей тощей рукой легонько потеревил ухо Джейми — одно из немногих мест у него на теле, которые не были ранены.

Мурта коротко кивнул на прощанье и выскользнул в дверь ловко и быстро, словно крыса. Но я выскочила за ним в прихожую и успела ухватить его за край пледа, пока он не удрал.

— Что он вам говорил? — свирепо спросила я. — Куда вы собрались?

Мурта помедлил, но все же ответил совершенно спокойно:

— Мы с молодым Абсаламом отправляемся следить за тем, что происходит в Уэнтуорте. Если красные мундиры двинутся сюда, я вернусь, и мы попробуем спрятать вас, а я уеду, захватив с собой еще пару лошадей, чтобы отвлечь погоню от Элдридж-Мэнора. Здесь есть один потайной чулан. Если искать станут не очень усердно, можно пересидеть обыск там.

— А если не хватит времени спрятаться?

— Тогда я убью его, а вас увезу, хотите вы того или нет, — ровным голосом проговорил Мурта и повернулся уходить.

— Минутку! — громко окликнула его я. — У вас есть лишний кинжал?

Лохматые брови взлетели вверх, но Мурта тотчас протянул руку к поясу.

— Вам он нужен? Здесь?

Я взяла протянутый мне кинжал и сунула его сзади за корсаж — я видела, что так делают цыганки.

— Кто знает, — ответила я.

Полностью подготовившись, я очень осторожно, стараясь причинять как можно меньше боли, начала обследование. Джейми принимался часто-часто дышать, когда я дотрагивалась до особенно больного места, и лежал, закрыв глаза, пока я проверяла каждую косточку, отмечая для себя расположение каждого перелома.

— Извини, — пробормотала я. В моем распоряжении не было рентгена, не было у меня и соответствующего опыта. Я просто сравнивала здоровую руку с покалеченной и таким образом определяла, что надо выправить. Поврежденная рука оставалась неподвижной под моими пальцами, но здоровая время от времени делала мелкие невольные движения. — Прости, пожалуйста, — снова пробормотала я.

Тут Джейми высвободил здоровую руку и оперся на локоть. Выплюнул кожаную затычку и устремил на меня взгляд, в котором юмор смешивался с отчаянием.

— Саксоночка, — сказал он, — если ты будешь извиняться каждый раз, как причинишь мне боль, то дело затянется на всю ночь, а ведь и так прошло немало времени. Я ведь знаю, что ты не хочешь, чтобы я страдал, но выбора у нас нет, и вполне достаточно, если страдать будет один, а не оба. Делай что нужно, а я в случае чего и покричать могу.

Он снова сунул в рот кусок ремня, зверски оскалил зубы и посмотрел на меня, невысказанно скосив глаза. Выглядел он при этом точь-в-точь как ошалелый тигр, и у меня против воли вырвался истерический смешок, естественно, крайне удививший леди Аннабел и слуг — ведь они стояли у Джейми за спиной и не могли видеть его физиономию. Зато сэр Маркус, сидевший возле кровати, видел это и усмехнулся в свою широкую бороду.

Мне стало как-то легче, я уже не испытывала чрезмерного напряжения и работала спокойнее. Конечно же, я замечала каждую гримасу боли, но не реагировала на них слишком остро, сосредоточившись полностью на своей задаче. К счастью, меньше всего пострадал большой палец: единственный простой перелом первой фаланги. Он должен был срастись хорошо. Вторая фаланга четвертого пальца была полностью раздроблена; удерживая ее между собственными двумя пальцами — большим и указательным, — я ощущала кашу из мелких осколков под кожей; Джейми застонал даже от легкого нажима, оставалось наложить лубок и надеяться на лучшее.

Тяжелее всего пришлось с открытым переломом среднего пальца — необходимо было ввести торчащую кость обратно в мышечную ткань. Я однажды видела, как это делается под общим наркозом и при помощи рентгена.

Только теперь я по-настоящему поняла, почему врачи, как правило, отказываются лечить серьезные недуги своих близких: нужна определенная степень жестокости, чтобы в некоторых случаях успешно довести дело до конца.

Сэр Маркус придвинул стул близко к кровати, расположился поудобнее и взял Джейми за здоровую руку.

— Жми сколько хочешь, дружок, — сказал он.

Освободившись от своего «медвежьего» одеяния, подобрав седые кудри и завязав их на затылке, Макраннох уже не казался устрашающим лесным дикарем, а выглядел как прилично одетый мужчина средних лет, с аккуратно расчесанной широкой бородой и военной выправкой. Принимаясь за дело, которое требовало большого нервного напряжения, я в его присутствии чувствовала себя уверенней.

Я глубоко вздохнула и принялась за работу.

Работа была долгая, тяжелая и выматывающая душу. Кое-что давалось

сравнительно легко — два пальца с простыми переломами. Зато другие... Джейми кричал очень громко, когда я начала вводить на место кость среднего пальца. Я прервала было работу, но сэр Маркус тотчас проговорил со спокойной непреложностью: «Продолжайте, милая!» И я продолжила. Я вспомнила снова, как Джейми говорил мне, что может вытерпеть свою боль, но у него не хватит сил терпеть мою. Он был прав: это требовало очень много сил, и я надеялась, что нам обоим их хватит.

Джейми отвернулся от меня, но я видела, что челюсти его ходят ходуном — так сильно он сжимал зубами ремень. Я сама стиснула зубы — и тянула, тянула до тех пор, пока острый отломок кости не ушел под кожу; палец выпрямился как бы с неохотой; нас обоих трясло.

Я мало-помалу перестала думать о чем бы то ни было, кроме своего дела. Иногда Джейми стонал, дважды пришлось прервать работу, потому что его рвало выпитым виски — ведь в тюрьме он ничего не ел или почти ничего. Но большей частью он тихонько произносил что-то по-гэльски, то ли проклятия, то ли молитвы, уткнувшись головой в колени сэра Маркуса.

В конце концов все пальцы улеглись ровненько, словно новенькие булавки; они были крепко прибинтованы к лубкам. Я опасалась инфекции, особенно для среднего пальца, но все же верила, что переломы срастутся. Слава Богу, что лишь один сустав серьезно поврежден, все прочие будут действовать нормально — с течением времени. Я выпрямила спину, руки и ноги у меня тряслись от напряжения этой ночи, корсаж насквозь промок от пота, так как я стояла спиной близко к огню.

Леди Аннабел немедленно возникла рядом со мной, усадила меня в кресло и сунула чашку чая, сдобренного виски, в мои дрожащие руки. Сэр Маркус, самый лучший помощник, какого может только пожелать хирург во время операции, освободил привязанную во время моих манипуляций к кровати здоровую руку Джейми, растер те места, на которые сильно давила повязка, а также и свою собственную конечность, сильно покрасневшую там, где в нее вцепились пальцы пациента.

Я даже не осознала, что клюю носом, но неожиданно голова моя упала на грудь. Леди Аннабел подхватила меня под локоть, поддержала, приговаривая:

— Приободритесь, моя дорогая. Ваши силы на исходе. Вам еще нужно полечить собственные раны и хоть немного поспать.

Я отстранила ее с наивозможнейшей вежливостью.

— Нет-нет, леди Аннабел, я не могу, я должна закончить...

Но тут сэр Маркус, не дав мне договорить, а вернее, долепетать,

отобрал у меня бутылочку с уксусом и ветошку.

— Я позабочусь об остальном, — сказал он. — Уверяю вас, что у меня есть в этом отношении кое-какой опыт.

Откинув одеяло, он принялся промокать кровь, проступившую на рубцах от кнута, с такой быстротой и вместе с тем мягкостью, что это производило очень сильное впечатление. Встретившись со мной глазами, он улыбнулся и тряхнул бородой с веселым и небрежным изяществом.

— Мне довелось промывать в свое время немало ран, — продолжал он. — И лечить тоже. Эти еще ничего себе, милочка, они заживут скоро.

Понимая, что он прав, я подошла к изголовью походной кровати. Джейми бодрствовал, слегка морщился от боли, причиняемой свежим ранам дезинфицирующим раствором, но веки у него были набрякшие, тяжелые, а глаза потемнели от усталости и боли.

— Иди поспи, Саксоночка. Я тоже усну.

Я не знала, уснет ли он. Ясно было, однако, что я на пределе, меня шатало от изнеможения, царапины на ногах начали гореть и болеть. Абсалам промыл мне их еще в коттедже, но теперь следовало их смазать.

Я тупо кивнула и повернулась к леди Аннабел, которая слегка сжала мой локоть.

Где-то на половине лестницы я вспомнила, что не сказала сэру Маркусу, как следует перевязывать раны. Глубокие раны на плечах нужно было забинтовать, подложив побольше корпии — чтобы можно было спокойно надеть поверх перевязок рубашку, когда нам придет пора уносить ноги; менее глубокие раны от ударов кнутом бинтовать не требовалось — так они скорее покроются корочкой. Я бросила беглый взгляд на комнату для гостей, показанную мне леди Аннабел, извинилась в немногих словах и заковыляла по ступенькам назад в гостиную.

Я остановилась в затененном дверном проеме, леди Аннабел тоже. Глаза у Джейми были закрыты — очевидно, он впал в забытие под влиянием выпитого виски и усталости. Одеял на нем не было, да и какая в них нужда у столь жаркого огня. Сэр Маркус случайно оперся рукой на ягодицы Джейми, потянувшись через него за очередной ветошкой. Джейми словно ударило электрическим током: спина у него резко выгнулась, он стиснул ягодицы конвульсивным усилием мышц, выкрикнул что-то невнятное и протестующее, а потом перевернулся на спину и вперил в сэра Маркуса застывший бессмысленный взгляд. Сэр Маркус на несколько секунд тоже замер, как столб, от изумления, но тут же пришел в себя, наклонился, потянул Джейми за руку и снова перевернул его на живот.

— Вот оно что, — произнес он, после чего накрыл Джейми одеялом до пояса, и я заметила, как плечи у того расслабились. Сэр Маркус присел у Джейми в головах и налил еще по стаканчику виски. Сделал глоток и медленно облизал губы, о чем-то раздумывая. В комнате стояла тишина, только огонь в камине потрескивал, но ни я, ни леди Аннабел не переступали порог.

— Если тебе от этого станет легче, — неожиданно заговорил сэр Маркус, глядя на графин, — то знай, что он мертв.

— Вы уверены? — Голос у Джейми был какой-то тусклый, неясный.

— Не доводилось мне встретить человека, который остался бы жив после того, как по нему прошли тридцать коров, каждая в полтонны весом. Он выскочил в коридор, чтобы посмотреть, что там за шум, увидел и попытался скрыться в комнату. Но одна из коров зацепила его рогом за рукав и потащила за собой. Я видел, как он упал на пол у стены. Сэр Флэтчер и я находились в это время на лестнице. Сэр Флэтчер пришел в неистовое волнение, послал людей ему на помощь, но они не могли до него добраться в этой чудовищной толчее, да притом, куда ни сунься, везде на тебя наставлены рога. Да еще факелы начали срываться со стен прямо на взбесившуюся скотину. Господи, видел бы ты все это! — воскликнул сэр Маркус и ухватился за горлышко графина. — Твоя жена — редкая женщина, в этом нет сомнения, дружище! — Он налил себе виски, начал пить, но едва не подавился от смеха. — Во всяком случае, — продолжал он, стукнув себя в грудь, — к тому времени, как мы очистили коридор от скотины, он представлял собой рваную тряпку, плавающую в луже крови. Люди сэра Флэтчера унесли его, но если он в то время и был жив, то долго ему не протянуть. Налить тебе еще?

— Да, спасибо.

Последовало короткое молчание, которое нарушил Джейми:

— Нет, я не могу сказать, что мне от этого легче, но благодарю вас за то, что вы мне об этом рассказали.

Сэр Маркус поглядел на него, сощурившись.

— Ммм-ф-м, ты, я вижу, не собираешься забывать об этом, — сказал он отрывисто. — Не старайся. Если можешь, позволь этой ране зажить, как и всем другим твоим ранам. Не бери ее, и все пройдет. — Старый вояка поднял узловатую руку, на которой был засучен рукав, и показал неровный рубец, тянущийся от локтя до запястья. — Шрамы не должны нас тревожить.

— Да, — ответил Джейми, — некоторые, может, и не должны.

Он попытался лечь на бок. Сэр Маркус поспешно поставил свой

стакан.

— Слушай-ка, друг, с этим ты поосторожнее! Иначе сломанное ребро проткнет тебе легкое. — Он помог Джейми лечь, опершись на локоть, и подsunул ему под бок сложенное валиком одеяло.

— Мне нужен маленький нож, — тяжело дыша, попросил Джейми. — Маленький, но очень острый.

Не задавая вопросов, сэр Маркус тяжело прошагал к буфету из полированного французского ореха и, с невероятным грохотом перебрав его содержимое, вернулся к кровати с фруктовым ножом, рукоятка которого была украшена жемчугом. Он вложил нож в здоровую левую руку Джейми и уселся на прежнее место.

— Тебе не кажется, что шрамов у тебя вполне достаточно? — поинтересовался он. — Хочется добавить?

— Только один. — Джейми, опасно балансируя на локте, опустил подбородок на грудь и прижал острый, как бритва, нож к месту пониже левого соска.

Сэр Маркус молниеносно выбросил вперед руку и схватил Джейми за запястье.

— Позволь-ка я тебе помогу, парень. Не то как бы ты не свалился на этот нож всем телом.

Джейми хоть и не сразу, но отдал нож и откинулся на свернутое одеяло. Притронулся пальцами к груди дюйма на два пониже соска.

— Здесь.

Сэр Маркус принес с буфета светильник и установил его на стуле, с которого только что встал. Мне от двери не очень-то было видно, что он там разглядывает; это выглядело похожим на небольшой красный ожог, огрубление круглый по форме. Сэр Маркус еще разок приложился к своему стаканчику, потом поставил его возле светильника и прижал нож к тому месту, где был ожог. Должно быть, я сделала какое-то невольное движение, потому что леди Аннабел дернула меня за рукав, предостерегая от вмешательства. Сэр Маркус повернул нож по кругу — так его поворачивают, когда хотят вырезать из плода гнилое место. Джейми застонал; тоненькая струйка крови сбежала по животу и образовала пятно на одеяле. Джейми перевернулся на живот и прижался ранкой к матрасу, чтобы остановить кровь. Сэр Маркус положил нож.

— Как только это станет возможно, — посоветовал он, — возьми жену к себе в постель, и пусть она тебя утешит. Женщинам это нравится, — добавил он, с улыбкой повернувшись к двери, — Бог их знает почему.

Леди Аннабел сказала тихо:

— Пойдемте, милая. Ему теперь лучше побыть одному.

Я решила, что сэр Маркус сам справится с перевязкой, и последовала за леди Аннабел по узкой лестнице в свою комнату.

Я пробудилась внезапно. Мне снилась бесконечно длинная винтовая лестница, в глубинах которой подстерегал Ужас. Спина ныла от усталости, ноги болели, но я села на постели в чужой ночной рубашке и схватила свечу и коробочку с огнивом. Меня охватила тревога при мысли о Джейми. Что, если он сейчас нуждается во мне? Или, что самое скверное, вдруг англичане уже добрались до дома, а он там один, безоружный? Я прижалась лицом к холодному оконному переплету, и пронзительный свист метели успокоил меня: пока буран продолжается, мы в относительной безопасности. Я набросила на себя халат и, держа в одной руке свечу, а в другой — кинжал, стала спускаться по лестнице.

В гостиной было тихо, только огонь в камине потрескивал по-прежнему. Джейми, по-видимому, спал, во всяком случае, глаза у него были закрыты. Он лежал лицом к огню. Я опустилась на коврик перед камином, стараясь не шуметь, чтобы не разбудить Джейми. Мы впервые остались наедине после нескольких отчаянных минут в подzemелье Уэнтуртской тюрьмы. Казалось, что с тех пор прошло много лет. Я внимательно, словно незнакомца, разглядывала Джейми. Принимая во внимание все обстоятельства, выглядел он терпимо, но я тем не менее беспокоилась. Количество виски, выпитого им во время медицинских процедур, свалило бы с ног ломовую лошадь, и большая часть спиртного, несмотря на неоднократную рвоту, оставалась еще в организме.

Мне подумалось, что рано или поздно Джейми захочет поговорить с кем-то о происшедшем. Но при этом мне хотелось, чтобы этим человеком была я.

Он был укрыт одеялом до пояса, и я наклонилась над ним, чтобы осмотреть его спину. Зрелище оказалось примечательное. Удары кнутом были нанесены на столь одинаковом расстоянии один от другого, что это попросту потрясало воображение. Он должен был стоять, вытянувшись во весь рост, словно гвардеец на параде, пока это делалось. Я глянула на его запястья — следов от веревок нет. Он сдержал слово и не сопротивлялся. Он стоял неподвижно, пока его истязали, выплачивая условленный выкуп за мою жизнь.

Я вытерла рукавом глаза. Он не поблагодарил бы меня за эти слезы над его расprostертым телом. Я переменила позу, материя халата слегка зашуршала — и Джейми открыл глаза, хоть и не вполне очнулся. Он

улыбнулся мне слабой и усталой улыбкой, впрочем, вполне осознанной. Я открыла рот и вдруг поняла, что не знаю, о чем заговорить. Смешно было бы спросить, как он себя чувствует, — совершенно ясно, что самочувствие у него скверное, хуже некуда. Пока я размышляла, он заговорил первым:

— Клэр? У тебя все в порядке, любимая?

— У меня?! Господи, Джейми!

Слезы собирались пролиться, но я старалась их удержать, громко сопя и часто моргая глазами. Он медленно поднял здоровую руку, так медленно, словно она была отягощена цепями, и погладил меня по голове. Хотел привлечь меня к себе, но тут я впервые подумала о том, как ужасно я выгляжу: лицо исцарапано и перепачкано, волосы слиплись от черт его знает какой грязи, сказать неприлично.

— Иди ко мне, — сказал он. — Я хочу потрогать тебя хоть немного.

— Но я вся в крови, и вообще... — Я сделала безуспешную попытку привести в порядок волосы.

В ответ послышалось некое слабое подобие смеха — большего ему не позволили сломанные ребра.

— Матерь Божья, да ведь это же моя собственная кровь, Саксоночка! Иди сюда!

Его рука обняла мои плечи. Я опустила голову ему на подушку, и так мы полулежали у огня, черпая друг у друга тепло и силу. Он легонько коснулся пальцем ранки возле моего уха.

— Я не надеялся снова увидеть тебя, Саксоночка. — Голос у него был низкий, охрипший от виски и криков. — Как я рад, что ты здесь, со мной.

Я выпрямилась.

— Не увидеть меня снова! Почему это? Ты считал, что я не смогу вызвать тебя?

— По правде сказать, да. Но я боялся сказать тебе об этом, боялся, что в таком случае ты заупрямишься и откажешься покинуть меня.

— Я заупрямлюсь? — возмутилась я. — Кому бы и говорить об упрямстве!

Последовала пауза, которая как-то неловко затянулась. Я должна была расспросить его о вещах, существенных с чисто медицинской точки зрения, но щекотливых в личном плане. В конце концов я облекла это в тот самый банальный вопрос:

— Как ты себя чувствуешь?

Веки у него сомкнулись, глаза казались запавшими при свете свечей, но я ощутила, как напряглась под бинтами спина. Рот скривился.

— Не знаю, Саксоночка. До сих пор я никогда себя так не чувствовал.

Кажется, я хотел бы совершить одновременно несколько разных деяний, но разум мой протестует, а тело меня предает. Я хотел бы немедленно уйти отсюда и убежать так далеко, как только смогу. Я хочу кое-кого убить. Господи, как я этого хочу! Я хочу сжечь дотла Уэнтуортскую тюрьму. Я хочу спать.

— Камни не горят, — трезво заметила я. — Пожалуй, стоит ограничиться сном.

Его здоровая рука искала и нашла мою, а рот слегка расслабился, но глаза оставались закрытыми.

— Я хочу прижать тебя к себе, целовать тебя и не отпускать никогда. Я хочу уложить тебя к себе в постель и обладать тобой, как обладают шлюхой, чтобы забыть самого себя. И еще я хочу положить голову к тебе на колени и плакать, как ребенок. — Уголок рта приподнялся, и голубые глаза полуоткрылись. — К несчастью, — продолжал он, — только последнее из всего перечисленного я могу сделать, не потеряв при этом сознания.

— Ну что ж, в таком случае, этим и следует ограничиться, оставив прочее на будущее время. — Я тихонько засмеялась.

От него это потребовало некоторых усилий, и он в самом деле едва не потерял сознание, но я присела к нему на кровать, прислонилась к стене, а он положил голову мне на бедро.

— Что это сэр Маркус вырезал с твоей груди? — спросила я. — Клеймо?

Он ответил не сразу. Потом рыжеволосая голова наклонилась в знак утверждения, и Джейми произнес со смехом:

— Печать с его инициалами. Чтобы я весь остаток жизни носил кроме уже оставленных им рубцов еще и его вонючую подпись? Да ни за что!

Его голова теснее прижалась к моему бедру, и дыхание мало-помалу сделалось сонным.

— Джейми?

— Ммм?

— Ты сильно пострадал?

Сразу пробудившись, он перевел взгляд со своей забинтованной руки, призрачно белевшей на темном одеяле, на мое лицо. Глаза закрылись, и Джейми начал дрожать. Встревоженная, я решила, что коснулась невыносимо больного места, но тут же поняла, что он попросту смеется — до слез.

— Саксоночка, — заговорил он наконец, прерывисто дыша. — У меня осталось примерно шесть квадратных дюймов кожи без болячек, ожогов и рубцов. Пострадал ли я? — И он снова затрясся от смеха так, что матрас

под ним заходил ходуном.

— Я имела в виду, — начала было я сварливо, но Джейми остановил меня, взяв мою руку и поднеся ее к губам.

— Я понял, что ты имела в виду, Саксоночка, — сказал он, повернувшись ко мне. — Не волнуйся, оставшиеся невредимые шесть квадратных дюймов находятся у меня между ног.

Я по достоинству оценила усилие, которое понадобилось ему, чтобы пошутить, и легонько шлепнула его по губам.

— Ты пьян, Джеймс Фрэзер, — заявила я и, помолчав, добавила: — Всего только шесть?

— Ну, может быть, и семь. Бог ты мой, Саксоночка, не смей меня больше, мои ребра этого не выдержат!

Я вытерла ему глаза подолом своей рубашки и дала ему попить, поддерживая голову.

— И все же это не то, что я имела в виду, — сказала я.

— Я понял, — ответил он. — Можешь не деликатничать насчет этого. — Он с осторожностью набрал в грудь воздуха, но все-таки поморщился от боли. — Я был прав, это менее болезненно, чем удары плетью, но куда отвратительнее. — Горькая улыбка скривила его губы, но в ней был и оттенок юмора. — По крайней мере я некоторое время не буду страдать от запоров. — Я вздрогнула, а Джейми вдруг скрипнул зубами и задышал часто-часто. — Прости, Саксоночка... я не предполагал, что все это так глубоко затронет меня. А с тем, что ты имеешь в виду, все в порядке. Повреждений нет.

— Ты не должен рассказывать мне об этом, если не хочешь, — сказала я, стараясь, чтобы мой голос звучал спокойно и естественно. — Разве что так для тебя легче...

— Я не хочу рассказывать! Я не хочу даже думать об этом снова, но выбор был недвусмысленным. Нет, моя дорогая, мне не больше хочется рассказывать об этом тебе, нежели тебе слушать, но я должен вытолкнуть это из себя, пока оно меня не задушило... Он хотел, чтобы я пресмыкался перед ним и умолял, и я делал так, клянусь Господом. Мне помнится, я говорил тебе, что можно сломить человека, если в твоей власти причинить ему невыносимую боль. У него была такая власть и такое желание. Он вынудил меня пресмыкаться и вынудил умолять, да и кое-что похуже того. В конце концов он вынудил меня желать смерти. — Он внезапно поднял голову; лицо его было искажено страданием. — Несколько раз в жизни я был близок к смерти, Клэр, но я никогда еще не хотел умирать. На этот раз я хотел смерти. Я... — Голос его оборвался, он крепко стиснул мне колено,

а когда заговорил снова, то задыхался, словно пробежал большое расстояние: — Клэр, ты можешь... я только... Клэр, удержи меня. Если я снова начну дрожать, этого не остановить. Клэр, удержи меня!

Его и в самом деле начала сотрясать мелкая дрожь, он стонал от боли в сломанных ребрах. Я боялась своим прикосновением причинить ему страдание, но еще больше боялась, что продолжится эта ужасающая дрожь.

Я наклонилась к нему, обхватила за плечи как можно крепче и начала раскачиваться вместе с ним, надеясь таким образом устранить спазмы. Одновременно я массировала вертикальные мышцы сзади на шее, чтобы ослабить напряжение. Дрожь наконец унялась, и его голова в изнеможении упала мне на бедро.

— Прости меня, — сказал он минуту спустя нормальным голосом. — Я не думал, что дойдет до такого. Все дело в том, что я очень измучился и к тому же чертовски пьян. Я просто потерял контроль над собой.

Да, если уж шотландец признает себя пьяным, значит, ему в высшей степени скверно!

— Тебе нужно выспаться, — тихо сказала я, все еще потирая ему шею. — Ты очень в этом нуждаешься. — Я говорила это, а сама поглаживала и слегка нажимала, как учил меня старый Алек, и в конце концов добилась, что Джейми начал дремать.

— Мне холодно, — пробормотал он.

Огонь в камине горел жарко, на постели лежало несколько одеял, и все же пальцы у Джейми были холодные.

— У тебя шок, — сказала я. — Ты ведь потерял очень много крови.

Я огляделась. Макраннохи давным-давно уже спали в своих постелях: Мурта, подумалось мне, все еще бродит по снегу и следит, не покажется ли погоня со стороны Уэнтуортской тюрьмы... Я рывком сдернула с себя ночное одеяние и нырнула под одеяло.

Со всей доступной мне осторожностью и нежностью я прижалась к нему, отдавая свое тепло. Он уткнулся мне лицом в плечо, совсем как маленький мальчик. Я гладила его по голове, я ласково успокаивала его, как когда-то — о, как давно это было! — Дженни своего малыша.

— Так говорила со мной мама, — прошептал Джейми. — Когда я был маленьким.

Глава 36 БЕГСТВО

Наутро цвет лица у него был получше, хотя синяки за ночь потемнели и покрывали большую часть лба и щек. Он глубоко вдохнул, тотчас дернулся и застонал и выдохнул воздух с куда большей осторожностью.

— Как ты? — спросила я, положив ладонь ему на лоб.

Лоб был холодный и влажный. Слава Богу, лихорадки нет. Джейми поморщился, не открывая глаз.

— Живого места нет, Саксоночка. — Он протянул мне здоровую руку — Помоги мне подняться, я весь отвердел, как пудинг.

Снег прекратился поздним утром. Небо по-прежнему оставалось хмурым и серым и грозило новым снегопадом, однако опасность появления преследователей из Уэнтуорта возросла, и мы покинули Элдридж-Мэнор перед самым полуднем, тепло укутанные по случаю непогоды. У Мурты и Джейми было спрятано под плащом достаточно оружия, я вооружилась только кинжалом, тоже, конечно, спрятанным. Вопреки моей собственной воле, в том случае, если произойдет худшее, я должна была изображать похищенную англичанку.

— Но ведь меня видели в тюрьме, — возражала я. — Сэр Флэтчер уже знает, кто я такая.

— Да. — Мурта заряжал пистолеты, разложив на полированном столике леди Аннабел пули, пыжи, порох, тряпки, стержни для прочистки и патронные сумки, но все-таки не упустил случая пронзить меня мрачным взглядом. — В этом-то и дело, барышня. Мы должны убираться подальше от Уэнтуорта и увозить отсюда вас. Сэр Флэтчер не отправится на охоту лично в такую поганую погоду, а солдаты, с которыми мы, может, встретимся, вряд ли знают вас в лицо. Ежели они зацапают вас, вы скажете, что вас увезли силой, что вам нечего делать в компании с таким сбродом, как я и вот он. — Тут он кивнул на Джейми, сидевшего в неустойчивом равновесии на стуле с чашкой теплого молока и с хлебом в руке.

Мы с сэром Маркусом намотали на ноги и бедра Джейми бинты в несколько слоев и натянули поверх них просторные, сильно поношенные панталоны темного цвета, чтобы пятна крови, если они просочатся сквозь бинты, не были заметны. Леди Аннабел разрежала сзади рубашку своего мужа, чтобы она налезла на широкие да к тому же в несколько слоев перебинтованные плечи Джейми, но рубашка все равно не сходилась на

грудь, и концы бинтов виднелись из-под нее. Джейми отказался расчесывать волосы, сославшись на то, что и кожа на голове у него болит, и выглядел, прямо скажем, диковато: всклокоченная рыжая шевелюра над распухшей красной физиономией, к тому же один глаз открывается лишь наполовину.

— Если вас схватят, — наставлял меня сэр Маркус, — скажите, что вы моя гостья, что вас похитили во время верховой прогулки вокруг имения. Попросите их доставить вас в Эддридж для опознания. Это их убедит. Мы скажем им, что вы подруга Аннабел из Лондона.

— И мы тут же отправим вас отсюда, прежде чем сэр Флэтчер явится взглянуть на вас лично, — добавила практичная леди Аннабел.

Сэр Маркус предложил, чтобы Гектор и Абсалам сопровождали нас, но Мурта совершенно разумно указал, что это скомпрометировало бы Эддридж в случае встречи с английскими солдатами.

Итак, на дороге в Дингуолл нас оказалось всего трое. У меня был толстый кошелек и письмо от хозяина Эддриджа — и то и другое должно было способствовать благополучному переезду через Ла-Манш.

Ехать по снегу было нелегко. Предательское белое покрывало толщиной чуть ли не в целый фут скрывало под собой камни, ямы и тому подобные препятствия, так что лошадям на каждом шагу угрожала опасность оступиться или поскользнуться. Комья грязного снега летели вверх из-под копыт, пачкая ноги и животы коней, клубы пара подымались в морозный воздух из конских ноздрей.

Мурта ехал впереди, по еле заметным признакам определяя, где проходит дорога. Я двигалась рядом с Джейми, чтобы вовремя оказать помощь, если он вдруг потеряет сознание, хотя он был, по его настоянию, привязан к седлу. Свободной оставалась только левая рука, она лежала на рукоятке пистолета, прилаженного к седельной луке, и накрыта плащом.

Мы проезжали мимо убогих домишек, над крышами которых вились дымки, но ни их обитатели, ни какие-либо животные не высывались наружу по случаю холода. Лишь кое-где можно было увидеть человека с ведром либо охапкой сена, направлявшегося к хлеву. Дорога же оставалась пустынной.

Отъехав две мили от Эддриджа, мы оказались в непосредственной близости от мрачной громады Уэнтуртской тюрьмы; дорога здесь была хорошо утрямбована: движение, как видно, не прекращалось ни в какую погоду, даже самую скверную.

Наше появление совпало по времени с полуденной трапезой: мы так и рассчитали. Надеялись, что караульные будут в достаточной степени

заняты своими пирогами и кружками эля. Мы неторопливо миновали поворот к тюремным воротам — этакая небольшая группа путников, которым выпало на долю оказаться в дороге в столь неприятный день.

Отъехав подальше от тюрьмы, мы остановились передохнуть в сосновой рощице. Мурта заглянул под низко опущенные широкие поля шляпы Джейми, которые должны были скрывать его приметные волосы.

— Как ты там, паренек?

Джейми поднял голову. Лицо бледное, и, несмотря на ледяной ветер, по нему стекают на шею капли пота.

— Вроде бы ничего. — Он попытался улыбнуться.

— Как себя чувствуешь? — не удержалась от вопроса и я — уж очень непохожа была его вялая мешковатая посадка на обычную стройную и полную грации манеру держаться в седле.

— Да вот пытаюсь решить, что у меня болит сильнее — ребра, рука или задница, — ответил он, награждая и меня тем же подобием улыбки. — Отвлекаюсь этими глубокими размышлениями от болей в спине.

Тут он как следует приложился к фляжке, которой предусмотрительно снабдил нас сэр Маркус, и передал ее мне. Качество спиртного оказалось намного выше того, каким меня потчевали по пути в Леох, но крепость ничуть не меньше. Мы поехали дальше, а в желудке у меня разгорелся небольшой славный костер.

Лошади преодолевали вполне спокойно склон, снег летел из-под копыт, но вдруг я увидела, как Мурта резко повернул голову. Проследив направление его взгляда, я заметила наверху четверых солдат в красных мундирах.

Спасаться бегством было бессмысленно. Нас заметили тоже, и эхо громкого оклика разнеслось над холмом. Надо было попробовать обман. Даже не оглянувшись, Мурта двинулся навстречу солдатам.

Солдат возглавлял капрал, на вид старый служака, уже немолодой, но державшийся очень прямо в своем зимнем мундире. Он вежливо поклонился мне, после чего обратился к Джейми:

— Прошу прощения, сэр и мадам. У нас приказ останавливать всех, кто едет по этой дороге, и расспрашивать насчет беглых узников из Уэнтуртской тюрьмы.

Узников... Значит, я и в самом деле освободила вчера не одного только Джейми. Я радовалась этому — по нескольким причинам, в том числе и тому, что поисковые отряды в результате окажутся малочисленными. Четверо против троих — перевес невелик, можно было ожидать худшего.

Джейми не ответил и поехал дальше вперед, опустив плечи и свесив голову на грудь. Из-под шляпы сверкнули его глаза — он был в полном сознании. Как видно, он знал этих людей, могли и они узнать его по голосу. Но тут в дело вмешался Мурта, остановив свою лошадь между мной и солдатами.

— Сэр, мой хозяин, как видите, занедужил, — заговорил он с капралом самым подобострастным тоном. — Может, вы бы показали нам правильную дорогу на Баллу? Я что-то не уверен, что мы едем куда надо.

Мне поначалу было непонятно, что это он затеял, но он быстро поглядел в мою сторону и начал делать какие-то знаки глазами: назад и вниз, назад и вниз, потом с невероятной быстротой снова на капрала, так что тот явно был вполне уверен, что Мурта — весь внимание. Джейми в опасности? Свалился с седла? Делая вид, что поправляю капор, я обернулась — и чуть сама не свалилась с седла в полном шоке.

Джейми сидел ровно, голова опущена, чтобы скрыть лицо, но со стремени капала кровь, испещряя снег дымящимися красными точками.

Мурта, успешно изображая полнейшую бестолковость, вынудил уже всех четырех солдат объяснять ему, что дорога, поднимающаяся на вершину холма, единственная, которая ведет сначала в Дингуолл, а оттуда — к морю, в Баллу, всего-то три мили до побережья.

Я моментально соскочила с лошади и лихорадочно начала дергать подпругу. Топчась по снегу, набросала его под брюхо лошади Джейми, чтобы засыпать предательские красные капли. Мурта все еще пререкался с капралом, все они смотрели на вершину холма. Воспользовавшись этим, я быстро скинула одну из трех надетых на меня нижних юбок, откинула полу плаща Джейми и сунула свернутую юбку ему под бедро, не обращая внимания на то, что он вскрикнул от боли. Пола плаща легла на место как раз вовремя: Мурта и англичане, подъехав ко мне, застали меня возле моей лошади, я делала вид, что никак не справлюсь с подпругой.

— Кажется, ремень немного ослаб, — простодушно пояснила я, устремив невинный взор на ближайшего ко мне солдата.

— Почему вы не поможете леди? — обратился тот к Джейми.

— Муж нездоров, — сказала я. — Да я справлюсь и сама, не беспокойтесь.

Капрал проявил к моим словам неожиданный интерес.

— Нездоров, вот как? А что с вами такое? — Он подал коня вперед и заглянул Джейми под шляпу. — Да, выглядите вы неважно. Снимите-ка вашу шляпу, приятель. Что это у вас с лицом?

Джейми застрелил его сквозь полу плаща. Капрал находился от него не

далее чем в шести футах и упал мертвый с седла еще до того, как пятно крови у него на груди расплылось величиной с мою ладонь. У Мурты в каждой руке оказалось по пистолету, прежде чем капрал упал на землю. Первый выстрел не попал в цель из-за того, что испуганная лошадь шарахнулась в сторону, зато второй уложил солдата наповал.

Из двух оставшихся в живых солдат один повернул коня и поскакал прочь, направляясь к тюрьме, — очевидно, за помощью.

— Клэр! — Я обернулась на крик Джейми и увидела, что он показывает мне на беглеца. — Останови его!

У него хватило времени перебросить мне пистолет, потом он выхватил саблю и встретил нападение четвертого солдата.

У меня был конь, привычный к сражениям; прижав уши, он бил копытом по земле, но оставался на месте, пока я не поднялась в седло. Зато сразу после этого, явно обрадованный тем, что может убраться подальше от всей этой шумихи со стрельбой, рванулся вперед следом за удирающим солдатом.

Снег мешал двигаться нам в той же степени, как и беглецу, но лошадь у меня оказалась сильнее, к тому же солдату приходилось прокладывать путь по целине. Мало-помалу мы настигали его; расстояние сократилось примерно до десяти ярдов, когда до тюрьмы оставалась миля, не больше.

Я остановила коня и спрыгнула на землю: приучен мой конь к участию в сражениях или нет, но я не была уверена, как он поведет себя, если я стану стрелять с седла. Я опустила колени на снег и сделала все так, как учил меня Джейми: локтем уперлась в колено, положила пистолет на предплечье и выстрелила.

К моему немалому удивлению, я попала в скачущую лошадь. Она оступилась, потом упала на одно колено и покатила по земле, разбрасывая ногами комья снега во все стороны. Рука моя ныла после отдачи пистолета, я стояла и растирала ее, глядя на упавшего солдата. Он тоже был ранен. Попробовал приподняться на локте, но тут же запрокинулся навзничь. Лошадь, плечо у которой кровоточило, встала на ноги и поплелась прочь, волоча за собой поводья.

Только много позже я припомнила, о чем думала в те минуты. Солдата нельзя оставлять в живых. Мы слишком близко от тюрьмы, другие патрули, несомненно, его обнаружат раненного, а он мало того, что опишет нашу наружность, но и сообщит, какой дорогой мы поехали. До берега по меньшей мере три мили, то есть два часа пути по тяжелой дороге. А там еще надо найти судно. Я попросту не могла дать ему возможность рассказать кому-то о нас...

При моем приближении глаза его широко раскрылись, в них я увидела боль и удивление, но не страх: перед ним была всего лишь женщина. Человек постарше отнесся бы к этому обстоятельству иначе, но передо мной на снегу, испятнанном кровью, лежал юноша, почти мальчик... умирающий мальчик. Он прижал пальцы к пропитавшемуся кровью мундиру на груди, локти подломились, и через несколько секунд обращенные к небу глаза перестали видеть, хоть и оставались открытыми. Я больше не в силах была смотреть на это лицо, повернулась и пошла прочь, к своим.

Наш громоздкий груз был уложен на скамейку внизу и укрыт одеялами, а Мурта и я сошлись на верхней палубе «Кристабел» и подняли головы к штормовому небу.

— Кажется, ветер будет крепкий, — с надеждой произнесла я, подняв вверх смоченный слюной палец.

Мурта мрачно оглядел чернотелые облака, нависшие над гаванью и с расточительной щедростью сыпавшие хлопья снега в холодную воду.

— Да, это хорошо. Можно рассчитывать на благополучный переход. А ежели нет, то как бы нам не привезти с собой мертвое тело.

Только через полчаса, когда судно запрыгало по беспокойным водам Ла-Манша, я уразумела, что он хотел сказать.

— Морская болезнь? — спросила я недоверчиво. — Но ведь шотландцы ею не страдают!

— В таком случае он у нас рыжий готтентот! — сердито отпарировал Мурта. — Валяется там зеленый, как тухлая рыба, и его каждую минуту выворачивает наизнанку. Может, спуститесь и попробуйте мне помочь, иначе ребра у него проткнут кожу.

— Черт побери! — выругалась я, когда мы с Муртой поднялись ненадолго с вонючей нижней палубы наверх к перилам, чтобы глотнуть свежего воздуха. — Если он знал, что у него морская болезнь, чего ради он настаивал, чтобы плыть морем?

На меня уставились немигающие глаза василиска.

— Потому, видите ли, что он считает немыслимым разъезжать с нами по суше, раз он в таком виде, а оставаться в Элдридже тоже нельзя — навлечешь беду на Макраннохов.

— И вместо этого он решил тихо и мирно почить на море, — с горечью заключила я.

— Вот именно. Так он себе мыслит, что помрет один и никому не причинит зла. Не себялюбивый он, выходит. Только вот тихой смерти не

получается, такое дело, — добавил Мурта, прислушиваясь к звукам, доносящимся снизу.

— Поздравляю! — сказала я Джейми часом или двумя позже, стирая грязные брызги со своих щек и со лба. — Ты войдешь в историю медицины как документально подтвержденный случай смерти от морской болезни.

— Прекрасно, — пробурчал он из-под беспорядочной груды подушек и одеял. — Противно думать, что столько всего пропадает зря. — Внезапно он снова повернулся на бок. — О Господи, опять начинается!

Мы с Муртой немедленно заняли свои позиции. Удерживать в неподвижном состоянии мужчину крепкого сложения в то время, как его сотрясают рвотные спазмы, — работенка не для слабых.

Когда очередной приступ закончился, я пощупала Джейми пульс и положила руку ему на влажный и холодный лоб. Мурта поглядел мне в лицо и молча полез следом за мной по трапу на верхнюю палубу.

— Что, совсем плохо ему? — спросил он.

— Не знаю, — беспомощно ответила я, подставив мокрые от пота волосы холодному и резкому ветру. — Я, по правде сказать, никогда не слышала, чтобы кто-то умер от морской болезни, но у него во рвоте показалась кровь.

Руки маленького человека вцепились в поручни с такой силой, что костяшки суставов, казалось, прорвут кожу.

— То ли он поранил внутренности острыми обломками ребер, — продолжала я, — то ли в пустом желудке кровеносные сосудики порвались. Но, во всяком случае, это признак нехороший. И пульс у него все слабеет и делается неровным. А для сердца это плохо, вы же понимаете.

— У него сердце льва. — Мурта выговорил эти слова так тихо, что я не была уверена, вправду ли он их произнес. И возможно, слезы у него на глазах выступили из-за соленого морского ветра. Вдруг он повернулся ко мне. — А голова буйвола. У вас остался лауданум, который дала леди Аннабел?

— Да, весь целиком. Он не захотел его принимать, сказал, что не станет спать.

— Вот и хорошо. Для большинства людей хотеть и получить совсем не одно и то же. Не вижу, почему это он должен быть на особом положении. Пошли.

Я осторожно спустилась за ним по трапу.

— Не думаю, что лауданум удержится у него в желудке.

— Предоставьте это мне. Приготовьте бутылочку и помогите мне усадить его прямо.

Джейми находился в полубессознательном состоянии, этакая неуклюжая тяжелина, которая еще и сопротивлялась тому, чтобы ее пристроили к переборке в сидячем положении.

— Я хочу умереть, — слабым голосом, но очень настойчиво заявил он, — и чем скорее, тем лучше. Уйдите и дайте мне умереть спокойно.

Крепко ухватив его за волосы, Мурта поднял ему голову и поднес к губам склянку.

— Проглоти это, мой маленький славненький сурок, не то я сверну тебе шею. И удержи на некоторое время в животе. Я заткну тебе нос и рот, так что вытошнить это ты можешь только из ушей.

Совместными усилиями мы перелили содержимое склянки в нутро молодого лэрда Лаллиброха. Давясь и задыхаясь, Джейми мужественно проглотил сколько мог, опираясь на переборку, весь зеленый. При малейшей угрозе рвоты Мурта зажимал ему нос, и в конце концов снотворное попало-таки пациенту в кровь. Мы уложили его на постель, и на белой подушке только и выделялся пламенный цвет его волос, бровей и ресниц.

Чуть позже Мурта присоединился ко мне на верхней палубе.

— Посмотрите, — сказала ему я и показала, на позолоченные пробившимися сквозь облака предзакатными лучами солнца прибрежные скалы французского берега. — Хозяин говорит, что через три или четыре часа мы будем там.

— Да, не раньше, — отозвался Мурта, отводя со лба прямые каштановые волосы. Повернулся ко мне, и впервые за все время нашего знакомства я увидела у него на физиономии нечто столь близко похожее на улыбку.

И вот наконец мы проследовали за двумя здоровенными монахами, влекущими на носилках распростертое тело нашего подопечного, в массивные ворота аббатства Святой Анны де Бодре.

Глава 37 АББАТСТВО

Аббатство представляло собой огромное здание двенадцатого века, огороженное стеной, которая защищала его и от морских бурь, и от набегов сухопутных захватчиков. Теперь, в более мирные времена, ворота оставались открытыми, чтобы облегчить сообщение с близлежащей деревней, а маленькие каменные кельи крыла для гостей казались уютными оттого, что в них постелили ковры и поставили удобную мебель.

Я встала с мягкого кресла в отведенной мне комнате, несколько смущенная тем, что не знаю, как приветствовать настоятеля. Надо ли опуститься на колени и поцеловать перстень у него на пальце, или так поступают лишь по отношению к папам? Я ограничилась почтительным реверансом.

Свои удлинённые кошачьи глаза Джейми, безусловно, унаследовал от Фрэзеров. А также и внушительную нижнюю челюсть, но та, на которую я смотрела в настоящий момент, была обрамлена черной бородой. У аббата Александра был такой же широкий рот, как у его племянника, но улыбался он, судя по всему, значительно реже. Меня он приветствовал с приятной и теплой улыбкой, однако голубые удлинённые глаза оставались холодными и серьезными. Ростом он был гораздо ниже Джейми, примерно с меня, причем приземистый. Носил платье священника, но двигался как воин. Я решила, что в свое время он выступал в обеих ипостасях.

— Добро пожаловать, та піесе, ^[17] — произнес он, наклонив голову.

Я была несколько удивлена этим обращением, но поклонилась и проговорила с искренним чувством:

— Благодарю вас за гостеприимство. Вы... вы уже видели Джейми?

Монахи унесли Джейми помыть, а я решила, что мне лучше не присутствовать при этом.

— Да, — кивнув, ответил аббат, — я его видел и послал брата Амброза перевязать ему раны. — В его правильной английской речи ощущался легкий шотландский акцент. Должно быть, уловив сомнение у меня на лице, он добавил сухо: — Не беспокойтесь, мадам, брат Амброз весьма в этом опытен. — Он смотрел на меня откровенно оценивающим взглядом. — Мурта говорил, что вы сами хорошо подготовленный врач.

— Да, это так, — коротко и ясно заявила я.

— Я вижу, вы не грешите ложной скромностью, — заметил он — уже

с настоящей, открытой улыбкой.

— У меня есть другие грехи, — также с улыбкой ответила я.

— Как и у всех нас, — сказал он. — Брат Амброз, я уверен, охотно станет сотрудничать с вами.

— Мурта рассказывал вам, что произошло? — нерешительно спросила я.

Губы большого рта крепко сжались, прежде чем он ответил:

— Да, рассказывал. То, что ему стало известно, во всяком случае.

Он умолк, как бы ожидая, что я стану рассказывать сама, но я молчала. Ясно было, что он хотел бы задать вопросы, но не имел желания принуждать меня к дальнейшему разговору. Поднял руку и благословил меня.

— Добро пожаловать, — повторил он. — Я пошлю брата-келаря к вам с едой. — Он еще раз окинул меня внимательным взглядом. — И с умывальными принадлежностями.

На прощание он осенил меня крестом, повернулся, так что взметнулась с легким шорохом его коричневая ряса, и ушел.

Только теперь осознав, насколько устала, я присела на постель, вяло размышляя, хватит ли меня на то, чтобы умыться и поесть. Я все еще размышляла над этим, когда голова моя опустилась на подушку.

Во сне меня мучил кошмар. Джейми находился по ту сторону глухой и толстой каменной стены. Я слышала его крики, снова и снова, но не могла до него добраться. В отчаянии я бросилась на эту стену, однако руки мои погрузились в нее, как в воду. Я пробудилась с криком боли и сжала одной рукой другую, сильно ушибленную о реальную — и весьма твердую — стену возле моей узкой кровати. Я начала раскачиваться взад и вперед, стиснув мозжащую конечность коленями, но тут вдруг осознала, что крики-то продолжаются и наяву.

Они прекратились, когда я выбежала в коридор. Дрожащий свет из открытой двери комнаты Джейми падал на плиты пола в коридоре. Какой-то незнакомый мне монах находился рядом с Джейми и крепко держал его. Пятна свежей крови проступили сквозь бинты на спине у Джейми, а плечи у него тряслись, словно от холода.

— У него был кошмар, — пояснил монах, заметив меня в дверях.

Он передал мне Джейми с рук на руки, а сам пошел к столику за чистым полотном и кувшином с водой.

Джейми все еще дрожал, по лицу у него стекал пот. Глаза закрыты, дыхание тяжелое, хриплое, затрудненное. Монах сел рядом со мной и

принялся бережно отирать лицо Джейми, убрав намокшие пряди волос с висков.

— Вы, должно быть, его жена, — сказал монах. — Сейчас ему станет лучше.

Дрожь начала униматься минуты через две, и Джейми со вздохом открыл глаза.

— Я в порядке, — сказал он. — Я в полном порядке, Клэр, только, ради Бога, избавь меня от этой вони!

Только теперь я почувствовала запах, которым полна была комната, — легкий, пряный, цветочный аромат, такой обычный, что я о нем просто не подумала. Лаванда. Ею пахнут мыло и туалетная вода. В последний раз я ощущала этот запах в подземелье Уэнтуортской тюрьмы, он исходил от белья или от тела капитана Джонатана Рэндолла.

Здесь источником аромата был небольшой металлический сосуд, наполненный благовонным маслом и подвешенный к украшенному орнаментом из роз железному кронштейну прямо над пламенем свечи. Запах должен был принести успокоение, но вышло все как раз наоборот. Монах поднес Джейми чашку с водой, он напился и задышал спокойнее, легче, сидел самостоятельно, без поддержки. Я кивнула францисканцу, чтобы он выполнил требование больного, и тот немедленно завернул горячий сосуд с маслом в полотенце и унес в коридор. Джейми вздохнул с облегчением, но тут же поморщился от боли в сломанных ребрах.

— Ты потревожил во сне спину, — сказала я, слегка поворачивая его и осматривая бинты. — Но не слишком.

— Я знаю. Должно быть, перевернулся на спину во сне.

Свернутое и подложенное под бок одеяло должно было удерживать Джейми в определенном положении. Оно упало на пол; я подняла его и пристроила на место.

— Поэтому мне и приснился кошмар. Снилось, что меня бьют плетью. — Джейми вздрогнул, выпил немного воды и отдал мне чашку. — Мне бы чего-нибудь покрепче, если можно раздобыть.

Словно по наитию наш помощник вошел в комнату с кувшином вина. В другой руке он держал кувшинчик совсем маленький — с маковым настоем.

— Алкоголь или опиум? — с улыбкой спросил он у Джейми. — Можете избрать любой из напитков забвения.

— Я предпочел бы вино, если позволите. Достаточно с меня грез в эту ночь, — кривовато улыбнувшись, отвечал Джейми.

Он пил вино медленно, а францисканец тем временем помогал мне

сменить испачканные кровью бинты, смазывая раны мазью календулы. Он собрался уходить не прежде, чем Джейми был подготовлен ко сну, укрыт одеялом и устроен удобно. Проходя мимо Джейми, он осенил его крестом и произнес:

— Доброго отдыха.

— Спасибо, отец мой, — вяло отозвался Джейми, уже полусонный.

Убедившись, что не понадобится теперь Джейми до утра, я тоже собралась уходить, легонько дотронулась до его плеча и последовала за монахом в коридор.

— Благодарю вас, — сказала я. — Я очень признательна вам за помощь.

Монах грациозно повел рукой, как бы отклоняя мою благодарность.

— Я рад, что мог быть вам полезен, — сказал он, и Я заметила, что по-английски он говорит отлично, но с небольшим французским акцентом. — Я проходил по крылу для гостей к часовне Святого Жилия и услышал крики.

Я поморщилась при воспоминании об этих криках, таких хриплых и ужасных, и понадеялась в душе, что больше не услышу их. Взглянув на окно в конце прохода, я не заметила никаких признаков рассвета.

— В часовню? — спросила я с удивлением. — А я считала, что утреню служат в главном храме. Но и для утрени еще рано, как мне кажется.

Францисканец улыбнулся. Он был еще молод, едва за тридцать, но в блестящих каштановых волосах пробивалась седина. На макушке аккуратная тонзура, аккуратно подстрижена и каштановая борода.

— Да, для утрени рановато, — ответил он, — но я направляюсь в часовню, ибо пришел мой черед продолжить вечное бдение у Святого Причастия.

Он заглянул в комнату Джейми, где часы-свеча показывали половину третьего.

— Я сильно запаздываю, — сказал он. — Брат Бартоломе уже борется со сном, ему пора в постель.

Он поднял руку, поспешно благословил меня, повернулся на каблуках своих сандалий и исчез за дверью в конце коридора, прежде чем я собралась спросить, как его имя.

Войдя в комнату, я проверила, как дела у Джейми. Он снова уснул, дышал легко, между бровями набежала едва заметная складка.

Утром я чувствовала себя гораздо лучше, но у Джейми после беспокойной ночи запали глаза, к тому же его тошнило. Он категорически отказался от горячего укрепляющего напитка из вина, яиц и сахара, а также

и от супа и прямо-таки ополчился на меня, когда я хотела проверить повязки на сломанной руке.

— Ради Бога, Клэр, оставь меня в покое! Я не хочу, чтобы меня опять ковыряли!

Он отодвинул руку и явно разозлился. Я молча отошла в сторону и принялась разбирать баночки и пакетики с лекарствами на маленьком столике: вот мазь из календулы, а вот успокаивающий маковый настой, отдельно кора ивы, вишневая кора и ромашка — для приготовления целебных чаев, чеснок и тысячелистник для дезинфекции и так далее, все по порядку.

— Клэр!

Я обернулась на оклик Джейми; он сидел на постели и смотрел на меня с виноватой улыбкой.

— Прости, Саксоночка! У меня схватило живот, поэтому я в скверном настроении с утра. Но я не должен был грубить тебе. Ты простишь меня?

Я подошла к нему и легонько приобняла за плечи.

— Прощать нечего, это мелочи. Но что ты имеешь в виду, когда говоришь, что у тебя схватило живот?

Уже не впервые я отмечала про себя, что личная близость и романтика — далеко не синонимы. Джейми поморщился, прижав здоровую руку к животу.

— Я имею в виду попросить тебя оставить меня ненадолго наедине с самим собой. Не возражаешь?

Я, разумеется, немедленно выполнила его просьбу и отправилась позавтракать. Возвращаясь спустя некоторое время из трапезной, я заметила изящную фигуру в черной рясе францисканца, пересекающую двор по направлению к монастырской аркаде. Я поспешила монаху навстречу.

— Отец! — окликнула его я, и он, остановившись, улыбнулся мне.

— Доброе утро, мадам Фрэзер! — поздоровался он. — Как чувствует себя ваш муж нынче утром?

— Лучше, — ответила я, надеясь, что слова мои соответствуют действительности. — Я хотела бы поблагодарить вас за помощь прошедшей ночью, но вы удалились так поспешно, что я даже имени вашего не узнала.

Светло-карие глаза сверкнули, когда он поклонился мне, приложив руку к сердцу.

— Франсуа Ансельм Мерикер д'Арманьяк, мадам, — назвал он себя. — Так меня называли при рождении. Теперь же я отец Ансельм.

— Я не хочу отнимать у вас время, — сказала я. — Мне просто очень хотелось поблагодарить вас.

— Вы не задержали меня, мадам. Я повинен в грехе лени, никак не соберусь приняться за работу.

— А что у вас за работа? — любопытствовала я.

Этот человек был явно временным обитателем монастыря, его черная францисканская ряса резко выделялась на фоне коричневых бенедиктинских. Прислуживающий нам брат Полидор уже говорил мне, что в монастыре несколько таких вот приезжих, главным образом ученых, желающих поработать в прославленной монастырской библиотеке. Одним из таких оказался и отец Ансельм, он провел здесь уже несколько месяцев, занимаясь переводом трудов Геродота.

— Вы видели библиотеку? — спросил он. Я отрицательно покачала головой.

— Так идемте, — предложил он. — Она производит сильное впечатление, и я уверен, что ваш дядя настоятель не стал бы возражать против вашего посещения.

Мне, с одной стороны, интересно было увидеть библиотеку, а с другой — не очень-то хотелось возвращаться к изоляции в крыле для гостей, поэтому я последовала за монахом без колебаний.

Библиотека была великолепная, с высоким потолком и стройными готическими колоннами, разделяющими крышу на множество отсеков. Узкие окна заполняли простенки между колоннами, и в библиотеке было много света. Большинство окон застеклено было обычным стеклом, но некоторые представляли собой витражи на темы библейских притч. Ступая на цыпочках, чтобы не беспокоить согнувшихся над книгами монахов, я задержалась у восхитительного витража, изображающего бегство в Египет.

[\[18\]](#)

На некоторых полках книги были установлены в обычном порядке — рядами одна за одной, на других же книги не стояли, а лежали, чтобы лучше сохранялись драгоценные переплеты; был здесь и застекленный шкаф, содержащий пергаментные свитки. В библиотеке ощущалась атмосфера некоей торжествующей гармонии, словно бы каждая из бережно хранимых книг беззвучно пела свою мелодию под крышками переплета. Я покинула помещение библиотеки в умиротворенном настроении, и мы с отцом Ансельмом не спеша пошли через главный двор. Я снова попыталась поблагодарить его за помощь предыдущей ночью, но он только пожал плечами в ответ на мои слова.

— Не думайте больше об этом, дитя мое. Надеюсь, вашему мужу

сегодня лучше?

— Я тоже надеюсь на это, — коротко ответила я и спросила: — А что такое вечное бдение? Вы говорили, что участвовали в нем ночью.

— Разве вы не католичка? — удивился он. — Ах, я забыл, вы же англичанка. И, вероятно, протестантка?

— Собственно говоря, я ни то, ни другое, если иметь в виду смысл веры, — сказала я. — Формально я католичка.

— Формально? — Гладкие брови взлетели высоко на лоб в изумлении.

Я помолчала — из осторожности, припомнив опыт общения с отцом Бэйном, но, кажется, этот монах не собирался в ужасе осенять меня крестным знаменем.

— Ну, как бы вам сказать, — начала я и наклонилась, чтобы выдернуть сорняк, проросший между двумя каменными плитами двора. — Я была крещена в католическую веру. Но мои родители умерли, когда мне исполнилось всего пять лет, и после этого я жила у дяди Лэмберта, а он... — Тут я запнулась, припомнив жадное стремление дяди к научным исследованиям и его безразличие к любой религии как системе верований — для него религиозные культы оставались лишь признаками классификации культур. — По правде говоря, в вопросах веры он был всем и ничем. Он знал все верования, но не верил ни в одного из богов. Я не получила религиозного воспитания. Мой первый муж был католиком, однако не слишком ревностным. Меня, скорее всего, следует рассматривать как язычницу.

Я опасливо поглядела на отца Ансельма, но он, вместо того чтобы возмутиться, добродушно рассмеялся.

— Всем и ничем, — произнес он, явно смакуя это выражение. — Мне это нравится. Но для вас, боюсь, оно не подходит. Как член Святой Матери Церкви вы навсегда остаетесь ее чадом. Как бы мало вы ни знали о вере, вы такая же католичка, как наш Святой Отец Папа.

Он возвел глаза к небу. Оно было пасмурным, но листья на кустах ольшаника были недвижимы.

— Ветер утих. Я собирался совершить небольшую прогулку, чтобы прояснить голову на свежем воздухе. Почему бы вам не составить мне компанию? Вы нуждаетесь и в свежем воздухе, и в движении, а для меня таким образом представился бы случай преподать вам духовное наставление и объяснить вам обряд вечного бдения.

— Одним выстрелом двух зайцев? — без особого энтузиазма заметила я, однако перспектива прогулки, если не религиозного просвещения, показалась мне вполне привлекательной, и я сходилась за плащом.

Молитвенно опустив голову, отец Ансельм провел меня мимо сумрачно-тихого входа в часовню, а потом по аркаде в сад. Здесь наша беседа уже не могла отвлечь и обеспокоить монахов в часовне, и он заговорил:

— Идея сама по себе проста. Припомните Библию, вспомните, как в Гефсиманском саду Господь Наш ждал ночью суда, а потом и распятия, и друзья Его, которые были там с ним, заснули.

— Да, я помню, — отозвалась я. — «И приходит к ученикам, и находит их спящими, и говорит Петру: так ли не могли вы один час бодрствовать со Мною?»^[19]

— Вот-вот, мадам, — подтвердил он. — Очень просто. Мы бдим поочередно всю ночь, и Святое Причастие никогда не остается покинутым.

— И не трудно вам подниматься ночью? — полюбопытствовала я. — Или вы бодрствуете каждую ночь?

Он наклонил голову; легкий ветерок играл блестящими каштановыми волосами, тонзуру уже следовало побрить, она покрылась легким, мягким, словно мох, пушком.

— Каждый из бдеющих выбирает тот час, который наиболее ему подходит. Для меня это два часа утра. — Он пристально поглядел на меня, как бы стараясь угадать мою реакцию на его слова. — Для меня в этот момент... время как бы останавливается. Все жизненные соки человеческого тела: кровь, желчь, испарина — все это вдруг сочетается в некоей гармонии. — Он улыбнулся, показав чуть кривые зубы — единственный недостаток в его во всех других отношениях совершенной наружности. — Или замирает в единении. Я нередко думал, не равен ли этот момент моменту рождения или смерти, как я считаю, определенному каждому человеку по-особому. Каждому мужчине... и женщине, разумеется, тоже, — добавил он, любезно наклонив голову в мою сторону. — Именно на этом изломе времени, — продолжал он, — абсолютно все кажется возможным. Вы можете заглянуть за пределы вашей жизни и убедиться, что они в действительности не более чем ничто. Когда время останавливается, вы осознаете, что в состоянии предпринять любое действие, завершить его и вернуться к себе, найдя мир неизменившимся: все осталось таким же, как было. И вы постигаете... — Он примолк, затем окончил: — Вы постигаете, что все возможно, однако нет ничего необходимого.

— Но... вы и в самом деле что-то совершаете при этом? — спросила я. — Молитесь, я имею в виду?

— Я? Ну... я сижу и смотрю на Него. — Широкая улыбка красиво

тронула изогнутые губы. — А Он — на меня.

Джейми сидел на постели, когда я вошла в комнату; он попробовал пройти по коридору, опираясь на мое плечо. От этого усилия он скоро побледнел и покрылся потом, поспешил лечь и не возражал, когда я укрыла его одеялом.

Я предложила ему немного супа и молока, но он только головой помотал.

— Саксоночка, у меня нет аппетита. Боюсь, если я что-нибудь проглочу, меня снова начнет тошнить.

Я не настаивала и молча убрала суп.

Во время обеда я проявила большую настойчивость и уговорила его проглотить несколько ложек супа. К сожалению, он не удержал в желудке даже такого малого количества.

— Прости, Саксоночка, — сказал он, — я такой отвратительный.

— Это пустяки, Джейми, и никакой ты не отвратительный. — Я выставила таз за дверь и села рядом с Джейми, откинув назад волосы, упавшие ему на глаза.

— Не принимай этого близко к сердцу. Твой желудок все еще воспален после морской болезни. Видно, я чересчур тороплюсь непременно накормить тебя. Не обращай внимания и поправляйся.

— Поправлюсь. — Он прикрыл глаза и вздохнул. — Чем ты сегодня занималась?

Он был явно беспокоен и чувствовал себя скверно, но немного повеселел, когда я рассказала ему о том, что успела узнать за день: о библиотеке, о часовне, о винном прессе и под конец — об участке лекарственных трав, где я наконец-то познакомилась со знаменитым братом Амброзом.

— Он просто удивителен, — с восторгом говорила я. — Господи, я совсем забыла, что ты его знаешь!

Брат Амброз был очень высокого роста, даже выше Джейми, худой, как скелет, с длинным, обвислым, словно у бассета, лицом. Все десять длинных и тощих пальцев на руках отдавали зеленью.

— Он может вырастить все что угодно, — продолжала я. — У него там есть все обычные травы, а теплица такая крошечная, что он не может выпрямиться в ней во весь рост. Там у него большей частью растения, которые не растут в этих краях, и, по-моему, есть такие, которые вообще больше нигде не растут, не говоря уже о пряностях и наркотиках.

Упоминание о наркотиках вернуло меня к событиям прошедшей ночи,

и я подошла к окну. Зимние сумерки спускались рано, и за окном стало уже совсем темно, фонари, с которыми монахи работали в конюшне и во дворе, раскачивались у них в руках, когда они переходили с места на место.

— Уже стемнело. Ты считаешь, что можешь уснуть сам? У брата Амброза есть лекарства, которые помогли бы тебе.

Усталость затуманивала ему глаза, но он покачал головой:

— Нет, Саксоночка. Я ничего не хочу. Если я усну... нет, пожалуй, я почитаю немного.

Ансельм принес ему несколько книг по философии и истории, и Джейми протянул руку за книгой Тацита, лежавшей среди прочих на столе.

— Тебе необходимо спать, Джейми, — как можно мягче сказала я.

Он открыл книгу, оперся на подушку, но продолжал смотреть поверх книги на стену, крепко прикусив зубами нижнюю губу.

— Джейми, я останусь с тобой на ночь, — предложила я. — Постелю тюфяк на полу.

— Нет.

Как ни был он слаб, упрямство сохранилось в нем со всей обычной силой.

— Мне лучше побыть одному. И спать мне совсем не хочется. Ты иди поужинай, Саксоночка. Ну а я... просто почитаю.

Он наклонился к книге. С минуту я с чувством полной беспомощности наблюдала за ним, потом сделала так, как он хотел: ушла и оставила его одного.

Состояние Джейми все больше и больше беспокоило меня. Рвота у него продолжалась; он почти ничего не ел, а то, что все-таки попадало ему в желудок, редко там удерживалось. Он бледнел и делался все более апатичным, утратив всякий интерес к чему бы то ни было. Большую часть дня спал, потому что почти не спал ночью. Он боялся ночных кошмаров, но не позволял мне оставаться ночью с ним под тем предлогом, что его бессонница нарушит и мой отдых.

Я не хотела оказывать на него давление, даже если бы он это допустил, и проводила значительную часть времени либо в хранилище сухих трав у брата Амброза, либо в прогулках по монастырю, во время которых мне часто приходилось беседовать с отцом Ансельмом. Он пользовался возможностью наставлять меня в вопросах веры и тактично обучал основам католицизма, хотя я то и дело повторяла ему, что я по натуре атеистка. Он толковал мне о воспарении духом, а я спорила:

— Не понимаю, как я могу достичь этого. Воспарение духа или есть,

или его нет. Я хочу сказать... — Тут я запнулась, выбирая выражения, которые не прозвучали бы слишком прямолинейно и грубо. — Я хочу сказать, что для вас предмет на алтаре в часовне — это тело Господне, а для меня это маленький кусочек хлеба, пусть даже и в самом прекрасном и великолепном вместилище.

Отец Ансельм нетерпеливо вздохнул и выпрямился, разогнув спину.

— Я заметил, что, когда я прохожу ночью в часовню, ваш муж обычно не спит. У него нарушился сон. Соответственно и у вас тоже. Поскольку вы не спите, я приглашаю вас пойти сегодня со мной... Побудьте со мной в часовне всего час.

— Зачем? — Я сощурила глаза.

— А почему бы и нет? — пожал плечами он.

Мне не составило труда подняться для встречи с отцом Ансельмом, так как я не спала. Не спал и Джейми. Когда бы я ни выглянула в коридор, я видела на полу полоску света, падавшую из полуоткрытой двери комнаты Джейми, и слышала слабый шелест переворачиваемых страниц, а иногда и негромкой стон, когда сам Джейми менял положение тела.

В монастыре было тихо — так же, как бывает по ночам во всех больших населенных зданиях: быстрый пульс дневной деятельности замедлился, но сердцебиение продолжалось, пусть медленнее и тише, но не прекращалось ни на секунду. Всегда кто-то не спит, кто-то проходит по коридорам, наблюдая и поддерживая живой ритм жизни. И вот настал мой черед выйти на дежурство.

В часовне царил полумрак, разгоняемый только светом красной лампы и нескольких белых тонких свечей; в неподвижном воздухе языки пламени не колебались, бросая слабые отсветы на темные раки святых.

Я прошла по короткому центральному нефу следом за отцом Ансельмом и преклонила колени по его примеру. Впереди виднелась коленопреклоненная фигура брата Бартоломе, который не обернулся на звук наших шагов и продолжал молиться, опустив голову.

Великая святыня — скромный кусочек хлеба — хранилась в огромной сияющей золотом дароносице, имевшей в поперечнике не меньше фута. Чувствуя себя немного неловко, я заняла место, указанное мне отцом Ансельмом. Позади меня слабо скрипнул стул, занятый отцом Ансельмом.

— Но что я должна делать? — спросила я у него тихонько из почтения к тишине этой ночи в часовне.

— Ничего *ma chere*, ^[20] — ответил он. — Просто будьте здесь.

И я сидела, слушая собственное дыхание и те звуки, которые

различимы лишь в тишине, в обычное время заглушаемые более громкими. Глухое оседание каменной кладки, потрескивание дерева и крохотных язычков пламени неугасимых свечей. Еле слышный бег какого-то неведомого маленького создания, пробежавшего из своего укрытия в дом величия.

Это было воистину место успокоения, я в душе благодарила Ансельма. Вопреки моей собственной усталости и тревоге о Джейми я постепенно расслабилась, напряжение рассудка тоже ослабело — как пружина в незаведенных часах. Как ни странно, спать мне при этом не хотелось, несмотря на поздний час и тяготы последних дней и недель. В конце концов, думалось мне, что такое дни и недели перед лицом вечности?

Красная лампада горела ровно, свет ее отражался на золоте дароносицы. Огоньки белых свечей перед статуями Святого Жилия и Богоматери иногда вспыхивали ярче и трепетали, но красная лампада горела так ясно и безмятежно, словно никакая невидимая струя воздуха не смела коснуться ее пламени.

Но если здесь присутствовала вечность или просто идея вечности, то, вероятно, Ансельм прав: все возможно. И все — любовь? Я задумалась. Когда-то я любила Фрэнка — я продолжала его любить. И я любила Джейми — больше собственной жизни. Ограниченная пределами времени и плоти, я не могла удержать обоих. А в потустороннем мире? Есть ли там место, где времени больше не существует, или оно останавливается? Ансельм считает так. Место, где все возможно. И ничто не нужно.

Существует ли там любовь? За пределами границ плоти и времени возможна ли любовь? Необходима ли она?

Я не ощущала движения времени и была очень удивлена внезапным появлением отца Ансельма, вышедшего из маленькой двери возле алтаря. Но ведь он сидел позади меня? Я оглянулась и увидела незнакомого мне молодого монаха, преклонившего колени у входа. Ансельм склонился очень низко у алтаря, потом подошел ко мне и кивнул на дверь.

— Вы уходили? — спросила я, когда мы покинули часовню. — А я считала, что вы не можете покинуть Святое Причастие.

— Но я и не покидал, та chere. Вы были там.

Я удержалась от желания поспорить. В конце концов, не существует официальной ипостаси бдящего у алтаря. Нужно всего лишь быть человеческим, а я, надеюсь, пока что сохранила такое качество, хотя порой и забывала о нем.

У Джейми свеча еще горела, когда я проходила мимо его двери, и страницы шелестели. Я остановилась бы, но Ансельм увлек меня за собой

и довел до моей комнаты. Я остановилась возле двери, чтобы пожелать ему спокойной ночи и поблагодарить за то, что он взял меня с собой в часовню.

— Это было... отдохновенно, — попыталась я найти верное слово.

Он кивнул, глядя на меня.

— Да, мадам. Так оно и есть. Я сказал вам, что Святое Причастие не оставалось в одиночестве, когда я уходил, потому что вы были там. А вы, ma chere? Были вы в одиночестве?

Я помолчала, прежде чем ответить ему:

— Нет, не была.

Глава 38 ИСКУПЛЕНИЕ ДУШИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ

Утром я, как обычно, пошла навестить Джейми, надеясь, что он хоть что-то съел на завтрак. Неподалеку от его комнаты из ниши в стене выскользнул Мурта, преградив мне дорогу.

— В чем дело? — резко спросила я. — Что случилось?

У меня сильно забилося сердце и взмокли ладони. Страх оказался напрасным, потому что Мурта тотчас замотал головой из стороны в сторону и сказал:

— Нет, с ним все в порядке. Во всяком случае, не хуже, чем было. — С этими словами он своей легкой рукой взял меня под локоть и повел по коридору, причем я с немалым удивлением подумала, что, пожалуй, впервые он по доброй воле дотронулся до меня; ощущение легкости и одновременно силы его прикосновения напоминало о крыле пеликана.

— Так в чем же все-таки дело? — снова спросила я.

Узкое лицо Мурты хранило обычное для него бесстрастное выражение, но глаза чуть сощурились.

— Он не хочет видеть вас, — сказал он.

Я остановилась как вкопанная и вырвала у него руку.

— Почему?

Мурта замялся, словно бы выбирая подходящие слова.

— Н-ну, он просто... он решил, что вам лучше оставить его здесь и вернуться в Шотландию. Он...

Больше я не стала слушать. Оттолкнула его и кинулась к комнате Джейми. Тяжелая дверь с глухим стуком закрылась за мной. Джейми лежал, уткнувшись лицом в подушку, одетый лишь в короткую рубашку послушника. Угольная жаровня в углу наполняла комнату уютным теплом, хоть и порядком дымила.

Он резко приподнялся, когда я дотронулась до него. Глаза, еще затуманенные сном, глубоко запали. Я взяла его руку в свои, но он убрал ее прочь. С выражением почти полного отчаяния на лице он снова уткнулся в подушку.

Стараясь внешне ничем не проявить обуявшую меня тревогу, я поставила рядом с его постелью стул и села.

— Я не стану дотрагиваться до тебя, — спокойно сказала я, — но ты

должен мне все объяснить.

Мне пришлось прождать несколько минут, пока он лежал неподвижно, сгорбив плечи. Потом он вздохнул и сел, медленно, с видимой болью спустив ноги с кровати.

— Да, — сказал он без всякого выражения и не глядя на меня. — Да, вероятно, я должен. Раньше должен был это сделать, но у меня не хватало смелости.

Голос звучал горьким чувством, руки он безвольно опустил на колени.

— Я должен был добиться, чтобы Рэндолл убил меня, но я этого не сделал. У меня не оставалось смысла жить, но я не посмел умереть. — Голос дрогнул, и говорил он теперь так тихо, что я с трудом разбирала слова. — И я знал, что увижу тебя в последний раз... чтобы сказать тебе... но... Клэр, любимая... о любимая моя!

Он взял подушку и прижал к себе, как бы защищаясь; опустил на нее голову, собираясь с силами.

— Когда ты оставила меня там, в Уэнтурте и ушла, Клэр... — заговорил он негромко и не поднимая головы, — я слушал твои шаги на каменных плитах и твердил себе, что стану думать о тебе. Вспоминать тебя, запах твоей кожи и твоих волос, прикосновение твоих губ к моим. Я хотел думать о тебе, пока дверь не откроется снова. Я решил думать о тебе наутро, когда встану у виселицы, чтобы сохранить присутствие духа. Но я решил не думать о тебе с того момента, как дверь откроется снова, и до той минуты, как меня поведут на казнь. Вообще не думать ни о чем...

Он рассказал мне, как сидел в ожидании в маленькой комнате в подземелье тюрьмы. Когда дверь отворилась, он поднял глаза, чтобы увидеть — что? Всего лишь человека, изящно сложенного, красивого и немного растрепанного, в порванной полотняной рубашке. Человек остановился у двери, прислонился к ней и смотрел на него.

Через минуту Рэндолл пересек комнату, не говоря ни слова, и остановился рядом с Джейми. Одну руку положил Джейми на шею, а другой рукой выдернул гвоздь, которым была прибита к столу ладонь Джейми. От боли Джейми едва не лишился сознания. На столе перед ним появился стакан с бренди, твердая рука поддержала ему голову, и Рэндолл помог ему выпить содержимое стакана.

— Потом он взял мое лицо в свои ладони и слизнул капли бренди с моих губ. Я хотел отклонить голову, но вспомнил, что дал слово, и не двинулся.

Рэндолл подержал еще некоторое время в своих ладонях лицо

Джейми, испытующе глядя ему в глаза, потом отпустил его и уселся перед ним на столе.

— Так он сидел немного, ничего не говоря, только покачивал ногой из стороны в сторону. Я не имел представления, чего он хочет, да и не намерен был строить предположения. Я устал, мне было дурно от боли в руке. Чуть погодя я просто опустил голову на руки и отвернулся. — С тяжелым вздохом Джейми продолжал: — Скоро я почувствовал его руку на голове, но не пошевелился. Он гладил меня по волосам, очень ласково. В комнате слышно было только его хриплое дыхание да потрескивание жаровни... и, по-моему, я на какое-то время уснул.

Когда Джейми очнулся, Рэндолл стоял перед ним. «Вы чувствуете себя лучше?» — спросил он вежливо и даже любезно. Джейми молча кивнул и поднялся. Рэндолл, оберегая его раненую руку, подвел Джейми к постели.

— Я дал слово не сопротивляться, но я не собирался ему помогать и просто стоял на месте как деревянный. Я думал, что позволю ему делать все, как он захочет, но не стану сам принимать в этом участия, сохраню дистанцию между ним и собою — по крайней мере мысленно...

Рэндолл усмехнулся и дернул Джейми за больную руку — достаточно сильно для того, чтобы тот повалился на постель от внезапного приступа боли. Рэндолл опустился перед постелью на колени и в несколько считанных мгновений доказал Джейми, что его представление о дистанции иллюзорно...

— Он... он сказал мне, что я восхитителен, — говорил Джейми, не глядя на меня и с неимоверным, напряжением вцепившись пальцами здоровой руки в край кровати.

Я хотела остановить его, сказать ему, что нет нужды продолжать, что он не должен продолжать, но вместо этого крепко сжала губы и стиснула одну руку другой, чтобы не дотрагиваться до него.

И он поведал мне все остальное: о медленном, с наслаждением, избиении плетью, перемежаемом поцелуями; о невыносимой боли от ожогов, которая выводила его из бессознательного состояния для новых мук и унижений... Он рассказал все, запинаясь, порой со слезами, рассказал больше, чем я, казалось, могла перенести, но я перенесла и слушала его молча, как исповедник.

— Клэр, я не хотел думать о тебе... вот так, нагой, беспомощный, униженный... вспоминать, как я любил тебя. Это было бы равно богохульству. Я хотел вычеркнуть тебя из своего сознания и... просто существовать, сколько выдержу. Но он этого не допустил. — Влага выступила у Джейми на щеках, но он сейчас не плакал. — Он разговаривал

со мной. Он все время разговаривал. Иногда это были угрозы, иногда — любовные слова, но часто он говорил о тебе.

— Обо мне? — После долгого молчания голос мой прозвучал словно хриплое карканье.

Джейми только кивнул, снова опустив глаза на подушку.

— Да, — помолчав минуту, заговорил он. — Он чудовищно ревновал к тебе, ты же понимаешь.

Нет, мне это не было понятно.

— О да. — Он кивнул еще раз. — Лаская меня, он спрашивал: «А она ласкала тебя так?» — Голос у Джейми дрогнул. — Я не отвечал ему, я не мог бы ответить, И тогда он спрашивал, что, по-моему, почувствовала бы ты, увидев, как я... как я... — Он крепко прикусил губу, не в силах говорить дальше.

— И так все время, — справившись с собой, продолжал он, — он как бы держал тебя возле меня. Я боролся, всем своим разумом я боролся с этим наваждением... я пытался отключить разум от тела, но боль пронизывала меня, снова и снова, она была выше того барьера, который я мог преодолеть. Я боролся, Клэр, о, я сражался жестоко, но... — Он опустил голову на руки, уперся кончиками пальцев в виски, внезапно заговорил опять: — Я понимаю, почему юный Алекс Макгрегор повесился. Я сделал бы то же самое, если бы не страшился совершить смертный грех.

Наступило молчание. Совершенно механически я обратила внимание на то, что подушка у Джейми совершенно мокрая, и хотела ее сменить. Он медленно-медленно покачал головой, глядя куда-то вниз, себе под ноги.

— Все это остается со мной, Клэр. Я не могу думать о тебе, я не могу поцеловать тебя или взять за руку, чтобы не испытывать надвигающиеся на меня страх, боль и дурноту. Я лежу здесь и чувствую, что умираю без тебя, без твоих прикосновений, но, едва ты касаешься меня, мне начинает казаться, что у меня вот-вот начнется рвота от стыда и отвращения к себе. Я даже не в силах смотреть на тебя без... — Он уперся лбом в сжатый кулак здоровой руки. — Клэр, я хочу, чтобы ты оставила меня. Возвращайся в Шотландию, подымись на Крэг-на-Дун. Вернись на родину, к своему... мужу. Мурта тебя отвезет, я ему велел.

Он умолк. Я сидела неподвижно. Но вот он поднял голову и заговорил с решимостью и простотой отчаяния:

— Я буду любить тебя всю оставшуюся жизнь, но я больше не могу быть твоим мужем. А никем другим для тебя я быть не хочу. — Он стиснул челюсти. — Клэр, я так хочу тебя, что у меня даже кости содрогаются, но, да поможет мне Господь, я страшусь дотронуться до тебя!

Я хотела подойти к нему, но он остановил меня движением руки. Внутренняя борьба исказила лицо, голос звучал глухо, задумчиво:

— Клэр, пожалуйста! Уезжай! А сейчас уйди, прошу тебя. Мне будет очень плохо, я не хочу, чтобы ты это видела. Пожалуйста!

Я услышала в его голосе мольбу и поняла, что должна на этот раз пощадить его гордость. Встала и впервые за всю мою профессиональную практику оставила больного человека одного и без помощи, в расчете лишь на его собственные силы.

Я вышла из его комнаты оцепенелая и припала пылающим лицом к холодной и неумолимо твердой белой стене, не обращая внимания на изумленные взгляды Мурты и брата Уильяма. «Да поможет мне Господь, — сказал он. — Да поможет мне Господь, я боюсь дотронуться до тебя!»

Я выпрямилась. Ну что ж, почему бы и нет? Ведь больше никому.

В час, когда время замедлило свой ход, я преклонила колени в часовне Святого Жилия. Кроме отца Ансельма, элегантного даже в монашеском мешковатом одеянии, в часовне никого не было. Он не двигался и даже не обернулся, но живое молчание часовни охватило меня.

Я ненадолго опустилась на колени, чтобы вобрать в себя покой сумрака и отрешиться от суеты житейской. Ощувив, что сердце мое бьется в ритме ночи, я поднялась и села на одну из последних скамеек. Я сидела выпрямившись, скованная, не зная, как обратиться к молитве, не имея представления о ритуале. С чего начать? Наконец я произнесла тихо и глухо, что прошу о помощи. Пожалуйста.

Потом я сидела и ждала, пока тишина, наплывая волнами, окутает меня своим покрывалом, оградит от холода, словно плащом. Ждала, как говорил мне Ансельм, и минуты проходили нескончаемой чередой.

В часовне стоял небольшой столик, накрытый полотняной скатертью. На столике находилась чаша со святой водой, рядом с чашей — Библия и еще какие-то духовные сочинения. Я встала, подошла к столику и взяла Библию; вернулась на прежнее место и положила ее на подставку перед собой. Не я первая обращалась к этому великому путеводителю в момент сомнения и тревоги. Света свечей было вполне достаточно для чтения, я начала осторожно перевертывать тонкие страницы и вчитываться в строчки прекрасной темной печати.

Двадцать первый псалом...

«Я же червь, а не человек... Я пролился, как вода; все кости мои рассыпались; сердце мое сделалось, как воск, растаяло посреди внутренних моих...»

Что ж, вполне компетентный диагноз, подумала я с некоторым нетерпением, но есть ли тут совет, как исцелить недуг?

«Но ты, Господи, не удаляйся от меня; сила моя поспеши на помощь мне. Избавь от меча душу мою и от псов одинокую мою».

Хмм.

Я открыла «Книгу Иова», любимую Джейми. Где-то же должен найтись действенный совет...

«...плоть его на нем болит, и душа его в нем страдает». Ммм, пожалуй, да, подумала я и перевернула еще несколько страниц. *«И ныне изливается душа моя во мне; дни скорби объяли меня. Ночью ноют во мне кости мои, и жилы мои не имеют покоя».* Все так, но что же из этого следует? А, вот и нечто ободряющее: *«Если есть у него Ангел-наставник, один из тысячи, чтобы показать человеку прямой путь его, — Бог умилосердится над ним и скажет: освободи его от могилы; Я нашел умилоствление. Тогда тело его сделается свежее, нежели в молодости; он возвратится к дням юности, своей».* Что же это за умилоствление, как и чем можно выкупить душу человеческую, как избавить моего любимого от псов?

Я закрыла книгу и опустила веки. Слова путались в голове, смешивались с моими неотвязными мыслями. Главная моя печаль снова потрясла меня, когда я выговорила вслух имя Джейми. И все же мне стало чуть лучше, когда я выговорила, а потом много раз повторила: «О Боже, в твои руки предаю душу раба твоего Джеймса».

Внезапно ко мне пришла мысль: не лучше ли Джейми умереть? Он сам говорил, что хочет смерти. Я была совершенно уверена в том, что, если я оставлю его, как он просит, он очень скоро погибнет: либо умрет от последствий пыток и болезни, либо его повесят, либо убьют в сражении. И я не сомневалась, что он сам это понимает так же ясно, как и я. Должна ли я поступить так, как он требует? Черта с два, сказала я себе. Черта с два, повторила я, обратив лицо к сияющему золотым блеском алтарю.

И у меня возникло — отнюдь не внезапно, однако совершенно определенно — чувство, что мне в руки вложен некий невидимый предмет. Прекрасный, словно опал, гладкий, словно нефрит, тяжелый, словно речная галька, и более хрупкий, чем птичье яйцо. Не дар, но залог. Его надо жарко лелеять и бережно хранить. Слова эти как бы прозвучали сами собой и растаяли в темной тени под крышей.

Я преклонила колени, встала и покинула часовню, ни капли не сомневаясь, что в момент, когда время остановилось по воле вечности, я получила ответ, но не имею ни малейшего представления о том, какой это

ответ. Знала я лишь одно: то, что я держала, было душой человека. Моей ли собственной или чужой — я не могла бы ответить.

Когда я проснулась наутро в обычное время и услышала от стоящего возле моей постели брата-служителя, что Джейми горит в лихорадке, это не показалось мне откликом на мою молитву.

— Сколько времени он находится в таком состоянии? — спросила я, прикладывая привычными жестами руку ко лбу Джейми, трогая затылок, подмышку, пах. Ни капли пота, только сухая натянутая кожа, пылающая жаром. Он не спал, но сознание его было тяжело затуманено. Источник лихорадки совершенно очевиден: искалеченная рука распухла, от промокших бинтов шел тяжелый запах гниения. Грозные темно-красные линии поднимались вверх от запястья. Заражение крови. Отвратительная, угрожающая жизни гнойная инфекция.

— Я нашел его в этом состоянии, когда заглянул сюда после утрени, — ответил брат-служитель, поднявший меня с постели. — Я дал ему воды, но сразу после рассвета у него поднялась рвота.

— Надо было немедленно разбудить меня, — сказала я. — Ладно, теперь это уже не имеет значения. Как можно быстрее принесите мне горячей воды, малинового листа и приведите брата Полидора.

Он немедленно удалился, заверив меня, что принесет также и завтрак мне, но я на это только рукой махнула и схватила кувшин с водой.

До того, как появился брат Полидор, я успела попробовать — вполне безуспешно — напоить Джейми холодной водой; пришлось заменить это мокрым холодным обертыванием: я намочила простыни и свободно наложила их на воспаленную кожу. Одновременно я опустила пораженную инфекцией руку в только что вскипяченную воду, горячую настолько, чтобы только не вызвать ожог. Если нет ни сульфамидных препаратов, ни антибиотиков, то единственным средством борьбы с бактериальной инфекцией остается сильное тепло. Тело больного потому и пылает жаром, что борется с заражением, но этот жар сам по себе представляет серьезную опасность для организма, сжирая мышечную ткань и разрушая нервные клетки мозга. Весь фокус в том, чтобы применить местно достаточно тепла для борьбы с инфекцией, а остальную часть организма держать в прохладе и снабжать достаточным для его функционирования количеством влаги. Короче, черт бы их побрал, решать три трудно совместимые проблемы одновременно.

Ни душевное состояние Джейми, ни его физические страдания теперь не приходилось особенно принимать во внимание. Шла напряженнейшая

борьба за то, чтобы, сохранить ему жизнь, в то время как лихорадка и заражение делали свое дело. Сохранить жизнь — все остальное утратило смысл.

К вечеру второго дня у него начался бред. Мы привязали его к кровати мягкими полосами ткани, чтобы он не свалился на пол. Я решила использовать крайнее средство борьбы с температурой и послала за большой корзиной снега; мы обложили Джейми этим снегом. Его бросило в дрожь и отняло много сил, но температура на какое-то время снизилась.

К сожалению, это приходилось повторять каждый час. Перед заходом солнца комната напоминала болото: повсюду на полу стояли лужи талой воды, валялись скомканные мокрые простыни, а в углу над жаровней подымался густой пар. Мы с братом Полидором взмокли от пота и мерзли от постоянного соприкосновения с ледяной водой, изнемогая от усталости, несмотря на действенную и постоянную помощь Ансельма и братьев-прислужников. Жаропонижающие вроде цветков рудбекии, золотой печати, кошачьей мяты и иссопа не оказывали действия. Настой ивовой коры не удавалось ввести в достаточных количествах.

В один из моментов просветления, которые делались все более редкими, Джейми попросил, чтобы я дала ему умереть спокойно. Я только повторила слова, которые вырвались у меня прошедшей ночью: «Черта с два!» — и продолжала делать свое дело!

Едва солнце село, в коридоре послышался шум шагов. Дверь отворилась, и вошел дядя Джейми, настоятель аббатства, в сопровождении отца Ансельма и еще троих монахов, один из которых нес небольшой кедровый ларец. Настоятель подошел ко мне, благословил и взял в свои руки мою.

— Мы пришли совершить соборование, — сказал он тихим и очень добрым голосом. — Не пугайтесь, прошу вас.

Он двинулся к кровати, а я в недоумении посмотрела на брата Ансельма.

— Таинство последнего причастия, — пояснил он, близко наклонившись ко мне, чтобы не беспокоить и не отвлекать собравшихся у постели монахов. — Последнее помазание.

— Последнее помазание! Но это же для тех, кто вот-вот умрет!

— Шшш. — Он отвел меня подальше от кровати. — Более точно это можно было бы назвать помазанием болящего, но в действительности оно и вправду применяется в тех случаях, когда есть опасность смерти.

Тем временем монахи повернули Джейми на спину и уложили с большой осторожностью, так, чтобы не причинять сильную боль

израненным плечам.

— Цель у этого таинства двойная, — продолжал Ансельм нашептывать мне в ухо, пока шли приготовления. — Первое — это моление об исцелении страждущего, если того пожелает Господь. Ведь елей, то есть освященное масло, есть символ жизни и здоровья.

— А что же второе? — спросила я, заранее зная ответ.

— Если нет воли Господа на то, чтобы человек остался жить, то ему дается отпущение грехов, и мы поручаем его Богу, дабы душа отошла в мире. — С этими словами Ансельм, заметив, что я собираюсь выразить протест, положил мне на рукав свою ладонь предостерегающим движением.

Приготовления закончились. Джейми лежал на спине, целомудренно укрытый простыней до пояса; в головах и в ногах горело по две свечи, что самым неприятным образом напомнило мне о гробе. Настоятель Александр уселся возле кровати; рядом с ним монах держал поднос с закрытым потиром — чашей со Святыми Дарами, а также двумя серебряными бутылочками — с елеем и святой водой. На предплечьях монаха перекинута было белое полотенце. Точь-в-точь стюард, подающий вино, сердито подумала я: вся эта процедура действовала мне на нервы.

Молитвы произносили нараспев по-латыни; негромкое антифонное пение^[21] успокаивало, хоть я и не понимала слов. Ансельм шепотом переводил мне некоторые части службы, другие казались сами собой понятными. Но вот настоятель жестом подозвал Полидора, тот выступил вперед и поднес к носу Джейми какой-то пузырек, который, должно быть, содержал нашатырный спирт или другое возбуждающее, потому что Джейми дернулся и отвернул голову, не открывая глаз.

— Зачем они будят его? — спросила я.

— Если это еще возможно, желательно, чтобы больной находился в сознании и покался в совершенных грехах. К тому же это дает возможность принять святое причастие, которое поднесет ему настоятель.

Настоятель осторожно прикоснулся к щеке Джейми и повернул его голову, чтобы тот снова понюхал соль. С латыни Александр перешел на родной язык шотландцев и заговорил очень ласково:

— Джейми! Джейми, мой родной! Это Алекс, милый ты мой. Я здесь, с тобой. Ты должен ненадолго очнуться, совсем ненадолго. Я дам тебе отпущение грехов и причащу тебя. Сделай маленький глоточек, чтобы ты мог отвечать, когда нужно.

Брат Полидор поднес чашку к губам Джейми и начал по капле вливать

воду в пересохший рот. Глаза у Джейми были открыты — лихорадочно блестящие, но вполне разумные.

Аббат начал задавать вопросы по-английски, но так тихо, что я еле разбирала слова: «Отрекаешься ли ты от Сатаны и всех деяний его? Веруешь ли в Воскресение Господа Нашего Иисуса Христа?» — и так далее. Джейми на все вопросы отвечал утвердительно хриплым шепотом.

Когда таинство было окончено, Джейми откинулся на спину и закрыл глаза. Ребра его резко выступали под кожей; он ужасно исхудал за время болезни, и особенно лихорадки. Настоятель, поочередно обращаясь к бутылочкам с елеем и святой водой, наносил знаки креста на тело, включая лоб, губы, нос, уши и веки. Он нанес елеем знаки креста во впадине под сердцем, на обеих ладонях и на сводах стоп. Раненую правую руку после помазания поднял с особой бережностью и положил Джейми на грудь.

Причащение совершилось быстро и необыкновенно бережно: одно легкое прикосновение большого пальца настоятеля. «Суеверная магия», — отозвалась на все эти действия рациональная часть моего существа, но я была невольно тронута выражением любви на лицах молящихся монахов. Джейми снова открыл глаза — очень спокойные; впервые после того, как мы покинули Лаллиброх, на лице у него было выражение мира и покоя.

Церемония закончилась краткой молитвой по-латыни. Потом настоятель положил руку на голову Джейми и произнес по-английски:

— Боже, в руки Твои передаю душу раба Твоего Джеймса. Молим Тебя, исцели его, если такова Твоя воля, и укрепи его душу, дабы со смирением познала мир Твой в вечности.

— Аминь, — отозвались монахи, а также и я.

С наступлением темноты больной снова впал в бессознательное состояние. Силы Джейми убывали; мы только и поддерживали его время от времени небольшими глотками воды. Губы у него пересохли и потрескались, говорить он не мог, но открывал глаза, если его встряхивали. Он не узнавал нас; глаза оставались неподвижными, потом постепенно закрывались, и он со стоном отворачивал голову.

Я стояла возле кровати и смотрела на него, настолько изнуренная потрясениями этого дня, что уже ничего не чувствовала, кроме тупого отчаяния. Брат Полидор, легко прикоснувшись ко мне, вывел меня из этого оцепенения.

— Вы больше ничего не можете для него сделать, — сказал он и увел меня от кровати. — Вам надо пойти и отдохнуть.

— Но... — начала я и тут же замолчала. Он был прав. Мы сделали все, что было можно. И теперь либо лихорадка пойдет на убыль, либо Джейми

умрет. Даже самый сильный организм не в состоянии выдержать разрушительное воздействие высочайшей температуры больше двух дней, а у Джейми почти не осталось сил к сопротивлению.

— Я останусь с ним, — сказал Полидор. — Идите ложитесь в постель. Я позову вас, если. — Он не договорил и махнул рукой в направлении моей комнаты.

Я лежала без сна на своей постели, уставившись в потолок. Глаза были сухими и горячими, горло саднило, словно и у меня самой повышалась температура и начиналась лихорадка. Может, это и есть ответ на мою молитву, чтобы нам умереть вместе?

В конце концов я встала, взяла со столика у двери кувшин и таз. Поставила в центре комнаты на пол эту тяжелую глиняную миску и осторожно наполнила ее водой вровень с краями.

По дороге в свою комнату я заходила в кладовую брата Амброза. Я распечатала маленькие пакетики с травами и высыпала содержимое в свою жаровню; от жаровни поднялся аромат горящих миртовых листьев, а кусочки коры камфарного лавра горели голубыми огоньками среди красных углей, наполнявших жаровню.

Я поставила свечу в подсвечнике рядом с моим водяным зеркалом и уселась на пол — вызывать Духа.

Каменный коридор был холодный и темный, его освещали подвешенные к потолку на определенном расстоянии один от другого масляные светильники. Моя тень пряталась у меня под ногами, когда я проходила под таким светильником, а потом постепенно удлинялась.

Несмотря на холод, я надела на себя только грубую полотняную рубашку, ноги у меня были босые. Рубашка сохраняла тепло возле самого тела, но от каменных плит пола вверх по ногам поднимался ледяной холод.

Я стукнула в дверь один раз и отворила ее, не дожидаясь ответа. Возле постели Джейми сидел брат Роджер и, опустив голову, перебирал четки — он молился. Он поднял глаза при моем появлении, но, прежде чем отреагировать на мое появление, закончил молитву. Он подошел ко мне у двери, заговорил тихонько, хотя мог бы кричать, не опасаясь потревожить неподвижное тело на постели.

— Никаких перемен. Я только что налил свежей воды в сосуд, куда опущена рука.

Я кивнула и в знак благодарности дотронулась до его собственной руки; она показалась мне такой живой и теплой, такой надежной после видений последнего часа.

— Если вы не возражаете, я хотела бы остаться с ним наедине.

— Конечно. Я пойду в часовню... или побуду где-нибудь поблизости на случай, если...

— Нет. — Я постаралась улыбнуться как можно убедительней. — Идите в часовню. Или еще лучше — идите спать. Я не могу уснуть и останусь здесь до утра. Если мне понадобится помощь, я пошлю за вами.

Все еще сомневаясь, он поглядел на Джейми. Но время было позднее, а брат Роджер устал — под добрыми карими глазами лежали темные тени.

Тяжелая дверь скрипнула на петлях, и я осталась одна с Джейми. Одна, в страхе и очень больших сомнениях по поводу того, что я собиралась делать.

Я постояла в ногах кровати, глядя на него. Комната была слабо освещена огнем жаровни и двумя высокими свечами, каждая футов трех, установленными на столике в стороне. Джейми лежал обнаженный, и слабый свет особо подчеркивал впадины исхудавшего тела. Радужные синяки испятнали кожу, словно плесень.

Я высвободила руку из складок рубашки и выложила на стол то, что позаимствовала во время своего тайного визита в комнату брата Амброза. Пузырек с нашатырным спиртом. Пакет сушеной лаванды. Пакет валерианы. Маленькую металлическую курильницу для ладана в форме распустившегося цветка. Два шарика опиума. И нож.

За спиной у меня послышался слабый стон. Отлично. Значит, Джейми не совсем без сознания. Я взяла курильницу, закрепила на остром выступе шарик опиума и подожгла его от огонька свечи. Поставила курильницу возле постели, поближе к голове Джейми, стараясь не вдыхать ядовитые пары. Времени было немного. Нужно поскорее закончить приготовления, иначе опиум настолько одурманит Джейми, что мне его не удастся поднять на ноги.

Я распустила завязки рубашки и быстро натерла тело горстями лаванды и валерианы. Это был приятный, острый, характерный запах, пробуждающий воспоминания. Мне казалось, что запах этот вызывает тень человека, пользовавшегося соответствующими духами. Этот запах мог и должен был напомнить Джейми часы боли и гнева, окутанные его волнами. Я растерла остатки листьев между ладонями и стряхнула на пол.

Глубоко вздохнула, чтобы подбодрить себя, и взяла в руку флакон с нашатырным спиртом. Постояла несколько секунд возле постели, глядя на желтое, заросшее щетиной лицо. Самое большее он протянет еще день, а то и всего несколько часов.

— Ну хорошо же, проклятый шотландский выродец, — тихонько проговорила я. — Посмотрим, насколько ты и в самом деле упрям.

Я вынула его искалеченную руку из воды и отодвинула в сторону посудину. Открыла флакон с нашатырным спиртом и поводила им у Джейми под носом.

Он чихнул и попытался повернуть голову в сторону, но не открыл глаза. Я вцепилась ему в волосы на затылке, чтобы удержать голову, и поднесла флакон снова к лицу. Он замотал головой, точно бык, выведенный из блаженной дремы, и глаза наконец раскрылись.

— Это еще не все, Фрэзер, — прошипела я ему в ухо, стараясь подражать интонациям Рэндолла.

Джейми застонал и вжал голову в плечи. Я схватила его обеими руками и начала грубо трясти. Кожа у него была такая горячая, что я едва не отпустила его.

— Просыпайся, ты, шотландский ублюдок! Я еще не кончил с тобой!

Он изо всех сил старался приподняться на локтях — с такой покорностью, от которой у меня просто разрывалось сердце. Голова болталась из стороны в сторону, пересохшие губы слабо и невнятно повторяли: «Пожалуйста, не теперь...»

Силы иссякли, и он повалился лицом в подушку. Комната уже наполнялась парами опиума, и я сама чувствовала его воздействие.

Скрипнув зубами, я засунула руку ему между ягодиц и ухватила за мошонку. Он вскрикнул, слабо и задушевно, отодвинулся в сторону и почти свернулся в клубок, зажав руки между ног.

Я провела целый час в своей комнате у водяного зеркала, заклиная память — о Черном Джеке Рэндолле и о Фрэнке, его потомке в шестом поколении. Такие разные люди, но обладающие таким поразительным физическим подобием!

Я терзалась, думая о Фрэнке, вспоминая его лицо и голос, его жесты, его манеру любить. Я старалась изгнать его из своего разума, раз уж мой выбор определился возле каменного круга, но он не уходил, его тень всегда пряталась в глубинах моего подсознания.

Мне было больно предавать его, но я заставила — так, как учила меня Джейли, — явиться его из тени.

Ибо в тени оставался еще один человек — с такими же руками, с таким же лицом. И я вызвала его тоже, слушая, наблюдая, определяя подобие и отличия, создавая — что? — личность, впечатление, маску. Для того чтобы шепотом и любовными прикосновениями обмануть одурманенный рассудок. И наконец я покинула свою комнату, помолившись

за душу ведьмы Джейлис Дункан.

Джейми лежал теперь на спине поеживаясь от боли, которую причиняли ему раны. Глаза остановившиеся, не узнающие.

Я ласкала его хорошо мне знакомым способом, проводя пальцами по ребрам от грудной кости к спине — то легко, как это сделал бы Фрэнк, то посильнее нажимая на больные места, как это сделал бы, я уверена, тот, другой.

Его мышцы напряглись и челюсти сжались, но он по-прежнему глядел перед собой застывшим взглядом. Итак, выбора нет. Я должна воспользоваться ножом. Я знала, как велик риск, но мне казалось сейчас, что лучше убить его своими руками, чем сидеть и смотреть, как он умирает.

Я провела ножом две линии крест-накрест у него на груди — по недавно зажившим шрамам. Он ахнул и выгнул спину. Я быстро схватила полотенце и прижала его к ранам, но тотчас надавила на край пореза пальцем и перенесла выступающую каплю крови на губы Джейми. Низко пригнувшись к нему, я прошептала: «Теперь поцелуй меня».

Я не была вполне подготовлена к тому, что произошло вслед за этим. Вскочив с кровати, он швырнул меня через всю комнату. Я споткнулась и упала, больно ударившись спиной о столик, на котором горели свечи. Столик зашатался, фитили ярко вспыхнули — и погасли.

Я опомнилась от удара как раз вовремя, чтобы увернуться от него. Издавая нечленораздельное рычание, он погнался за мной, вытянув руки.

Он оказался и поворотливее и сильнее, нежели, я предполагала, хотя ступал неуклюже и натыкался на вещи. На какое-то мгновение он загнал меня в угол между жаровней и столом, я близко слышала его хриплое дыхание. Он нанес удар левой рукой, и, будь его рефлексy и сила в нормальном состоянии, он, несомненно, убил бы меня одним этим ударом. Но я успела отскочить, и его кулак лишь слегка задел мне лоб, и я упала, наполовину оглушенная.

Я заползла под стол. Потянувшись за мной, он потерял равновесие и свалился на пол возле жаровни. Раскаленные угли покатались по каменному полу. Он взвыл, попав коленом на горячий уголь. Я сдернула с кровати подушку и придавила ею огненные искры на сползшем с кровати одеяле. Занятая этим делом, я не заметила, как он подобрался ко мне, и тотчас тяжелая затрещина распростерла меня на полу.

Кровать опрокинулась, когда я пыталась подняться ухватившись за ее раму. Я некоторое время лежала за нею в укрытии, стараясь собраться с мыслями. Мне было слышно, как Джейми охотится за мной в полутьме, тяжело дышит, и сыплет хриплыми гэльскими проклятиями. Внезапно он

увидел меня и перевесился через кровать, глядя безумными глазами.

Трудно описать словами, что происходило потом: какие-то вещи повторялись по многу раз, и все эти разы перемешались у меня в памяти. Кажется, что пылающие руки Джейми сомкнулись у меня на горле лишь однажды, но это однажды превратилось в вечность. На самом деле это повторялось дюжину раз; я освобождалась от его хватки, ускользала, отбрасывала его от себя, потом все начиналось снова в беспорядочном топтании вокруг перевернутой мебели.

Выпавшие из жаровни угли скоро погасли, оставив комнату в крошечной тьме, превратив ее в ад, населенный демонами. Я увидела Джейми в последних отблесках света: он стоял у стены, со вздыбленной гривой волос, окровавленный, пенис торчит среди спутанных волос на животе, глаза горят синим огнем на белом, как мел, лице. Викинг-берсерк. Похож на северных дьяволов, которые прыгали со своих драконоподобных кораблей на туманные берега древней Шотландии, чтобы убивать, грабить и жечь. Мужчины, убивавшие до тех пор, пока хватало сил, а когда силы начинали иссякать, они хватали женщин и внедряли в их утробы свое возбужденное семя.

Маленькая курильница не давала света, но ядовитое дыхание опиума проникло в мои легкие. Угли погасли, но перед глазами у меня мелькали какие-то огни, разноцветные, плывущие куда-то вбок.

Двигаться становилось все труднее; мне чудилось, что я бреду по самые бедра в воде, а за мной гонится рыба-монстр. Я высоко поднимала колени, но бежала медленно, и вода плескала мне в лицо.

Я стряхнула с себя сонную одурь и поняла, что лицо и руки у меня и в самом деле мокрые. То были не слезы, но кровь и пот кошмарного создания, с которым я боролась в темноте.

Пот. Что-то мне следовало вспомнить о поте, но я не могла. Рука вцепилась в мое предплечье, я вырвалась, но на коже осталось ощущение чего-то влажного.

Демон прижал меня к стене; я чувствовала затылком твердый камень, под пальцами — тоже, и твердокаменное тело напирало на меня спереди, костистое колено втиснулось между моими коленями... снова каменная твердь... и наконец мягкость среди твердости, приятная прохлада среди жара, облегчение великой скорби...

Сплетенные воедино, мы упали на пол и перекатывались по нему, путаясь в складках ковра, который упал с окна, занавешенного им. Холодный воздух омывал теперь наши тела, и туман безумия начал рассеиваться.

Мы наткнулись на что-то из мебели и затихли. Руки Джейми лежали на моих грудях, больно втиснувшись в плоть. На лицо мне падали капли — то ли слезы, то ли пот, не знаю, но я открыла глаза, чтобы посмотреть в лицо Джейми, оно казалось белым в лунном свете, глаза неподвижные, зрачки плавают. Руки его вдруг расслабились. Одним пальцем он провел по груди до соска, потом еще и еще... рука обхватила грудь, пальцы расставлены, как лучи у морской звезды, мягкие, словно у младенца.

— М-мама? — проговорил он, и у меня на затылке приподнялись волосы от этого высокого, чистого голоса маленького мальчика. — Мама?

Холодный воздух все омывал нас, унося дурманный дым и смешивая его со снежными хлопьями за окном. Я приложила ладонь к холодной щеке Джейми.

— Джейми, любимый, — прошептала я. — Иди ко мне, опусти сюда голову, милый.

Маска дрогнула и исчезла, я прижала к себе большое тело, и обоих нас сотрясали его рыдания.

К счастью, наутро нас обнаружил невозмутимый брат Уильям. Я с трудом очнулась при звуке отворяемой двери и окончательно пришла в себя только после произнесенных с мягким йоркширским выговором слов: «Доброе утро вам».

Джейми придавил меня всей своей тяжестью. Бронзовые пряди его волос разметались по моей груди, словно лепестки китайской хризантемы. Щека, прижатая к моему животу, была теплая и чуть влажная от пота, но спина и руки такие же холодные, как мои бедра, открытые току холодного зимнего воздуха.

Дневной свет свободно проходил сквозь незанавешенное окно, и, при нем особенно впечатляюще выглядел царивший в комнате разгром. На полу валялась опрокинутая мебель и белели черепки разбитой посуды, а массивные парные канделябры валялись, как бревна, на куче измятых простыней и одеял.

Брат Уильям стоял в дверях, держа таз и кувшин. С большой деликатностью он остановил взгляд на левой брови Джейми и спросил:

— Как вы чувствуете себя нынче утром?

Последовала долгая пауза, во время которой Джейми оставался на месте, прикрывая своим телом мою наготу. Наконец он ответил тоном человека, которому простительна грубоватая откровенность:

— Я голоден.

— Прекрасно, — обрадовался брат Уильям, по-прежнему глядя

Джейми на бровь. — Пойду и сообщу об этом брату Жозефу.

И дверь беззвучно закрылась за ним.

— Спасибо, что ты не двигался, — заметила я. — Мне бы не хотелось внушить брату Уильяму грешные мысли.

Темно-голубые глаза остановились на мне.

— Ты права, — рассудительно ответил Джейми. — Что касается моей задницы, то она вряд ли вынудит кого-либо нарушить священные обеты, во всяком случае, не в ее нынешнем виде. Что касается твоей...

Он замолчал и откашлялся.

— Так что насчет моей? — не вытерпела я. Он наклонил голову и поцеловал меня в плечо.

— Твоя сбила бы с пути истинного даже епископа.

— Мм-ф-м. — На этот раз мне захотелось произнести это чисто шотландское междометие. — Пусть будет так, но ты все же сдвинься. Я полагаю, что даже такт брата Уильяма не бесконечен.

Джейми приблизил свою голову к моей — с некоторой осторожностью. Он опустил ее на складку ковра и поглядел на меня сбоку.

— Я не знаю, что мне грезилось нынче, а что было на самом деле. — Он бессознательным движением коснулся рукой свежего пореза на груди. — Но если бы хоть половина всего этого оказалась реальностью, я бы должен был умереть.

— Но не умер. — Я помолчала в нерешительности, прежде чем задать вопрос: — Ты хотел бы этого?

Он улыбнулся медленной улыбкой, полузакрыв глаза.

— Нет, Саксоночка, этого я не хочу.

Лицо у него было худое, потемневшее от болезни и усталости, но спокойное; складки вокруг рта разгладились, и голубые глаза стали ясными.

— Однако я чертовски близок к этому, хочу я или нет, — продолжал он. — Думаю, что только потому и не умираю сию минуту, что очень голоден. Вряд ли я чувствовал бы голод на краю могилы.

Он закрыл один глаз, но другой, наполовину открытый, смотрел на меня не без насмешки.

— Ты мог бы встать на ноги?

Он подумал.

— Если бы моя жизнь зависела от этого, я, пожалуй, мог бы поднять голову. Но встать? Нет.

Я с тяжелым вздохом выползла из-под него и привела в порядок постель, а потом уж попробовала помочь ему подняться в вертикальное

положение. Он простоял так несколько секунд, закатил глаза и повалился поперек кровати. Я поспешно нащупала пульс у него на шее — медленный, но сильный, он бился как раз возле треугольного шрама под горлом. Самое обычное истощение. Месяц в тюрьме, неделя тяжелого физического и нервного стресса, недоедание, раны, морская болезнь... все это привело к истощению сил даже в таком мощном организме.

— Сердце льва, — произнесла я, покачав головой, — и голова буйвола. Очень жаль, что ты не обладаешь к тому же шкурой носорога.

Я дотронулась до кровоточащего рубца у него на плече. Он открыл один глаз.

— Что такое носорог?

— Я думала, ты без сознания.

— А я и был. И есть. Голова у меня кружится, как волчок.

Я накрыла его одеялом.

— Теперь тебе нужны только сон и еда.

— А тебе, — сказал он, — нужна одежда.

Глаз закрылся, и он уснул.

Глава 39 ОТПУЩЕНИЕ

Я не помню, как добралась до постели, но, очевидно, все-таки добралась, потому что проснулась я в ней. Возле окна сидел Ансельм и читал. Я торчком села в постели.

— Джейми? — прохрипела я.

— Спит, — ответил Ансельм, откладывая книгу в сторону. Посмотрел на свечу-часы. — Как и вы. А вы пребывали среди ангелов целых тридцать шесть часов, *ma belle*.^[22]

Он наполнил чашку из глиняного кувшина и поднес к моим губам. Пить вино в постели, даже не почистив зубы, всегда казалось мне верхом падения. Но совершать такое неподобающее действие в обществе одетого в рясу францисканца, да при этом в стенах монастыря... пожалуй, как-то менее непотребно. Кроме того, вино устранило неприятное ощущение во рту.

Я свесила ноги с кровати и сидела, раскачиваясь из стороны в сторону. Ансельм подхватил меня под руку и уложил обратно на подушку. Мне казалось, что у него четыре глаза и гораздо больше носов и ртов, чем требует необходимость.

— Мне немного не по себе, — сказала я, закрывая глаза.

Открыла один. Чуть лучше. По крайней мере передо мной лишь один Ансельм, хоть и несколько расплывчатый. Он наклонился ко мне, заметно обеспокоенный.

— Может, мне послать за братом Амброзом или братом Полидором, мадам? Я, к сожалению, слабо разбираюсь в медицине.

— Нет, ничего не нужно. Я просто села слишком резко.

Я сделала еще одну попытку — помедленнее. На этот раз комната и ее обстановка остались в неподвижном состоянии. На себе я теперь разглядела немало ссадин и синяков, которые порядком болели. Потрогала шею — она тоже болела. Я поморщилась.

— В самом деле, *ma chere*, я полагаю...

Ансельм двинулся к двери, готовый позвать на помощь: он был не на шутку встревожен. Я потянулась было за зеркалом, которое лежало на столике, но передумала: я не была к этому готова. Вместо зеркала я взялась за кувшин с вином.

Ансельм медленным шагом отошел от двери, остановился возле

кровати и наблюдал за мной. Убедившись, что я не упаду в обморок, он снова сел. Я потягивала вино, и голова моя прояснялась; мне хотелось поскорее избавиться от последствий одурманивания опиумом. Итак, мы остались живы. Оба.

Мои грезы были хаотичны, полны насилия и крови. Мне все чудилось, что Джейми умер или умирает. Время от времени из тумана выплывало лицо застреленного мальчишки-солдата, круглое, удивленное, и за ним пряталось покрытое синяками и ссадинами лицо Джейми. Возникало и лицо Фрэнка — почему-то с пышными, большими усами. Я твердо знала, что убила всех троих, и чувствовала себя так, словно всю ночь занималась драками и резней, каждый мой мускул ныл от тупой боли.

Ансельм все еще сидел рядом и наблюдал за мной, положив руки себе на колени.

— Вы можете кое-что сделать для меня, отец мой, — сказала я.

Он мгновенно встал, готовый помочь, и потянулся за кувшином.

— В самом деле? Еще вина? — Я слабо улыбнулась.

— Да, но попозже. Сейчас я хочу, чтобы вы меня исповедовали.

Он был поражен, но профессиональная привычка к самообладанию взяла верх.

— Ну конечно же, *chere madame*, если вы этого желаете. Но не лучше ли было бы в таком случае послать за отцом Жераром? Он весьма опытен как исповедник, в то время как я... — Он пожал плечами с пленительным галльским изяществом. — Я, разумеется, имею полномочие принимать исповедь, но мне очень редко доводится делать это — ведь я всего-навсего бедный ученый.

— Я хочу исповедаться именно вам, — твердо заявила я. — И намерена сделать это сейчас.

Он покорно вздохнул и вышел, чтобы принести епитрахиль.^[23] Надел ее и расправил пурпурный шелк, так что он падал ровными складками до самого подола черной рясы, сел, благословил меня и, откинувшись на спинку стула, замер в ожидании.

И я ему все рассказала. Все. Кто я и как сюда попала. О Фрэнке и о Джейми. И о юном английском драгуне с побелевшим веснушчатым лицом, умершем на снегу.

Пока я говорила, выражение его лица не менялось, разве что глаза все больше округлялись. Когда я закончила, он раз-другой моргнул, открыл рот, собираясь заговорить, но снова закрыл его и ошеломленно помотал головой, словно бы для того, чтобы ее прояснить.

— Нет, — терпеливо проговорила я и снова откашлялась, потому что

голос у меня по-прежнему звучал как у охрипшей лягушки. — Вы ни о чем подобном не слышали и вообразить себе такого не могли. Теперь вам понятно, почему я захотела рассказать вам об этом именно на исповеди.

Он рассеянно кивнул.

— Да. Да, я вполне понимаю... Если... но да. Разумеется, вы хотели, чтобы я никому ничего не рассказывал. Кроме того, поскольку вы поведали мне обо всем во время таинства, вы рассчитываете, что я вам поверю. Однако... — Он почесал в затылке, потом поднял на меня глаза. Широкая улыбка расплылась по лицу. — Но как это чудесно! — негромко воскликнул он. — Как необыкновенно и удивительно!

— Я бы, пожалуй, не выбрала для определения слово «чудесно», — сухо заметила я. — Необыкновенно — это да.

И потянулась за вином.

— Но это же... чудо, — тихо произнес он, обращаясь как бы к самому себе.

— Если вы настаиваете, — со вздохом согласилась я. — Я хочу знать одно: как мне быть и что делать? Повинна ли я в убийстве? А также в прелюбодеянии? Поделаться тут ничего нельзя, но я хотела бы знать. И поскольку я нахожусь здесь, как мне себя вести? Могу ли я... то есть должна ли я использовать то, что знаю, и изменять ход событий? Я даже, не понимаю, возможно ли такое. Но если возможно, имею ли я на то право?

Он снова откинулся на спинку стула и задумался. Медленно поднял оба указательных пальца, соединил их и долго-долго на них смотрел. Потом покачал головой и улыбнулся мне.

— Я не знаю, *ma bonne amie*.^[24] Ситуация не из тех, с которыми сталкиваешься на исповеди. Я должен подумать и помолиться. Да, непременно помолиться. Нынче ночью я подумаю о вашем положении во время моего бдения у Святого Причастия. Возможно, завтра утром или днем я смогу дать вам совет.

Слегка коснувшись моего плеча, он велел мне опуститься на колени.

— А теперь, дитя мое, я дам вам отпущение. Какими бы ни были ваши грехи, верьте, что они будут прощены вам.

Опустив одну руку мне на голову, он перекрестил меня другой и произнес:

— *Te absolve, in nomine Patri, et Filii...*^[25]

Выпрямившись, он поднял меня на ноги.

— Спасибо, отец мой, — сказала я.

Не веря в Бога, я, исповедуясь отцу Ансельму, хотела, чтобы он

отнесся ко мне серьезно и со вниманием, и была удивлена, почувствовав душевное облегчение. Но вполне возможно, что я испытала его, поделившись своим тяжким грузом с другим человеком. Он махнул рукой.

— Я повидаюсь с вами завтра, дорогая мадам. А теперь продолжайте отдыхать, если вам этого хочется.

Аккуратно сложив епитрахиль, он направился к двери. Остановился у самого выхода и с улыбкой повернулся ко мне. В глазах у него сиял воистину детский восторг.

— Может быть, завтра... — заговорил он, — может, вы могли бы рассказать мне... как это происходило?

Я тоже улыбнулась ему.

— Да, отец мой. Я вам расскажу.

Вскоре после его ухода я потащилась в коридор: мне хотелось повидать Джейми. Надо сказать, что мне пришлось видеть трупы в более благопристойном виде, но грудь Джейми ровно вздымалась и опадала, а угрожающий зеленоватый оттенок кожи исчез.

— Я будил его каждые несколько часов, чтобы он мог проглотить несколько ложек супа, — негромко заговорил со мной брат Роджер.

Он созерцал меня с явным удивлением — мне, пожалуй, следовало бы перед приходом сюда хоть волосы пригладить.

— Может, вы хотели бы... каковы ваши намерения?

— Мои намерения... С вашего разрешения, я хотела бы еще некоторое время поспать.

Меня уже не тяготило чувство вины, но какая-то тяжесть, скорее даже приятная, чисто физическая, распространилась по всему телу. Было ли это результатом исповеди или выпитого вина, я не знаю, но мне хотелось одного — поскорее добраться до постели.

Я наклонилась над Джейми, дотронулась до него. Он был теплый, но лихорадка оставила его. Я осторожно пригладила спутанные рыжие волосы. Уголок рта едва заметно дрогнул. На секунду, не больше, но дрогнул несомненно. Я была в этом уверена.

Небо было холодное, пасмурное, затянутое серыми облаками, которые сливались с серым туманом, окутавшим холмы, и даже выпавший за последнюю неделю снег казался серым, и аббатство словно бы накрыло огромным и грязным покрывалом. Даже внутри здания молчание зимы настигало и подавляло обитателей монастыря. Глухо доносилось из часовни молитвенное пение; толстые стены поглощали все звуки, и даже повседневная жизнь как будто замерла.

Джейми проспал почти двое суток, изредка пробуждаясь, чтобы проглотить немного супа и вина. Придя в сознание, он начал поправляться точно таким же образом, как и все молодые люди, неожиданно для самих себя лишившиеся на время сил и независимости в передвижениях — качеств, которые они по неопытности считали неотъемлемыми. Иными словами, примерно двадцать четыре часа он был кроток аки агнец, а после этого превратился в раздраженное, беспокойное, вспыльчивое, придирическое, капризное создание с весьма дурным настроением.

Рубцы на плечах болели. Шрамы на ногах чесались. Ему было тошно лежать все время на животе. В комнате было слишком жарко. От дыма жаровни у него болели глаза, и он из-за этого не мог читать.

Ему опротивел суп, опротивели посее^[26] и молоко. Он хотел мяса.

Мне были хорошо знакомы эти симптомы возвращающегося здоровья, я им радовалась, но должна была к тому же и набраться терпения. Я открыла окно, сменила простыни, наложила на спину мазь календулы и растерла Джейми ноги соком алоэ. Потом я позвала брата-прислужника и попросила его принести супа.

— Я больше не желаю глотать эти помои! Мне нужна настоящая еда! — завопил наш больной и оттолкнул поднос с такой силой, что суп выплеснулся на салфетку, которой была накрыта миска.

Я сложила руки и посмотрела на него. Он выкатил глаза от злости... Господи, худой, как хворостина, челюсти и скулы обтянуты кожей. На поправку он шел быстро, однако нервные окончания в желудке требовали еще достаточно длительного лечения. Он не всегда удерживал даже суп и молоко.

— Настоящую, как ты говоришь, еду ты получишь не раньше, чем я это разрешу, — сообщила я.

— Я получу ее сейчас же! Ты что, воображаешь, будто можешь решать, чем меня кормить?

— Да, дьявол меня побери, это именно так! Не забывай, что я врач!

Он свесил ноги с кровати, явно намереваясь встать и идти. Я уперлась рукой ему в грудь и уложила его на постель.

— Твое дело — оставаться в постели и хоть раз в жизни делать то, что тебе велят, — прорычала я. — Тебе пока что рано подниматься на ноги и рано есть грубую пищу. Брат Роджер говорил, что утром у тебя снова была рвота.

— Пусть брат Роджер занимается собственным делом, и ты тоже! — процедил он сквозь зубы, снова пытаясь подняться.

Он протянул руку и уцепился за край стола. С заметным усилием он

встал-таки на ноги и стоял, раскачиваясь из стороны в сторону.

— Ляг на постель! Ты же сейчас свалишься!

Он весь побелел и даже от незначительного усилия, необходимого для того, чтобы устоять на месте, покрылся холодным потом.

— Не лягу! — заявил он. — А если лягу, то по собственной воле.

На сей раз я разозлилась по-настоящему:

— Ах вот оно что! А кто, по-твоему, спас твою жалкую жизнь? Кто заботился о тебе, а?

Я взяла его за руку, чтобы уложить, но он вырвал ее у меня.

— Я тебя об этом не просил, поняла? Я велел тебе уезжать или не велел? И я не понимаю, зачем ты спасала мне жизнь, если собираешься уморить меня голодом! Тебе это доставляет удовольствие! Это уж было совсем чересчур.

— Свинья неблагодарная!

— Сварливая баба!

Я выпрямилась во весь рост и со злостью указала на постель. Собрав воедино всю строгую волю, выработанную за годы работы медсестрой, я отдала приказ:

— Сию минуту ложись в постель, ты, тупой, упрямый, идиотский...

— Шотландец, — закончил он за меня.

Сделал шаг к двери — и упал бы, если бы не ухватился за стул. Сел на него и сидел, покачиваясь, глаза как в тумане и смотрят в разные стороны. Я сжала кулаки и уставилась на него.

— Прекрасно! — сказала я. — Просто черт знает как хорошо! Я велю дать тебе хлеба и мяса, и после того, как тебя вырвет прямо на пол, ты встанешь на четвереньки и уберешь за собой сам! Я этого делать не стану, а если брат Роджер сделает, я сдеру с него с живого кожу.

Я бурей вылетела в коридор и успела захлопнуть за собой дверь как раз до того, как о нее с другой стороны ударился и разлетелся вдребезги фаянсовый умывальный таз. Повернувшись, я увидела весьма заинтересованную публику, без сомнения привлеченную шумом. Брат Роджер и Мурта стояли бок о бок и взирали на мое разгоряченное лицо и вздымающуюся грудь. Роджер был явно расстроен, но Мурта исподтишка посмеивался, прислушиваясь к доносящимся из-за двери отборным гэльским проклятиям.

— Он себя чувствует лучше, — удовлетворенно заметил он.

Я прислонилась к стене и почувствовала, как по моей физиономии тоже расплывается улыбка.

— Пожалуй, да, — согласилась я.

Возвращаясь в главное здание после утреннего посещения травяной аптеки, я встретила Ансельма, который вышел из библиотеки. Он так и просиял, заведя меня, и поспешил подойти. Болтая о том о сем, мы с ним начали медленно прогуливаться по территории аббатства.

— А ведь ваша проблема и в самом деле весьма интересна, — сказал вдруг он и обломил веточку с куста у стены.

Внимательно поглядел на по-зимнему твердые почки, отбросил веточку в сторону и поднял глаза к небу, на котором бледное солнце проглядывало сквозь тонкие облака.

— Становится теплее, но до весны еще далеко, — заметил он. — Но карпы нынче, наверное, расшевелились, давайте подойдем к рыбным садкам.

Совсем не похожие на украшенные резьбой красивые строения, какими я их себе почему-то воображала, садки эти представляли собой обыкновенные водоемы, обнесенные каменной оградой и расположенные поблизости от кухни. В них плавали карпы, которых ели в монастыре по пятницам и в постные дни, если из-за плохой погоды невозможно было наловить в море пикши, сельди и камбалы.

В полном соответствии со словами Ансельма, карпы сегодня двигались оживленно; толстенькие веретенообразные тела так и шныряли в воде, и серебристые чешуйки сверкали от утреннего света. Рыбы двигались так энергично, что поднятые этим движением маленькие волночки плескались о стенки водоема. Едва наши тени упали на воду, карпы ринулись в нашу сторону с такой же точностью, с какой стрелка компаса указывает на север.

— Они ждут кормежки, как только увидят людей, — объяснил Ансельм. — Не станем обманывать их ожидания.

Он сходил на кухню и принес два ломтя черствого хлеба. Мы остановились у ограды водоема и начали бросать хлебные крошки в жадно раскрытые голодные рты.

— Понимаете ли, в вашем положении есть две стороны, два аспекта, — заговорил Ансельм, продолжая крошить хлеб; он взглянул на меня сбоку, и внезапная улыбка осветила его лицо. — Я все еще едва могу этому поверить. Такое чудо! Господь воистину добр, показав мне его.

— Это прекрасно, — с некоторой сухостью заметила я. — Не возьму, однако, в толк, был ли Он столь же милостив ко мне.

— В самом деле? Я полагаю, что да. — Ансельм присел на корточки, разминая в пальцах хлеб. — Разумеется, все это причинило вам немалые личные неудобства...

— Пожалуй, что так, — пробормотала я.

— Но ведь их можно расценивать и как знак любви Бога, — продолжал Ансельм, пропустив мимо ушей мое замечание; ясные карие глаза смотрели на меня испытующе. — Я молил Бога о руководстве и наставлений, стоя на коленях перед Святыми Дарами, — продолжал Ансельм свою речь, — и там, в тишине нашей часовни, вы показались мне путешественником, потерпевшим кораблекрушение. Ведь это напоминает ваше положение, согласитесь, что сравнение вполне подходящее. Представьте себе человека, мадам, неожиданно попавшего в чужую страну, лишенного друзей и семьи, без средств к существованию — кроме тех, какие он может найти в этой новой для него стране. Это истинное несчастье, но оно тем не менее может привести к открытию новых возможностей и к счастью. Что, если новая страна окажется богатой? Появятся новые друзья, и начнется новая жизнь.

— Да, но... — начала было я.

— Итак, — произнес он убежденно, уставив на меня указательный палец, — если вы и утратили прежнюю жизнь, то, возможно, Бог захотел наградить вас новой, которая может оказаться богаче и полнее.

— О, что касается полноты, то это весьма справедливо, — согласилась я. — Однако...

— С точки зрения канонического права, — нахмутив брови, сказал он, — оба ваши брака не представляют затруднений. Оба они действительны и освящены церковью. В строгом смысле слова ваш брак с молодым шевалье предшествует вашему браку с господином Рэндоллом.

— Вот именно, «в строгом смысле слова», — подтвердила я и поспешила закончить фразу, пока меня снова не перебили: — Но не в мое время, и я вообще не верю, что каноническому праву приходилось сталкиваться с подобными прецедентами.

Ансельм рассмеялся; острый кончик его бородки трепетал на легком ветерке.

— Более чем справедливо, *ma chere*, более чем справедливо. Я лишь хотел сообщить вам, что со строго законной точки зрения вы не совершили ни греха, ни преступления по отношению к обоим мужчинам. Но я уже говорил ранее, что в вашем положении имеются два аспекта: что вы уже совершили и что вам предстоит совершить. — Он протянул руку и усадил меня рядом с собой. — Ведь именно об этом вы спрашивали меня на исповеди, не так ли? Что я сделала? И что мне делать дальше?

— Совершенно верно. И вы тогда сказали, что я не сделала ничего неправильного, верно? Но я же...

Мне подумалось, что у них с Дугалом Макензи общая черта — перебивать собеседника.

— Вот именно, что нет, — твердо заявил он. — Можно поступать в полном соответствии с волей Бога и с велениями совести и все же попасть в затруднительное или даже трагическое положение. Как это ни печально, однако мы до сих пор не знаем, почему всемилостивый Бог допускает существование зла, но мы знаем Его слова, что это правда. «Я создал добро, — говорит Он в Библии, — и Я создал зло». И соответственно даже хорошие люди — я полагаю, что особенно хорошие люди, — сталкиваются в жизни с великими смятениями и трудностями. Возьмем, к примеру, того юношу, которого вам пришлось убить. Нет-нет, не возражайте, — он поднял руку, удерживая меня от возражения, — тут нет ошибки. Вы были вынуждены убить его, имея в виду крайние обстоятельства. Даже Святая Матерь Церковь, утверждающая священность жизни, признает такую крайнюю степень защиты человеком собственной жизни и существования семьи. Имея в виду тогдашнее положение и состояние вашего мужа, — он бросил взгляд в сторону крыла для гостей, — нет сомнения, что вы были вынуждены прибегнуть к насилию. И вам не в чем себя упрекнуть. Разумеется, вы испытывали и испытываете жалость и раскаяние, так как вы мадам, по натуре чувствительны и сострадательны. — С этими словами он слегка похлопал ладонью по моей руке, лежавшей на колене. — Порою наши наилучшие поступки проистекают из причин, достойных раскаяния. И все же вы не могли поступить иначе. Мы не знаем, какую судьбу уготовил Господь этому юноше, — возможно, он пожелал его взять к себе именно в это время. Но вы не Бог, и возможности ваши ограничены даже в постижении того, что вы можете ожидать от себя самой.

Я вздрогнула от порыва холодного ветра и поплотнее закуталась в шаль. Ансельм заметил это и показал на бассейн:

— Вода теплая, мадам. Не хотите ли опустить в нее ноги?

— Теплая?

Я поглядела на воду недоверчиво. Прежде я не замечала, что в углах водоема нет мелких льдинок, какие плавали на поверхности резервуаров со святой водой, установленных возле церкви. А в садке для рыбы оказалось даже некоторое количество водяных растений, укоренившихся в трещинах между камнями, огораживающими водоем.

Подавая мне пример, Ансельм сбросил свои кожаные сандалии. Обладая лицом и голосом очень культурного человека, руки и ноги он имел как у нормандского крестьянина — крупные и крепкие. Приподняв подол ряссы до колен, он опустил ноги в водоем. Карпы быстро бросились прочь,

но тотчас вернулись и принялись обследовать новый предмет.

— Они не кусаются? — с опаской спросила я, глядя на множество прожорливых ртов.

— Нет, они не трогают живую плоть, — заверил меня Ансельм. — Зубы у них слабенькие.

Я сбросила свои сандалии и опустила ноги в воду, которая, к моему удивлению, оказалась приятно теплой. Не горячей, а именно теплой — восхитительный контраст с холодным и промозглым воздухом.

— О, да это приятно! — Я пошевелила пальцами, вызвав в стайке карпов небольшой переполох.

— Возле аббатства есть несколько минеральных источников, — объяснил Ансельм. — Прямо из-под земли бьет горячая вода, которая обладает целительными свойствами. — Он указал на дальний конец садка, где в каменной ограде находилось небольшое отверстие, полускрытое плавающими водяными растениями. — Небольшое количество теплой воды поступает сюда из ближайшего источника. Вот почему к столу во все времена года есть рыба. В обычной зимней воде карпы не могли бы существовать.

Некоторое время мы молча болтали ногами в воде; рыбы порой натыкались нам на ноги, и их удары были неожиданно сильными. Солнце выглянуло из-за облаков, обдавая нас хоть и слабым, но ощутимым теплом. Ансельм закрыл глаза и подставил лицо солнечным лучам. Так, с закрытыми глазами, он и заговорил снова:

— Ваш первый муж — кажется, его имя Фрэнк? — также должен быть причислен к тем прискорбным явлениям, с которыми вы ничего не можете поделать.

— Я как раз могла кое-что сделать, — возразила я. — Я могла бы вернуться — наверное, могла бы.

Он приоткрыл один глаз и посмотрел на меня скептически.

— Да, вот именно «наверное». А возможно, и нет. Не следует упрекать себя за то, что вы не спешили рисковать жизнью.

— Не в риске дело, — ответила я, дотрагиваясь пальцем до пестрого карпа. — Вернее, не только в нем. Отчасти это был, конечно, страх, но главное... я не могла покинуть Джейми. — Я беспомощно пожалала плечами. — Не могла, и все.

Ансельм улыбнулся и открыл оба глаза.

— Удачный брак — один из самых драгоценных даров Господа, — сказал он. — Если у вас хватило разума распознать и принять этот дар, вам не в чем каяться. А если вдуматься... — Он не договорил и по-птичьему

склонил голову на плечо. Помолчав, продолжал: — Вы покинули вашу страну примерно год назад. Ваш первый муж, скорее всего, уже начал примиряться со своей потерей. Как бы он ни любил вас, тем не менее терять — это свойство общее для всех людей, и нам дана способность обращать их себе к добру. Вполне возможно, что и он начал строить новую жизнь. Хорошо ли будет для вас, если вы покинете человека, который так в вас нуждается, которого вы любите и который связан с вами священными узами брака, вернуться и разрушить эту новую жизнь? И в особенности если вы вернетесь лишь из чувства долга, оставив здесь свое сердце... о нет! — Он решительно помотал головой. — Ни один человек не может служить одновременно двум хозяевам, тем более — женщина. Если там и был заключен ваш истинный брак, а здесь у вас, — он снова кивнул в сторону крыла для гостей, — лишь временная привязанность, тогда ваш долг вернуться. Но вас связал Бог, и я считаю, что вы обязаны свой долг посвятить шевалье. Теперь о другой стороне дела — как вам вести себя. Это требует обсуждения. — Он вынул ноги из воды и обтер их подошмой. — Давайте-ка перенесем нашу беседу в кухню. Брат Евлогий, может, не откажется дать нам теплого питья.

Подняв с земли упавший кусочек хлеба, я искрошила его карпам и тоже начала обуваться.

— Если бы вы знали, какое это облегчение — поговорить с кем-то обо всем этом, — сказала я. — И все же мне кажется нереальным, что вы мне поверили.

Он пожал плечами и галантно поддержал меня под руку, пока я завязывала грубые шнурки своих сандалий.

— Ma chere, я служу Тому, кто мог увеличить количество хлебов и рыб.^[27] — Он улыбнулся и кивнул в сторону водоема, где карпы все еще подбирали хлебные крошки. — Тому, кто исцелял недужных и воскрешал мертвых. Стану ли я удивляться тому, что Господин вечности переместил молодую женщину по своей воле сквозь камни, стоящие на земле?

Мне подумалось, что это, во всяком случае, лучше, чем получить прозвание вавилонской блудницы.

Монастырская кухня оказалась очень теплой и напоминала пещеру; куполообразный потолок совершенно почернел от подымавшегося к нему столетиями жирного дыма. Брат Евлогий, по самые локти погрузивший руки в чан с тестом, приветствовал Ансельма кивком и обратился по-французски к одному из братьев-прислужников, велел ему обслужить нас. Мы выбрали местечко в сторонке, подальше от кухонной суеты, и присели перед двумя кружками эля и тарелкой с пирогом. Я подвинула тарелку к

Ансельму, слишком поглощенная своими заботами, чтобы заниматься едой.

— Позвольте мне поставить вопрос вот каким образом, — заговорила я, с осторожностью выбирая слова. — Если бы я, предположим, знала, что многим людям угрожает опасность, должна бы я была попытаться ее предотвратить?

Ансельм машинально вытер рукавом нос, из которого в теплой кухне потекло после морозного воздуха во дворе.

— В принципе да, — ответил он. — Но это же зависит от многих обстоятельств. Например, насколько это рискованно для вас лично и каковы другие ваши обязательства, а также каковы шансы на успех.

— Не имею ни малейшего представления о такого рода обстоятельствах. Исключая, разумеется, мой долг по отношению к Джейми. Но он один из этих многих людей, кто может пострадать.

Он отломил кусок горячего пирога и протянул его мне. Я не заметила этого, уткнувшись в свою кружку с элем и глядя на его поверхность в глубоком раздумье.

— Я убила двоих, — заговорила я. — У каждого из них могли родиться дети, если бы я не убила их. Они могли бы совершить... — Я беспомощным жестом отодвинула кружку. — Словом, кто знает, что они могли бы в жизни совершить. Я могла повлиять на будущее... нет, я точно повлияла на него, но не знаю, каким образом, и это меня страшит.

Ансельм хмыкнул и махнул рукой проходившему мимо брату-прислужнику, который немедленно принес нам еще пирог и новый кувшин эля. Ансельм наполнил наши кружки и только после этого заговорил:

— Если вы взяли чью-то жизнь, то другую вы спасли. А сколько больных вы исцелили — людей, которые умерли бы без вашего лечения! Ведь и это влияет на будущее. Что, если человек, которого вы спасли, совершит потом великое зло? Разве это ваша вина? Могли бы вы, имея в виду такое обстоятельство, допустить, чтобы человек умер? Конечно же, нет. — Для вящей убедительности Ансельм даже пристукнул по столу своей кружкой. — Вы говорите, что не решаетесь здесь на какие-то действия, опасаясь оказать влияние на будущее. Это нелогично, мадам. Поступки каждого из нас оказывают влияние на будущее. Остаься вы там, у себя, ваши поступки несомненно влияли бы на ход событий не меньшей степени, чем они будут влиять здесь. Вы несете ту же ответственность за них, какую несли бы там — в той же мере, как и любой другой человек. Разница лишь в том, что здесь вы можете с большей точностью понимать, какие же именно последствия проистекут из ваших поступков, а там у вас подобного преимущества не было бы.

Он покачал головой и посмотрел на меня через стол уверенным, твердым взглядом.

— Пути Господни неисповедимы для нас, и это очень хорошо. Вы правы, *ma chere*, церковь в своих установлениях не могла предвидеть ситуации, подобные вашей, и потому вы не можете руководствоваться ничем, кроме собственного разума и Божьей, помощи. И я не могу сказать вам, что вы должны делать и чего не должны. Пред вами свободный выбор — как и перед любым человеком На Земле. А история, как я полагаю, есть единение всех человеческих поступков. Некоторых рабов своих Господь наделяет возможностью влиять на судьбы многих. Быть может, вы одна из таких. Быть может, нет. Я не знаю, почему вы здесь. И вы не знаете. И похоже, что ни один из нас этого никогда не узнает. — Он не без юмора округлил глаза. — Порой я даже не знаю, зачем я-то здесь!

Я рассмеялась, а он близко пригнулся ко мне через стол.

— Ваше знание будущего — орудие, данное вам так же, как потерпевшему кораблекрушение судьба посылает нож или леску для ловли рыбы. Пользоваться этим орудием не безнравственно, если вы поступаете в соответствии с законами, данными нам Богом, и если вы не употребляете его во зло.

Он помолчал, сделал глубокий вдох, а потом — сильный выдох, от которого приподнялись его шелковистые усы.

— Все, что я могу сказать вам, дорогая мадам, это то же, что я говорю любому, кто обращается ко мне за советом в душевном смятении: положитесь на Бога и молитесь ему о руководстве. — Он пододвинул ко мне свежий пирог. — Но, что бы вы ни решили делать, для этого нужны силы. Так что примите еще один маленький совет: когда вы в сомнении, ешьте.

Когда я вечером зашла проведать Джейми, он спал, положив голову на предплечье. Пустая миска из-под супа добродетельно стояла на подносе, а рядом с ней — нетронутые тарелки с хлебом и мясом. Я переводила взгляд с невинного, сонного лица на тарелки и обратно. Потрогала хлеб. На корочке осталась вмятинка от пальца. Хлеб свежий.

Я оставила его спящим и пошла поискать брата Роджера, которого обнаружила в кладовой.

— Ел он хлеб с мясом? — спросила я без проволочек.

— Да. — Брат Роджер улыбнулся в свою пушистую бороду.

— Удержал?

— Нет.

— Надеюсь, вы не убирали за ним?

Ему мой вопрос показался забавным — округлые щеки порозовели.

— Как бы я посмел? Нет, он из предосторожности заранее подставил тазик.

— Вот лукавый шотландец! — Я невольно засмеялась.

Вернулась в комнату и легонько поцеловала Джейми в лоб. Он слегка пошевелился, но не проснулся. Вспомнив совет отца Ансельма, я забрала тарелки с хлебом и мясом к себе в комнату, чтобы поужинать.

Полагая, что Джейми скорее оправится от своей нервозности и желудочного недуга, если я буду меньше его беспокоить, я почти весь следующий день провела у себя в комнате, читая «Травник», который дал мне брат Амброз. После полудня пошла навестить своего непокорного пациента. Но вместо Джейми я обнаружила в комнате весьма смущенного Мурту, который сидел на стуле у стены.

— Где он? — спросила я, оглядывая комнату.

Мурта ткнул пальцем в сторону окна. День был холодный и сумрачный, светильники зажжены. Окно было не занавешено, и холодный ток воздуха снаружи колебал язычки пламени.

— Он вышел во двор? — недоверчиво спросила я. — Куда он пошел? Зачем? И что он надел на себя, дьявол его побери?

В последние дни Джейми лежал в постели большей частью обнаженный: в комнате было тепло, а прикосновение одежды к заживающим ранам причиняло боль. Покидая ненадолго комнату по необходимости и при поддержке брата Роджера, он надевал широкую монашескую рясу, но сейчас эта ряса, аккуратно свернутая, лежала в ногах кровати.

Мурта подвинулся вместе со своим стулом немного вперед и уставился на меня совсем по-совиному.

— Сколько всего вопросов? Четыре? — Он поднял указательный палец. — Итак, первый: да, он ушел. Второй. — Мурта присоединил к указательному средний палец. — Куда? Будь я проклят, если знаю. Третий, — вверх поднялся безымянный палец. — Зачем? Он заявил, что ему осточертело сидеть взаперти. Четвертый, — поднялся мизинец. — Также будь я проклят, если знаю. Когда я видел его в последний раз, на нем ничего не было. — Мурта сложил четыре пальца и выставил вверх большой. — Вы не спрашивали, но отвечаю: ушел примерно час назад.

Я так и вспыхнула — от полной беспомощности. Поскольку преступник исчез, я набросилась на Мурту:

— Вы что, не знаете, что на дворе подмораживает? Снег идет! Почему вы его не остановили? И что вы имеете в виду, утверждая, что на нем

ничего не было?

Маленький клансмен сохранял полную невозмутимость.

— Конечно, знаю. Думаю, и он знал, не слепой. Остановить его я пробовал. Когда он собрался уходить, я сказал ему, что он еще к этому не готов и что вы мне голову снимете, ежели он уйдет. Схватил его рясу и стал спиной к двери. Сказал, что он пройдет только через мой труп. — Мурта помолчал и сообщил совершенно не к месту: — У Элен Макензи была самая прекрасная улыбка, какие я видел. Любого мужчину пробирала до самых костей.

— И поэтому вы позволили ее тупоголовому сыну уйти, чтобы замерзнуть до смерти? — вспыхнула я. — Какое отношение имеет улыбка его матери ко всему этому?

Мурта раздумчиво потер себе нос.

— Да, так вот я ему сказал, что не пропущу его, и он на меня этак поглядел. Улыбнулся точь-в-точь как его матушка и прямо голый вылез в окно. К тому времени, как я подскочил к окну, он успел удрать. Я в полном ужасе воздела глаза к небесам.

— Он велел, чтобы я вам сказал, куда он направился, и чтобы вы о нем не беспокоились, — завершил свое объяснение Мурта.

— Чтобы я о нем не беспокоилась! — в бешенстве бормотала я себе под нос, пока бежала к конюшне. — Лучше бы он сам о себе побеспокоился, когда попадет мне в руки!

В этих местах лишь одна большая дорога вела от побережья во внутренние районы страны. Я ехала по ней крупной рысью, то и дело поглядывая на окружающие поля. Та часть Франции, где находился монастырь, была густо населена крестьянами, и, к счастью, леса хорошо расчищены; ни волки, ни медведи не представляли здесь серьезной опасности.

Я нашла его примерно в миле от монастыря, Он сидел на одной из многочисленных верстовых тумб, оставленных повсюду древними римлянами.

Был он бос, но одет в короткую куртку и тонкие штаны — собственность одного из конюхов, если судить по пятнам на них. Я натянула поводья и некоторое время смотрела на него, опершись о переднюю луку седла, потом сказала этак небрежно:

— У тебя нос посинел. И ноги тоже, между прочим.

Он ухмыльнулся и вытер нос тыльной стороной ладони.

— Яйца тоже. Может, ты мне их погрела бы?

Замерз он или нет, но настроение у него было явно хорошее. Я слезла с

лошади и остановилась перед ним, укоризненно качая головой.

— Выходит, это бесполезно? — спросила я.

— Что именно?

— Злиться на тебя. Тебя, я вижу, ничуть не заботит, что ты можешь схватить воспаление легких, что тебя съедят медведи, что меня ты замучил до полусмерти...

— О медведях я ничуть не беспокоюсь. Они в это время спят в своих берлогах.

Я утратила всякое самообладание и замахнулась, чтобы дать ему в ухо, но он поймал мою руку и легко удержал ее, смеясь над моим негодованием. После нескольких секунд бесплодного сопротивления я сдалась и тоже засмеялась.

— Ты собираешься вернуться? — спросила я. — Или будешь еще что-нибудь доказывать?

Движением подбородка он указал мне на дорогу:

— Ты отъезжай вон к тому старому дубу и подожди меня там. Я хочу сам дойти до того места.

Я прикусила язык и удержалась от кое-каких замечаний, готовых у меня сорваться, и села в седло. Остановилась возле дуба и стала смотреть на дорогу, но тотчас поняла, что просто не в состоянии наблюдать за мучительными усилиями Джейми. Когда он упал в первый раз, я крепко сжала поводья руками в перчатках, потом решительно повернулась спиной к нему.

Мы с трудом добрались до гостевого крыла, но тем не менее прошли вдвоем по коридору, причем рука Джейми тяжело опиралась о мои плечи. В холле я наткнулась на брата Роджера и срочно отправила его за грелкой, а сама кое-как доволокла свою тяжелую ношу до комнаты и свалила на постель. Джейми застонал от толчка, но лежал смирно, закрыв глаза, пока я стаскивала с него грязные отрепья.

— Слава Богу, ты на месте.

Он послушно завернулся в одеяло. Я поспешно сунула в постель грелку и принялась двигать ее туда-сюда, чтобы согреть простыни. Когда я убрала ее, Джейми вытянул длинные ноги и расслабился с блаженным вздохом, почувствовав тепло.

Я спокойно ходила по комнате, подбирая разбросанную одежду, наводила порядок на столике; потом подбросила угля в жаровню и высыпала туда же щепотку девясила, чтобы у дыма сделался приятный запах. Я решила, что Джейми уснул, и удивилась, когда он меня окликнул:

— Клэр.

— Да?

— Я люблю тебя.

— Ой! — Я была одновременно и удивлена и обрадована. — Я тоже люблю тебя.

Я улеглась в постель усталая, но умиротворенная. Джейми непременно поправится. Когда у меня были по этому поводу сомнения, я сначала не заглядывала в будущее больше чем на час, потом — на несколько часов, до следующей трапезы, до следующего приема лекарств... Но теперь я должна была заглянуть подальше.

Аббатство стало для нас убежищем — но временным. Мы не могли оставаться здесь неопределенно долгое время, при всем гостеприимстве монахов. Шотландия и Англия были надолго недоступны, там угрожала опасность. Разве что лорд Ловат оказал бы поддержку... Но нет, вряд ли, учитывая стечение обстоятельств. Наше будущее — здесь, по ту сторону Ла-Манша. Зная теперь, что Джейми подвержен морской болезни, я понимала его нежелание эмигрировать в Америку. Перспектива три месяца мучиться от тошноты и рвоты напугала бы кого угодно. Что же оставалось?

Пожалуй, все-таки Франция. Мы оба свободно говорили по-французски. Джейми мог также объясняться по-испански, по-немецки и по-итальянски, но я не была наделена подобными лингвистическими способностями. У семьи Фрэзеров во Франции многочисленные родственные связи; возможно, мы нашли бы применение своим силам в имении кого-то из родственников или друзей и жили бы мирно и спокойно. Мысль вполне привлекательная.

Все упиралось, как всегда, в вопрос о времени. Сейчас самое начало 1744 года — Новый год отмечали две недели назад. А в 1745-м Красивый Принц Чарли приплывет из Франции в Шотландию, чтобы как Младший Претендент заявить о своих правах на отцовский трон. Вместе с ним приплывет бедствие: война, резня, уничтожение горских кланов, а значит, и уничтожение всего, что дорого Джейми... и мне.

Всего только год отделял нынешний день от грядущих событий. Всего год... Какие шаги можно предпринять, чтобы помешать беде? Как помешать, какими средствами? Я не имела представления, но у меня не было сомнений в последствиях бездействия.

Может ли быть изменен ход событий? Вероятно... Я нащупала золотое кольцо на безымянном пальце левой руки и вспомнила, что я сказала Джонатану Рэндоллу в подземелье Уэнтуортской тюрьмы в порыве негодования и ужаса.

— Я проклиная вас, — говорила я. — Я назову вам час вашей смерти.

И я сказала ему, когда он умрет. Назвала дату, вписанную каллиграфическим почерком Фрэнка в родословную. 16 апреля 1746 года. Джонатан Рэндолл должен был погибнуть в Каллоденской битве. Но этого ведь не будет. Он умер через несколько часов после нашего разговора, растоптанный копытами.

Он умер бездетным холостяком. Во всяком случае, я так считала. В родословной — черт бы ее побрал, эту родословную! — была указана дата его женитьбы, где-то в 1744 году. И рождение его сына, предка Фрэнка в шестом колене, несколько позже. Если Джек Рэндолл умер бездетным, то как мог родиться Фрэнк? Но ведь вот оно его кольцо у меня на пальце. Он существовал, то есть будет существовать. Я пыталась успокоить себя, натирая это кольцо, словно к нему был причарован некий джинн, который мог дать мне совет.

...Позже я с криком пробудилась от крепкого сна.

— Шшш, это всего лишь я.

Большая рука сдвинулась с моего рта. Свеча не горела, и в комнате было темным-темно. Я шарила руками вслепую, пока не наткнулась на что-то крупное.

— Тебе нельзя вставать с постели! — еще не до конца проснувшись, воскликнула я. Пальцы дотронулись до гладкой и совершенно холодной кожи. — Ты совсем окоченел!

— Ясное дело, окоченел, — ворчливо согласился он. — Я совсем голый, а в коридоре адский холод. Пусти меня в постель!

Я отодвинулась как могла на своей узкой кровати, а он прильнул ко мне нагим телом в жажде тепла. Дыхание у него было неровное, и он весь дрожал — от холода и слабости, как было подумала я.

— Господи, какая ты теплая! — Он прижался ко мне теснее. — Как хорошо обнимать тебя, Саксоночка!

Я не стала спрашивать, какие у него намерения — это было и так ясно. Не стала я и спрашивать, уверен ли он в своих возможностях. У меня были на этот счет сомнения, но я промолчала, не желая оказаться пророчицей.

Он наступил быстро и внезапно, миг соединения, такой знакомый и вместе необычный. Джейми глубоко вдохнул — с удовлетворением, а может, и с облегчением. Несколько секунд мы лежали неподвижно, словно боялись нарушить хрупкую связь неосторожным движением. Джейми нежно ласкал меня здоровой рукой, расправив пальцы на манер кошачьих усиков, чувствительные до дрожи. Наконец он начал двигаться, как бы задавая вопрос, а я отвечала ему на том же языке.

Мы начали деликатную игру медленных движений, храня равновесие между желанием и его слабостью, между болью и растущим наслаждением. Где-то в глубине сознания у меня промелькнула мысль, что я должна сказать отцу Ансельму о существовании иного способа остановить время, но тут же поняла, что не стоит, ибо это не способ, доступный священнику.

Я обнимала Джейми, стараясь не касаться шрамов на спине. Он устанавливал ритм, но предоставил мне установить силу наших движений. До самого конца мы молчали, только дышали тяжело. Почувствовав, как он устает, я обхватила его крепче и прижала к себе, ускоряя завершение.

Викторианцы^[28] называли это «маленькой смертью», и с полным основанием. Джейми лежал такой обессиленный и тяжелый, словно умер, только медленные удары его сердца возле моей груди говорили о жизни. Кажется, прошло очень много времени, прежде чем он шевельнулся и что-то пробормотал мне в плечо.

— Что ты сказал?

Он повернул голову и прикоснулся губами к моему уху. Я ощутила у себя на шее теплое дыхание.

— Я говорю, — произнес он тихонько, — что у меня совсем сейчас не болит рука.

Здоровой рукой он погладил меня по щеке.

— Ты за меня боялась?

— Да, — ответила я. — Ты, пожалуй, поспешил с этим.

— Ты права, — негромко рассмеялся он. — Я чуть не умер. Да, я тоже боялся. Но я проснулся от боли в руке и никак не мог снова уснуть. Метался и чувствовал себя ужасно одиноким. Чем дольше я думал о тебе, тем сильнее хотел тебя, и только на полдороге в твою комнату, в коридоре, подумал, как мне быть, когда я приду сюда. И когда я так подумал... — Он запнулся и снова погладил мою щеку. — Ну вот, Саксоночка, я, может, не чересчур хорош, но в трусости меня не упрекнешь, верно?

Я повернулась, чтобы ответить на его поцелуй, но тут у него вдруг громко заурчало в животе.

— Нечего смеяться, — жалобно проныл он. — Это ты виновата, моришь меня голодом. Это еще чудо, что я управился с тобой, питаюсь одним бульоном да элем.

— Ладно, — со смехом сказала я. — Твоя взяла. Завтра получишь на завтрак яйцо.

— Ха — отозвался он тоном глубокого удовлетворения. — Я знал, что ты будешь лучше кормить меня, если я предложу тебе подходящую

приманку.

Мы уснули лицом друг к другу, крепко обнявшись.

Глава 40 ИЗ НЕДР ЗЕМНЫХ

Следующие две недели Джейми продолжал поправляться, а я продолжала размышлять. В иные дни я думала, что нам следует уехать в Рим, где двор Претендента пользовался влиянием, и... что там делать? В другое время я всем сердцем желала одного: найти безопасное и уединенное место, где мы могли бы жить спокойно.

Стоял теплый, ясный день, и капли воды падали с сосулек, намерзших за зиму на уродливых носсах горгулий,^[29] протачивая в снегу под ними глубокие отверстия. Дверь комнаты Джейми была открыта настежь, окна не занавешены, чтобы очистить воздух от смешанных запахов дыма и болезни.

Я осторожно выглянула из-за косяка двери — мне не хотелось будить Джейми, если он спит, но узкая кровать была пуста. Он сидел у открытого окна, полуотвернувшись от двери, так что лица было почти не видно.

Он был еще отчаянно худой, но плечи уже широко развернулись и выпрямились под грубой тканью одеяния послушника, вернулась и благородная осанка; он сидел твердо, уверенно, спина прямая, ноги поджаты под стул, линии тела четкие и гармоничные. Поддерживая здоровой левой рукой правую, он медленно поворачивал ее, согревая в лучах солнца.

На столе лежала кучка бинтов: Джейми снял повязку с покалеченной руки и теперь рассматривал ее внимательно и пристально. Я постояла в дверях. Отсюда его рука была отлично видна мне. Знак от раны гвоздем на ладони был мало заметен; к моей радости, это зажило хорошо: оставалась только маленькая розоватая точка, которая со временем исчезнет. На тыльной стороне рана зажила не столь благополучно: из-за попавшей в нее инфекции и последующего воспаления след от нее был размером с шестипенсовую монету, и струп еще не вполне сошел.

На среднем пальце розовели неровные края свежего шрама, тянувшиеся от самого основания до сустава. Большой и указательный пальцы, освобожденные от лубков, остались прямыми, но мизинец был весь скрючен; мне помнилось, что на нем я обнаружила целых три перелома и не смогла их соединить точно. Не вполне хорошо сросся безымянный палец, и поэтому он слегка выдавался вверх, когда Джейми положил руку ладонью вниз на столик.

Потом он повернул руку ладонью вверх и попытался подвигать пальцами. Ни один из них пока не сгибался больше чем на дюйм или два, а безымянный не сгибался совсем. Похоже было, как я и опасалась, что второй сустав полностью утратил подвижность.

Он продолжал вертеть руку то туда, то сюда, подносил к лицу, разглядывая неподвижные, скрюченные пальцы, покрытые рубцами, особенно заметными в ярком солнечном свете. Потом он вдруг опустил голову, прижал изуродованную руку к груди и, словно желая ее защитить, накрыл здоровой рукой. Он не издал ни звука, только плечи на мгновение дрогнули.

— Джейми! — Я пересекла комнату и опустилась рядом с ним на колени, — Джейми, прости. Я сделала все, что могла.

Он посмотрел на меня с удивлением. На густых каштановых ресницах сверкали слезы, он быстрым движением руки смахнул их.

— Что? — спросил он, явно растерявшись от моего внезапного появления. — Простить? За что, Саксоночка?

— За твою руку. — Я взяла ее в свои, осторожно провела по искривленным пальцам, дотронувшись до шрама на тыльной стороне. — Она выправится, уверяю тебя. Честное слово, выправится. Сейчас она кажется такой неподвижной и бесполезной, но это из-за того, что пальцы долго были в лубках и кости еще не совсем срослись. Я научу тебя, как делать массаж и разные упражнения. Ты сможешь достаточно хорошо ею владеть, уверяю тебя...

Он прервал мои заверения, положив руку мне на щеку.

— Так ты считаешь... — начал он, потом замолчал и покачал головой. — Ты подумала... — Он еще раз оборвал свою речь, но тут же заговорил снова: — Саксоночка, ты думала, что я горюю из-за негнущихся пальцев и нескольких шрамов? — Он усмехнулся. — Я, может быть, и тщеславный человек, но, надеюсь, не до такой степени.

— Но ты... — заговорила я.

Он взял мои руки в обе свои и поднял меня на ноги. Я потянулась к его щеке и стерла с нее единственную слезинку — маленькую теплую каплю.

— Я плакал от радости, моя Саксоночка, — тихо проговорил он. Медленным движением приложил ладони к моему лицу с обеих сторон. — Я благодарил Бога за то, что у меня две руки. Две руки, чтобы обнимать тебя. Помогать тебе. Любить тебя. Слава Богу, что я, благодаря тебе, остался полноценным человеком.

Я накрыла его руки своими ладонями.

— Но как же могло быть иначе? — спросила я и тут же вспомнила

палаческий набор пил и ножей, обнаруженный мной в Леохе в ящике у Битона.

И поняла, что кое о чем забыла, столкнувшись с трудным случаем. Во времена, когда не существовало антибиотиков, обычным — если не единственным — способом борьбы с заражением крови была ампутация конечности.

— О Джейми, — сказала я и, почувствовав, как у меня задрожали колени, поспешила сесть. — Джейми, если бы я вспомнила об этом, то, возможно, сделала бы так, чтобы спасти тебе жизнь.

— А так не делают... в... твоё время?

— Нет. — Я покачала головой. — Есть лекарства, останавливающие инфекцию. Потому я и не подумала. А ты?

— Я этого ожидал. Вот почему я просил, чтобы ты позволила мне умереть. Я об этом думал в промежутках между приступами, во время которых голова у меня была как в тумане, и в один какой-то момент пришел, к мысли, что не смогу жить калекой. Ты знаешь, ведь это случилось с Айеном.

— В самом деле? — Я была поражена. — Он мне говорил, что в него попала крупная картечь, но о подробностях не распространялся.

— Верно, и рана от картечи воспалилась. Врачи отняли ногу, чтобы уберечь Айена от заражения крови. Айен теперь в полном порядке, все уладилось. Но я видел его другим. Он оправился только благодаря Дженни. Это она поддерживает его. — Джейми вдруг улыбнулся мне застенчивой улыбкой. — Как ты меня. Не могу уразуметь, почему женщины так поступают.

— Потому что им так нравится, — тихонько ответила я.

Он негромко рассмеялся и притянул меня к себе.

— Да, один Бог знает почему.

Мы некоторое время постояли, обнявшись. Моя голова лежала у него на груди, руки сходились у него на спине, я слышала, как сильно и громко бьется его сердце. Наконец он выпрямился и отпустил меня.

— Я хочу показать тебе одну вещь, — сказал он, открывая маленький ящичек в столе и вынимая из него сложенное письмо, которое он тут же протянул мне.

Это оказалось рекомендательное письмо от настоятеля Александра, поручавшее шеваляе Сен-Жоржу, то есть его величеству королю Якову Шотландскому, племянника настоятеля Джеймса Фрэзера в качестве ученого-языковеда и переводчика.

— Вот и место для нас, — сказал Джейми, глядя, как я складываю

письмо. — А место нам скоро понадобится. Но ты помнишь, что говорила мне тогда на Крэг-на-Дун? Это правда или нет?

— Правда, — с глубоким вздохом ответила я.

Он взял у меня письмо и задумчиво похлопал им себе по колену.

— В таком случае, — он помахал письмом, — тут нас может подстеречь опасность.

— Может.

Джейми положил письмо обратно в ящик стола и некоторое время молча смотрел на него. Потом поднял голову, и его темно-голубые глаза встретились с моими.

— Об этом я и подумал, Клэр, — произнес он негромко. — Моя жизнь принадлежит тебе. И это ты должна решать, что нам делать и куда поехать. Во Францию, в Италию, даже обратно в Шотландию. Я отдал тебе свое сердце в ту же минуту, как впервые увидел тебя, ты держала в своих руках мое тело и мою душу, ты удержала их и спасла. Мы поедем туда, куда ты велишь.

В дверь легонько постучали, и мы отпрянули друг от друга, словно любовники, которых застали на месте преступления. Я кое-как пригладила волосы, подумав при этом, что монастырь — прекрасное убежище для исцеления, но отнюдь не романтический приют.

Брат-прислужник вошел с разрешения Джейми и водрузил на стол большую кожаную седельную сумку.

— От Макранноха из Элдридж-Мэнора, — с улыбкой пояснил он. — Для леди Брех Туарах. — Поклонившись, он удалился, оставив после себя запах моря и веяние прохлады.

Я стала развязывать кожаные ремешки — мне было очень любопытно узнать, что же такое прислал Макраннох. В сумке находились три предмета: записка без адреса и подписи, маленький пакет, адресованный Джейми, и обработанная шкура волка, крепко пахнувшая дубильными снадобьями.

В записке было сказано: *«Добродетельная женщина — это жемчужина великой цены, она стоит дороже рубинов»*.

Джейми распечатал пакет. Он держал в руке что-то маленькое и сверкающее и с недоумением глядел на волчью шкуру.

— Немного странно, Саксоночка, что сэр Маркус послал тебе волчью шкуру, а мне жемчужный браслет. Может, он перепутал надписи?

Браслет выглядел очаровательно: ряд крупных неровных жемчужин, помещенных между переплетенными золотыми цепочками.

— Нет, — ответила я, любуясь браслетом. — Тут все правильно.

Браслет под пару ожерелью, которое ты подарил мне на свадьбу. Он дал это ожерелье твоей матери. Ты знал об этом?

— Нет, не знал, — сказал Джейми тихо, трогая жемчужины. — Мой отец дал мне ожерелье для моей будущей жены, но не сказал, откуда оно у него.

Я вспомнила помощь сэра Маркуса в ту ночь, когда мы бесцеремонно вломились в его дом, и выражение его лица, когда мы покидали этот дом на следующий день. По лицу Джейми я видела, что и он вспоминает о баронете, который мог стать его отцом. Он взял меня за руку и закрепил браслет у меня на запястье.

— Но он же не для меня! — возразила я.

— Нет, для тебя, — твердо заявил он. — Неприлично, чтобы мужчина посылал драгоценное украшение почтенной замужней женщине, поэтому он передал браслет мне. Но предназначен он тебе. К тому же на моей руке он бы не сошелся, какой я теперь ни худой. — Он поднял волчью шкуру и встряхнул ее. — И все-таки, почему Макраннох послал тебе это?

Джейми набросил лохматую шкуру себе на плечи, и я отпрянула с громким криком. Шкура с головы волка была искусно выделана, даже вставлена пара желтых стеклянных глаз, и они злобно смотрели на меня из-за плеча Джейми.

— Уф! — невольно воскликнула я. — Глядит точно так же, как глядел живой.

Джейми повернул голову — и прямо на него уставилась оскаленная морда зверя. Он вскрикнул, скинул с себя шкуру и отшвырнул ее в другой конец комнаты.

— Господи Иисусе. — Он перекрестился.

Шкура лежала на полу, шерсть зловеще поблескивала в свете свечи.

— Что это значит, Саксоночка, «глядел как живой»? Он был твоим личным другом, а? — спросил Джейми, глядя на шкуру прищуренными глазами.

И тогда я рассказала ему о том, о чем до сих пор не имела случая рассказать: о волке, одругих волках, о Гекторе, о снеге, о коттедже, где увидела медведя, о споре с сэром Маркусом, о появлении Мурты, о коровах и о долгом ожидании на склоне холма в розовой мгле снежной ночи, когда я не знала, жив он или умер.

Худой или нет, но грудь у него оставалась широкой, а руки теплыми и сильными. Он прижал мое лицо к своему плечу и утешал меня, пока я плакала. Я пыталась взять себя в руки, но он только крепче прижимал меня к себе и говорил мне ласковые и нежные слова, и я дала себе волю и

плакала, как ребенок, до полного изнеможения.

— Перестань об этом думать, Саксоночка, у меня есть для тебя маленький подарок, — сказал он, глядя меня по голове.

Я всхлипнула и вытерла нос рукавом — за неимением под рукой ничего более подходящего.

— Жаль, что мне нечего тебе подарить, — сказала я, в то время как он, стоя у кровати, что-то отыскивал среди измятых простыней. Наверное, ищет носовой платок, подумала я, все еще всхлипывая..

— Если не считать таких мелочей, как моя жизнь, моя мужская суть и моя правая рука, — сказал он сухо. — Очень славные подарки, то duinne. — Он выпрямился, держа в руке балахон послушника. — Раздевайся.

— Что?! — У меня отвалилась челюсть.

— Раздевайся, Саксоночка, и надевай вот это. — Он с улыбкой отдал мне балахон. — Может, ты хочешь, чтобы я отвернулся?

Покрепче обмотав вокруг себя грубое домотканое одеяние, я спустилась следом за Джейми на два пролета темной лестницы; третий пролет оказался самым узким. Фонарь в руке у Джейми бросал слабый свет на каменные блоки стен. Мы шли все дальше по узкой черной шахте, и казалось, что недра земные поглощают нас.

— А тебе-то известно, куда мы идем? — спросила я, и на голос мой отозвалось эхо, но какое-то странно приглушенное, словно я произнесла свои слова под водой.

— Во всяком случае, тут нет никакой возможности выбрать иное направление и заблудиться, верно?

Мы достигли еще одной площадки, но путь по-прежнему вел вниз. Однако в конце следующего пролета мы остановились перед дверью. На небольшой полукруглой площадке, выбитой в горной толще. Дверь была широкая и низкая, сбита из дубовых досок, с медными петлями. Доски потемнели от времени, но оставались крепкими, а площадка была чисто подметена. Очевидно, этой частью монастыря пользовались до сих пор. Может, это винные погреба?

Возле двери находился кронштейн для факела, наполовину уже обгоревшего. Джейми задержался, чтобы поджечь его при помощи скрученной бумажки, которую он взял из целой кучки таких же бумажек, сложенных возле факела. Потом он толчком отворил незапертую дверь и нырнул в проем, жестом предложив мне следовать за ним.

Вначале я ничего не видела перед собой, кроме света фонаря Джейми.

Все казалось черным. Фонарь мерцал впереди, удаляясь от меня. Я постояла на месте, следя глазами за огнем. Примерно через каждые пять футов он замирал на месте, и пламя медленно поднималось вверх, разгораясь. Приглядевшись к темноте, я поняла, что от фонаря воспламеняются все новые огоньки в светильниках, укрепленных на каменных подставках, высеченных в стене, и так образуется целый ряд маленьких маяков.

Это была пещера. Сначала я решила, что это пещера кристаллов, из-за странного черного блеска, высвеченного огнями светильников. Но едва я подошла к первому уступу, на котором горел светильник, и глянула вниз, я поняла, что это на самом деле.

Чистое черное озеро. Прозрачная вода, сверкающая, словно стекло, над черным вулканическим песком на дне; вода, отражающая красноватые огоньки светильников. Воздух был сырой и теплый, насыщенный парами, оседавшими на холодных каменных стенах пещеры в виде капель, сбегających вниз по ребристой поверхности.

Горячий источник. Слабый запах серы ударил мне в ноздри. Значит, это горячий минеральный источник. Я вспомнила слова Ансельма о горячих источниках, пробивающихся из земли возле аббатства и обладающих целебными свойствами.

Джейми стоял возле меня, глядя на слегка дымящееся пространство воды в янтарных и рубиновых отблесках.

— Горячая ванна, — гордо заявил он. — Тебе нравится?

— Еще бы!

— Ну так идем.

Он сбросил с себя одежду, и красные отблески от воды заиграли на обнаженном теле. Округлый потолок пещеры поглощал свет, который терялся уже в нескольких футах над поверхностью. Немного помедлив, я тоже сбросила свое одеяние.

— Вода горячая? — спросила я.

— Достаточно горячая, — ответил Джейми. — Но не бойся, она не обжигает.

Вслед за ним я осторожно вступила в воду. В камне были выбиты ступени, ведущие под воду, можно было держаться рукой за веревку, протянутую и закрепленную вдоль стены. Вода дошла мне до бедер, и я даже вздрогнула от приятного ощущения тепла. Ступени кончились, я встала на чистый черный песок, и вода теперь доходила мне до плеч, а груди всплыли, словно две стеклянные лодочки. Кожа у меня покраснела от горячей воды, крохотные пузырьки газа слегка щекотали шею сзади под

волосами. Это было истинное наслаждение.

Поверхность воды казалась совершенно гладкой, но сама вода не была спокойной: внутри нее постоянно пробегали какие-то течения, мелкие, но ощутимые, напоминавшие нервные импульсы. В соединении с невероятно ласковым теплом они создавали впечатление, что вода живая — теплое, приветливое существо, призванное ласкать и обволакивать. Ансельм утверждал, что источники обладают целебной силой, и я теперь ничуть в этом не сомневалась.

Джейми направился ко мне, путь его отмечали маленькие волночки. Он взял мои груди и окунул их в воду.

— Тебе хорошо, *mo duinne*? — Он наклонился и поцеловал меня в плечо.

Я подняла обе ноги и прижалась к нему.

— Восхитительно! С августа я впервые так хорошо согрелась.

Он принялся баюкать меня, отступая все дальше и дальше в воду; ноги мои вытянулись у самой поверхности воды, которая обтекала их и ласкала, словно чьи-то добрые руки.

Джейми остановился, повернул меня и усадил на что-то твердое, вроде бы деревянное. В самом деле, полускрытая водой, в каменную нишу была встроена деревянная скамья. Джейми сел рядом со мной и раскинул руки по деревянной спинке позади нас.

— Брат Амброз приводил меня сюда, Чтобы я побыл в воде. От этого смягчаются рубцы, — сказал он. — Здесь чувствуешь себя хорошо, правда?

— Не просто хорошо...

Вода была такая подвижная, текучая, что казалось — приподнимись я на скамейке, и меня немедленно унесет. Я взглянула вверх, туда, где царила черная тень.

— Кто-нибудь живет в этой пещере? Летучие мыши, например? Или рыбы?

Джейми покачал головой.

— Только дух источника, Саксоночка. Вода пробивается из земли через узкую щель вон там, — он указал на стигийскую черноту^[30] в дальнем конце пещеры, — и вытекает на поверхность через множество крохотных отверстий, но, кроме двери, через которую мы сюда вошли, другого выхода из пещеры нет.

— Дух источника? — переспросила я. — Но ведь это нечто языческое, ему нельзя таиться под монастырем.

Джейми с наслаждением вытянулся, длинные ноги двигались под водой, словно стебли водяных растений.

— Как ты его ни назови, он здесь задолго до монахов.

— Да, я это понимаю.

Стены пещеры состояли из гладкого, темного вулканического Камня, похожего на черное стекло, блестящее от влаги источника. Все подземелье напоминало гигантский пузырь, до половины наполненный этой на удивление живой, хоть и стерильно чистой водой. Мне чудилось, будто мы пробрались в самую утробу земли; стоит прижать ухо к каменной стене — и услышишь бесконечно медленное биение огромного сердца.

Мы долгое время молчали, полуплавая в полусне, и невидимые токи воды время от времени сталкивали нас друг с другом.

Когда я снова заговорила, голос мой прозвучал вяло и дремотно:

— Я решила.

— А! Ты, наверное, выбрала Рим? — Голос Джейми, казалось, доносился откуда-то издалека.

— Да. Я не знаю, может быть, там...

— Не имеет значения. Мы сделаем все, что от нас зависит. — Он протянул ко мне руку так медленно, что я никак не могла дождаться, когда же он до меня дотронется.

Он притянул меня к себе, так что чувствительные кончики моих грудей прижались к его груди. Вода была не просто теплая, но тяжелая, почти маслянистая на ощупь; руки Джейми проскользили у меня по спине к ягодицам, обхватили их и приподняли меня.

Он вошел в меня внезапно. Разгоряченные и скользкие наши тела плавали в воде, почти невесомые, но вторжение Джейми было таким твердым и ощутимым, что я коротко вскрикнула, удивленная тем, что вместе с ним в меня проникло и немного горячей воды.

— О, как я это люблю! — вдруг произнес он.

— Что именно? — спросила я.

— Твой этот маленький писк.

Покраснеть было невозможно — я без того была уже вся красная.

— Извини. Я не хотела шуметь.

Он засмеялся, и этот смех отозвался под куполом пещеры глубоким и мягким эхом.

— Я же сказал, что мне это нравится. И это в самом деле так. Твои вскрики, когда ты в постели со мной, я ужасно люблю, и все остальное, конечно, тоже.

Он теснее прижал меня к себе, так что я уперлась головой ему в шею и вскрикнула еще раз.

— Об этом я думал постоянно, — заговорил Джейми, медленно

поглаживая мне спину и лаская бедра. — Ночью в тюрьме, прикованный в камере вместе с дюжиной других мужчин, слушая, как они храпят и стонут и громко портят воздух, я думал об этих негромких нежных звуках, которые вырываются у тебя, когда я обладаю тобой, и мне начинало казаться, что ты рядом со мной, дышишь сначала ровно, а потом все чаще и громче, и когда я вхожу в тебя, ты стонешь, словно принимаешься за свою работу.

— Джейми, — хрипло проговорила я. — Джейми, о, пожалуйста!

— Еще не теперь, *mo duinne*, не спеши. — Он обхватил меня за талию, удерживая крепко и замедляя мои движения. — Еще нет, у нас есть время. И я хочу, чтобы ты застонала, как стонешь сейчас, еще и еще раз. Чтобы ты стонала и всхлипывала, даже против своей воли, чтобы ты вздыхала так, будто сердце твое вот-вот разорвется, и наконец закричала громко. Тогда я буду знать, что тебе было со мной хорошо.

Я оставалась в его объятиях, чувствуя себя бескостной, словно медуза. Мне было все равно, какие звуки вылетают у меня изо рта, но к членораздельной речи я в эти минуты была не способна.

Он снова начал наносить удары.

— Нет, — просила я, — Джейми, нет. Я больше этого не вынесу.

— Ты вынесешь, потому что я люблю тебя. — Голос звучал глухо у меня над ухом, где-то в гуще волос. — Ты вынесешь, потому что я хочу тебя. И на этот раз кончу вместе с тобой.

Бескостная и растекающаяся, почти как вода вокруг нас, я удерживалась только кольцом его объятий. Я крикнула — то был полузадушенный крик моряка, тонущего среди волн. И я услышала его крик, такой же беспомощный, и поняла, что ему со мной хорошо.

Мы пробивались из недр земных наверх, мокрые, все в испарине, разомлевшие от жары и духоты. На первой площадке я упала на колени, а Джейми, пытаясь мне помочь, повалился тоже, и мы лежали босые на беспорядочной труде одежды, беспомощно хихикая. Пьяные от любви, мы стали бок о бок подниматься на второй пролет на четвереньках, больше мешая друг другу, нежели помогая, толкаясь в узком проходе, и наконец рухнули на второй площадке, обнимая друг друга.

Старинное окно в толстой стене не имело стекла и открывалось прямо в небо; свет полной луны омыл нас потоками серебра. Мы лежали, тесно прижавшись один к другому, овеваемые холодным зимним воздухом, и ждали, пока утихнет неистовое биение сердец и выровняется дыхание.

Луна была такая огромная, что почти целиком заполняла окно. Казалось, нет ничего удивительного, что морские приливы и отливы, а также регулы у женщин подчиняются этому величавому светилу, такому

близкому и властному.

Но мои собственные приливы больше не подчинялись этим девственным и чистым повелениям, и осознание этой независимости пробудило у меня в крови ощущение угрозы.

— У меня тоже есть для тебя подарок, — вдруг сказала я Джейми.

Он повернулся ко мне; сильная, уверенная рука провела по моему, пока еще плоскому, животу.

— Ты уверена? — сказал он.

И весь мир открылся перед нами, полный новых возможностей.

От автора

Автор хотел бы выразить признательность: Джеки Кантору, издателю милостью Божьей, чей стойкий энтузиазм в значительной степени обусловил появление этой истории в виде книги; Перри Ноултону, литературному агенту с безупречным вкусом, который заявил мне: «Берись за дело и поведай эту историю, как у тебя получится, а уж мы позаботимся потом о сокращениях»; моему мужу Дугу Уоткинсу — хоть он и торчал у меня за спиной, повторяя: «Если действие происходит в Шотландии, почему никто не говорит: «Hoot, mon?», но все же находил время прогонять наших детей с воплем: «Мама пишет! Оставьте ее в покое!»; моей дочери Лауре, которая с важностью сообщала своему приятелю: «Моя мама пишет книги!»; моему сыну Сэмюелу, который, когда его спрашивали, чем его мама зарабатывает на жизнь, отвечал с осторожностью: «Она все время смотрит на свой компьютер»; моей дочери Дженнифер, то и дело подгонявшей меня: «Поживей, мама! Теперь моя очередь печатать!»; Джерри О'Нейлу, первому читателю и главному болельщику, а также остальным членам моей личной Шайки Четырех — Дженет Макконнеки, Маргарет Дж. Кэмпбелл и Джону Л. Майерсу, который читал все, что я пишу, и таким образом вынуждал меня двигаться дальше; доктору Гэри Хоффу за то, что он выверил все медицинские подробности и объяснил мне, каким образом вправлять вывихнутое плечо; Т. Лоуренсу Тьюохи за консультации по военной истории и костюму; Роберту Рифлу за объяснение разницы между буквицей и брионией, перечень всех видов незабудок и подтверждение того факта, что в Шотландии действительно растет осина; Вирджинии Кидд за то, что она прочла все первые варианты рукописи и вдохновляла меня на продолжение работы; Алексу Крислову за то, что он помог ввести мой текст в электронную память самого большого в мире собрания литературных произведений Компьютерной службы Литературного Форума, а также многим членам этого Форума — Джону Стису, Джону Симпсону, Джону Л. Майерсу, Джадсону Джерому, Анджелине Дорман, Зилджин Квофей и всем остальным за шотландские народные песни, латинскую любовную поэзию и за то, что они смеялись (и плакали) там, где надо.

notes

Примечания

1

Ареола — окрашенный кружок вокруг грудного соска.

Умбиликус (латинское umbilicus) — пупок.

Болас — метательное оружие индейцев Южной Америки: каменные шары, прикрепленные к длинной веревке; метко брошенные, они обматывают ноги бегущего животного и останавливают его.

Мерлин — волшебник из сказаний о короле Артуре.

Речь идет о Каллоденской битве 1746 г., во время которой было разгромлено якобитское восстание в Шотландии 1745–1746 гг.

Цитаты из «Одиссеи» здесь и дальше даны в переводе В. А. Жуковского.

Фингал — легендарный гэльский герой, Бран — его верный пес.

Квартальный день — день арендных и других платежей; в Шотландии таких дней четыре, здесь речь идет о Дне Св. Мартина (11 ноября).

Дерьмо (*фр.*).

День Гая Фокса — 5 ноября; в этот день по традиции сжигают соломенное чучело, изображающее организатора «Порохового заговора» Гая Фокса. Заговор был устроен католиками против короля Якова I в 1605 г.

Иеремия — пророк, именем которого названа одна из книг Библии, полная мрачных предсказаний.

Кассандра — по греческой мифологии дочь царя Трои Приама, пророческим предсказаниям которой никто не верил.

Банши — в шотландской мифологии фея, предвещающая смерть.

Убежище священника — потайная комната («нора»), в которой укрывались католические священники во время преследования католиков.

Протекторат — военная диктатура Оливера Кромвеля и его сына Ричарда в 1653–1659 гг.

Шератоновская мебель названа по имени краснодеревщика Т. Шератона: классически простого стиля и тонкого изящества. У автора здесь допущен анахронизм, так как Шератон в то время, о котором идет речь, даже еще не родился.

Племянница (фр.).

По Евангелию, муж Святой Марии Иосиф получил во сне Божье повеление бежать с младенцем Иисусом в Египет из Вифлеема, где ребенку угрожала гибель от царя Ирода.

Евангелие от Матфея, 26,40.

Моя дорогая (фр.).

Антифонное пение — попеременное исполнение стихов молитвенного песнопения.

Моя красавица (*фр.*).

Епитрахиль — длинный нагрудник, надеваемый священником; во время отправления службы или обряда.

Мой добрый друг (*фр.*).

Начало католической латинской формулы отпущения грехов:
«Отпускаю тебе во имя Отца и Сына...».

Посеет — горячий укрепляющий напиток из молока, вина и пряностей.

По Евангелию Христос накормил пятью хлебами и двумя рыбами несколько тысяч человек.

Викторианским называют в Англии время правления королевы Виктории (1837–1901 гг.). Клэр цитирует кого-то из писателей-викторианцев.

Горгулья — в готической архитектуре окончание водосточной трубы в виде морды фантастического животного.

Стигийская чернота — такая же, как у вод Стикса, в греческой мифологии — реки подземного царства мертвых.